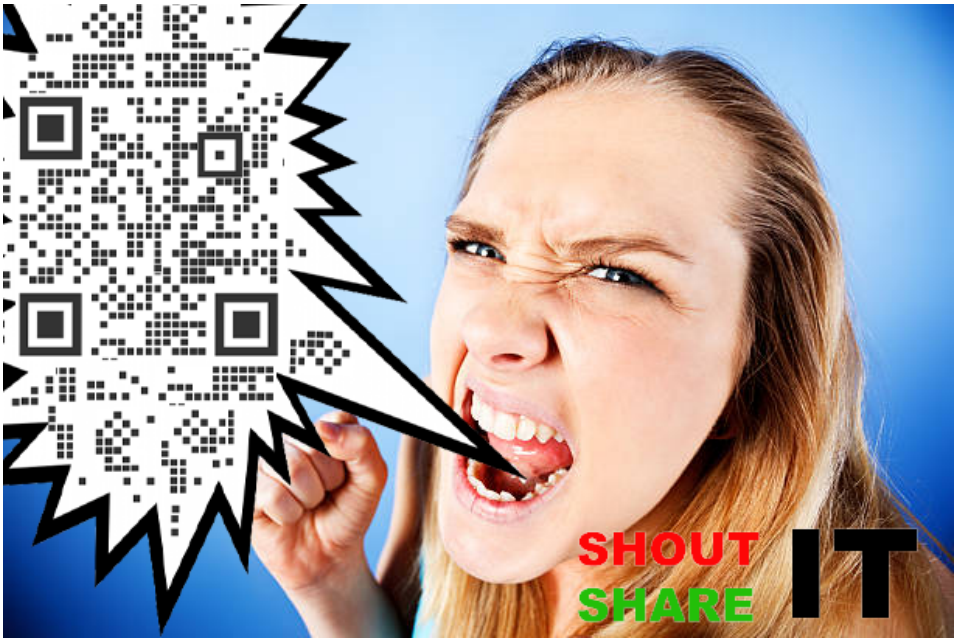
Калинин Алексей
Амулет колдуна


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Не думал обыкновенный домашний кот Иннокентий, что поездка с человеческой семьей обернется путешествием в другой мир. И вроде всё решаемо и можно приспособиться, если бы не нервный колдун, что следует по пятам, если бы не сказочные расы, которые очень не любят людей, если бы каждый встречный-поперечный не стремился досадить тем или иным способом. И неизвестно — удастся ли вернуться обратно или придется сложить усатую голову здесь…

- Алексей Калинин
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Эпилог

Алексей Калинин
Амулет колдуна

Пролог

— Что ты видишь?

— Тощий куст, под которым кто-то наложил огромную кучу.

— А я вижу цветение роз и рой трудолюбивых пчел.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Хочу понять — почему мы по-разному смотрим на одно и то же. Где он?

— Вон улыбается, слева!

— А это точно он?

— Я не первый день за ним наблюдаю. Так что не сомневайся.

— Невзрачный какой-то. Не думаю, что сможет выдержать.

— Твоя забота не думать, а делать как надо. И не подведи меня, как прошлый раз.

— Все будет в лучшем виде, не беспокойся!

— Надеюсь! Начали!

Глава 1

На перроне вокзала трое задумчиво глядели вдаль.

Они вяло переговаривались между собой, а я выглядывал из контейнера для перевозки животных. Пластиковую камеру заточения держал в руках молодой человек, который изредка обращался ко мне:

— Кеша, тебе там удобно? Не мешает тряска? Ну, потерпи-потерпи, скоро поезд приедет, тогда вволю набегаешься по купе. А сейчас представь, что ты готовишься к полету в космос и помещен в центрифугу. Ты сейчас суперпуперкосмонавт — Иннокентий Гагарин.

После таких одобряющих слов шалун вращает ящиком из стороны в сторону. От этой болтанки я запеваю истошным голосом, лапы упираю в стенки, а пушистым хвостом старательно буравлю потолок. Стараюсь исполнять арию тореадора из оперы «Кармен», пою громко, но противно — зато от тошноты спасает и привлекает внимание других двуногих. Моё сольное выступление прекращается вместе с остановкой ящика, когда Маргарите Павловне надоедают мои слезовыжимательные серенады, и она командует прекратить:

— Павел, вот стошнит кота, тогда сам будешь рвоту со штанов отстирывать! А ты их и не поносил ещё толком. Вот что значит — сам не заработал!

— Мам, ну Белка и Стрелка летали в космос, почему же Кешке не полететь? Или хотя бы не подготовиться? — ответил настырный мальчишка.

— Пашок, слушай Маргариту! Котов сейчас не пускают в космос — их жалеют, для космоса люди есть. Так что не перечь и не канючь, и без тебя тошно! — подключился к разговору глава семейства.

На короткое время я получал передышку, пока Павел не начинал исподтишка покачивать контейнер. Нашел Белку и Стрелку в одной кошачьей морде, испытатель доморощенный!

Сунуть бы изобретателя пластиковой переноски в его творение и отдать на забаву Павлу, вот тогда в этом душном ящике и туалет появился и стенки, войлоком обитые, и самое главное — возможность по-тихому слинять. Однако, это всё мечты, а в реальности я болтаюсь в метре над землей, и терпеливо жду прибытия поезда до Сочи.

Ой, вы столько уже прочитали, а мы ещё не познакомились. Итак, здрасте! Я — кот Иннокентий, для домашних Кешка, а для разных злопыхателей «полосатая зараза» и «дрянь подзаборная».

Я из благородной семьи египетских котов серой окраски, что нежатся и купаются в молоке и сметане. А то, что меня подобрали на улице маленького, грязного и исхудавшего, так это лишь происки врагов и стечение обстоятельств. Сам не помню, но много раз представлял, как злые бандиты выкрали с целью выкупа наивного котенка. Однако я каким-то чудом сбежал от коварных разбойников и успешно заблудился. Ведь иначе же не может быть! Павел иногда снимал на телефон, как я во сне борюсь с врагами. Судя по моей умильной морде — я всегда побеждал.

Когда Павел принес котенка домой, домашние встретили громогласными возгласами радости на странном языке (позже я узнал, что этот язык называется «мат»), и другими выражениями счастья. Они выказывались в спринте по пересеченной местности (в частности — по квартире) за моей скромной персоной с предметом уборки в руках (в частности — веником). Впрочем, упрямый Павел смог отважно отстоять мое право проживать на жилплощади, за что я ему несказанно благодарен и по сей день.

— Семён, ты посмотри на нашего сына! Он сейчас опять начнет крутить кота, весь в тебя, такой же непослушный! — послышался голос Маргариты Павловны. Я внутренне сжался, как монгольский партизан на допросе.

— Паштет, хорош Кешку мучить! Так не поступают настоящие пионеры, — проговорил глава семейства. — Я в твоем возрасте скворечники мастерил, и планеры запускал, а не мучил котов и родителей.

— Па-а-ап, так пионеров нет давно! — возразил мой наставник по полетам в космос.

— Это не повод вертеть кота! В общем, не нервируй меня, Муля! — грохнула мама Павла так, что ящик опустился чуть ниже. Это Павел присел от громогласного голоса, однако переноска снова начала поворачиваться.

Позволю себе украсть минуту вашего драгоценного внимания и написать про своего непослушного друга. Павел, чудо четырнадцати лет, в связях порочащих его замечен не единожды не только мной, но и нашим инспектором по делам несовершеннолетних. Красуется в новеньком джинсовом костюме, купленном накануне, и бежевых кроссовках, которые я заприметил для своей лютой мести. Этакий щеголь сельского разлива. Характер спокойный, нордический — когда спит, а во время бодрствования окружающим кажется, что у него вечное шило в одном месте. Лицо лунообразное, веснушчатое и курносое, глаза карие, то веселые, когда затевает какую-нибудь пакость, то невинные и скромные, когда его ловят, а наказание по

имени «Папазол» вытаскивается из шкафа, поблескивая пряжкой.

В целом, Павел мало хулиганит и задирается, но всегда заступается за слабых и немощных. Если этот слабый живет на нашей улице, и отстегивает малую толику из своих денег на завтраки в пользу голодающей крыши в лице Павла Семеновича. Кстати, что там эта «крыша» прошептала? «Три, два, один?»

Извините, секундочку, — МЯЯЯЯ-ААА-УУУ!!! Торе-е-е-адор, смяу-ле-е-е в бо-о-ой!

— Павел, перестань мучать кота! — с ленивой интонацией протянул отец Пашки.

Мелькание цветных картинок и бушующая центробежная сила тут же стихли. Отец семейства удовлетворенно прочистил обе ноздри, из джинсового костюма вылез носовой платок и элегантно обтер слегка осопливленные пальцы.

Семен Алексеевич Латуфьев заслуживает отдельного разговора, «да под поллитра, да под хорошую закуску» — как обычно он говорил соседу, предлагая поддержать дружескую беседу. Сосед последнее время открещивался, ссылаясь на вечную занятость, но я-то знаю, в чем скрывалась истинная причина отказа. В тот теплый апрельский вечер «наказание с блестящей пряжкой» впервые использовалось Маргаритой Павловной не для внушения Павлу норм этикета, но для объяснения дорогому соседу правил поведения с главным добытчиком семьи. Сам «главный добытчик» спал в тарелке с макаронами и не мог внести веские аргументы для защиты соседа в конструктивный диалог.

— Маргоша, может, я мухой слетаю до ларька? Отпуск всё-таки, а я сухой как лист! — без особой надежды на успех обратился Семен Алексеевич к своей дражайшей половинке.

Он работает слесарем-сантехником в местном ЖКХ и считается обладателем «золотых рук», а по дням аванса и зарплаты еще и «бриллиантового горла», если жена не успеет отобрать получку.

— Ага, улетишь-то ты мухой, под ней же и вернешься, а нам ещё твой храп и перегар два дня терпеть. Нет, когда доберемся до места, обустроимся, искупаемся, тогда и…

— Тогда и домой уже пора будет собираться, и весь отпуск пойдет насмарку, — буркнул Семен Алексеевич и отвернулся, надувшись как воздушный шар.

— Не бурчи, в кои-то веки выбрались дальше дачи, а ты по привычке норовишь наклюкаться и завалиться спать. Терпи, на вот минералки попей. Ну не хочешь, как хочешь, — послышалось шипение бутылки и следом мощные глотки.

Ну и наконец, самая главная в семье, самая большая и сильная, самая великолепная и неповторимая — Маргарита

Павловна. Неповторимым является пронзительный голос, когда она сердится или делает внушение — скрежещущий, пробирающий до глубины души фальцет вступает в полную силу. В таких случаях я убегаю и прячусь под матрасами или зарываюсь в подушки, если конечно там не занято Павлом. Глаза серого, стального цвета, румяные щеки, нос картошкой — в целом вид нормальной русской женщины, как о них грезят иностранцы (это я в какой-то передаче видел). Химическая завивка напоминает комок медной проволоки, и на солнце горит ярче лазерной указки. Такая штучка есть у Павла, и иногда забавляюсь с неуловимым пятнышком, а один раз он поиграл в доктора, и проверил меня на светочувствительность. Я тогда ослеп и полдня ничего не видел, собирал лбом углы и истошно орал, пока зрение не вернулось, зато из-за моего ответа ему пришлось выкинуть любимые ботинки. Ой, ладно, кто старое помянет, тому в глаз лазерной указкой…

Вот снова отвлекся, но поймите правильно — когда приходится молчать (из-за непонимания двуногими особями нормального кошачьего языка), накапливается куча слов, мыслей, претензий. Так вот, Маргарита Павловна женщина прямая, уверенная в себе, из тех, что тянет на горбу всю семью, держит под строгим контролем домашних и никого не боится. Семен Алексеевич любит рассказывать, как она расправилась с двумя матросами, которые пожелали огорчить её кавалера на танцах. Он не говорил, как звали кавалера и почему-то заливался краской, когда спрашивали об имени этого хлюпика. Зато с огромной гордостью демонстрировал боевой трофей, который теперь служит предметом увещевания Павла.

Латуфьева работает бухгалтером в том же самом ЖКХ, что и муж (поэтому «бриллиантовое горло» редко смазывается). Именно по её инициативе мы находимся на вокзале. Маргарита Павловна выбила, или вернее все же будет сказать — выкричала, путевки на отдых, и начальник вынуждено их дал, так как беруши в этот раз забыл дома. Скомканная бумага вовсе не спасала от разрушительных децибелов, а медленно тлела в волосатых ушах.

Меня тоже взяли с собой, все же я полноценный член семьи и жизненно необходим в путешествии как мудрый наставник и руководитель. Хотя что-то подсказывает, что меня банально не с кем оставить — почти всем соседям я в той или иной степени досадил, а оставлять дома одного чревато последствиями.

Один раз, в качестве наказания, оставили одного… но в свое оправдание могу сказать, что Латуфьевы давно собирались делать ремонт, да всё откладывали, а я их к этому ненавязчиво подтолкнул. Конечно же, я простил, и последующую ругань

стерпел со смирением святых — такие уж мы, коты, по натуре незлопамятные. Отомстим и забудем… если не забудем, что уже отомстили.

Пока я вам это рассказывал, перрон оживился. Люди подходили к прибытию поезда, неспешные, неторопливые, задумчивые… К нам подошла соседка по дому Екатерина Николаевна:

— Марго, ты тоже собралась косточки погреть? Ну, надо же, и семью прихватила, и блохосборник не забыла взять!

До чего же вредная особа, ну подумаешь, один раз царапнул до крови, так сама виновата — нечего об меня руки вытирать. Нашла, понимаешь, тряпочку! И ведь ещё удивляется так натурально — им же вместе путевки давали, вчера собираться помогала.

Маргарита Павловна почему-то также громко ответила:

— Катрин, какой сюрприз!!! Да вот наконец-то собрались немного мир посмотреть, а то все дома, да дома. А ты тоже с нами? Ой, как здорово, а почему без благоверного?

Так, стоп, кажется, понял — это такая специальная манера общения, ориентированная на. Пусть смотрят и слушают, завидуют и облизываются. Две взрослые дамы, как любит говорить Павел, «понтуются на песке» или выделываются, проще говоря.

Я заметил данную особенность не только у людей — у соседского кота Васьки понты составляют саму суть жизни. Жаль меня забрали как раз накануне профилактической беседы. А ведь я лишь собирался доказать полное несоответствие его философских взглядов на окружающий мир с действительной реальностью путем вырывания половины усов и рунического татуажа вечно поднятого носа. То есть хотел настучать по сопатке, а меня забрали в поездку. Однако я обещал вернуться, хотя он истошно орал вдогонку, что «Кешка — трус и побоялся выйти на поединок». К сожалению, в тот миг я сдерживал приступы тошноты из-за неожиданно заработавшей «центрифуги», чтобы достойно ответить. Впрочем, запомнил все тезисы, что пришли на ум, и при личной встрече обязательно выложу их на надменную морду.

Тем временем фарс под названием «мы на море — вы пашите» пошел на второй виток развития. Катрин удивленно распахнула глаза и жеманно сложила губки куриной гузкой:

— Марго, ну кто же в Тулу ездит со своим самоваром? Мой-то дома остался, деньги зарабатывает, доверяет — поэтому и отпустил одну. Ох, как бы ни пожалел! Вот украдут меня там горячие южные парни, будет потом локти кусать.

Зная её мужа, могу с уверенностью сказать, что он пробил потолок, радуясь привалившему счастью. А если Катрин еще и украдут, то он никаких денег не пожалеет, лишь бы не отпускали. И уже горячие южные парни будут ногти сгрызать до самых локтей и деньги вагонами грузить, лишь бы муж забрал обратно свою «благоверную».

Маргарита Павловна сделала вид, что не заметила подколку:

— А мне похищение не грозит, мои мужчины любым южанам накостыляют. Помнишь моего сыночка Павлика? (Как же не помнить — он вчера у неё в «подкидного» сто рублей выиграл). И муж мой — Семен, с такими орлами ничего не страшно.

«Джинсовые орлы» гордо выпятили цыплячьи грудки, Павел даже на цыпочки встал, чтобы казаться выше.

— Здрасте, Катерина Николаевна. Мы с папой маму в обиду не дадим, всем по ушам достанется. А почему вы Кешку блохосборником назвали? Он у вас блох собрал? Тогда мы к вам больше пускать его не будем, нам лишнего не надо.

За это он получил немую благодарность от меня и более звонкую словесную оплеуху от матери.

— Павел, мы еще поговорим на эту тему дома, а пока не встревай во взрослые разговоры. Лучше слушай и молчи — умнее покажешься!

Как-то по телевизору показывали, как зреют яблоки, как они наливаются красным цветом — довольно интересно смотреть, особенно в ускоренной съемке. Теперь же похожая метаморфоза происходила и с лицом Катрин. Краска залила лицо до корней волос и дальше остановилась в раздумьях - стоит ли дальше соваться или оставить всё как есть?

Волосы, окрашенные хной, не желали переходить в более яркий и насыщенный цвет, поэтому уговорили остановиться захватчика и не переходить в крайности — все же солидная дама, а не малолетка-эмо. Катрин набрала в грудь больше воздуха, чтобы перейти на завершающий виток общения, но гудок поезда прервал благое начинание.

Огромный серый змей, медленно подбирался к нам, сверкали на солнце многочисленные стекла глаз, малиновая полоса на середине борта изгибалась как странный узор. Мерно стучали колеса, постепенно замедляя ход. Вся эта громадина внушала уважение своими размерами. Люди замерли, как кролики перед удавом, и молчаливо смотрели на подползающего полоза. Он остановился в своем блеске и великолепии, пшикнул в последний раз, и оцепенение спало с присутствующих, а тут еще и какая-то тетка противно и громко прокричала, что поезд стоит недолго, поэтому не прощелкайте. Может, кричала другими словами, но

смысл тот же.

Широкая платформа превратилась в муравейник, где шевелилось все и у всех. Разноголосый гул хлынул волной, словно кто-то снял с паузы просмотр фильма, и жизнь завертелась дальше.

— Ай, мужчина, не щипайтесь!

— Извините, я нечаянно.

— Ну вот, а я думала, что с серьезными намерениями! Все вы, мужчины, одинаковые…

— Эй, ты что в кармане ищешь?

— Да кошелек никак не могу найти!

— Чудак, так ты в своём ищи, у меня-то жена в другое место деньги зашила! И отодвинься, а то не дай Бог зашибу за такие шалости.

— Паша, следуй за папой и не отставай! Мужчина, отойдите в сторону, а то нечаянно наступлю на вас, вряд ли вам нужен перелом в трех местах, — на весь перрон раздался голос Маргариты Павловны.

Я видел только руки, сумки, ноги. По стенкам переноски постоянно стучали и царапали — Павел прорывался в вагон.

Хотя поезд стоит двадцать минут, но стремление зайти первым и занять главное место у окна присуще всем. Неважно, что пассажиры рассядутся согласно купленным билетам — само осознание того, что ты вошел и сел первым, даже если потом сгонят с чужого места, подталкивает людей к физкультминутке в виде работы локтями и коленями. У людей в крови стремление к первенству.

Какая-то тетка в синем костюме наслаждалась своей властью над будущими пассажирами, проверяла билеты и отшугивала лезущих без очереди. Ее надраенные лычки пускали шаловливых зайчиков по серому перрону, заставляли жмуриться и протирать глаза. И тут она обратила взор, полный праведного гнева на мою скромную персону:

— У вас кот привитый? Не лишайный? Блохами и паразитами не страдает? А то проводи потом после вас дезинфекцию.

— Нет, Кеша — домашний кот, на улицу его не выпускаем, даже кастрировали, чтобы не рвался гулять! — честно, даже не моргнув глазом, соврал Павел.

Я понимаю, что он соврал из лучших побуждений, чтобы не было проблем с дальнейшими расспросами, но поставил галочку на память — еще три косяка с его стороны и снова придется выкидывать любимую обувь. Это же надо так меня унизить! Пусть никогда больше не увижу эту тетку, но она может другим рассказать, а те третьим — так и докатится до нашего двора, где я

с малых когтей завоевывал авторитет. А нам еще возвращаться!

Нет, сидение в камере-переноске не лучшим образом сказывается на измученных нервах.

Наконец-то погрузились, и, честно говоря, я был в шоке от нашего Семена Алексеевича. Втащить три баула а-ля «мечта оккупанта» и при этом ни разу не вспомнить про тещу в матерном эквиваленте — это верх сдержанности, хотя в глазах были написаны высказывания на этот счет. Ведь именно теща подбила взять с собой все ненужное на Юге, но так необходимое для хорошего времяпрепровождения на Севере. Тот факт, что мы едем по путевке «все включено» и для поездки достаточно мыльно-рыльных принадлежностей и купальника, ни капельки не смутил ее:

— Ты всегда против меня, и куда глядели глаза, когда отдавала свою малышку? Сейчас такая переменчивая погода, что не угадаешь, как она себя поведет, вот идет потепление, а в следующую секунду наступит похолодание. Поэтому нужно быть готовым ко всему, берите и без разговоров!

У мамы и у «малышки» одинаковый диапазон голоса, и когда в разговор вступила и Маргарита Павловна, то спор решился не в пользу разума. Двух сирен в одном помещении Семен Алексеевич не вынес и согласился, скрепя сердце и скрипя зубами.

Наконец наша семья смогла пробиться сквозь людскую массу, и оказалось, что в купе поедем не одни. Меня поставили на небольшой столик у запыленного окна, и я тут же состроил умную морду, и уныло посмотрел на провожающих. Всегда грустно уезжать, даже если знаешь, что возвращение неизбежно. Хотя грусть возникла еще и от того, что давно пора прогуляться до ближайшей песочницы, но в азарте переезда об этом позабыли. С физиологией трудно спорить, все равно свое возьмет, но надеюсь, меня выпустят раньше ее победы. Второго контейнера не взяли, так и придется ехать в одном — ужасно не хочется вдыхать пары триумфа матушки-природы.

Вот и перрон опустел, и провожающих вытолкали из вагонов, наступила благоговейная тишина, как перед нашествием урагана. Через секунду послышалось шипение такой силы, что я не утерпел и стал искать взглядом роту котов, которым наступили на хвост. Не найдя искомых, я слегка успокоился, за что сразу же и поплатился — раздался ужасающий рев, словно у ненайденных мной котов, без заморозки, отняли самое дорогое. Я хотел пи-пи, но чуть не сделал… В общем не сделал, но испугался здорово.

Ревом обозначился сигнал к маханию руками и платочками, к заверениям в вечной любви и огромном уважении, к перечислениям имен и фамилий, а также родственных связей,

которым обязательно нужно передать приветы, в общем, к массовому психозу, какой бывает при отправлении поезда. Затем стол под переноской ощутимо дернулся, и платформа побежала прочь вместе с вокзалом и провожающими. Мы поехали, и вот Павел наконец-то взял меня с собой в уборную. Жизнь понемногу налаживалась.

* * *

Наш спутник, сухонький старичок благообразного вида, забился в угол при виде Маргариты Павловны и, судя по виду, не собирался вылезать оттуда до конца поездки, чтобы не рисковать. Прекрасно его понимаю, хотя наша хранительница добра и нежна где-то глубоко внутри, на вид воспринимается как воительница из Амазонии, причем очень голодная и злая.

Единственное насторожило то, как он попал в вагон раньше нас. Основная толкающая сила, подобно ледоколу, оставив за бортом остальных пассажиров, увлекла всё семейство за собой, и мы первыми просочились в вагон. Однако когда Павел просунул мою переноску в купе, для того, чтобы убедиться, что все в порядке и хищников на полках не присутствует, этот старичок мирно сидел и читал местную газету.

Вошедшая за Пашкой Маргарита Павловна, казалось, сразу же заполнила собой купе и если добавить к этому громкие приказы мужу, то ясно, почему наш сосед прикинулся наволочкой от подушки. Светлый парусиновый костюм из дореволюционной эпохи и субтильное телосложение позволяли это сделать. Длинный нос придавал старичку сходство с нахохлившейся обиженной птицей.

Вторым, после носа, отличием от подушки, являлась побрякушка на шее — амулет в форме звезды с множеством разноцветных лучей. Одни лучи короче, другие длиннее, похоже на солнышко, каким его рисуют дети. В центре изображена морда кота, что сразу вызвало у меня симпатию к этому «парусиновому» типу.

Однако, как только вещи легли на верхние полки, Семен Алексеевич тут же обратил внимание на присутствие в купе постороннего предмета и по-партизански вложил его взглядом дражайшей половинке. Когда та не поняла, он тактично вымолвил:

— Маргоша, ты пока не переодевайся, мы тута не одни!

Маргарита Павловна резко развернулась и своей мощной грудью едва не вынесла супруга в коридор, муж едва успел

зацепиться за ручку на лежанке. Мать Павла всегда с подозрением относилась к случайным попутчикам, тем более, если они могли составить компанию Семену Алексеевичу в злоупотреблении и распитии. Внешний осмотр удовлетворил ее и, так как путь длинный, а Катрин упорхнула в своё купе строить глазки какому-то дядьке с большими усами, Маргарита Павловна решила познакомиться поближе:

— Добрый день, дедушка, надеюсь, мы не очень сильно потревожили ваш покой? Вы с нами до конца едете или раньше будете выходить?

А сама демонстративно спрятала кошелек в сейф между молочными железами, давая понять, что ворам ловить в этом вагоне нечего. Хорошо, что она стояла спиной к Семену Алексеевичу и не видела, как страдальчески скривилось лицо, но мне-то хорошо видно, как в его глазах тает надежда стибрить «полтишок на пиво».

— Гангурам азкинон, донрег кенау!!! — громогласно раздалось из угла.

Я аж подпрыгнул от неожиданности — такого могучего баса ну никак не ожидал услышать от «Божьего одуванчика», как впрочем, и остальные. Слегка на выкате глаза Семена Алексеевича и вовсе вылезли из орбит и, цепляясь ресничками, полезли на лоб, но в пути устали и неспешно вернулись на свои места.

Вихры моего друга наконец-то перестали топорщиться в разные стороны, а дружно вытянулись вверх, то же самое произошло и с моей шерстью. Одна Маргарита Павловна осталась стоять ровно, незыблема как айсберг, о который споткнулся «Титаник», единственно, у нее озадаченно поднялась левая бровь.

— Это кого ты назвал «гангреной языкастой», сморчок неадекватный? Нет, вы посмотрите люди, к нему как к человеку, с уважением к возрасту, а он обзываться начинает, — голос Маргариты Павловны начинал набирать обороты.

Я по привычке оглянулся в поисках дивана, но, вспомнив, где нахожусь, смирился и решил наблюдать за развитием происходящего, однако на всякий случай зажал уши лапами, чтобы не получить контузию. Павел начал приглядываться к коричневой полке, на глазок прикидывая расстояние до пола.

— Должен пролезть, — пробурчал мальчик себе под нос, — главное, чтобы голова пролезла.

Старик закашлялся и опустил голову вниз, похлопал себя по груди. На самом-то деле он что-то повернул на побрякушке и ощутимо нанесло холодным ветерком. Увидел и почувствовал только я один, остальным было не до этого. Когда же он

прокашлялся и поднял голову, наша родная фурия как раз запаслась большим количеством воздуха, чтобы вылить очередную порцию праведного гнева на неблагодарные седины.

— Прошу прощения, многоуважаемая хранительница домашнего очага, за то, что ввел вас в такую ярость родной речью, я забыл, что нахожусь в другой стране, и вы не понимаете моего языка, — сказал старичок приятным баритоном, ничем не напоминающим тот рык, что прозвучал недавно. — Прошу Вас не понять меня превратно — я лишь пожелал здоровья и благополучия, хотя, судя по Вашему румянцу и жизнерадостному виду остальных членов семьи, мои пожелания излишни. У Вас и так все прекрасно, и я буду счастлив, если и в дальнейшем на Вас и Вашу семью будет изливаться лишь покой и благоденствие.

— Ух, вы прямо как наш начальник говорите, когда зарплату задерживают. Вы уж простите, дедушка, с этой кутерьмой да сборами совсем нервы сдали. Так я интересовалась — вы с нами едите до конца, или раньше выйдете? Так не хочется менять спутников, особенно когда к ним привыкаешь, — витиеватой речью старик растопил гнев Маргариты Павловны, что не могло не радовать, и с мужской стороны послышался еле слышный выдох облегчения. Я тоже непроизвольно выдохнул и отнял лапы от ушей.

— Скорее всего, я с вами проследую до конца, о великомудрая правительница мыслей благороднейшего мужа, мне на старости лет захотелось развеяться, и я буду рад, если смогу скрасить время путешествия в такой приятной компании, — старичок продолжал петь соловьем, все более и более остужая пыл нашей «великомудрой».

Она слегка раскраснелась и окончательно растаяла. Вот что с женщинами комплименты делают — это она ещё меня в марте не слышала… То есть слышала, но не понимала.

— И мы будем рады провести время с пользой — так хочется расспросить вас о чужих краях, обычаях. А то сидим как сычи в гнезде и не видим и не слышим ничего, кроме телевизора. Хочется из первых уст услышать заграничные новости, что там да как? Меня зовут Маргарита Павловна, это мой муж Семен Алексеевич и наш сын Павел.

— Для своих — Паштет! — протянул руку Павел. — А это наш кот Кешка, если у вас есть лишняя еда, то он тоже будет рад помочь в ее истреблении.

После этого мужская часть нашей семьи расслабилась, и Павел даже выпустил меня из плена, куда вновь недавно заточен после посещения санузла, дабы не путался под ногами. И я с рвением Миклухи-Малая приступил к исследованию непонятного

объекта, который все заливался и заливался.

Как оказалось: и зовут-то его Железер Молния, и в нашей стране-то он впервые, и русский-то знает от своей прабабушки, которая умчалась заграницу в годы революции и до сих пор живаздорова. Железер Молния — надо же имечко выдумать, вот бы мне такое, а то все Кешка да Кешка, и иногда «хмырь полосатый», а вот если бы Иннокентий Гром или Кешуэль Гроза…

Пахло от нашего спутника луговыми травами, пылью и еще одним резким запахом, с которым у меня связаны крайне неприятные воспоминания.

Как-то во время ночной вылазки по чужим садам, я забрался в большой сарай. Он очень похож на курятник, и я решил устроить себе праздник пуза, стащив цыпленка, или яйцо. Какое же постигло разочарование от ошибки, когда существо великанского роста схватило зубищами мой хвост и подтащило с ознакомительной целью.

Правда я исследовательского порыва не оценил и оставил клок шерсти в гигантских зубах, зато вырвался на волю. Отбежав на безопасное расстояние, я оглянулся и обозрел животное на четырех мосластых ногах с вытянутой мордой и выпуклыми глазами, что помахивало длинным хвостом. Оно фыркало, шумно топало и, когда я захотел забрать клочок шерсти (стараюсь никогда не оставлять следов), вскинуло голову и заржало с такой силой, что меня вынесло за дверь одной звуковой волной. Больше в этот «курятник» я соваться не рисковал. Запах и название существа — «лошадь» запомнил на всю жизнь. Вот и от Железера пахло лошадьми, может он конезаводчик какой, или в поло гоняет, кто их разберет этих иноземцев.

— А может, за знакомство смочим горло? По чуть-чуть, чтобы облегчить путь и чтобы поменьше трясло, — подмигнул Семен Алексеевич Железеру.

— Да-да, конечно, досточтимый Семен Алексеевич, — старичок потянул из внутреннего кармана фляжку, но наткнулся на ледяной взгляд Маргариты Павловны и поспешил исправиться. — Однако я обещал своей супруге до конца пути нини, поэтому не смогу составить вам компанию.

Семен Алексеевич подталкивал глазами руку Железера, но под леденящим взглядом Маргатиты Павловны благородный призыв к братанию народов и наций умер в зародыше. Он горестно вздохнул и отсел обратно, обиженно уставившись в окно.

А Павел расспрашивал старичка об его родной стране, об обычаях и нравах, оно и понятно — дальше областного центра мы не выезжали, все сведения получали от телевизора, а там лишь

четверть правды, все остальное сказка. Железер же охотно отвечал на все вопросы, но рассказывал почему-то не о современности, а о каких-то исторических событиях, то и дело в его речи проскальзывали «варвары», «рыцари» и другая галиматья в том же духе. Я задремал под стук колес да под неспешный говорок старичка.

— Железер, а чем вы занимаетесь в своей стране? И какие у вас трубы ставят на воду, чугунные или металлопластик? — подключился к расспросам Семен Алексеевич. Ответить на этот важный вопрос старик не успел. Вновь нанесло холодом, и дверь купе распахнулась.

На пороге появился еще один старик, по древности лет похож на Железера. У нас сегодня наметился слет старых натуралистов? Я к чему спрашиваю: пахло от него также как и от нашего спутника — травами и дорожной пылью. Правда, наносило еще прогорклым жиром и каким-то противным медицинским запахом.

Наряд, в смысле вкуса, оставлял желать лучшего: желтый балахон с вышитыми цаплями и лягушками, дополнялся красным ночным колпаком с бумбончиком. Бумбончик то и дело падал, закрывал то правый, то левый глаз, и старику приходилось вскидывать голову, чтобы убрать надоедливый шарик. Седая борода, любовно заплетенная в косички, спускалась ниже пояса и шевелилась сама по себе, без участия ветра. Еще раздавалось какое-то потрескивание, словно искрила неисправная розетка, или я искры пускал.

Из любой толпы его выделяли горящие зеленым сигналом светофора глаза. Вот этими полыхающими очами он и обвел нашу небольшую компанию, задержал взгляд на Железере. Тот съежился под взглядом и попытался пройти сквозь стену, но стена оказалась упорной и несговорчивой, так что все его усилия пропали втуне. Настала немая сцена, очень беспардонно прерванная словами нашей хозяйки.

— Дедушка, вы ошиблись, и ваше купе дальше по коридору. У нас все места заняты! — сказала Маргарита Павловна — И мой вам совет — прекращайте курить, у вас и так глаза зеленые.

Причем здесь курение и светящиеся глаза, я до сих пор не могу понять, но хозяйка старше и ей виднее. Резкие слова оторвали нежданного гостя от любования Железером, и он медленно шагнул к нашему спутнику, не отводя зеленых перископов от намеченной цели.

— Отец, ну куда ты намылился, тебе же громко и по-русски сказали — мест нет, и не предвидится, может помочь найти купе? — Семен Алексеевич умел быть строгим, когда нужно, а тем более, когда исчезла надежда на сокращение дороги путем

братания и распития.

Старик в балахоне не обратил внимания на слова Семена Алексеевича и продолжал надвигаться на съеживающегося Железера. Потом негромким голосом зеленоглазый старец что-то непонятное пробормотал, и пришло ощущение дискомфорта.

— Гарам, туавринот кохдан!

Маргариту Павловну зеленоглазый старик отодвинул в сторону, как надоедливую мушку, и та остолбенела с открытым ртом. Заодно волна оцепенения накрыла и нас, я застыл на коленях у Пашки, не в силах пошевелить кончиком хвоста.

Поезд въехал в тоннель, в купе потемнело, вспомнились безлунные весенние ночи, когда моим песням внимали благосклонные слушательницы, а затем благодарили, как могли. Порой случались и неблагодарные слушатели, что не в силах оценить моих блестящих вокальных данных, так и норовили запустить чем-нибудь тяжелым.

— Кароноат, грундерон тарован, — послышался жалобный голос Железера.

Светящиеся глаза продолжали движение. В зловещей тишине, разбавленной стуком колес, в купе творилось что-то непонятное, и даже мое хваленое зрение, не могло что-либо прояснить.

— Харутим тосгеан тожданро!!! — послышались гортанные слова, затем возник глухой звук удара, и в это время я почувствовал, что хвост обрел подвижность.

Ни мгновения не сомневаясь — правильно поступаю, или лучше сидеть тварью дрожащей, я прыгнул на странного визитера и ударил его лапой. Вернее собирался ударить, так как в полете вновь напало оцепенение и, лишь слегка зацепив когтем за какой-то шнурок, я плашмя шлепнулся на пол.

Металлически дзенькнуло, вновь пахнуло ледяным холодом и кислотные глаза исчезли. Вмиг посветлело и оказалось, что мы давно уже выехали из тоннеля и… поезд застыл на месте, так как стука колес я не слышал, и картинка за окном не менялась.

В окошко купе заглянуло солнце, обозрело открывшуюся картину и стыдливо спряталось за облаком. Желание подвинуть солнце и спрятаться вместе с ним возникло и у меня, когда увидел, что осталось после визита старика в желтом балахоне. Маргарита Павловна и Семен Алексеевич застыли в позе, в какой их оставил загадочный визитер.

В купе шевелились обалдевшие глаза Пашки, мой хвост и борода Железера, которую обмакнули в красную краску. Краска оказалась кровью, что вытекала из-под торчавшей в груди рукояти кинжала. Стальной зуб переходил в короткую ветку, которую обвивала небольшая змея, в зубах гада блестел круглый

шарик с выбитым орнаментом. Казалось, что змея пытается проглотить шар, и по рубиновым глазкам нельзя сказать, что он ей по вкусу. Судорожные вдохи Железера придавали гадине живой вид, и я на мгновение застыл в ожидании, что она бросится на меня, выплюнув надоевший шарик.

— Дядя Железер, а что произошло? Куда этот старик подевался? Мама! Папа! Что с ними, почему они не шевелятся? — волна вопросов захлебнулась, лишь только взгляд Пашки упал на рукоять. — Дядя Железер, вам в больницу надо, сейчас я за проводницей сбегаю.

— Не надо, Павел, мне все равно не поможешь, а время мы потеряем. Скоро Гарион вернется за амулетом, который отбило ваше храброе животное, — еле слышным шепотом выговорил Железер. — Ты должен спасти Кирию… повернешь розовый луч и попадешь в мой мир… найди Кристана… он расскажет. Торопись, мой мальчик, осталось так мало времени…

После этих слов Железер последний раз вздохнул и распался водой, «парусиновый» старик с крючковатым носом превратился в обыкновенную лужу. Я подошел и понюхал, вода как вода, только пахнет чем-то незнакомым. Обидно! Ведь только принюхался к нему. И змейку забрал с собой, мог бы и оставить на добрую память. Посреди лужи лежал блестящий амулет, но и тот почему-то без двух лучей — на их месте торчали обрубки, как наполовину съеденные кариесом зубы. Из центра всё также нахально пялилась морда кота.

Павел поднял упавшую на пол челюсть и кинулся тормошить родителей, но те не реагировали. Я тоже внёс свою лепту в это благородное начинание и даже сделал стрелку на колготках Маргариты Павловны, за что раньше схлопотал бы по ушам, но сейчас мои шалости не возымели никакого воздействия.

Я замер, когда увидел за окном странную ворону. Не подумайте, что я такой дикий и впервые вижу это пернатое чудо. Нет, в свое время их громкоголосое племя доставило мне немало неприятных минут, особенно в борьбе за территорию на крыше. Однако, эта ворона висела в воздухе, ни на что не опиралась и даже не болталась на лесках, как один известный фокусник. Я протер глаза, думая, что какая-то шутка и неизвестный шутник повесил нам на окно фотографию. Но нет же — ворона объемная, и я могу добыть себе ужин, не прилагая никаких усилий, но пока как-то не до этого.

— Папа! Очнись! Я нашел стольник, пойдем по ситру вдарим? Мама, а знаешь где у папы заначка? — слышался голос Павла, но родители не подавали признаков жизни.

Я как-то видел по телевизору восковые фигуры мадам Тюссо,

и сейчас показалось, что два экземпляра её коллекции ехали вместе с нами.

В полной тишине, окутавшей наше купе, слышен шелест одежды, за которую Павел тряс отца, удары головы Семена Алексеевича о стенку и перестуки моего хвоста о пол. Нервы не только у людей присутствуют, у котов они тоже есть, хотя у кастрированных все же меньше. В нашу бодрую какофонию влился еще один звук, что донесся из коридора — чьи-то неторопливые шаги.

— Пашка, немедленно прекращай болтать отцом, к нам гости идут! Вряд ли от них удастся чаем отделаться! — гаркнул я в сторону друга, но меня снова не поняли.

Природное любопытство, обостренное последними событиями, попросило меня узнать, чьи шаги так грубо нарушают нашу замороженную идиллию. Я не смог отказать чудесному чувству и выглянул одним глазком в коридор. Столбом поднялась шерсть при виде бородатого маньяка, он неторопливо шествовал по коридору к нашему временному пристанищу. В изумрудных глазах плескалось то же море всеобъемлющей любви, что и в прошлое посещение.

Очень не хотелось наблюдать змейку с рубиновыми глазками в полосатой груди, поэтому я прыгнул к лежащему амулету. Сохранить бы здоровье себе и Павлу, в зубы залез шелковый шнурок, и я полетел к другу. Павел шаркающих шагов не слышал, продолжал трясти отца, и поэтому не оценил моих усилий в плане проведения спасательной операции. Шаги приближались, пришлось запрыгнуть к Семену Алексеевичу на грудь, чтобы привлечь внимание к нашей назревающей проблеме.

— Кешка, брысь!!! Не видишь, я занят? Слезь с головы моего папы и не смей елозить этой штукой по носу, поцарапаешь еще! — Павел попытался спихнуть меня на пол.

Вот за что всегда любил его, так это за понимание и схватывание на лету, Павел всегда выслушает, посочувствует, но сделает по-своему. Однако шарканье в коридоре придало сил, и я более настойчиво сделал тонкие намеки на толстые обстоятельства: мол, линять нужно, пока не поздно.

— А ну брысь! Вот же кошак противный! Не видишь, что не до тебя сейчас! — упорствовал Павел.

Нет, ну никак он не понимает, что вот еще чуть-чуть, и мы повторим участь Железера, пришлось принимать кардинальные меры. Извини, Павел, но жизнь дороже. Поднял голову вверх и, сделав умиленную морду, с зажатой в пасти блестящей звездой, я вцепился всеми лапами в дружескую руку, словно в ветку дуба. Это подействовало, и Павел с криком попытался стряхнуть меня,

но за моими плечами богатый опыт спасения от собак. Другу пришлось оставить попытки разбудить отца и задействовать вторую руку, и тогда удалось всучить наш путь спасения.

Павел ошалело посмотрел на эту фиговину, потом смог осмыслить увиденное. После небольшой умственной работы (я прямо слышал, с каким перестуком сталкиваются шарики в мозговой коробке), он забрал из моей пасти звездочку-амулет. Семен Алексеевич рухнул головой на подушку, и в этот миг Павел услышал злополучное шарканье.

Я молнией взлетел на плечо, и мы тихонько выглянули из купе. Балахонистый дедушка с зелеными глазами чуть не клюнул носом Павлу в глаз — так близко подошел к нашему купе. Павел тут же отпрянул, налетел на Маргариту Павловну, отскочил как от батута и почти ничего не понимая, прижал меня к себе и все же повернул розовый луч на побрякушке.

В дверях показалась желтая пола балахона, дохнуло холодом, и наступила темнота.

Глава 2

— Говоря-я-ят, не повезё-о-от, если черный кот дорогу перейде-о-от! — в далеком уголке сознания играла знакомая мелодия. Холод покидал тело, я понемногу начинал чувствовать лапы, и получилось шевельнуть ухом.

Запах немытого конского тела будет преследовать меня всю жизнь! Вот и сейчас он пробрался в мой чувствительный нос, и по-хозяйски осматривал новые владения. Запах один придти побоялся — вдруг его весь вынюхают, и он исчезнет навсегда, он привел с собой звук: рядом кто-то притоптывал и пофыркивал.

Я боялся открыть глаза, чтобы не увидеть посреди купе гордого орловского рысака, что обнюхивает сумки в поисках съестного. Удивиться, конечно, не удивлюсь, однако с ума сойду точно. Какой же все-таки настырный запах, ему показалось, что в носу мало место для обустройства, и он начал ворочаться и расширять свои владения, но вот неловкий — зацепил какой-то нерв, и вынудил чихнуть.

— А пока-а-а наоборо-о-от, только черному коту и не везё-о-от! — также тоненько звучала песня.

От чихания глаза распахнулись и увеличились до такого же размера, как и смотревшие на меня конские бельма. Всё! Как и обещал, я начинаю сходить с ума, иначе ничем не берусь объяснить то, что мы с Павлом валялись на соломе в каком-то темном чулане, на нас в упор смотрела лошадиная морда и, судя по звукам, в этом же помещении радовались жизни еще несколько представителей конского племени.

— Здрасте! — мяукнул я, однако лошадь не ответила, и продолжила молча пялиться на меня. Я аккуратно осмотрелся.

Деревянные перегородки отделяли лошадей друг от друга, но выглядели такими ветхими на вид, что рассыпаться им не давали лишь кучи соломы, подпирающие с двух сторон. Сквозь дощатую крышу на нас посматривали далекие звезды, я разглядел подгнившие перекрытия, вилы у перегородок и какие-то мелькания у входа в сарай.

Никаких явных поползновений в нашу сторону от лошадей не поступало и поэтому, после пятиминутной игры в «гляделки», я решил разбудить Павла. Всё-таки сходить с ума в одиночку скучно, а вместе как-то веселее.

— Жил да был черный кот за углом, и кота ненавидел весь дом! — в уголке сознания снова завелась прежняя песня.

Как же добудиться спящего красавца, если похлопывания лапами по щекам и отирание головой о подбородок не дают

желаемого эффекта? Похоже, придется будить как встарь, когда ему нужно не проспать школу, а родители смылись на работу, я кончиком хвоста водил под носом.

Раньше всегда забавляло, как он забавно скукоживал лицо и как старался закрыться одеялом от вездесущего меня. Сейчас же вышел конфуз: Павел по своему обыкновению пытался укрыться под одеялом, но, так как ему невдомек, где мы находимся, он схватил первое, что попалось под руку, и попытался натянуть на макушку. К несчастью первым оказался хвост лошади, которая, потеряв к нам интерес, повернулась к кормушке.

— Только черному коту и не везё-о-от! Ча-ча-ча!

Хамское отношение Пашки к хвосту заставило лошадь пересмотреть решение оставить нас в покое и спокойно насытиться. Печально вздохнув по поводу несовершенства мира, она лягнула что есть дури, в попытке освободить хвост и отомстить нахалу, что без знакомства лезет к самому сокровенному. Я сделал единственное, что мог успеть сделать в этой ситуации, то есть со всей своей храбростью и бескомпромиссностью… зажмурился и отпрыгнул.

Громкий стук и треск ломающегося дерева возвестил о конце экзекуции. «Бедная Пашкина голова» — подумалось мне в это мгновение, — «с кем же мне возвращаться обратно, и главное — как?». Однако один открывшийся глаз принес успокоение в этом вопросе и уговорил открыться второй. И обоими глазами я обозревал картину, которая не могла не радовать — лошадь промахнулась и старалась вытащить застрявшее копыто из трухлявой перегородки над Пашкиной головой.

Одним из немногочисленных плюсов этой ситуации являлось то, что Павел наконец-то открыл ясные очи, сделал их круглыми и, долго и задумчиво, обозревал представшую композицию.

— Ох, и ничего себе будильник, — прошептали его губы.

Вы наверно тоже задумаетесь, если утром увидите над собой танцующий конский зад. Надо отдать должное лошади, она проделывала танцевальные па, чтобы освободиться, в полной тишине. Тактичная особа не желала разбудить тех, кто еще не проснулся после громового удара. Разбуженные же особи всхрапывали и пытались заглянуть в нашу клетушку. Столько удивленных лошадиных морд я не видел ни разу в жизни. Разного окраса и разной степени загрязненности, они таращились на нас, скалили желтые зубы и перемигивались между собой. Застрявшая лошадь все также, молча, пыталась вырваться из деревянной западни.

Шорх! Шорх! Шорх! — раздалось от дверного проема, еле слышные шаги приближались.

Павел открыл рот, дабы испугать и прогнать лошадиную ногу, до сих пор вихляющуюся над его просветленной головой. В какой-нибудь голливудской комедии, лошади именно в этот момент захотелось бы выразить своё наплевательское отношение к миру и облегчиться, ведь, судя по просмотрам телевизора, у американцев нет ничего смешнее, чем навоз на лице. Заодно и заткнуть рот Павлу, грубо, но действенно.

Однако в данном случае услугу по затыканию открывшегося зева пришлось выполнять мне, и не так как в комедиях. Нет, я лишь запихнул лапой пучок соломы в рот, и, пока Павел отплевывался и придумывал как лучше и коварнее отомстить, он услышал тихий говор двух людей, что находились неподалеку. Вот их-то мелькание я и видел у входа в конюшню. По сути, Павлу следовало затаиться до выяснения личностей незнакомцев, или же намерений этих личностей.

— Эй, люди! Помогите! На меня лошадь напала! — крикнул он в сторону шорохов.

Даже не подумал о том, кому именно понадобилось разговаривать шепотом в темной конюшне ночью!!! Как будто по чужим подвалам не лазил с пацанами. Ну да ладно, спишем эту неосторожность на необычность положения и нехватку времени на привыкание.

Жаль, что Павел понял промах только тогда, когда тип во всем черном приставил нож к подростковой шее. Незнакомец оказался крепко сбитым мужчиной со зловещей рожей, в грубой куртке, подпоясанной веревкой и в широких штанах, заправленных в сапоги. На кучерявой голове застряла солома и несколько щепок, на испачканном лице также застряла щербатая ухмылка. С этой ухмылкой он и потянулся левой рукой к Пашкиному лицу, собираясь заткнуть рот.

Я мысленно все простил моему напарнику и поклялся посвятить остаток девяти жизней жестокому мщению за него, когда произошло нечто из ряда вон выходящее (как будто всё, что с нами происходит, должно восприниматься как само собой разумеющееся).

Когда незнакомец накрыл рот Павла грязной ладонью, то лошадь, утомленная борьбой с перегородкой, воспрянула духом. Она посчитала увеличение зрителей за поддержку в деле наказания хама, что дерзнул дернуть за хвост, и удвоила усилия для освобождения ноги. Ей это удалось, и копыто пронеслось над головой Павла в обратную сторону. Но на этом лошадь не остановилась. Она, ободренная успехом, вновь вернулась к решению отвесить полновесную оплеуху мерзавцу, который посмел покуситься на её пышную гордость.

Тресь!!!

Так как Павел при виде ножа смело вжался в солому, то плюха досталась перепачканному типу с ножом, и лохматая голова впечаталась в злосчастную перегородку. После этого лошадиная морда гордо поднялась вверх — миссия завершена, и мстительное животное вернулось к прерванному занятию. То есть отошла к кормушке, попутно она пожаловалась своей товарке на вконец испорченные нравы современной молодежи. Что удар достался другому двуногому существу, нимало не волновало лошадь — месть свершилась, а там пусть сами между собой разбираются.

— Ох, и ни х… — я снова заткнул рот Павлу, пока он не высказал то, что давно вертелось на моем языке.

Испытав всю величину гнева оскорбленной лошади, незнакомец спокойно висел в перегородке в позе сильно испугавшегося страуса и, судя по безвольно лежащим рукам, не собирался покидать временное пристанище. Он очень везучий, раз влетел головой в ту же самую дыру, которую сперва пробила лошадь. Второй незнакомец, двигаясь плавно и бесшумно, приблизился к нам и первым делом приставил палец к губам, прося Павла не произносить ни слова.

Ну да, как будто мало треска и громовых лошадиных ударов.

Павел в ответ показал на торчащее тело и вопросительно взглянул на второго, вернее на вторую. Ночной гость конюшни при ближайшем рассмотрении оказался девушкой, причем довольно миловидной — с людской точки зрения. Девушка развела руками и пожала плечиком, мол, я не знаю, что взбрело в голову партнеру по перешептыванию: может настроение плохое, или хотел ножик продать.

Лицо, щедро измазанное сажей, симметричное и правильное, под курткой и штанами угадывалось ладное девичье тело. О том, что она понравилась Павлу с первого взгляда, можно судить по глотательным движениям и капельке слюны, что упала на джинсовку. Да, он влюбчивая натура, всех девчонок в классе за косы передергал и от всех папаш успел получить по ушам. Заодно и от девчонок, когда они собрались скопом и поколотили его, полусонного, на одном из первых уроков, так что опыт общения с противоположным полом у него имеется.

Из прорехи в стене, сквозь прелую солому попыталась проскочить легкомысленная мышь. Я резким прыжком поймал и начал объяснять, как она может доставить удовольствие. Нет-нет, это не то о чем вы могли подумать, я отпускал ее и потом снова ловил, как игрушку йо-йо, и параллельно наблюдал за происходящим. Заодно думал — где это мы и почему тут

оказались?

— Хэх, — тихо произнесла девушка.

— Чего? — Павел еще сглатывал обильную слюну.

— Хэх, — повторила перепачканная сажей и показала действием, чего она добивается.

Подлезла под торчащего человека и, стараясь не шуметь, попыталась вынуть лохматую голову из перегородки. Лошади заинтересованно повернулись к действию — похоже, делали ставки на скорость доставания тела.

Перегородка отдавать добычу не хотела и выражала протест кряхтением и скрипом. Павел охотно помогал девушке в меру своих сил и способностей. Сил у него оказалось меньше, чем я думал, и моему спутнику по путешествию пришлось напрячь умственные извилины. Результатом мозгового штурма явилось вытаскивание двух-трех ржавых гвоздей из облегченно вздохнувшей перегородки. Голова не захотела вываливаться, и ей пошли на уступки, забрав человека вместе с доской.

Заинтересованный происходящим, я не успел поймать в очередной раз мышь, и эта вертихвостка воспользовалась моментом и нырнула в дырку на стене. Напоследок высунулся язычок из отверстия и раздался ехидный писк:

— Я тебя найду, котяра, и все усы повыдергаю!

— Муррр, так ты сейчас выходи, я даже сопротивляться не буду! — промурлыкал я, но мышь оказалась обыкновенной балаболкой и больше не подавала признаков жизни.

Павел с незнакомкой взвалили нелегкую ношу на плечи и поплелись, пошатываясь, в сторону выхода. Так как мышь не собиралась выходить в ближайшие полгода, меня здесь больше ничего не держало, и я проследовал за ними. Лошади меланхолично провожали нас выкаченными глазами.

Мы вышли на широкий двор, обнесенный каменным забором. Два побеленных двухэтажных здания с маленькими окнами без стекол, конюшня, круглый колодец в центре и шаткий навес для хранения сена составляли убранство райского уголка. Грязь и несколько конских подарков дополняли пейзаж, которым любовалась необычно огромная луна. Окружающие нас предметы, дома, стены выглядели так, будто мы попали на постоялый двор времен Дон Кихота и Санча Пансы.

— Хррр! Хррр!

На выходе из конюшни меня привлекли странные звуки и, чтобы выявить их причину, я завернул за угол сарая, за что и был наказан полным лишением обоняния. Там, на охапках пышной соломы, лежали два волосатых типа в несвежих рубахах и перепачканных штанах. Эти двое из ларца, храпя в унисон,

выпускали такое количество перегара, что мои усы поднялись к небу и полчаса отказывались опускаться. Рядом валялись два пустых кувшина внушительных размеров, полную картину дополняли замызганные сапоги, аккуратно поставленные один на другой, они представляли собой некую пародию на Пизанскую башню. Босые и грязные ноги задавали такт, покачиваясь вперед и назад, следуя за вдохами и выдохами.

Мой нюхательный аппарат пришел в негодность и поэтому, пока Павел с девушкой тащили третьего к воротам, я решил просто оглядеться по сторонам. Увы, стянуть нечего, в домах закрыты двери, а обратно в конюшню ну ни за какие коврижки не заманите!

А тем временем, парочка, уронив чумазую ношу пару раз, все-таки достигли массивных ворот и скрылись из виду. Не желая оставлять Павла одного (пропадет же он без меня), я поторопился следом. Мы попали в степь, открытую всем направлениям ветра, и лишь вдалеке виднелась черная полоска леса. Здания за высоким забором находились на перепутье трех дорог, что за постоялым двором сходились в один большой тракт.

За воротами нервно переступали копытами еще два существа с гривами. На одного из них начали закидывать бессознательного типа с доской на шее. Конь терпел издевательства над своей персоной со стойкостью оловянного солдатика, даже когда слегка поцарапали доской при очередном падении тела. Мужчина, видимо из-за врожденной вредности, никак не хотел укрепляться на конском крупе, постоянно бухался на землю, и не желал избавляться от доски.

Мне надоело смотреть на мучения двух молодых оболтусов, и я притащил в зубах кусок веревки, висевшей во дворе. Пришлось ткнуться головой в Пашкину ногу, который продолжал заниматься бессмысленным занятием и пялиться во все глаза на симпатичную самку. Ударившие в голову гормоны не давали Павлу сосредоточиться на веревке и найти верное решение, поэтому он подвинул меня ногой, чтобы я не мешал наслаждаться лицезрением девушки.

Зато девушка порадовала понятливостью, она показала действием, как закинуть и привязать руки и ноги своего спутника. Павел близок к возведению её в кумиры за красоту и ум, он смотрел на чумазую незнакомку как умирающий от голода на колбасу, упавшую с неба.

— Какая ты умная, я бы ни за что не догадался, — прошептал Павел в полнейшем восторге.

— Хэх, — опять сказала девушка и в очередной раз поднесла палец к губам.

— Ну, «хэх» так «хэх», — согласился Павел, — но ты всё равно молодец, хоть и не понимаешь меня.

То, что это я притащил веревку, как-то не бралось в расчет, ну да ладно — давно привык к людской неблагодарности.

Мужчине закрепили под брюхом коня руки и ноги, и девчонка лихо запрыгнула на круп, собираясь придерживать драгоценную ношу в пути. Махнула рукой Павлу, приглашая приземлить пятую точку на второго коня. Павел заколебался — стоит ли вообще забираться на животное, сородич которого совсем недавно покушался на его драгоценную голову.

А может, вспомнил печальный опыт с мерином дяди Родиона, когда тот подогнал к дому телегу, чтобы помочь вывезти старый диван на свалку. Сам я не видел, но по рассказам очевидцев Павел с залихватским гиканьем в стиле «последнего из могикан» запрыгнул коню на шею, пока взрослые отвернулись, и попытался ударами пяток угнать транспортное средство. Мерин флегматично поймал неудачливого угонщика за ногу и стащил его на землю, сверху на «Чингачгука» легло тяжелое копыто. Мальчишка удерживался в заложниках до прихода взрослых, которые потом долго вспоминали этот эпизод.

Наконец Павел решился и ласточкой взлетел на широкий круп, обманным движением увернулся от хвоста, зацепился за гриву и влип в конскую шею.

— МЯАААААУУУ!!!

Эй! А как же я? Куда без меня-то? Девчонка вопросительно взглянула на Павла, тот согласно кивнул, она опасно нагнулась и подхватила меня на руки. Так как на конях не было привычной атрибутики в виде седел и поводов, я слился в одно целое с доской, да простит меня за царапины бессознательный незнакомец.

Девчонка убедилась, что мы с мужичком не навернемся по дороге, жестом указала Павлу следовать за ней и ударила каблуками по крутым бокам коня. Мы летели по ночной степи, ноги коней бесшумно пожирали расстояние, вдали зарождалась рубиново-алая заря. Я вдыхал прояснившимся обонянием запах конского пота, и параллельно с этим наслаждался ароматом пострадавшего убийцы. На мускулистой шее болтался мешочек темно-зеленого цвета, и тоже пах отнюдь не розами. Ко всему можно привыкнуть, в том числе и к неспешной тряске коня — сказались волнения недавнего времени, и я задремал в такт покачиванию.

* * *

Пробуждение никогда нельзя назвать сказочным явлением, если только перед носом не благоухает миска со сметаной. Выпадение из сна, где только что лежал на мягком ковре в окружении свежепойманной рыбы, в обыденную реальность, где снова нужно добывать пропитание и поддерживать авторитет — всегда жесткий удар. Увы, как и в этот раз. Утро началось с яркой демонстрации неуважения к моей персоне, то есть меня встряхнули за шкирку и скинули на влажную от росы траву.

Не до конца проснувшись, вцепился что есть силы в ногу предполагаемого обидчика. Ох, такого количества грязи в пасти я не помню с тех пор, как маленьким котенком упал в сточную канаву и нахлебался содержимого. Сапог обидчика не выказал никакого удивления и озабоченности по поводу очищения.

Сам обидчик, крупный мужчиной с большой окладистой бородой, вновь фамильярно взял меня за шкирку, поднес к лицу и ощерился гнилыми зубами. А уж запах изо рта… словно он перецеловал взасос давешних пьянчуг на соломе. Я попытался достать смеющееся лицо хоть краешком когтя — безрезультатно.

— Кахун пернс! — прохрипел он и заржал над моими тщетными попытками. Потом отшвырнул меня в сторону и склонился над связанным Пашкой.

Связанным?!! Куда же мы это опять попали и где наши вещи? Мы находились в открытом поле, ветер гнал волны по невысокой траве, нигде не видно ни единого деревца. Грязные кибитки расположились полукругом перед большим костром, немного поодаль находились несколько серых палаток.

У костра хлопотали три женщины в цветастых юбках, кружевные кофты потрепаны и просвечивали прорехами. В ушах сверкали в лучах восходящего солнца золотые кольца, а на шее болтались на крепких шнурках знакомые мешочки. То, что они готовили еду, ясно из запахов, долетавших до нас, благо мы находились неподалеку. Неудавшегося убивца с доской на шее унесли за телеги два кучерявых молодца в переливающихся атласных рубахах. Рядом с крайней кибиткой паслось штук двадцать разномастных лошадей, время от времени косились на нас и злорадно скалились желтыми зубами.

Бородатый снова отшвырнул меня и попытался взять амулет Железера, что висел у Павла на шее. Связанный, но не сломленный, Павел хотел цапнуть за грязный палец, однако кляп свел на нет боевое начинание. Тогда Павел попытался уползти от бородатого. Вы когда-нибудь пытались ползать связанным по рукам и ногам? Вот и у него ничего не получилось, зато я заметил здоровенную шишку на темечке. Раньше этой опухоли не наблюдалось, вероятно, напарник все-таки сверзился с лошади,

пока мы ехали. Бородатый быстро настиг Павла, танцующего танец «пьяных червячков», и возобновил попытки взять в руку амулет.

Мне оставалось только наблюдать за мародерством, не хотелось снова отлетать в сторону или что похуже. Но провидение рассудило по-своему и выкинуло горящий уголек из костра. Костер и раньше выкидывал угольки, однако в этот раз бросок прицелен и точен. Уголек попал за шиворот бородачу и он, отвлекшись от брэйк-данса Пашки, устроил собственную пародию на балет.

Такого исполнения «танца маленьких лебедей» я еще не видел, он махал руками как сумасшедшая мельница, а ногами строчил великолепную чечетку. Приминалась влажная трава, каблуки вырывали кротовьи норы. Потом кинулся на землю и показал Павлу, как правильно нужно ползать и перекатываться. Его рев разбудил весь лагерь и, из палаток и телег, посыпались черноголовые смуглые люди разного возраста и размера, одетые как попало и во что попало.

Я заметил у деревянного колеса морду облезлой черношерстной самки, и из вежливости решил познакомиться поближе. Пока люди обступили лежащего Павла и на своем тарабарском языке обсуждали его дальнейшую судьбу, я подобрался к облезлому чуду, дабы узнать, где мы оказались.

— Привет, киска! Есть чем угостить усталого путника, у которого, кроме грязного сапога, во рту не было и маковой росинки?

— ПФФФ! — словно резко спустили автомобильную шину.

Да, признаюсь, что обтрепался за время нахождения здесь, но ведь не до такой же степени, чтобы от меня шарахались и шипели. Как не пытался я успокоить эту неадекватную кошку, как не строил умные и добрые рожи — все усилия пропали даром. Черная фурия выгнула спину и начала пускать искры по облезлому тельцу. Разочарованно плюнул в её сторону и, слушая шипение в спину, вернулся обратно к моему связанному другу.

А там видно договорились и Павла понесли в сторону одной из серых палаток. Бородатый пришел в себя и что-то пасмурно ворчал, женщины с визгливым смехом ему отвечали, а мужчины прятали усмешки в кустистые бороды, это не добавляло радости неудачливому мародеру.

Павла занесли в палатку и тут же вышли, оставив внутри. Я шмыгнул следом, не оставлять же одного, а если получится, то и веревки смогу перегрызть. Глаза сразу же привыкли к полумраку, Павел смирно лежал возле небольшого костерка, в котелке варилось что-то неприятно-коричневого цвета.

Со стен висели связки лука, пучки каких-то корешков и пара страшных черепов неизвестных животных с большими зубами, что-то среднее между слоном и динозавром. В полотняном шатре пахло дымом, благовониями, сушеными травами и такой же сушеной старостью. Отчасти этим амбре несло от древнейшей старухи в углу. Сверкая молодыми глазами (вернее одним правым — левый недвижим и лишь тускло поблескивает), она почесывала бородавку на носу. Одета в какое-то невообразимое количество юбок, я смог насчитать пятнадцать, за точность не ручаюсь. Бурая рваная кофта висела на тощих плечах как на вешалке. На морщинистой шее переливались в свете костерка блестящие бусы из монеток разной величины. В довершение полной картины ослепительно блестело большое кольцо в ухе, такое же, как у нас на гардинах, только из золота.

— Гангурам азкинон! — гортанно крякнула старуха, и я вспомнил, что такими же словами нас приветствовал Железер Молния.

— Не понимаю! — пролепетал Павел.

— Гангурам азкинон! — снова сказала старуха.

— Это, как его. Во, вспомнил — хех! — блеснул языковыми познаниями мой друг.

Я потихоньку подкрался к лежащему Павлу, но путь преградила знакомая неконтактная особа, и снова принялась шипеть. Поднялась шерсть на затылке, еще немного и сделаю недружелюбной самке замечание в виде указаний на место, которое она должна занимать. За меня это сделала старуха, что-то гортанно выкрикнув, она усмирила разъяренное животное. Кошка словно забыла про меня и, подойдя к старухе, потерлась о костлявые ноги.

Возможно, потеревшись о бабулю, ободранная красотка зарядила её электричеством и та, перестав теребить бородавку на носу, поднялась с колченогой табуретки и заковыляла к Павлу.

— Бабушка, пожалуйста, развяжите меня. Я не виноват, дядька сам попал под горячее копыто, — Павел подал голос, и, решив взять старушку на жалость, заныл. — Сами мы не местные, на поезде ехали, а потом здесь очутилися-а!

На старуху тон, которым обычно Павел выцыганивал деньги у своей бабушки, оказал противоположный эффект. Женщина хрипло рассмеялась и достала из недр многочисленных юбок довольно-таки острый нож.

Да куда же это мы попали?!! Даже престарелые пенсионерки ведут себя как заправские урки, ходят с ножами и почему-то настроены против моего друга!!! Нервы не выдержали, и я кинулся на бабку с единственным желанием отобрать ножик, пока

не порезалась. Немного не долетел…

Никак не ожидал такой прыти от обшарпанной черной молнии, что сбила в полете и прижала вашего покорного слугу к полу. Эх, Павел, третий раз за эти сутки попрощался с тобой — уже немного приелось.

А старушенция, не обратив никакого внимания на попытки заступиться за товарища, перерезала веревки. Я же для приличия пошипел и подергался, но остался простым наблюдателем — не хватило силенок вырваться из пасти минитигрицы.

— Отпустите, тетенька, я больше не буду, честное слово! — на всякий случай попросил я.

— Лежи тихо и не рыпайся, если шкурка дорога, — прошипела фурия.

Хорошо ещё, что люди не понимают нашего языка, а то я повесился бы от Пашкиных насмешек. Ах да! Пожалуйста, только не рассказывайте об этом у нас во дворе, вам-то забава, а мне навсегда испорченная репутация. Я же вам всё по секрету сообщаю.

Тем временем веревки у Павла оказались разрезаны, и старуха вернулась в уголок. Там она вновь занялась прерванным делом, то есть флегматично пощипывала бородавку, как будто ничто другое в данный момент её не интересовало. Павел растирал затекшие руки и ноги. Более-менее восстановив кровообращение, он примостился на вторую табуретку и уставился на старуху, та пялилась в ответ.

После пяти минут лицезрения их увлекательной игры в гляделки я вновь попытался вырваться. На этот раз я задел лапой какой-то дурнопахнущий горшок, он покатился и вывел Павла из транса, бабуле же было безразлично.

— Бабушка, так может, я пойду? А то там мама с папой остались, скучают наверно, — снова жалобным тоном попросил Павел.

Этими словами он вывел старуху из полудремы и та, указав на амулет на шее, ткнула в красное пятно на разноцветной юбке и сделала движение рукой, как будто выкручивала лампочку. Я понял с первого раза, а Павлу пришлось еще дважды показать театр одного актера. Но прежде она что-то спела на своем языке, что-то протяжное и успокаивающее. Потом кивнула на амулет. С некоторой опаской Павел повернул красный луч на побрякушке с котом, вновь пронесся холодок и… все осталось как прежде. Даже зубы на загривке также явственно ввергали в бездну унижения драгоценного меня.

— Вот теперь поговорим, малыш! — проговорила старуха на чистом русском языке. — Как ты оказался здесь и откуда у тебя

амулет Корня?

— Бабушка, вы по-русски говорите? А почему остальные что-то непонятное горланят? — Павел удивлен не меньше моего.

Я забыл про боль в загривке и вытаращил глаза на старуху.

— Тебе сейчас понятны языки всех народов на этой земле. Зовут меня старая Зара и я старшая кочевья. Так откуда у тебя амулет Корня?

— Какого Корня? Я не знаком с этим человеком. Батона знаю, с Дюпелем в одном подъезде живем, а вот Корня в глаза не видел! Меня Павлом зовут, а тот, с кем ваша киска играет, Кешка. А о каком-либо амулете, кроме того, что отдал Железер Молния, я не знаю.

— Малыш, у тебя на шее волшебная вещь великого колдуна, все свойства которого знает лишь сам Корень и несколько его приближенных. Как он у тебя оказался и откуда ты взялся на голову внучке, я никак не могу понять. Если его отдал Железер, то откуда знаешь этого старого проходимца? — бабка вновь почесала бородавку.

Мне крайне неудобно лежать под когтями и оскаленной мордой, но пока молчал — не хотел рушить беседу.

— Железер сам его отдал, но сказал, чтобы я повернул розовый луч. Вот так я и оказался в той конюшне, а другие тоже вертятся? — Павел задумчиво разглядывал амулет.

— Да, вот ты повернул красный луч и понимаешь наш язык. Если повернешь дважды, то сможешь понимать мысли того существа, на которое смотришь. Остальные лучи тоже вертятся и каждый имеет свое значение. Стоп! — гаркнула старуха. — Не спеши вертеть! Иначе такого можно наворотить, что даже демоны в пекле вспотеют. Я сама слышала от прабабки лишь про красный луч, мол, он помогает понимать языки и мысли. И еще — пока амулет на шее, ты практически неуязвим для тех, кто замыслил против тебя недоброе, хотя это не касается спутника, на нем неуязвимость не скажется. Снять амулет можно лишь добровольно, или с мертвого тела.

Старушка ласково улыбнулась на последней фразе, а Павел пропустил её мимо ушей.

— Какого спутника? Я у вас тут один появился, все пацаны дома остались, — Павел с младенчества особым умом не отличался, а сейчас и вовсе тупил по-взрослому.

— Ах, так ты один? Тогда я брошу твоего упитанного котятку в котелок, заодно и позавтракаем! Ха-ха-ха! — смех старухи напомнил карканье недовольной вороны.

— А-а-а, вы про Кешку, так он мне почти как брат, только ростом маловат, — Павел посмотрел на меня и в задумчивости

крутнул пару раз красный лучик.

Знакомый холодок прошелестел по шатру, нагнул язычки костерка под котелком, всколыхнул пучки сушеных трав на брезентовых стенах.

Опаньки! Я услышал, как в моей голове зазвучал голос Павла: «Вот бы снова увидеть ту девушку. Какие у нее чудесные глаза».

«Павел, помоги-и-и!» — мысленно прокричал я. Влюбленный романтик забыл, где мы находимся, и в каком бедственном положении пребывает его друг.

Павел дернулся на табуретке, повернулся вокруг оси, но кроме присутствующих лица и морд, никого не обнаружил. «Показалось, наверное» — подумал он, и снова вызвал в памяти образ девушки. «Я вот освобожусь и так тебе покажусь, Ромео несчастный, а ну освободи меня немедленно!!!!» — пыхтя и елозя, передал ему гневные мысли. Павел удивленно посмотрел на меня, на попытки вырваться и повернулся к бабульке.

— Бабушка, Кешка просит, чтобы вы кошечку отозвали, а то ему неудобно и стыдно отчасти. Кешка-а-а! Ты можешь разговаривать? Ого! Круто! — брови Павла удивленно взлетели и застыли птичьими крыльями на лбу.

— Я же говорила, что ты повернешь два раза красный луч и сможешь прочесть мысли тех, на кого смотрел. Вот тебе и маленький сюрприз, — Зара широко улыбнулась во все свои три зуба, что дрейфовали желтыми асбергами среди темно-красных десен.

— А откуда ваша прабабушка про лучи знала? — ради приличия Павел решил на время отвлечься от мыслей о девушке.

— Почему знала? Когда последний раз видела, она все также пыхтела вонючей трубкой и гуляла со своим табором. Раньше крутила роман с одним из приближенных Корня, с Железером Молнией, вот он и проболтался как-то под одеялом. Занисса, отпусти кота! Может он отец твоих будущих детей, а ты уже показываешь характер, если спугнешь, я искать кошака не буду, — от этих слов пресс, придавивший меня к земле, исчез, но я еще две минуты не мог сдвинуться с места, ошеломленный подобной перспективой.

Отпустившая валькирия в кошачьем обличье, неожиданно взглянула на меня с неплатоническим интересом. Где мой переносной ящик с добротной железной дверцей?!! Я тут же вспрыгнул на колени к Павлу, чуть не сшиб с табуретки, зато подальше от подмигивающей кошки.

«Кешка, давай позже переговорим, сейчас узнаем, как выбраться!» — прозвучал в мозгу голос Павла. Иногда и ему приходят в голову хорошие мысли.

— Уважаемая тетя Зара, а как же вы говорите, что амулет охраняет владельца? При нас зеленоглазый старик прикончил Железера, да и меня огрели по башке и связали, — Павел пригладил мой вздыбленный загривок.

— Охранять-то он охраняет, но если его одевал враг, то амулет признает врага за своего. И никто тебя не бил, сам с лошади навернулся. Связали по моему указанию, чтобы не убежал со страху или не наделал глупостей. Расскажи-ка, как попал в наш мир и почему у тебя такая странная одежда? — спросила Зара и подкинула сухих веточек в костерок.

Дымок убегал в небольшое отверстие в потолке ровным столбиком, даже не пытался растечься по земляному полу или пробежаться по гербарию на стенах.

Пока я приходил в себя, Павел рассказал, что с нами произошло, но как только описал старика в желтом балахоне, так у старушки дернулся левый глаз и сделал попытку выкатиться и убежать, как Колобок от бабушки. Зара ловко поймала его и припечатала на место, откуда он сердито смотрел в недосягаемую даль. Больше эксцессов на протяжении всего рассказа не случалось.

— Кинжал со змейкой? Змейка кусала шар? — после Пашкиного кивка Зара нервно вскочила с места. — Эх, Железер, даже попрощаться не успели! Чего же я прабабке-то скажу?

Я не ожидал, что старые люди могут так быстро двигаться. Ее руки суетливо хватали корешки, бросали по углам и снова хватали.

— Ага, а после и вовсе разлился водой, и кинжал испарился, — Павел автоматически продолжал поглаживать мой загривок, наблюдая за заметавшейся старухой. Я не возражал, даже пару раз муркнул.

— Вы имели несчастье познакомиться с Гарионом, верховным магом нашей страны, а как вы ушли от него живыми — непонятно, — Зара собирала в холщовый мешочек небогатый провиант, два хлеба, половинку курицы пучок каких-то трав. Потом снова подняла глаза на Павла. — Уходить вам отсюда надо! Он будет вас искать, а навлекать беду на свое, и без того многострадальное, племя я не хочу. Заклинание, которым он остановил время, на самом деле выдернуло вас из бытия. Для твоих родителей время будет идти всё также, но ты не сможешь быть с ними. Хоть сто лет просиди рядом с ними и умри на их руках, они только стряхнут неведомо откуда взявшийся пепел. Скорее всего, он сделал это, чтобы незаметно уничтожить Железера, а вы каким-то образом вклинились в его волшбу. Что могу сказать — не повезло вам, либо он сможет снять заклятье,

либо его смерть.

— Так может, мы подождем его, да накостыляем? Цыган много, у меня амулет есть — как-нибудь одолеем, — бодрился Павел, но я чувствовал, как подрагивала его рука.

— Не одолеете! Для этого нужно колдовские заклинания знать и волшбу разную. А вы с котом пришли из технического мира, дверь в который закрыли последние эльфы.

— Какие эльфы? Я думал, что это придуманные создания, для всяких сказок и легенд, — удивленно проговорил Павел.

— Нет, малыш, в вашем мире не осталось места для магии и «сказочные» существа перешли в этот мир. Дверь в него запечатали навсегда, чтобы рациональные люди, не верящие в магию, не прошествовали за ними. Каким-то образом Железер с Гарионом проникли в ваш мир, а теперь ты попал к нам. Вероятнее всего немало поспособствовал амулет Корня. Ну не рассиживайся, давай собирайся — тебе еще немалый путь следует проделать, чтобы оказаться подальше от цыганского племени, — старая Зара затянула завязки мешка и остановилась, огляделась по раздерганным стенам и снова засуетилась.

— Старая Зара, извините, а где мне найти Кристана? Железер просил его отыскать, он вроде как должен помочь. А еще умолял спасти Кирию, может, ее знаете? — спросил Павел у суетившейся бабки.

Та на мгновение остановилась и задумалась. Потом помогла мыслительному процессу почесыванием бородавки, посмотрела на Заниссу и, когда та отрицательно помотала башкой, отчего во все стороны полетели блохи, ответила:

— Нет, малыш, таких имен я не слышала, может кто-то другой тебе подскажет. Вот, это тебе, на пару дней хватит, а дальше давай уже сам. Давай-давай, не задерживайся, уж с кем, с кем, а с Гарионом я связываться не хочу!

С этими словами она сунула мешок Павлу, развернула к себе задом, а к входу передом, и вытолкала из палатки. Я с радостью поспешил за ним, но услышав за спиной тихое «Береги себя», не мог не ответить: «Я вернусь». И гордо распушив хвост, походкой уверенного в себе кота, вышел на воздух. Хоть кошка и страшна на вид, но я же мужчина! Нет, все-таки я сердцеед — еще одно разбитое сердечко забилось без моих пушистых усов.

На улице нас обступила группа смуглых людей, все беззвучно внимали бабушке. «Куда нам теперь, что нам делать? И самое главное — где же эта девушка, с которой мы скакали ночью?» — прозвучал в голове голос Пашки. «Друг мой, будь скромнее в своих мыслях, теперь не один ты их слышишь!» — я укорил Павла и тот переключился на мысли о дороге.

— Мы покажем Гариону другое направление, прости, малыш, это единственное что можем сделать. А искать он будет именно тебя, и амулет, — продолжала напутствовать Павла старая Зара. — Сейчас езжай на север сквозь Вечный лес, там, в Ледяных горах живет отшельник Кан. Передашь привет от меня, он в молодости волочился за мной, как хвостик, так что должен помочь по старой памяти. И никогда не снимай амулет, он сумеет тебя оградить от любой опасности. Эй, Плут, приведи коня мальчику, и не такого как ты обычно водишь на продажу, а Бегунка. Павлу предстоит долгий путь.

— Но, Зара, Бегунок это мой конь! А как же я? — мужичок, на которого упал бабкин взгляд, оказался Пашкиным инструктором по танцам.

Почесав обожженную спину, он окинул Павла ненавидящим взглядом, Павел же в ответ ему мило улыбнулся. Я поступил также, но издевка пропала зря, он на меня даже не посмотрел. Обидно!

— Ты смеешь спорить со мной? — бабкин могучий рык заставил меня присесть на все четыре лапы, такое же воздействие он оказал и на Плута. Тот, склонил голову и, бормоча под нос извинения, торопливо удалился.

— Малыш, пусть помогут боги в путешествии, я не могу увидеть твое будущее, но надеюсь, оно будет светлым и радостным! — Старая Зара обняла напоследок Павла. — Не теряй своего достоинства и ничего не бойся.

В это время Плут подвел черного жеребца, который нервно подергивал ноздрями и пританцовывал на месте. Лоснящаяся шкура обтягивала мощную грудь, на которой валиками перекатывались мышцы; точеные ноги нетерпеливо переступали, готовые сорваться в бег; длинная грива спускалась до земли, небольшая челка прикрывала белое пятно во лбу. Даже я, не особо любящий лошадей, невольно залюбовался им. Теперь я понимаю неудачливого грабителя, такое чудо отдавать всякому жалко. Взгляд Плута, настолько был полон злобы и ненависти, что я подался назад, вдруг и на меня выльется заряд его настроения в виде хорошего пендаля. Но против Зары он пойти не посмел, лишь скрипел зубами, да бессильная слезинка оросила щеку.

— Прощай, малыш, жаль, что мы так мало пообщались, хотелось бы больше узнать о твоем мире. Может быть, еще увидимся и поговорим. Плут, украдешь ещё, не расстраивайся! — старая Зара приторочила мешок к седлу, ради Павла разыскали конскую упряжь.

Потом подхватила меня под передние лапы и передала

Павлу, который кое-как вскарабкался на коня. Кто-то из цыганок запел нечто заунывное, еще двое подхватили. Получился этакий тоскливый марш «Прощание славянки».

— До свидания, старая Зара, и я надеюсь, что мы еще увидимся! — Павел тряхнул поводьями, и мы легким шагом тронулись.

Мы представляли собой монументальное зрелище, Павел горделиво покачивался с прямой спиной, я вцепился в луку седла и распушил усы и хвост. Это гарцевание продолжалось всего несколько секунд, пока не проехали мимо Плута. Тот, «слегка огорченный» потерей Бегунка, хлестнул коня со всей силы по крупу.

Мы стали выглядеть еще монументальней, когда Бегунок заржал и взвился на дыбы — почти как питерский «Медный всадник». В попытке удержаться Павел схватился за поводья и потянул их на себя, но схватил не только поводья — он зацепил еще и мой хвост. Тут настала моя очередь наводить смуту и панику. Почувствовав, что меня лишают опоры и пушистой гордости, я естественно вцепился в первое, что попалось под горячую лапу. Этим первым оказалась шея Бегунка, что тоже не придало ему большей радости и счастья. Конь дико заржал, и ошалело понес нас навстречу приключениям.

Вслед мы услышали возмущенный окрик старой Зары и злорадный хохот Плута. Всё внимание переключилось на удержание в седле.

Нас болтало так, что поневоле вспомнился случай, когда я спасался от собаки на дереве. Та беспородная шавка не внимала уговорам успокоиться и следовать своей дорогой. Так и не придя к разумному соглашению, мне пришлось победоносно отступить, унося в когтях часть его усов. Ближайшим объектом отступления оказалась тонкоствольная береза, на которую я и взлетел как коршун. В мгновение ока я оказался на самом верху и оттуда высказал все, что думаю о предках моего преследователя, о его детях и даже о некрасивом окрасе. Собака сперва возражала и отбрехивалась, потом, раздраженная вескими аргументами в свой адрес, начала кидаться на березу. Бедное деревце раскачивалось и гнулось под напором разъяренного пса. Я болтался на самой верхушке, изо всех сил стараясь удержаться и не упасть, и так продолжалось целых два часа, пока псу не надоело бесполезное дело. Домой я шел на подгибающихся лапах, с обедом пришлось распрощаться, как только спустился на землю.

На десять минут воспоминания о том дне, и физическое соответствие поглотили меня полностью. Павлу удалось остановить разгоряченного жеребца, и мы выдохнули с

облегчением. Табор виднелся черной точной посреди степи. Мы продолжили путь, и смогли переговорить между собой. Накопилось много воспоминаний, по этим воспоминаниям мы и пробежались. Павел попросил прощения за то, что сваливал на меня свою вину, а я расчувствовался и тоже попросил прощения за ботинки. Так и помирились. Павел перевел свои мысли в мечтательную плоскость, то есть мечтал о встрече с ночной самкой.

Солнце вошло в зенит, когда Пашкины мысли оторвались, наконец, от воспоминаний о девушке и перешли к осознанию чувства голода. Ну да, любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда, я же тактично молчал, думая как быть дальше.

«Кешка, ты помнишь, куда надо ехать? Кажется на север? А на уроках рассказывали: север с той стороны, где на деревьях находится мох» — поделился Павел своей эрудированностью.

«Паш, а как мы найдем дерево в степи? Тут одна трава по пояс, ты на ней собираешься мох выращивать?» — я передал мысли в отчаянную головушку Павла. — «Подождем и посмотрим за солнцем, может, как и в нашем мире, оно идет на запад. Заодно и перекусим, чем Зара послала».

«А как мы будем узнавать, куда оно идет, или будем ждать заката?» — порой Пашкина наивность напрягала донельзя. «Если бы ты больше бывал дома, а не разорял птичьи гнезда и не бегал с пацанами от сторожей и милиционеров, то мог бы увидеть по ящику, что нужно делать. Вытопчи вон возле высокого репейника траву, положи около тени мешок, через пятнадцать минут тень сдвинется, и мы увидим, куда направляется светило. Некогда рассиживаться, помнишь, что за нами следует дядька с антикварным кинжалом?» — просветил я спешившегося спутника.

«Кстати, Кешка, а ты не сможешь что-либо прояснить в нашей ситуации? А то я ни черта не понимаю, почему мы здесь, какая такая Кирия, и где нам искать этого Кристана?» — спросил Павел, расстегнул мешок и достал нехитрую снедь.

«Эх, Павел, вот запомни этот вопрос и обязательно задай его отшельнику. От меня так же мало толку, как и от Бегунка, но его ты почему-то не спрашиваешь» — съязвил я и принялся за хлеб и кусок вяленого мяса.

«Павел, а вот меня такая мысль посетила — мы же сюда попали, когда ты повернул розовый луч. Так может быть, ты снова повернешь, и дома окажемся?» — озвучил я давно думаемую мысль.

Павел попробовал повернуть розовый луч, пахнуло холодом…

Мы остались на том же самом месте, возле того же самого репейника, и так же переглядывались между собой.

«Нет, Кешка, сам видишь ничего не получается, а пробовать другие стремно, ведь Зара не велела. Вдруг я поверну, а тут какая-нибудь страхолюдина нарисуется и схрямкает нас без суда и следствия. Мама недовольна будет!» — озвучил Павел и вернулся к прерванной трапезе.

Я усиленно помогал ему в истреблении припасов. Вяленое мясо отслаивалось волокнами, щекотало вкусовые рецепторы и проваливалось с обильной слюной. Вкуснотища!!!

Немного заморив разбушевавшихся червяков, мы посмотрели на тень от раскидистого ориентира. Та сдвинулась в сторону от мешка на пару сантиметров и мы вычислили, где же находится север.

Бегунок тоже насытился, пока ждал результата наших научных изысканий и теперь нетерпеливо переступал на месте, под копытами подминались васильки и ромашки. В очередной раз я залюбовался перекатывающимися валами мускулов под блестящей шкурой — если бы мне такие, то тогда и мысли не возникло о завоевывании авторитета.

«Паш, а Паш, может, и меня положишь в мешок? Ну не хочу я вновь болтаться на этой препялинке на седле. Меня укачивает!» — попросил я спутника по приключениям. — «Главное закрепи его понадежнее, а то останешься один в жестоком и неприветливом мире».

«Кешка, ты поближе к мясу стремишься? Смотри, магазинов поблизости не предвидится, так что соизмеряй желания с возможностями» — съехидничал Павел. Все-таки вошел в мое положение и поместил в холщевый мешок, это не переноска, но сойдет и так.

Бегунок заржал, мерное покачивание показало, что мы двинулись в путь. Не скажу, что счастлив оказаться в плотном мешке, тем более что дырок для поступления воздуха не предвиделось, поэтому устремился вверх, к солнцу. Голова с трудом протиснулась в отверстие, чуть не оставив уши в мешке — в качестве дополнения к мясу, и я обратился к Павлу: «Дорогой напарник, поговори со мной, сам знаешь, как приятная беседа скрашивает дорогу».

«Давай поболтаем. Как ты думаешь, дорогой мой напарник, я понравился той девчонке, измазанной сажей?» — спросил Павел, и вопросительно взглянул на меня — «Хотя, что ты понимаешь в человеческих отношениях, тем более в любви».

«Но-но-но, осторожнее в выражениях, как-никак, но опыта в лямурных делах побольше имею, не даром же каждый третий котенок в нашем дворе называет меня папой. А каждый второй об этом просто не знает!» — возмутился я.

Павел немного пожевал губами и не вытерпел: «А вот скажи, как найти с женской половиной нормальный язык, раз ты такой специалист по любви. А то попытки всегда заканчивались ударом сумки по башке, причем по моей и, причем сразу же!».

И я, авторитетно болтаясь в сумке, между синим небом и зеленеющей землей, учил своего напарника искусству обольщения. А кто еще его научит?

Папа? Так он кроме Маргариты Павловны и взгляд на других женщин бросить боится, чтобы ему с другой стороны не прилетело чем-то более весомым.

Мама? Тоже не вариант — с такой учебой Павел вообще рискует остаться холостяком пожизненно, а особенно когда девушка узнает, кто ей в свекрови намечается.

Улица? Там курить и пить втихаря портвейн Павла уже научили. Хорошо, что бдительное материнское око вовремя заметило несогласованность в движениях неразумного дитяти и ласковая, но тяжелая рука, достав «Папазол» из шкафа, сразу отучила от уличных наук.

Вот и пришлось мне просвещать недоросля об отношениях с женским полом. Единственно я не учел то, что просвещаю не котенка, а человека, а у вас, немного другое понятие любезности по отношению к противоположному полу.

Так, за серьезным мужским разговором, мы ехали легкой трусцой. Бегунок не вмешивался в наш разговор, пофыркивал и иногда ржал, погруженный в свои раздумья. Но так как его мыслей мы не понимали, а Павел не захотел, чтобы его мысли слышал кто-то еще, то оставили конские реплики без внимания.

Наступал вечер, когда мы подъехали к мрачному Вечному лесу. Деревья высились неприступной стеной, нависая развесистыми кронами. Ветер гулял в вышине, раскачивая купола деревьев, внизу же царила непроглядная темень и полная тишина. Небольшие чахлые кусты скрывали корни гигантов, еле зримая звериная тропинка виляла и убегала в черноту. Совсем не хотелось ломиться ночью сквозь кусты — неизвестно, какие голодные животные водятся в этом мире.

«Павел, давай заночуем на краю леса, взгляни на солнце, оно уходит на покой и нам бы пора об этом подумать!» — я не то чтобы испугался. Просто в зрелом размышлении гораздо безопаснее ночевать в чистом поле и сдернуть в степь при малейшей опасности, чем в чернильной густоте лезть куда-то и расшибать голову о деревья.

«Пожалуй ты прав, Кешка, давай заночуем здесь, пока тут есть трава для Бегунка, а утром двинемся дальше. Я надеру папоротника для ночлега, а ты может, натаскаешь дров для

костра?» — сказал Павел, абсолютно не подумав, какие дрова я могу натаскать.

Я естественно согласился и даже притащил пару прутиков, когда Павел вернулся с копной травы. Обменялись взглядами, причем я вложил как можно больше упрека в праведный взор. Павел понимающе вздохнул и ушел обратно в лес, вскоре вернувшись с охапкой хвороста.

Задумавшись о сущности бытия, я заметил, как Павел зажег кучу прутьев вырвавшимся из ладони огоньком.

«Павел, вряд ли ты сделал фокус с появлением и исчезанием огня из пальца, чтобы удивить и огорошить меня. Скажи, ты снова баловался с дымными палочками? Смотри, узнает Маргарита Павловна, опять не сможешь неделю на пятой точке сидеть» — я не зануда и не ханжа, но против отравления себя и окружающих вонючим дымом.

«Нет, Кешка, не думай, мне одного раза хватило. Эта зажигалка осталась от похода с пацанами за картошкой, мы накопали и пекли на углях в кожуре. Видишь, как теперь нам огонь пригодился, а то пришлось бы тереть палку о палку, или высекать искру кремнем» — поделился туристическими знаниями Павел.

Нажал кнопку на цилиндрике и по траве заплясал ярко-красный огонек. А-а-а, старая знакомая — лазерная указка, я немного погонялся за красным пятнышком. Вспомнил молодость.

Солнце же медленно и неуклонно скрывалось за горизонтом, раскрашивая облака на небосклоне причудливыми красками. В верхушках деревьев играл ветер, нашептывал листьям сказки о далеких странах, рядом потрескивал ласково греющий костерок, в пустоту желудка опускалось вяленое мясо, и весь мир казался таким теплым, добрым и отзывчивым.

К сожалению, это чувство продолжалось не долго, как только солнце окончательно село, подмигнув на прощание красным лучом, так сразу же на небо вылетела стайка холодных звезд и рассыпалась вплоть до горизонта, высокомерно посматривая на нас. Медленно и величаво, будто вдовствующая королева перед потенциальными женихами, выплыла большая луна, окрасила местность серебристым мертвенным светом. Сразу почувствовали себя так неуютно и зябко, что поневоле придвинулись к костру и одновременно друг к другу.

«Кешка, ты часто гулял по ночам, расскажешь, что интересного или захватывающего тебе встречалось? А то я нередко слышал дикий мяв и шипение на соседней крыше, ты там случаем не шарики спускал?» — проговорил со смешком Павел, понятно, что нервничает парнишка, вот и пытается за напускной

бравадой скрыть волнение.

Ну, я тебе сейчас напридумываю целую кучу приключений, от которых стынет кровь и захватывает дыхание. Как раз подобрался соответствующий антураж: небольшой костерок, стреляющий искрами; залитое бледным светом поле; черная стена гигантских деревьев, чьи кроны скребут небосвод; красные глаза, светящиеся из гущи стволов.

Глаза???

Вот только этого нам не хватало! А ведь мой чуткий слух не услышал ни одного постороннего звука, и Бегунок не выказывал ни капельки волнения.

Глава 3

«Павел, пока оставим мои приключения в покое, у нас появились более важные дела. За нами кто-то наблюдает и у этого кого-то не очень добрый взгляд. Как ты думаешь, не пора ли нам храбро сматываться от греха подальше?» — предложил я спутнику единственно верное дальнейшее развитие событий.

Павел резко обернулся и пару-тройку минут рассматривал светящиеся очи, те в ответ бесстыдно рассматривали его.

«Кешка, ты напрасно паникуешь, у меня же есть амулет, и он не даст меня в обиду. Так сказала старая Зара, а она внушает доверие. Может, этот глазастый на нас посмотрит и уйдет, чего нас есть-то — кожа да кости? Так что пока сидим и ждем дальнейших движений глаз, если начнут приближаться, то немедленно дергаем отсюда!» — ответил Павел и подкинул в костерок еще дровишек.

Сноп искр осветил чуть больше пространства и очертил контуры владельца красных глаз.

Да-а-а, пса такого размера я никогда не видел, а повидал на своем недолгом веку их немало. Он стоял на двух задних лапах, прислонясь плечом к дереву, и просто наблюдал. Стоял? Да, стоял, причем не особо напрягался по поводу нетрадиционной позы, а как простой деревенский зевака таращился на приехавший балаган. Большее сходство с вышеупомянутым зевакой ему придавали рваные желтые штаны.

Огромная лобастая башка с белой полосой посередине, так и продолжала пялиться на нас. При более детальном рассмотрении это оказался не просто пес, по фигуре он напоминал человека. Колени под штанами выгнуты вперед, верхние волосатые лапы заканчивались ладонями с развитыми пальцами. Сразу же вспомнились фильмы об оборотнях, и не о тех, которые в погонах, а о тех, которые обвешаны когтями и зубами. И луна подходящая, круглая и полная, даже не собирается заходить за какую-либо тучку. Собакообразное чудо с гипертрофированными мышцами рук и ног, изучающе уставилось на нас.

«Павел, ты видишь то же что и я? Может я слегка переутомился на фоне предыдущих переживаний?» — как можно тише подумал я.

Нет, в принципе должен привыкнуть к чудесам и всяким разным фокусам, но зрелище человекопса в штанах заставило меня пересмотреть свою шкалу удивления. Сейчас она на самой высшей отметке и собралась ползти дальше вверх… до невозможности… в бесконечность…

«Давай спугнем его? Я закричу, а ты зашипишь что есть мочи, может хотя бы как-нибудь отреагирует. Странно, что Бегунок его не чувствует и не пугается» — так же тихо подумал Павел, дождался моего кивка и досчитал до трех.

Затем схватив головню, закричал что есть силы и метнул её в красноглазое чудо. Я поддержал его в этом, и от громогласного воя пригнулись верхушки вековых деревьев, по крайней мере, три травинки перед носом точно шелохнулись, и удивленный муравей сорвался с верхушки василька в прелую листву.

Головня пролетела сквозь флегматично неподвижного человеко-пса, не причинив никаких видимых неудобств, и шлепнулась позади, осветилась размытая и зыбкая, бесплотная туша. Наш дуэт от удивления замолчал, фигура так и не двинулась с места, а у Бегунка по глазам видно, что он хочет повертеть копытом у виска, оценивая наши крики. На несуразность поведения пса, носящего немодные желтые штаны, четырехногий соратник не обращал абсолютно никакого внимания. Человеко-пес также злобно продолжал смотреть на нас.

«Павел, может, сходишь и проверишь, что этой псине нужно? Ты все равно пожил, и многое повидал, а мне еще жить и жить, к тому же Занисса глазки строила» — спросил я, особо не надеясь на его сознательность и храбрость.

«Нет, так дело не пойдет! Не хочется мне почему-то к чудику прозрачному в лапы переться, тем более я еще нецелованный, а с Маринкой из соседнего подъезда не в счет, мы в бутылочку играли. Давай лучше ты, если что — на дерево запрыгнешь, и нет тебя!» — возразил Павел.

Мы еще пять минут препирались, так и не придя к общему соглашению. А так как мы препирались мысленно, то, оглядываясь назад, представляю эту картину — смотрят друг на друга человек и кот, изредка кидают взгляды во мрак леса, откуда проступают светящиеся адским пламенем глаза. Чем не заставка к фильму ужасов?

«Тихо, Павел, не шебуршись, к нам кто-то скачет, я слышу топот. Не было печали с оборотнем размытым, так еще кого-то принесло, доставай другую головню, мало ли кого там ветер гонит!» — сказал я, и мы тут же затаились. Слева кто-то скачет, справа щерится чучело в желтых штанах, вот как хочешь, так и живи дальше.

Бегунок громко заржал и развернулся в сторону скачущего всадника. Все громче слышен топот, я не выдержал и вскочил на плечо Павла. Темная фигура приближалась ближе, я прижался к Павлу, а тот ощутимо напрягся, готовый вскочить и драпать.

К костерку подскакала и легко спрыгнула на примятую траву наша давняя знакомая по первому появлению в этом мире. Одета в коричневый камзол, домотканые штаны непонятной серой расцветки, на голове яркий аляповатый платок. На вид она само воплощение разбойницы с большой дороги, а раздолбанные сапоги, видавшие не одну дорогу, дополняли антураж ее костюма.

— Уф, еле тебя нашла, если бы не крики, то так и проехала бы мимо. Ну, чего рот раскрыл, смотри — комаров нахватаешь. Меня Зара послала в помощь, сказала, что ты в нашем мире можешь заблудиться и сгинуть ни за ломоть хлеба, — проворчала разбойница и уселась возле костра.

Её лошадь подошла к Бегунку и они, соприкоснувшись мордами в знак приветствия, зашептались о чем-то своем.

— Привет, а я уже думал…, что не увижу тебя…, после нашего ночного происшествия, — пролепетал Павел, даже в отблесках костра видно, как он покраснел. — А мы вот с Кешкой смотрим на чудовище из леса и гадаем, как дальше быть.

Девушка повернулась и без особого интереса осмотрела предмет наших волнений. Затем хмыкнула и повернулась обратно к Павлу:

— Нашел о чем волноваться, это обычный Брысь.

— Брысь? А что это за чудо и с чем его едят? — попытался пошутить Павел, девушка тем временем положила мешок и извлекла хлеб и кусок мяса.

Не торопясь отрезала от того и другого по ломтю и принялась неторопливо жевать.

— Это не чудо, это охранное существо, призванное отгонять от Вечного леса нежелательных гостей. Его не стоит бояться, пока ты не задумал сделать чего-нибудь плохого. Лес вырубать или болота осушать он не позволит, но если ты идешь с миром, то не тронет, а может даже и покажет кратчайшую дорогу, — прожевав, сообщила девушка и откусила приличный кусок хлеба.

— А то, что я в него метнул горящую головню, он не примет за покушение на свою особу? — мой друг спросил у жующей девушки. Та в ответ отрицательно помотала головой.

— Кстати, мы так и не познакомились, меня Павлом зовут, а моего кота Кешкой, а как называть тебя? — спросил Павел, не отрывая глаз от жующей девушки.

«Не Кешка, а Иннокентий! Я ее вижу второй раз в жизни, ни к чему нам эти фамильярности! Кешка лишь для домашних и для тех, у кого что-либо стащил» — мысленно проворчал я.

— Меня в таборе называют Татина, но ты можешь называть Тана. Насчет головни ты погорячился, если бы дерево загорелось, то кричать не смог. Когда Брысь появился, многих находили

разодранных пополам, пока не поняли, что лес трогать не нужно. А так хоть костер на том месте, где стоит, разведи — он не тронется с места. Тут лишь часть его, как бы дух, а духам все равно, чем в них метают, остальные части сейчас в других местах леса и собираются вместе лишь для наказания плохо поступившего, — протараторила девушка и вновь вернулась к прерванной трапезе.

Павел как зачарованный смотрел на ее ушко, двигающееся в такт пережевывания пищи, пока я не напомнил еще об одном вопросе: «Павел, спроси, а чем питается этот Брысь, может благородными котами и почему он в штанах?».

— Тана, а что ест Брысь? А то мой кот слегка взволнован его присутствием (как-будто он сам недавно не орал, пытаясь спугнуть), и почему он в штанах? — еле-еле оторвавшись от созерцательного зрелища, спросил Павел, вертя в руках амулет Железера.

— Ах да, Зара говорила, что ты с помощью своего амулета можешь читать мысли своего спутника, только не вздумай на мне опробовать — мигом развернусь и уеду обратно (Павел отдернул руку от луча и вновь покраснел). Успокой своего кота, Брысь — вегетарианец и не ест ничего кроме корней и ягод. А в штанах, потому что по преданию это человек, он заколдован за какую-то страшную провинность великим колдуном Корнем и поставлен охранять Вечный лес. Сейчас Павел, давай укладываться спать, завтра отвечу на все вопросы, нам предстоит еще долгий путь, успеем наговориться! — прожевав последний кусок, отрезала Татина. Подкинув еще дров в костер, положила под голову мешок и улеглась прямо на земле.

«Ну что, Кешка, будем укладываться, сам слышал, что сказала Тана. Все же я рад, что нам не придется искать этого отшельника одним, на тебя полагаться нельзя, вон ты даже безобидного Брыся испугался, да и я в этой местности еще не освоился» — с этими мыслями Павел последовал примеру Татины и положил буйную головушку на мешок, закрылись ехидные глаза.

Ну, Павел Семенович, не ожидал я от тебя такого ехидства, ничего — при случае напомню, как над бедным котом издеваться. Однако, не оставалось ничего другого, кроме как задремать, лелея мечту о возвращении домой, в свой двор, к своим родным и таким любимым просторам.

Утром какая-то обалдевшая пичуга разбудила нас своим посвистыванием, хотя посвистыванием можно назвать с большой натяжкой — скорее это рев потревоженной автомобильной сигнализации, резкий, пронзительный, пробирающий до глубины души. Видимо, чтобы нам было лучше её слышно, желтая птичка

с розовым хохолком подобралась почти вплотную и распевала от всего маленького сердца. Почти — это не такое уж и маленькое расстояние, потому что когда я метнулся к ней, чтобы отключить непрошеный будильник, не хватило буквально волоска для ее поимки, суда и немедленного наказания.

Маленькая, но очень громкая певунья с писком упорхнула от моих ласковых объятий и, отлетев подальше, вновь принялась за старое, но более надрывно и душевно. Результатом ее потуг явилось пробуждение остальной живности, которая пронзительными криками начала выражать недовольство моим отношением к представительнице местной фауны. Нажаловавшись вволю, громкоголосая пичуга покинула наше общество, улетев куда-то вглубь леса.

Когда Павел, наконец окончательно продрал глаза, то казалось, что кругом орет все, начиная от головешек потухшего костра и заканчивая призрачным Брысем, который так и не сдвинулся с места и все так же бесстрастно взирал на нас. Татина же, не обращая никакого внимания на окружающий шум, преспокойно умывалась, плескала из фляжки себе на ладонь.

— Доброе утро, Тана — пробормотал Павел, — ничего себе у вас тут петухи поют, так и кондрашку недолго схватить.

— Доброе утро, а что это за зверь такой «кондрашка»? — поинтересовалась Татина, неспешно выкладывая хлеб и мясо.

— Так у нас говорят, когда очень пугаются и сердце может от испуга остановиться. Я сперва подумал, что проснулся дома и у соседей опять колесо с машины сперли, так похожи показались вопли, — наблюдая за священнодействием приготовления нехитрой трапезы, сказал Павел.

«Ага, ты еще больше бы удивился, когда б увидел, кто эти звуки издавал. Пичуга величиной с воробья не может так истошно орать, если она конечно не природная аномалия» — передал я Павлу свои соображения. Тот не мог удержаться, чтобы не спросить у Таны разъяснения моим словам.

— У нас эту птицу называют ревун, маленькое создание не может ничем защититься, вот природа и одарила ее таким голосищем. Нападающих парализует чудовищным ревом, а она в это время исчезает. Услышать ревуна хороший знак, к удаче. Давай садись, перекусим и в дальнейший путь, неизвестно, сколько у нас еще времени осталось, — сказала Тана и вцепилась крепкими зубами в вяленое мясо.

Павел не отставал от нее в уплетании харчей, да и я не миндальничал и, зацепив солидный кусок, принялся насыщаться. Птицы, поняв, что дальнейшая истерика не принесет никакого эффекта, постепенно смолкали и отвлекались на свои дела.

Солнце, медленно и нехотя высунулось из-за горизонта, и в задумчивости размышляло — идти на обычный обход или позвать тучи на помощь и взять на сегодня отгул. Потом флегматично рассудив, что раз все равно уже встало, и уснуть не удастся, отправилось на опостылевшую работу.

Наше чавканье затихло в унисон с громкоголосым пением птиц, и мы тоже принялись собираться в дорогу, то есть Тана засунула в мешок остатки пищи, а Павел упаковал в мешок вашего покорного слугу. Приторочив похудевшие мешки у седел, оба седока лихо оседлали скакунов, причем отчетливо послышалось, как скрипнули Пашкины зубы. Но виду он не подал, а терпеливо направил Бегунка следом за лошадью Таны.

Мы въехали в лес, такой пугающий ночью, и такой светлый и дышащий жизнью днем. Брысь нас проводил красными глазами, но не двинулся с места, я ему даже помахал ухом на прощание, хороший все-таки парень, вроде нашего лешего. Если бы в нашем мире существовал такой, то проблема вырубки лесов не стояла так остро.

Утреннего будильника с хохолком нигде не видно, наверно затаился в ожидании благоприятного момента. Зато остальные его сородичи разливались, завершив птичьи дела и радуясь солнечному теплу. То и дело по кустам шуршали мелкие зверушки, дразнили охотничьи инстинкты. Я пару раз расправил и втянул обратно когти, представляя, как впиваюсь в жертву. Тропинка виляла между шершавых стволов и раскидистых кустов, то становилась едва видимой, то наоборот чуть ли не превращалась в тракт, где крупное зверье ходило на водопой. Воздух до такой степени насыщен запахами, что можно резать ножом, упаковывать и потом продавать — спрос был бы обалденный.

— Тана, ты вчера обещала мне на вопросы ответить, может сейчас самый подходящий момент? — чтобы как-то отвлечься от радости поездки и зубовного скрипа, несмело спросил Павел.

Он ерзал в седле, будто сидел на горячем песке пляжа.

— Давай спрашивай, только учти — я не все знаю, — не оборачиваясь, ответила Тана.

Я приготовился направлять Пашкины вопросы в нужное русло, а то он со своей влюбленностью лишь о погоде будет спрашивать, и этот романтик тут же подтвердил мои опасения.

— А у вас тут всегда лето, или зима тоже бывает? А как долго длится весна? — Павел начал говорить ради разговора.

Тана озадаченно на него посмотрела, но ответила.

— Тебя действительно это очень волнует? У нас бывает зима, это довольно холодное время года, и северный ветер пронизывает

до костей. Это продолжается не так уж и долго, в основном тепло и солнечно.

«Павел, узнай у нее про Гариона! Хватит разводить пустые разговоры, спроси — почему он нас преследует и вообще кто он такой!» — напомнил я Павлу.

— Тана, скажи, а кто такой Гарион, почему он за нами гонится и почему мы должны от него убегать? Может, получится как-то с ним поговорить? — вняв моим резонным требованиям, спросил Павел.

При этом он неловко повернулся и тут же сморщился: «Кешка, как же я натер в седле свою пятую точку, похоже, там мозоли величиной с кулак».

— Давай я начну чуть пораньше и внесу некоторые пояснения, возможно, они помогут избежать ненужных вопросов. По словам Зары — ты не из нашего мира, поэтому расскажу немного о том месте, где ты сейчас находишься. Это началось задолго до моего рождения. В ходе Столетних войн, когда человечество сражалось за место под солнцем против гномов, эльфов, орков, была перебита масса народа. Говорили о еще какой-то расе водников, что те оказались полностью стерты с лица Земли. Все сражались против всех, — девушка горько вздохнула. — Человечество приблизилось к полному уничтожению. Тогда и появился Корень с учениками Железером и Гарионом. Они и остановили войну, где-то колдовством, где-то красноречием, но в итоге свелось к подписанию мирного соглашения и общего ненападения. Произнеслись вековые клятвы и скрепы клятв общей кровью. И вроде бы жить тихо и мирно, но не могли разные существа видеть друг друга. Общая неприязнь развела расы по разные стороны. Как-то так получилось, что гномы, орки и эльфы оставили людям главенствующее место на планете, а сами ушли в леса и горы. Говорят, что остатки племен еще где-то живут, но с людьми они больше не контактируют.

— Так значит маги ученики Корня? Почему же Гарион порезал Железера? — Павел еще раз скрипнул зубами, неловко повернувшись в седле.

— Слушай дальше, что-то произошло после подписания мирных клятв, то ли маги поругались, то ли Корень их оставил. Но в итоге Корень пропал. Железер и Гарион предложили свои услуги человеческому предводителю Пемусу Справедливому, — Татина начала отвязывать фляжку от седла.

— Круто, видно место не поделили. Конкурентная борьба и у нас достигает катастрофических масштабов, — Павел вставил строчку из телевизионного сообщения.

— Но после того, как от опытов Гариона начали исчезать

люди, его изгнали из города. Он пообещал вернуться и жестоко отомстить, Железер постоянно находился на страже королевства. Но однажды и он отлучился куда-то, то ли в Ростию, то ли в Лапинию. Ах да, ты же не знаешь. На земле, где мы находимся, существуют пять королевств. Наше королевство называется Сталлия, также есть Лапиния, Лаврения, Мурашия и Ростия, — Татина сразу пояснила, увидев изогнувшуюся Пашкину бровь.

— Все равно не запомню, но может пригодится, — подал голос Павел.

Татина подумала, что он хотел спросить о королевствах, а вовсе не скривился от боли. И Павел не стал разубеждать.

Татина смочила горло из фляжки и продолжила лекцию.

— Десять лет назад ушел из жизни король Пемус Справедливый (как раз, когда пропал Железер). Поговаривали, что скоропостижному уходу помог настоящий король, его племянник Стим Грозный. Правда, те, кто поговаривал, отправились в скором времени обсуждать свои домыслы с самим Пемусом.

— Борьба за власть, м-м-м, — покивал Павел.

— Ага! Стим взошел на престол и сделал советником и первым помощником мага Гариона, изгнанного при Пемусе за жестокость. Никто не осмеливался думать, за какие заслуги его приблизили. В городах появились отряды псов-рыцарей, их назвали так из-за шлемов в форме собачьей головы. Они обязаны поддерживать порядок и спокойствие в городах, и так рьяно взялись за дело, что мостовые покрылись запекшейся кровью. Даже косой взгляд, брошенный на коня рыцаря, карался смертной казнью без суда и следствия. И тут случилось что-то необычное — у простого народа пропала жажда жизни. Любого человека можно ударить, оплевать и вовсе убить, ему это безразлично, он готов делать все, что говорят. Такое состояние появилось у всех, кроме короля Стима и его прихлебателей, — Тана сплюнула с омерзением. Плевок заискрился на листе лопуха.

Павел слушал ее, открыв рот, и успел проглотить трех мух.

— Потом Стим, вкусивший крови, начал войну с соседним королевством Лаврением. Всегда и во всем ему помогал Гарион, первый советник и верховный маг. Никто и никогда не видел короля без его сопровождения. Говорят, что в Лаврении появились глашатаи, передавали обращение Стима Грозного: «Вам дается два дня, для того, чтобы сложить оружие и преклонить головы пред нашим королем. Иначе живые позавидуют мертвым!!!»

— Офигеть! — скривился Павел. Я-то знал почему, но вышло убедительно, будто он и в самом деле сочувствовал.

— Глашатаев, конечно, повесили, но кто-то все же переметнулся. Остальные основательно готовились к жестокой бойне. Когда время, отпущенное на раздумье, истекло, лавренийцы начали преображаться. Они, как и сталлийцы, стали безучастны к своей судьбе. Они жили, но их уже ничего не интересовало и не волновало. Гарион творил злое колдовство — при завоевании Лаврении не пролито ни капли крови. Выбегавшие из городских стен люди останавливались и вставали, как вкопанные, затем возвращались к своим прерванным делам, забыв о войне и захватчиках. Воины Стима ходили и раздавали щелбаны безучастным истуканам. Потом глашатаи появились в Мурашии и Лапинии. Уже больше народа переметнулись к Стиму, однако были и те, кто собрался яростно сопротивляться. Люди искали и Корня и Железера, чтобы противопоставить магию магии, но не смогли их обнаружить. Эти королевства постигла та же участь, что и Лаврению, везде люди становились безразличными к своей судьбе, — Татина повернулась к Павлу, а тот, только что морщившийся, тут же выпрямился в седле и сделал заинтересованное лицо.

— Круто тут у вас, — покивал Павел.

— Знаешь, Павел, мы с нашим табором проходили эти королевства. Жители в них такие, словно из них вынули стержень, они ходят, дышат, разговаривают, но в глазах нет жизни. Даже дети не играют, не умеют улыбаться, на наши представления никто не обращал внимания. То и дело вздрагивают и оборачиваются, словно ежесекундно ожидая удара. Это действительно страшно — смотреть в детские глаза и не видеть ничего, кроме пустоты. И что самое плохое — перестали рождаться дети, взрослеют родившиеся после захвата. Лишь стражники в королевствах, назначенные лично Гарионом, проявляют активность, остальные делают вид, что живут, — Тана смахнула слезу. — Сейчас Стим остановился возле северного королевства Ростии, жители королевства тоже повесили глашатаев, но кто знает, как долго они еще продержатся. Да и Гарион пока отвлекся на тебя.

От ее рассказа и краски леса не казались такими уж яркими, и сам лес как бы притих, внимая Татине.

— Значит Гарион — оставшийся верховный маг королевства, но почему он преследует нас? — сумел-таки выговорить Павел.

Он морщился при неожиданных скачках Бегунка, когда тот перепрыгивал овражек или поваленный ствол.

— Вот на этот вопрос я вряд ли смогу ответить, скорее всего, вы где-то перешли ему дорогу. Это прямой путь желающего умереть к достижению своей цели, — ответила Тана. — Кстати,

забыла добавить — Гарион появился в нашем таборе после вашего отъезда. Старая Зара показала ему неправильное направление. Однако это временная мера, и она направила меня за тобой, чтобы помочь быстрее добраться до Кана.

— Да, нехорошие дела у вас происходят, просто тирания какая-то — поделился знаниями в политическом строе Павел. — А какую роль в этом играл Железер Молния? И кем он являлся в вашем королевстве?

— Я знаю, что он был главным магом при короле Пемусе Справедливом и выступал против Гариона, а ранее участвовал в его изгнании из королевства. Больше я, увы, ничем не могу помочь, поскольку все, что творится за стенами дворцов, скрыто от человеческого глаза, — с сожалением ответила Тана.

— А как же Корень? Неужели его так и не смогли найти? — Павел поминутно ерзал на седле.

— Корень прекратил Столетние войны и исчез, откуда он взялся и куда ушел — не знает никто. Он пропал давным-давно, еще до моего рождения, но память о нем жива до сих пор. И люди вспоминают о нем исключительно с благодарностью, — Татина сорвала ветку с жасминового куста и отмахнулась от назойливой осы, кружившей около головы.

«Павел, а поинтересуйся, не знает ли она как нам вернуться домой, и как вывести из оцепенения твоих родителей? И то что-то не нравится мне нездоровое внимание дядьки с зелеными глазами» — направлял я Пашкины вопросы.

— Татина, а ты знаешь этого отшельника? Может, есть какой-нибудь короткий путь, а то я уже немного устал скакать по этой вихляющейся тропинке, — молящим голосом спросил Павел.

— Старая Зара описала мне, как выглядит пещера отшельника, и откуда смотреть, иначе можно пройти мимо нее в двух шагах и ничего не заметить. Но не могла сказать, на какой из Ледяных гор ее искать, похоже возраст сыграл злую шутку, и ее посетило старческое забвение. Будем искать главную примету — танцующее дерево, вряд ли нам много встретится таких. Привал мы сделаем немного позже, а сейчас расскажи, откуда и как вы появились в той конюшне? — заинтересованно сказала Тана.

Павел, поминутно ерзая и морщась, рассказал историю, произошедшую с нами. Тана то и дело перебивала и спрашивала то про поезд, то про машины, то про телевизор, в общем, про то чего у них не было, а нами воспринималось как обыденность. Павел до того увлекся в своем рассказе, что чуть ли не представился верховным главнокомандующим нашего государства и совсем забыл о мучительной езде. Вот тут-то я и вырвался из дремы, дабы отомстить за ночную подколку: «Ох,

Павел, и горазд же ты врать, смотри — Тана уже открыто потешается над тобой. Ну, какой главнокомандующий не умеет ездить в седле, а ты чуть ли не лежишь на шее Бегунка».

От моих слов Павел спустился с небес на бренную Землю и мигом вспомнив о болячках, попросил у Таны остановиться на привал, но мотивировал тем, что самому красивому коту захотелось в туалет и покушать. Хотя по его лицу видно, что готов на себе тащить Бегунка, лишь бы не садиться вновь на предмет мук и страданий. Тана посмотрела на солнце, оно подмигнуло в ответ, и прозвучала команда спешиться на привал.

Павел упал с Бегунка как мешок с картошкой и минуты три лежал, раскинув руки, потом начал шевелиться. Процесс шевеления занял еще пять минут, затем он все-таки поднялся и нетвердой походкой отправился к пасущемуся неподалеку Бегунку и снял-таки мешок со мной.

Ура! Свобода!!! Наконец-то я смогу распрямить затекшие лапы и пробежаться по траве.

— Павел, всё в порядке? — ехидно улыбнулась Татина.

— Да, просто не спал прошлой ночью, переживания всякие и вообще, — Павел постарался улыбнуться в ответ, но получился оскал очень несчастного льва.

Бегунок с лошадью Татины занялись подножным обедом. Тана и прихрамывающий Павел пошли на поиски воды, а я решил осмотреться и может поймать какую-нибудь живность, а то вяленое мясо слегка приелось. Зайцы и кабаны в понятие живности входили, но только если пойманы не мной, а вот мыши, крысы и тушканчики вполне годились на предмет охоты. Но как назло, когда мы ехали, то мыши так и шарахались из-под копыт, а теперь даже их запах пропал.

Сверху на меня упала чешуйка от шишки, и это заставило поднять голову. На дереве сидела очаровательная белочка и преспокойно себе обедала. Ранее опыта общения с такими созданиями не имел, а видел их только по телевизору, и решил, что на сегодня обедом будет эта милая белка. Я бесшумно, как тень, взобрался на дерево и по ветке подбирался к рыжехвостой, увлеченно лузгающей семечки из огромной шишки.

Момент броска — это ощущение ни с чем не сравнить; когда мышцы напрягаются до звона; сухожилия натянуты как струны; время останавливается, и воздух превращается в желе. Тело прорезает тягучую массу, когти выпущены и готовы захватить цель, в ушах свистит ветер и во рту чувствуется металлический привкус свежей крови. Когти почти сжались на хрупком тельце добычи, но это зловредное «почти» как всегда меня подвело.

Изящным пируэтом белка увернулась и метнула вслед

шишку, и мое тело пролетело мимо цели. Я постарался зацепиться лапами за какую-нибудь ветку, и это удалось! Но шишка, коварно пущенная вдогонку, заставила разжать когти и лететь дальше.

Как любой уважающий себя кот, я шлепнулся на четыре лапы, слегка отбил, но с такими повреждениями вполне можно жить. Сверху раздался довольный стрекот белки, и еще одна шишка ударилась о землю рядом с правым ухом. Чуть поодаль довольно ржали Бегунок со спутницей, наблюдавшие всю сцену охоты от начала и до конца. Павел с Таной еще не вернулись, и это не могло не радовать, иначе Павел извел бы меня своими подковырками за долгую дорогу.

Все же, озлобленный неудачей и вдобавок метким броском, шишка на этот раз попала по лбу, я решил отомстить рыжей нахалке и, уворачиваясь от артобстрела, взлетел по дереву на ту же самую ветку. Белка, издевательски помахала перед моим носом пушистым хвостом и перелетела на другое дерево. Слегка удивленный прытью, с которой она это проделала, я махнул за ней, и началась гонка на выживание. Правда, продолжалась она не долго, на пятом дереве я безнадежно отстал. Зато внизу увидел рыжую шкурку, в размерах чуть меньше белки, и услышал тонкий писк.

Уж если не получилось поймать белку, то сойдет и бельчонок, со всеми предосторожностями, оберегая от падения свою драгоценную особу, я спустился вниз. Не совсем до конца оценив расстояние до земли, мой глазомер сыграл небольшую шутку, и в итоге, когда я спустился вниз, пятно беличьей шкуры увеличилось в три раза и оказалось шапкой небольшого человечка. Тот дергался, пытаясь вытащить ногу из-под упавшего ствола сосны, но видно, что делал он это давно и успел обессилеть.

Одет человечек в сшитую из выделанной кожи безрукавку и такого же рода штаны, на голове сбилась набок шапочка из беличьих шкурок. На ногах, вернее на одной, что находилась на воле, красовался запыленный сапожок с металлическими бляшками. Сам человечек космат, безбород и до безобразия грязен, он-то и издавал тот жалобный писк, который отвлек меня от охоты. Если бы он был нормального человеческого роста, то его можно спокойно принять за модного панка.

Когда он увидел меня, то слегка ожил и позвал.

— Кис-кис-кис, подойди сюда, мой маленький! Ну подойди и дай себя съесть, ну пожа-а-алуйста!

Ага, кто из нас еще маленький, это надо посмотреть. Голос звучал совсем по-мальчишески, даже пушка над губой не

наблюдалось, но в глазах светился голодный блеск взрослого льва. Мне не улыбалось менять роль охотника на роль жертвы, но оставить беспомощное существо умирать не позволяло жалостливое сердце. Поэтому я отвернулся от человечка и побежал на нашу стоянку.

Там Павел и Татина вовсю обедали, только треск стоял за ушами. Меня немного удивило, что Павел сидел по пояс сырой, причем сверху. Ещё больше удивило то, что про меня они благополучно забыли, наверно думали, что так им больше достанется. А я-то их еще считал друзьями… а они так… Ладно, я свое наверстаю, когда снова тронемся, и меня посадят в мешок, поближе к пище. Сейчас не до гордости, нужно сообщить о своей находке.

«Павел, приятного вам аппетита, вовсе не хотел нарушать благословенную трапезу, но сейчас, во время моей предобеденной прогулки, я обнаружил неподалеку отсюда одно существо, которое тоже не прочь отобедать, но не может присоединиться не из-за природной стеснительности, а лишь потому, что застряло и просит о помощи!» — ого, как падение с дерева способствует развитию витиеватости речи, сам от себя такого не ожидал.

«Как все-таки она прекрасна» — в ответ прозвучали в голове Пашкины мысли.

Пришлось подойти и привлечь внимание к своей персоне посредством легкого укуса коленки, иначе из коматоза влюбленности его не достать. Павел выронил кусок мяса и вопросительно посмотрел на меня, грех этим не воспользоваться, тем более что мясо упало в непосредственной близости от моего носа. Я повторил свои мысли Павлу, вгрызшись в упавший кусок. Все-таки от прогулок по деревьям разыгрывается страшный аппетит.

— Кешка говорит, что неподалеку обнаружил человека невысокого роста, тот попал в беду и просит о помощи, — сообщил Павел наблюдавшей за нашей мизансценой Татине.

— Сейчас многие люди в беде, всем не поможешь, а нам нужно торопиться, кто знает, когда Гарион вновь нападет на след, — ворчливо проговорила Татина (что же между ними произошло, пока меня не было рядом?), но все же поднялась. — Ладно, посмотрим, чем мы сможем помочь. Пусть кот покажет дорогу, а доесть он успеет потом.

«Павел, а чего она такая злая стала? Ты наступил на любимую мозоль? Или нашел повод поругаться, и она макнула в воду?» — на ходу дожевывая кусок, спросил я у Пашки.

«Нет, не в этом дело, когда мы у родника набирали воду во фляжки, я вспомнил, как ты учил ухаживать за самками. Я и

потянулся, чтобы обнюхать ее лицо и заодно проверить нос — холодный и сырой, или сухой и горячий. Ну, чтобы узнать здоровая она или больная. Так она подумала, будто я лезу целоваться и, схватив меня за волосы, с размаху макнула в ручей. А ты говорил, что это всегда срабатывает, вот и верь после этого донжуанскому опыту. Сейчас она дуется, даже не смотрит в мою сторону» — обиженно ответил Павел.

«Павел, нужно учесть, что сейчас другое место, другое время и вообще другие нравы. Может, тут как-то по-другому заигрывают, ты спроси у нее на досуге. А вот и тот человечек, о котором я вам говорил» — показал я причину нашей задержки.

— Ну что рты раскрыли, как младенцы на фокусника? Вы что — никогда гнома не видели? — приветствовал человечек наше появление на лужайке. — Уберите эту деревяшку с моей ноги и я, так и быть, вас помилую. Ну что встали, ждете, пока мой гнев прольется в полной мере? Действуйте!!!

Вот тебе и раз, вот и приводи помощь. Павел и Татина не сдвинулись с места, но начали переговариваться о чем-то странном.

— Павел, а давай его съедим! А то надоела вялёнка, так хочется чего-либо свежего, а тут и бегать никуда не надо, режь да жарь! — повернувшись к Павлу, с жаром обратилась Татина.

Павел сперва испуганно посмотрел на Татину, но когда она незаметно от гнома подмигнула, то поддержал игру.

— Конечно, съедим, не пропадать же добру посреди леса, а так нам на пару дней его хватит.

— Э-э-э, люди! Вы же не едите себе подобных, так во всех наших книгах написано, по крайней мере в северной части материка не едят, — менее уверенно сказал маленький грубиян. — Я разрешаю отдать вяленое мясо, раз оно вам надоело, и после моего освобождения отправиться восвояси. Преследовать и сниться вам по ночам я не буду, обещаю.

— Мне больше нравятся его упитанные ляжки, возьму их, а остальное ты можешь забрать себе. И беличья шапочка как нельзя лучше подойдет к моим волосам, — все также плотоядно проворковала Тана и, достав небольшой нож, начала подрезать ноготки. Срезанные чешуйки падали в густую траву.

— Спасибо, ты же знаешь, как я люблю жареные пальцы, вот так удача нам подвалила. Ещё посмотри на его нос, хрящеватый и длинный, как раз такого я давно уже не пробовал. Да и не вспомню сейчас, когда мы с тобой последнего гнома разделывали, зато помню какое у них нежное мясо! — продолжал играть Павел и тоже достал нож.

И я внес лепту — вышел вперед и начал кровожадно

облизываться. Наглость гнома растаяла на глазах, а увидев меня, он как-то весь сник и погрустнел. Еще бы, кошачья морда, вылезающая из густых зарослей — страшный сон любого Маугли.

— Котик, зачем ты их привел? Я честное слово не хотел тебя кушать, это просто шутка. Не убивайте меня, пожалуйста, а то папа с мамой очень огорчатся. Один я у них, и позаботиться некому будет на старости лет, и стакан с водой никто не поднесет, и редкий алмаз не покажет, — окончательно раскис гномик. — Отпустите меня, и они вас по-королевски наградят.

— Павел, он сказал «пожалуйста», а этого от гномов редко кто слышал, наигрубейший народец, но справедливый и очень трудолюбивый. Давай поможем, берись вон за те сучья и на счет три тяни на себя! — смилостивилась над запуганным гномом Татина и подошла к пленившему его дереву.

— Раз, два, три и взяли! — скомандовал Павел.

Шероховатый ствол качнулся туда-обратно и примостился на том же самом месте. Гном взвыл. Таким образом, они брали еще раз пять, пока не освободили ногу гнома.

Гном кинулся растирать затекшую ногу, потом покатился по земле и тихо поскуливал, когда кровообращение начало восстанавливаться. Наконец поднялся и, отряхнувшись от листвы, обратился к Павлу.

— Спасибо тебе, благородный сын своего отца, — затем повернулся к Татине. — Спасибо тебе, красивейшая дочь своей матери. Благодарю вас за освобождение из плена и спасение от голодной смерти. Умоляю, не сочтите мою просьбу за грубость и хамство, но не могли бы вы препроводить меня домой, если нам по пути, конечно.

— Мы едем к Ледяным горам, меня зовут Павел, а мою спутницу Татина, того кто привел к тебе нас называй Кешка — слегка выпятив грудь, сказал Павел. — Если тебе с нами по дороге, то присоединяйся к нашей компании. Кстати, как называть тебя?

— Я Кхорм, наследный принц гномьего королевства и единственный наследник престола, буду признателен вам до самой смерти, если позволите следовать с вами, — гордо произнес гном и уже менее горделиво попросил. — У вас не найдется немного еды, а то я в таком положении провел четверо суток и ничего не ел.

Мы вернулись на поляну и там отдали должное обеду. На солнечной полянке, на все лады разливались птичьи трели, кузнечики стрекотали как скипидаром намазанные, бабочки кружились в стремительной карусели. После плотного обеда, когда умялась половина запасов, гном начал рассказывать.

Глава 4

— Кхорм, так как ты попал в эту западню? — спросил Павел, когда покончили с едой, меня поместили на привычное место, а самого принца умыли и привязали к Пашкиной спине, чтобы не свалился.

Бегунок сперва возражал против возрастания груза, но потом флегматично плюнул и уже не обращал внимания на гнома. Но иногда излишне усердно принимался отгонять мух, слегка попадая жестким хвостом по румпелю гнома.

— Хороший вопрос, Павел, жаль ответ не будет таким. У нас, подземных старателей, принято передавать по наследству королевскую власть. Может поэтому королям дается строгий запрет на рождение детей — не больше одного. И не важно, кто это будет — дочь или сын, но если нет ребенка, то тут уж власть переходит к родне. Может поэтому я и оказался в ловушке. Мой двоюродный брат Стохм, да проклянет его имя Подземный Кузнец, замыслил одну «веселую» шутку, итог которой вы наблюдали. Он часто поднимался на поверхность и гулял по полям и лесам, особенно гордился тем, что в темноте и на ощупь сможет определить любой вид деревьев. Но мало понимал в каменоломном, кузнечном и ювелирном деле.

— Это да-а, в семье не без урода, — прокомментировала Татина.

Я согласно кивнул, правда, этого никто не заметил. Ну и ладно. К тому же еловая лапа прочертила по боку Бегунка, заставила пригнуться, хотя смолистая шишка все же скользнула по ушам.

— На краю Вечного леса, в канун праздника подземного старателя, он поставил ловушку и поместил в нее зайца, рядом набросал кучу всяких щепок и сучьев, словно там срубили дерево. Потом за общим праздничным ужином Стохм обмолвился о ловушке и предложил проверить мою смелость, то есть ночью пойти и посмотреть — попалась ли в нее какая дичь. Мне не хотелось тащиться куда-то, и я запротестовал, тогда он упрекнул родителей в воспитании труса. Мой отец такого не стерпел и вызвал Стохма на спор: либо я приношу ловушку из леса, и тогда Стохм будет изгнан с позором навсегда, либо я отказываюсь и сам ухожу из племени, «ибо гордому и трудолюбивому народу не нужен трус в короне». Мать пыталась что-то сказать отцу, но тот не пожелал слушать, тем более, что и другие гномы разгоряченные элем, закричали о проверке смелости. Так и пришлось тащиться в непроглядную тьму за ловушкой Стохма.

— Развели как лошка, — хмыкнул Павел.

— Что это за зверь такой и как его разводят? — поинтересовался из-за спины гном.

— Да это я так, присказка такая, — пробормотал Павел.

— Так вот. На пути я не обнаружил ничего пугающего, правда, поднял с лежки кабанье семейство, но убежал, прежде чем секач нашел причину беспокойства. Зато неприятный сюрприз ждал меня возле ловушки, там, над еле живым зайцем, Брысь рассматривал валяющиеся на земле щепки. Заметив меня, все его духи собрались воедино, и он двинулся в мою сторону. На попытки объяснить, что да как, Брысь не реагировал. Он схватил меня в охапку, в ушах засвистело, в глазах помутилось, и в себя я пришел в западне, из которой вы освободили. То есть ощутил себя на месте зайца. Хорошо еще, что Брысь не растерзал меня, как остальных — Крохм перевел дух, слегка утомленный рассказом.

Бегунок, мирно топающий по мягкому мху, тоже слушал рассказ гнома, хвост ни разу не коснулся картофельного носа. Зато по завершении поставил хлесткую точку, гном испуганно ойкнул.

— Понимаю, и я пару раз велся на «слабо» и попадал от этого в неприятные истории. Ничего, зато сейчас вернешься, накостыляешь этому Стохму по ушам и забудешь все как дурной сон, — высказался Павел. — А как вообще жизнь у королей проходит, чем вы занимаетесь? А то Татина лишь про одного короля рассказывала, а он или убивает, или захватывает.

— Нет, мы, горный народ, давно ни с кем не воюем, живем в основном под землей, на поверхность редко-редко выходим. Мы оставили землю людям после Столетних войн, когда поняли, что не сможем вас одолеть, но как рассказывают горделивые старейшины — мы специально ушли вниз от слепящего яркого солнца. Купцы приезжают и оставляют товары у входа в пещеры, а наутро забирают мечи, кольчуги и щиты в обмен. Да и попасть к нам очень трудно, если не знать ходов, то всю жизнь можно проплутать по пещерам, а так и не встретить ни одного гнома — сообщил нам Крохм. — А жизнь у королей ничем не отличается от обычных трудяг, кроме решающего права голоса ничего такого не имеют.

— Вот бы у нас так, а то наш король на власти помешался, и может быть и к вам в скором времени заглянет с предложением, от которого вы не сможете отказаться! — печально сказала Тана.

Она сорвала длинный стебель и теперь выковыривала из белоснежных зубов застрявшие волокна обеденного мяса.

— Ему не зачем это делать, как я уже говорил, мы давно не

имеем контактов с людьми, вы первые за последние несколько лет, кто видел гнома не на картинке — проговорил Крохм. — Хотя нет, не так давно к нам приходил маг Гарион, он предлагал, объединившись с его людьми, завоевать королевство Ростию. Но мы отказались. Мы живем своей жизнью и нас не касаются людские войны и перемены. Тогда он так разозлился, что прямо задымился и начал потрескивать. Но мой отец остался непреклонен и в ответ на грозное лицо мага пообещал завалить все выходы, похоронив гостя под тяжелыми скалами. Другие гномы поддержали королевский ответ. И Гариону пришлось уйти ни с чем. Кстати, Павел, а почему ты все время ерзаешь, что-то не в порядке?

— Ну как тебе сказать, я не привык так долго скакать на коне, и поэтому возникли некоторые проблемы интимного свойства, — замялся и попытался скрасить ответ Павел.

— Зад натер? — спросил прямолинейный гном. — Есть хорошая мазь от мозолей, постоянно с собой ношу, брызнет каменная крошка и порез. А мазь заживляет почти что сразу. Намажешь, и через пять минут всё как рукой снимет, остановись и дай ее достать.

— Не стесняйся, Павел, в этом нет ничего позорного, многие натирают зады. И главнокомандующим необязательно уметь ездить верхом. Давай мажь, я отвернусь! — со смехом проговорила ехидная Татина.

Покрасневший Павел резко к ней повернулся, с желанием высказать соображения по поводу женского пола и Татины в частности, но от этого движения страдальчески сморщился и остановил Бегунка. Конь сразу же склонил голову к сочной траве, мощное фырканье сгоняло с соцветий глупых кузнечиков и навязчивых бабочек.

— Ничего, вот если бы побывала в нашем мире, то посмотрел бы я, как ты оседлаешь велосипед и проедешь километр. Все столбы твоими бы стали, — пробормотал Павел, спешившись с коня и отвязывая гнома.

— Павел, так ты не из нашего мира? Расскажи, пожалуйста, о своем мире и в частности — что это за зверь такой — велосипед? На нем только ездить или в пищу можно тоже употреблять? — заинтересовался Крохм.

— Вот сейчас Павел намажет то, что врагу показывать нельзя, вернется и расскажет про этого дивного зверя, и про то, какой он важный человек в своем мире — сказки я с детства люблю! — продолжала веселиться Тана.

Не понять ей, дикарке, что мужчина и стукнуть может за такие оскорбления достоинства, привыкла под пазухой Зары

прятаться. Даже мне обидно за красного как рак Павла, что эта самка о себе возомнила? Ну, прихвастнул чуток, ну кто же без греха, а под линолеум зачем опускать?

Злой Павел никак не мог распутать веревку, и это никак не способствовало возможности успокоиться и ответить достойно. Наконец, разозленный неподдающейся веревкой, болью в ноющем заду и более всего — веселящейся Татиной, Павел плюнул на веревку и решил её просто пережечь, про нож даже не вспомнил! Достав из кармана зажигалку, он принялся за дело.

Небольшой огонек, вырвавшийся из зажигалки, заставил замолчать Татину, которая набрала в грудь воздуха для очередной колкости. Она и Крохм удивленно смотрели, как сгорают веревочные волокна и не от головни из костра, а от сжатого Пашкиного кулака. Обугленные концы упали на ореховый куст, повисли, как уставшая змея на ветке. Из зелени куста выпорхнула малиновка и усвистала прочь.

Удивление спутников навело меня на хорошую мысль и, когда Павел вернулся из кустов с видимым облегчением на лице, я передал ему свои соображения: «Павел, ты смог произвести впечатление, и если хочешь чтобы она прекратила свои издевки, как-нибудь обыграй свой мобильник. Мол, ты тоже не пальцем деланный и у тебя есть шкатулка с заточенными душами, которые когда-то разозлили тебя».

— Павел, а что это у тебя за палочка, с помощью которой ты избавился от веревки? — упредил Татин вопрос любопытный гном.

— Это маленький дух огня, мы долго бились с его отцом и, когда я одержал победу, он отдал мне одного из сыновей. Правда отдал с тем условием, чтобы я иногда выпускал его и кормил! — начал выпускать на волю свою фантазию Павел. — Но это лишь малая часть из того, что я могу сотворить в нашем мире…

Татина фыркнула, но после вида грозно насупленных бровей, скромно потупила глазки и показала своим видом, что вся во внимании.

Павел привязал новой бечевкой гнома, причем тот не забыл утянуть в карман обгорелую веревочку, чтобы не оставлять следов. Бегунок недовольно покосился на приготовления, но промолчал, подождал, пока Павел поместит свое седалище, и от души врезал хвостом зазевавшемуся гному. Из кармана грязной джинсовки вылез поцарапанный мобильник, и Павел начал рассказывать о заключенных душах и своем могуществе. Татина тихонько пофыркивала, но мой друг горделиво не обращал внимания и продолжал рассказ. Убаюкивал неторопливый монолог, мерное покачивание Бегунка, пригревающее солнце.

Фантазия Павла развернулась особенно бурно, он и мобильник показал, заставив спеть единственную песню-рингтон, и рассказал об управлении автомобилем, и о конструкции велосипеда, и о полете на самолете, и еще много о чем. То есть нашел свободные уши. Я от похвальбы задремал и очнулся, когда мы остановились на привал.

Видимо с мобильником он переборщил — глаза Татины практически не вмещались в орбиты от удивления, а рот полчаса не закрывался, так как струйка слюны достигла сапожка. Гном же что-то черкал заостренной палочкой на куске коры, и этой же палочкой парировал удары прилетающего хвоста. Павел сиял от счастья и собственной значимости. Но тут он допустил одну оплошность, сведшую на нет все повествование.

— К сожалению, в вашем мире наше колдовство почти не действует, иначе я давно бы разобрался с Гарионом, и нам бы не пришлось сейчас куда-то так спешно скакать, — простодушно заявил «великий и ужасный» Павел.

— Тогда какой прок от вашего колдовства, если оно здесь не может работать? Хотя идея велосипеда мне очень понравилась, — сказал Крохм и засунул кору за пазуху, продолжив фехтование палочкой с назойливым хвостом.

Татина разочарованно закрыла рот и вернула глаза в первоначальное положение, но уже не пыталась ехидничать. «Эх, Паша, Паша, а ведь еще бы немного и она бы тебя боготворила. Это будет тебе уроком — если треплешься, так доводи треп до конца, а то одно предложение может свести на нет целый том!» — подумал я и Павел кивнул в ответ.

На этот раз веревка развязалась нормально, и гном потопал по мягкому лиственному покрову, разминая ноги. Кругом из широких листьев выглядывали синие глаза цветов, по стеблям сновали деловитые мураши.

— А вас не удивляет, что я из другого мира? Можно подумать к вам постоянно заходят такие гости! — пробурчал Павел.

— Нет, мы знаем, что не одни во вселенной. Корень пришел из другого мира, так почему не может прийти кто-нибудь другой? — задал риторический вопрос Крохм.

Павел согласился с этим, и вскоре опять ушел в кусты, для облегчения страданий ноющего места.

Привал не принес с собой никаких неприятностей, а скорее наоборот — Крохм поймал большого зайца, подкравшись к тому на цыпочках, когда беспечная скотинка позволила себе наглость задремать под кустом неподалеку. Павел еще раз продемонстрировал блестящее умение пользоваться зажигалкой и через полчаса мы воздавали должное непуганности местного

зверья. Пару раз Брысь мелькнул между толстых стволов, но так как Павел набирал на костер только валежник и ломал сухостой, то претензий не возникло. Крохма Брысь проигнорировал, посчитав того достаточно наказанным. Мгновение, и он растворился в буйной листве.

После привала половину зайца убрали к Татине в мешок, хотя я и уверял Павла, что в моем мешке ему (зайцу) будет спокойнее и прохладнее. Ну да ладно, людская подозрительность всегда гасит мои благие начинания, не привыкать. И ведь не объяснишь недоверчивым, что для них же стараешься.

Как тогда, когда я съел половину окорока у нашей любимой Катрин. Так это не корысти ради — я заботился об стройности фигуры, а уж после марафона, который она устроила, гоняясь за мной, и вовсе должна поставить мне памятник прижизненно, ведь похудела на целых пять килограммов. Правда она могла гордиться собой всего десять минут, пока в поле зрения не попал холодильник, после этого вес был набран вдвойне против пропавшего. Возможно, из-за этого она и явилась к Маргарите Павловне с требованиями сатисфакции, меня к счастью в этот момент не было дома, так как я усмирял окорок внутри (а вы попробуйте плотно поесть и после устроить кросс по пересеченной местности) и нежился на солнце. Зато потом децибелы мата Маргариты Павловны выслушал сполна, запомнил, отредактировал и всегда поражал соседских котов богатыми познаниями в ругательствах.

Так мы и трусили не особенно торопясь, но все же поспешая. Павел с гномом вели тихую беседу касательно оружия, из какого металла лучше делать, сколько выдерживать и как закалять. Тана ехала, погруженная в свои мысли, не пытаясь больше ехидничать, но время от времени вставляя вопросы в мужской разговор. Я дремал, иногда приоткрывал один глаз, дабы убедиться, что с моей драгоценной особой пока ничего не собираются делать. Белки прыгали с дерева на дерево, удивленные глазки провожали странную процессию, сверкали сквозь широченные листья или острые иголки. Кузнечики соревновались в прыжках с лошадьми.

Так мы ехали до самого вечера, пока солнце не покрасило верхушки деревьев в ярко-красный цвет, птицы затихали одна за другой. Вот тогда Татина оживилась и, снова взяв на себя роль ведущей, начала командовать:

— Павел, ты найди дров, возьми с собой кота, пусть он найдет по пути какие-нибудь съедобные травы, я потом выброшу ненужные. Крохм, выкопай яму для костра и надери папоротника на постели, если вам и в радость лежать на голой земле, то я все бока отлежала. И пошевеливайтесь, нужно пораньше лечь, чтобы

пораньше встать.

С такой логикой спорить бесполезно, и мы отправились выполнять задания. Долго еще не забуду запаха дикого чеснока в пасти, когда нарвал и принес его Татине. Павел тоже справился с задачей и вскоре костер весело заполыхал, разгоняя теплым светом начавшие опускаться сумерки. Гном натаскал папоротника даже для лошадей, хотя те отказались от подношения, и отошли в сторонку, разговаривая о чем-то своем.

— Тана, а как там себя чувствует твой отец, который угодил головой в неприятность на конюшне? — вспомнил Павел, когда все насытились и растянулись на папоротниковой подстилке.

У костра, весело выбрасывающего в звездное небо лохмы озорных искр, тепло и уютно. Так и тянет поговорить сквозь подступающую дремоту.

— Нормально, Славко к обеду очухался, но еще недельки две проваляется, пока в достаточной степени не придет в норму. Да и не отец он вовсе, вместе коней воровали. Меня цыгане по дороге на горном перевале подобрали, как рассказывала Зара, а может и украли. А конокрадство у нас основной заработок, дело всегда обстояло так — сперва я, в виде гостьи постоялого двора, начинала строить глазки сторожам, затем любезничала с ними и угощала их вином, в которое подмешано снотворное. Вечером, когда они засыпали, Славко открывал дверь конюшни, надевал на копыта лошадей войлок, чтобы не цокали подковами, и мы тихо-смирно уходили в степь, — разоткровенничалась Татина.

— Тогда почему же Славко напал на меня с ножом? Чтобы вы снова тихо и смирно сделали свое дело, и спокойно ушли, оставив бездыханное тело лежать на перепрелой соломе? — приподнялся на одном локте Павел.

— Павел, у нас сейчас цена человеческой жизни приравнена к комку грязи — раздавил и не заметил. Так что не надо читать мораль о спасении души и о грехах, по твоему лицу было видно, что зашумишь и разбудишь постоялый двор. Тогда, на противоположной чашке весов находились наши жизни, и теперь подумай сам, что мы должны были выбрать! — откинула ветку в сторону Татина. — И вовсе не хотел он тебя убивать, а лишь припугнуть, чтобы ты молчал. А оно видишь, как получилось, с него доску еле успели спилить, синеть потихоньку начинал.

— Ладно, Тана, не кипятись, все же обошлось и я даже рад, что познакомился с такой красивой, умной и доброй девушкой, — раздался Пашкин голос, — Ты само совершенство и затмеваешь взглядом своих чудесных глаз свет полуденного солнца.

Ого! Никак мои уроки пошли на пользу и сейчас он охмуряет неприступную Татину. Я заинтересованно приоткрыл один глаз.

Павел обалдело глядел на Татину, та смотрела на него, а чуть поодаль перекатывался Крохм.

— Знаешь, Павел, такого чудесного и прекрасного комплимента я не получала за всю свою недолгую жизнь, спасибо, очень изысканно, — сообщил нам голосом Татины смеющийся гном.

— Так это ты веселишься, пересмешник низкорослый, а я уж подумала, что в Павле и впрямь любовь ко мне проснулась. Ведь это не так, правда, Павел? — спросила Татина, запустила сапогом в гнома и успешно попала тому по макушке. После экзекуции смех Крохма обиженно спрятался и больше в этот вечер не появлялся.

— Нет-нет, да как ты могла подумать такое? Нет у меня к тебе ничего, кроме дружеских чувств, хотя если будешь еще ехидничать, то исчезнут и они — пробормотал, пряча глаза, Павел, — ну ладно, посмеялись и хватит. Крохм, у тебя здорово получается передразнивать, завтра научишь?

— Ага, чтобы снова схлопотать по ушам? Нет уж, эти перебрасывания сапогами как-нибудь без меня, к тому же этим даром обладают гномы, а людям это искусство дается с великим трудом, — проворчал Крохм и отвернулся от костра, давая понять, что разговор окончен.

Следуя его примеру, поступили и остальные участники нашего похода, я же подошел к Павлу и ткнулся головой в плечо: «Не переживай ты так. И ты можешь сказать Татине слова такие, что у нее заблестят глаза и шерстка пустит искры. Ой! Все время забываю, что вы люди не можете ни искр пускать, ни когтей нормально выпустить».

«Спасибо, Кешка, за поддержку. О как, даже стихами заговорил. Завтра наберусь смелости и признаюсь, что она мне нравится, а там будь что будет. А сейчас давай спать!» — с этими словами Павел погладил меня по голове и прижал к себе. В таком положении я побыл некоторое время, пока он не начал посапывать, а затем осторожно освободился из объятий. Не люблю я телячьих нежностей, не мое это, даже коробит слегка, когда лезут грязными руками.

Немного посмотрев на посапывающего Павла, я отошел поближе к затухающему костру, искр он не выбросит, а тепло с детства люблю. В просветах крон сверкали ледяные звезды, они бесстрастно смотрели вниз на нашу компанию, перемигивались друг с другом. Я любил иногда поваляться на крыше и поглазеть на скопище этих серебряных огоньков. Казалось, что глаза многих благородных котов смотрят на нас и хотят что-то сказать, но у них не получается. И вспомнилось то время, когда я маленький

упал с забора, пытаясь допрыгнуть до этих серебряных огоньков и до желтого блина луны.

Вот и сейчас я снова засмотрелся на черную вуаль неба, с вкраплениями маленьких далеких звезд, и заметил, как одна звездочка покатилась вниз. В людском мире принято загадывать желание, когда звезда падает вниз, поверю этим суевериям и загадаю — чтоб нам поскорее вернуться домой. Звездочка тем временем продолжала падать вниз по спирали, постепенно увеличиваясь в размерах, конечной точкой приземления выбрала нашу стоянку.

Я подумал, что ошибся и спутал звезду с большим светлячком, слегка даже подосадовал — такое желание пропало, когда это светящееся создание подлетело ближе и превратилось в маленького человечка со стрекозиными крылышками. Человечек в голубом костюмчике, состоящем из жилета и обтягивающих трико, держал в руках небольшую дубинку и маленький фонарик.

Заметив, что я за ним наблюдаю, человечек подлетел поближе, улыбнулся, подмигнул и… вдарил дубинкой промеж глаз. Дальше накатила темнота, казалось, все звезды скатились на землю, а меня засасывает в себя бездонное черное небо. И ведь засосало же.

Вот за что я полюбил пробуждения в этом мире, так за то, что они всегда радуют новизной и неожиданностью. На сей раз я пять минут не открывал глаза, отдавшись на волю других чувств. Обоняние подсказало, что мы еще находимся в лесу, и я все также лежу возле костра. Потухший очаг при помощи ветра пытался натолкать мне в нос угольной пыли. Слух же выдал столкновение качающихся ветвей, шорох трущихся стеблей высокой травы и многоголосое попискивание, в котором ясно угадывалась членораздельная речь. Но добила меня чувствительность, когда с неким злорадством доложила, что я связан, не туго, но крепко, зато никаких болевых ощущений, кроме шишки на лбу, не замечено.

На вкус проверять пока нечего, кроме куска веревки в пасти, поэтому я решил открыть глаза. Ого! Да сколько же их здесь? Тысячи три, никак не меньше. Над нами, подобно мошкам теплым летним вечером, роился целый сонм пищащих и машущих слюдяными стрекозиными крылышками человечков.

Пол их можно определить по одежде, кажется, женщины одеты в розовые накидки, в мужском же наряде преобладали зеленые и голубые тона. Все они переговаривались тонкими голосками, махали ручками, порой переворачивались с ног на голову и уже в таком виде вели беседу. Будь я в другом положении, то охотно бы похохотал над их ужимками и

забавными движениями, а сейчас надо перекинуться парой мыслей с Пашкой, если таковой имелся в наличии.

Повернув голову, я смог убедиться, что таковой имелся (то есть в наличии), причем тоже связан и с кляпом во рту. Ему не привыкать, поэтому и лежал тихонько на ветвях увядшего папоротника, как поросенок на праздничном столе. А Татина и Крохм извивались как могли, и как не могли — тоже старались изогнуться. В глазах написаны все яркие слова и выражения, которые мне известны по ругани Маргариты Павловны на пьяного мужа и еще пара неизвестных, но не менее душевных и горячих.

Даже лошади опутаны за задние ноги и привязаны к стоящим неподалеку деревцам, им оставалось нервно подергивать ушами и косить на нас выпуклыми глазами.

«Павел, что это за стрекозы нас спеленали и что им нужно от нас? И почему не сработал амулет, может, испортился?» — спросил я Павла.

«Кешка, я не знаю, кто это, и почему мы вновь связаны, и что им от нас нужно. Амулет же, похоже, действует, когда мне угрожает несомненная опасность. А так просто связали, и пока по отношению к нам не принимается никаких действий — он молчит. Давай подождем, что будет дальше, заодно узнаем, что этим крохам нужно» — вполне разумно ответил мой друг.

Ждать пришлось не долго, вскоре от общего роя отделился человечек, в котором я узнал ночного знакомца, и подлетел к Пашкиному носу.

— Прошу простить за неудобство пробуждения и временное пленение, это необходимая мера предосторожности, иначе вы раздавили бы нас как мух. Помним, как шли дела во времена Столетней войны, — горестно вздохнул человечек. — Простите, расчувствовался, сейчас я выну кляп, и мы с вами мирно поговорим, хорошо?

Павлу ничего другого не оставалось, кроме как кивнуть. Человечек подлетел к Пашкиному лицу и, уперся пяткой, обутой в зеленый башмачок, в основание носа. Кляп выскочил со звуком пробки из бутылки шампанского. Павел пожевал освободившимися, затекшими губами воздух, и начал возмущаться.

— А ну-ка развяжите меня и моих друзей, принесите свои извинения и чего-нибудь поесть, а то я за себя не ручаюсь!!! Вы еще не знаете, насколько я страшен в гневе!!! — закипятился Павел, — Да я сейчас… Пык. Мык. Мммм.

Кляп вернулся на свое насиженное место, и человечек вновь грустно вздохнул.

— Я ожидал такой реакции. Позвольте рассказать, почему вы

оказались в такой ситуации, а потом решите — помогать нам или остаться в связанном состоянии до прихода волков. Извините за небольшой шантаж, — пояснил эльф.

Остальные мотыльки находились рядом и всем своим видом выражали солидарность с оратором. Кто-то уселся на ветвях кустов и деревьев, оживленно болтали и ногами и языками. На стебель пустырника вынырнули три муравья, оживленно потрясли усиками и пропали. Спустя несколько минут на меня пялилась целая стая рыжих муравьев, судя по лихорадочно дергающимся усикам — решали, кто первым пнет мое безвольное тельце.

— Мммм, ммм — пытался возразить Павел, остальные его поддержали, потом хор мычащих червячков постепенно стих и мы превратились в само внимание.

— Вот и хорошо, я ожидал понимания от разумных существ. Так вот, нашего короля похитили три брата-людоеда и держат в заложниках. Шантажируют этим, требуя приносить каждый день грибы и ягоды, заманивать к ним путников. Мы устали жить под их гнетом, да и люди убегают при виде нас, когда двое смогли смыться от братьев и рассказать остальным, как они туда попали. Помогите нам, пожалуйста, мы не постоим за благодарностью, — сказал эльф, и маленькая слезинка блеснула на его глазках.

Павел перекатился на другой бок и вопросительно взглянул на остальных, те кивнули, соглашаясь сделать все возможное для освобождения главы эльфийского государства. Хотя мне думается, что не от благородства души, а от безвыходности ситуации. А может оттого, что собрались обмануть стрекоз и дернуть при первом же удобном случае.

— Нет-нет, прошу еще раз меня извинить, но мы не можем отпустить вас всех — торопливо пропищал подлетевший седобородый эльф, (мечта накрылась). — Иначе у вас могут возникнуть неблагоприятные мысли убежать, не выполнив задания. Поэтому мы и отпускаем вас одного, ибо всем людям доверия нет!

«Павел, похоже, что снова будем работать в паре, меня-то они отпустят, наверное, хотя как попросишь!» — я быстро передал мысли Павлу.

Ужасно чесался нос, а чесать о траву чревато царапинами и попаданиями в него муравьев, которые пока что озадаченно помахивали усиками, примериваясь к последующему нападению.

Тем временем Павел снова кивнул, и опять послышался звук выдергиваемой пробки. Надеюсь, он вспомнит обо мне, когда его развяжут, похоже, что у муравьев созрел-таки план нападения, и они вот-вот начнут претворять его в жизнь.

Павел не стал в очередной раз играть возмущенного и

оскорбленного спасителя всего человечества, лишь более пристально взглянул в лицо молодого эльфа.

— Я согласен спасти вашего короля, но только если вы отпустите и моих друзей, вместе мы гораздо быстрее справимся с людоедами! — сказал Павел и рой радостно загудел от его слов.

— Нет, благородный рыцарь, я снова повторюсь, что мы не можем поверить человеку на слово. К тому же присутствие у нас в гостях твоих друзей лишь подстегнет к более быстрому выполнению задания. Мы с опушки леса следим за вами. Кажется, вы скрываетесь от кого-то, так что не лишним тебе будет знать, что этот кто-то вступил под кроны вековых деревьев, — уведомил нас старый эльф.

— Тогда тем более освободите моих друзей, мы выполним поручение и продолжим свой путь, не задерживаясь и теряя времени! — резонно возразил Павел.

— Знание о приближающейся опасности, которая в первую очередь коснется твоих друзей, будет стимулировать тебя и не позволит медлить, так что в путь, рыцарь, и пусть тебе сопутствует удача. Мириэль, ты проводишь рыцаря до обиталища зла! — сказал старый эльф.

Он махнул ручкой молодому мотыльку, который спровоцировал появление шишки на моей голове, и первый завел с нами беседу.

— Но почему мы? Мало других прохожих? — поинтересовался Павел, растирая запястья.

— На тебе висит охранный амулет, других бы мы сразу к людоедам заманили, — объяснил седовласый.

— Вы и про него знаете? — Павел протер слегка запачкавшийся амулет.

— Немного, в основном то, что он дает защиту носящему. Но поспешите же, сколько можно разговаривать! — рассерженный долгими расспросами эльф топнул ногой… по воздуху.

В результате такого проявления агрессии он сделал забавное сальто-мортале и снова завис на том же месте. Его собратья тихонько захихикали, но, после грозного взгляда, хихиканье стихло.

— Тогда позвольте пойти со мной моему коту, он специалист в деле подкрадывания и воровства, — спросил Павел, пока его развязывали.

Он все же не забыл про меня!!! Хотя мог бы выставить своего друга и в более хорошем свете. Например, как великолепного разведчика и непревзойденного диверсанта. На великолепного диверсанта стройными колоннами пошли агрессивные муравьи, усики подрагивали в такт неслышимого военного марша.

— Хорошо, но остальные останутся мучиться в ожидании своего возвращения. Это единственное, что мы можем для тебя сделать, благородный рыцарь. Надеюсь, им не придется долго ждать, — напыщенно произнес седобородый и кивнул в мою сторону.

Сразу же несколько крох накинулись скопом, сноровисто распутали и поставили на ноги. Когда же я хотел поближе с ними познакомиться и выпустил когти, один из них недвусмысленно продемонстрировал дубинку. Пришлось оставить эту затею до лучших времен.

Павел бросил извиняющийся взгляд на лежащих в траве Татину и Крохма, те в ответ пожелали ему удачи и промычали какое-то напутственное слово. Павел дернулся к ним, но рой человечков угрожающе запищал и двое приставили маленькие кинжальчики к шеям наших связанных спутников. Убить не убьют, но поцарапать могут, поэтому Павел позвал меня и двинулся за Мириэлем, мельтешащим в нетерпении.

Когда мы ушли со злополучной поляны, и прекратился шум стрекота тысяч крылышек, Павел решился задать летящему впереди эльфу несколько вопросов, которые давно мучили его.

— Скажи, Мириэль, а что вам известно про мой амулет и про отношение к нему Гариона? А то бежим от него, даже не зная, так ли он страшен, или это его дурная слава наводит страх, а на самом деле преувеличена до невозможности. Может получиться его из рогатки расстрелять, а не убегать и таиться? — просто снял с моего языка Павел.

— Твой амулет изготовлен великим волшебником Корнем, и он может многое, у нас хранится знание, что в создании принимали участие и эльфы. За то, что согласился нам помочь, открою тайну магических лучей от эльфов. Если повернешь зеленый луч, то обретешь возможность моментально переноситься из одного места в другое, но в пределах взгляда. Эй-эй, осторожнее, вот же непоседа, не дослушал до конца! Между точками перемещения не должно быть лишних предметов! — сообщил эльф, заканчивая свою речь над лежащим Павлом.

Тот сразу же попробовал новую возможность и в итоге здорово приложился о стоящую неподалеку сосну. Я поежился от волны холода, но виду не подал, привыкаю к явлению сопутствующему волшебству.

Хотя выглядело это впечатляюще — только что Павел шел рядом со мной и вдруг бьется лбом о дерево, находящееся в десяти шагах от нас. Дерево поблагодарило его за столь нежные объятия большущей шишкой, которая наливалась на глазах. Рядом упали несколько растопорщенных шишек, в мох

высыпались семена с небольшими крылышками.

— Предупреждать же надо! — простонал Павел, держась за лоб и стараясь не делать резких движений.

— Это не беда, если ты знаешь о возможностях синего луча, он может вылечить любую рану, ушиб или ссадину. Вот попробуй, — улыбнулся Мириэль, при этом потешно скорчив личико.

Павел осторожно повернул синий луч, снова нанесло холодом, зажмурился в ожидании, но ничего не произошло, лишь шишка, обидевшись за пренебрежение услугами в деле украшения мужского лица, втянулась обратно. Павел повертел головой, пощупал лоб и улыбнулся. Затем потрогал нывшее от езды место и заулыбался во все тридцать два зуба.

— Вот мне такую штуку в школу, тогда бы я был непобедим. И даже одиннадцатиклассников строил бы по-черному! — мечтательная дымка упала на Пашкин лоб, взамен безвременно почившему синяку.

Пришлось ее прогонять, возвращая Павла на землю. Высунувшись из густой травы, я укоризненно уставился на него, вспугнутые бабочки разлетелись праздничным салютом.

— Главное никому не рассказывай о возможностях этих лучей. Я рассказал, потому что в твоих глазах не видно зла и порока, и ты без колебаний согласился нам помочь. Тайны лучей хранятся у предводителей рас, и они не могут открыть их никому, даже своим. Без ложной скромности могу сказать, что у меня пыталась узнать об амулете прелестная эльфийка, но осталась ни с чем. Она действовала по наущению Гариона, и вскоре её изгнали из королевства. С тех пор о её судьбе неизвестно. Так что береги эту тайну, она когда-нибудь тебе пригодится, — погрозил эльф маленьким пальчиком.

— И ты так спокойно рассказываешь об этом первому встречному с амулетом? — Павел еще раз сгонял до ближайшего дерева и за пару секунд вернулся обратно.

Ни одна травинка не шелохнулась на пути следования.

— А что мне остается? Если не ты, то наш предводитель погибнет, а это знание может помочь, — вздохнул Мириэль.

«Павел, ты бы узнал поподробнее о предстоящей операции, а то идем наобум, без плана и какой-нибудь надежды на успех. Заодно напомни эльфу про Гариона — как от него можно избавиться?» — попытался я втолковать напарнику, летающему в мечтах и победных баталиях.

Тот мотнул головой, прогоняя дымку, та, несколько повыпендривавшись, огорченно ушла.

— Мириэль, так что там насчет Гариона? — поинтересовался

Павел.

— Он очень злой и жаждет власти, к нам в лес долетают обрывки жалоб и стенаний по поводу этого колдуна. Да и сам однажды заявился с предложением вступить в ряды армии и властвовать над миром под его руководством. Но наш народ отказался и тогда он с этим предложением подступал еще к нескольким расам. Его поддержал человек, тогда еще племянник короля — Стим. Как с ним справиться неизвестно, мы попытались, так он молниями подпалил часть нашего племени. Хотя другая часть здорово тогда потрепала его балахон, а один герой даже плюнул на желтый колпак! — гордо произнес Мириэль.

— Еще расскажи нам об этих братьях, к которым мы направляемся, что они собой представляют? — заинтересованно спросил Павел.

— Три здоровых чурбана захватили нашего короля спящим и теперь пользуются им как заложником. Они живут не так далеко отсюда. С ними вместе проживает их мамаша, старая карга, которой осталось дышать два понедельника. Днем обычно спят, а ночью выходят в лес и ловят заблудившихся путников, хотя последнее время они заставляют нас приводить к ним добычу. Днем легче всего застать врасплох, хотя как-то нужно обмануть их матушку, будем надеяться, что и она спит, — сообщил нам порхающий Мириель.

— Ну что же посмотрим, что можно сделать, отомстим этим тварям за Кука! — блеснул познаниями Павел. — Чтобы нам быстрее добраться, Мириэль, полезай в карман и задавай направление, а ты, Кешка прыгай на руки. Поехали кататься.

Ну как ему откажешь в такой просьбе? Забравшись на шею, я приготовился к тряске, воздушным ямам и чему-либо подобному. Мириэль же, устроившись удобно в кармане Пашкиной джинсовки, порядком истрепанной и грязной, показывает на деревья, вырастающие впереди. Миг и оказывались возле указанного дерева, мы как бы оставались на месте, а менялось лишь окружение. То есть если бы вы бежали с закрытыми глазами, а через каждые десять метров открывали их. Правда для такой пробежки вам понадобится куча бинтов и йода, ведь столкновение с дружелюбно настроенными деревьями просто неизбежно.

Лес впереди поредел, и нашему взору открылась большая изба, срубленная из грубо обтесанных бревен и обнесенная толстенным частоколом. Почти на каждом из столбов забора красовался обветренный человеческий череп, задумчиво улыбающийся своим неотразимым оскалом.

По Пашкиному телу пробежала небольшая дрожь, да и мне как-то не по себе от увиденного зрелища. Под забором валялись обглоданные кости, а две вороны весело переговаривались между собой, пока рылись в зловещей куче. Одна заговорщически подмигнула нам, и кивнула подруге, намекая на скорое пиршество.

— Вот тут и живут людоеды. Сейчас они спят, так что самое время освободить нашего короля, — пискнул высунувшийся из кармана эльф и тут же спрятался обратно.

— Ага, а дымок, поднимающийся из-за забора, это, скорее всего, от курения во сне? — съехидничал Павел.

Эльф что-то пробурчал в кармане, но вылезти и внести пояснения отказался.

«Ну что, Кешка, пойдем, разведаем обстановку, или ты горишь желанием в одиночку совершить этот подвиг?» — Павел мандражировал, и своими подколками пытался обрести хоть немного уверенности.

«Нет уж, Павел, вместе так вместе, а то потом скажешь, что один все провернул, а я даже возразить не сумею!» — я сходу отмел попытки взвалить непосильное поручение на мои хрупкие плечи.

Павел вздохнул, почесал головушку и сделал разведывательную вылазку… то есть подхватил и перекинул через забор меня! Я еле успел сгруппироваться перед приземлением и минут пять расписывал Павлу полную несовместимость содержимого его головы с остальным телом. Он же извинялся и просил осмотреться по сторонам, обещал накормить отборной сметаной и сулил другие выгоды райской жизни.

Последний раз плюнув в Пашкину сторону, я повернулся к избе и тут меня ждал сюрприз. Оказалось, что мать братьев-людоедов вовсе не спала, а, подняв к небу тощий зад в грязной юбке, пыталась раздуть огонь под большим чаном. Может дыхалка устарела, а может дрова сырые, но костер упорно не желал разгораться. Она так увлеклась своим делом, что даже не заметила, как я брякнулся у забора.

Не желая её отвлекать от такого немаловажного дела, я пустился в обход избы. Тот вход, что я видел, находился в прямой видимости старухи и исключался сходу, так как не хотелось в расцвете лет попадать в чан, да еще и терпеливо ждать, пока дрова разгорятся.

Я обошел избу кругом и не нашел других отверстий, кроме печной трубы и мелких окошек под самой крышей, из которых доносился мощный храп. После этого вернулся на место

приземления и передал наблюдения Павлу. Даже рассказал, что обнаружил на заднем дворе целую кучу рванья, в светлую пору бывшую одеждой. Тот сразу придумал блестящий и оригинальный план, хотя я потом долго возмущался этой гениальной идеей.

Он подошел к калитке и смело постучался. Я скрылся в листве развесистой липы и наблюдал, как бабка разогнулась и, ворча что-то себе под нос, побрела открывать. Костер так и не поддался силе убеждения, и ни в какую не пожелал разгораться, что не могло не радовать.

Бабка доковыляла до калитки, по возрасту годящейся ей в ровесницы, а за ней, щерясь белыми зубами, стоял мой не совсем умный друг.

— Здравствуйте, бабушка, а я к вам прислан нашим королем Стимом Грозным с тем, чтобы получить короля эльфов и препроводить его в столицу для выставления на всеобщее обозрение и увеселения публики. В случае отказа или неприбытия посланника, то бишь меня, к вам выдвинутся три роты псов-рыцарей, а это сами знаете, чем чревато. Так что я жду и терпение моё небезгранично! — отчеканил Павел.

— Охти, матушки мои, никак самим королем? А ведь я говорила сыночкам, что не доведет их до добра игра с этими мотыльками, вот оно и получается. Сейчас, мой хороший, сейчас я его принесу, а ты может, пока поможешь бабушке? Дровец нужно принести вон из той кучи, уж помоги, милый, а я пока эту птаху снаряжу, чтоб не улетела, — с причитаниями ответила старуха, кланяясь Павлу до самой земли.

Ох, и зря же Павел в школе читал «Тимура и его команду», хоть всегда и симпатизировал хулигану Мишке Квакину, но дух помощи пожилым проник в его сознание и угнездился там. Вот и сейчас не смог отказать бабушке и поплелся за дровами, шепотом переругиваясь с высунувшимся эльфом.

Старуха же, посмотрев вслед Павлу, заковыляла в черный проем избы, и на несколько секунд храп прекратился, затем вновь возобновился, но уже в другой тональности, немного тише. Павел вернулся с дровами и, не зная, куда их положить, поднес к чану, как раз в это время вышла из избы старуха со свертком в руках. Какой-то длинный предмет завернут в промасленную бумагу, вряд ли там находилась королевская особа.

— Сыночек, вот здесь твой мотылек, но прежде чем получишь его, принеси, пожалуйста, бабке воды с родника, моих-то сыновей не допросишься, а я уже старая стала, да немощная, — вновь запричитала старуха.

Павла вновь запрягли и он, как ни старался, не смог

отказаться и, подхватив ведро, побрел к роднику.

Старуха снова зашла в избу и что-то пробурчала в темноту, ей ответило тихое рычание, я побоялся слезть с липы и подойти поближе, чтобы узнать, что она замышляет. Хотя по-дружески сообщил Павлу о том, что затевается что-то не хорошее.

Через какое-то время, утирая пот, вернулся Павел. Притащил ведро воды, по пути немного облив штаны. Подойдя к старухе, он поставил ведро на землю и протянул руку за свертком.

— Спасибо тебе, сыночек, за воду. Она мне скоро пригодится, а может, ты еще и зайца какого-нибудь поймаешь? Пойми, милый, я же старая, а дети мои только о себе и думают, редко-редко что-нибудь от них перепадает — старуха опять завела жалостливую песню, морщинистая рука скользнула в сверток.

— Всё, бабка, это была последняя услуга, теперь подавай мне треклятого эльфа, и мы с тобой распрощаемся. Король не забудет твоей помощи и вознаградит соответственно — пригонит несколько рабов лично для тебя! — как можно внушительнее, но как можно тише сказал Павел.

— Ну, надо же, а так все хорошо начиналось, и дров принес и воды притащил, еще бы зайчишку для меня старой, и день бы удался. Но нет, так нет. Эй, сынки мои разудалые, выходите во двор, тут пища своим ходом пришла, да еще и вспотевшая, как вы любите!!! — зычным голосом гаркнула старуха.

Не ожидал от нее такого рыка! Я от испуга свалился с дерева, вот тут-то и попался на глаза старой ведьмы.

Из избы, почесываясь и щурясь на солнце, вышли три здоровенных бугая в меховых безрукавках, штанах, сшитых из разных лоскутов материи. На ногах обмотанные бечевой сапоги. Похожи как три капли воды из одного крана: одинаково лохматые, одинаково бородатые и, по всей видимости, одинаково голодные. На шее каждого, на замасленных шнурках, болтались небольшие мешочки. Мощными руками, словно сложенными из каменных валунов, братья почесывались, где только могли. Где не могли — просили почесать других.

У нас в таких мешочках былинные богатыри носили родную землю, может братья тоже приезжие?

— Вот вам подарочек, сыночки, а я пожалуй себе возьму вон того котятку, жирненького да вкусненького — пробормотала старуха и, взяв в руки черпак с рукоятью из железа, живенько потопала в мою сторону.

Сверток откинула в сторону братьев, тот поднял небольшую тучу пыли, звякнул о подвернувшийся камень. Мне ничего другого не оставалось, как взлететь обратно на высоко растущую ветку, и оттуда плеваться, стараясь попасть в горбатый нос, пока

она пыталась сбить меня черпаком. С гордостью могу признаться, у меня два раза получилось увлажнить ее морщины.

А тем временем на площадке перед домом разворачивалось дальнейшее действие. Один из братьев подошел к Павлу, неторопливо нагнулся за свертком, который бросила старуха, и извлек оттуда тесак внушительных размеров. На солнце заискрилось острое лезвие. Затем осмотрел Павла с головы до ног и горестно вздохнув, обошел кругом, после этого вздохнул еще горше.

— Неужели перед походом к нам не мог нормально поправиться? И что же с таким худосочным делать, как вы думаете, братья? — и с этими словами старший повернулся к остальным.

Те также горестно покачали головой, а стоящий слева показал незамысловатый жест, проведя ладонью по горлу.

— Может, вы по хорошему отпустите короля эльфов, принесете ему свои извинения, и пообещаете больше никому не портить настроения и начать вести новую жизнь полную раскаяния и смирения? — попробовал договориться Павел.

Хотя я и уворачивался от назойливого черпака старухи, но не мог не остановиться от такой наглости и посмотреть, не сбрендил ли Павел от страха.

Утробный смех трех глоток заставил обернуться и старуху, но увидев, что ничего такого особенного не происходит, вернулась к прерванному занятию. Поверьте — очень не хотелось спускаться, гораздо комфортнее я чувствовал себя среди свежей листвы, чем на солнцепеке, у бабки же на этот счет было иное мнение.

— Глупая киса, спускайся же вниз, у меня уже и ножик наточен и аппетит проснулся зверский. Давай же, не затягивай, не томи немощную старушку! — и пыталась сбить меня тяжеленным черпаком, от веса которого развяжутся пупки у двух взрослых мужчин.

Краем глаза я наблюдал, как старший брат положил Павлу на голову тяжелую руку, отчего тот присел, но продолжал смотреть прямым и укоряющим взором.

— Малыш, ты, кажется, не до конца понимаешь, куда ты попал и что с тобой сейчас будут делать. А попал ты к голодным людоедам, что не страшно? Ну что, братья, безумству храброго споем мы песню? — и с этими словами людоед повернулся к остальным разбойникам, те оскалились гнилыми зубами и замычали что-то крайне немелодичное.

— Я теряю терпение, или вы отдаете этого, с крылышками, или мы с вами будем по-другому разговаривать — дрожащим голосом, но наглым тоном гнул свою линию Павел.

Вот с таким настроением он и выходил против дворовой шпаны из соседнего района, откровенно трусил, но вида не показывал. Те не раз пасовали перед таким напором и соглашались на мировую.

Жаль, что этот номер не прошел с отпетыми разбойниками, даже не почесались, хотя и перестали улыбаться. А старший брат наоборот нахмурился так, что брови сошлись в одну сплошную линию.

— Малыш, похоже, тебя мама рожала, стоя на помосте, и ты сильно стукнулся при рождении. Ну да ничего, у дурачков мясо даже нежнее. Хватит разговаривать, мой желудок просит кушать. Прощай, малыш, с тобой было интересно, — пробурчал старший, младшие кивнули в знак согласия, один даже слезинку утер незаметно.

Павел не зажмурился, когда увидел, как поднимается над его головой большущий тесак, возможно, вспомнил ребят из «Молодой гвардии». Братья одобрительно прогудели при виде такой храбрости, хотя один из них повертел пальцем у виска. Дальше началось такое, что я невольно остановился посмотреть и чуть не был сбит вредной старушкой. Она для своего возраста очень высоко и резво подпрыгивала.

Со свистом разрезая воздух тесак опустился… Но попал вовсе не туда, куда метил старший брат, а несколько выше, то есть по волосатой руке. Не ожидая от верного оружия такой подлости, он с ревом отшвырнул тесак и схватился за истекавшую кровью культю. Из схватки людоед в этот день выбыл, так как в скором времени ослабел от потери крови и потерял сознание.

Злобный тесак не остановился на одном предательстве и, брошенный яростной рукой, продолжил собирать кровавую жатву. Он успешно попал второму брату по ногам, рассек оба сухожилия вместе с обмотками и наконец, успокоился, оставшись лежать в пыли. Стекающие с лезвия красные капли комковались в пыли, превращались в бурые шарики. Раненый брат составил компанию старшему людоеду в его утробном соло. Не удержался на ногах и продолжил выступление танцем, то есть, схватившись за пятки, покатился по земле.

В бурном перекатывании он успешно докатился до уставшей бабки и сделал подсечку в лучших традициях сборной Бразилии по футболу. Та взмахнула руками и выпустила в небо злосчастный черпак, я чуть узлом не завязался, но смог увернуться от него. Под деревом же заканчивался спектакль одного актера, потому что средний брат, подмяв под себя истошно верещащую старуху, стукнулся головой о липу и затих.

От мощного удара дерево скинуло меня со своих

спасительных ветвей, и следом сбросило половину кроны, которая накрыла разбойника и вопящую под ним бабку зеленым покрывалом. Вместе с моим приземлением послышался глухой стук, я удивленно посмотрел на свои лапы, вроде бы всегда приземлялся неслышно и аккуратно. Однако причина стука оказалась вовсе не в моем приземлении.

Бабкин черпак все же нашел себе жертву и основательно приложился о череп третьего брата. Он, разинув рот, смотрел на все это безобразие. Затем железяка упала в чан и затихла. Затих и третий брат, огорчился на несправедливый мир и уснул сном праведника, ласково обняв чан. На его счастье костер так и не разгорелся.

— Мы уже их победили? — спросил эльф, храбро высунувшись из Пашкиного кармана.

— Ага, и это целиком твоя заслуга. Ик! — задумчиво сказал Павел, все еще лицезрея на своей голове ласковую руку старшего брата.

Последний перестал рычать и лишь тихо поскуливал, лежа у стенки избы и все так же прижимая к себе пострадавшую руку. Ноги сучили по земле, поднимая тучу пыли.

— Забавную ты себе шапочку приобрел, сними, пока она меня не закапала? — в ответ съязвил маленький нахал. — И вообще нам пора выручать короля, пока остальные не очухались, а не строить из себя горделивого модника.

— Да уж, пошли, найдем его побыстрее, да покончим с этим. Кешка, а ну живо в дом, ты же любитель искать и играть с мышами. Значит, и эльфа быстро отыщешь, главное не трепли его сильно — вдруг они некондицию не принимают? — не остался в долгу Павел.

Я оскалился для пущего эффекта, эльф вздрогнул и погрозил мне пальчиком. Но все же промолчал, я даже удивился. Павел в это время избавился от головного убора, попросту откинув его в сторону затихшего старшего брата, и мы шагнули в темень избы.

В нос ударила такая страшная вонь, что в глазах защипало и брызнули слезы. Когда же мы утерли влагу, то взгляду предстали три кучи тряпья, сваленные по углам избы. По всей видимости, они служили им постелями, а в четвертом углу висела грубо сколоченная клетка, накрытая замызганным полотенцем. Вот к нему-то мы и подошли, вернее, подошел Павел, а я остался на страже, готовый предупредить об опасности, если вдруг разбойники зашевелятся.

Павел снял клетку с гвоздя, сдернул полотенце, а там сидел донельзя печальный эльф. Ручки обнимали скрюченные ножки, подбородок уткнулся в колени.

— Ну что теперь, увальни, снова вам сказку рассказать? — спросил он, не поднимая головы. — Или вы какое-нибудь другое развлечение придумали? Только учтите — я не собираюсь опять становиться воланом.

— Отец, это я — Мириэль, мы пришли тебя освободить!!! — воскликнул карманный человечек. Его крылышки бешено вибрировали и он пытался вытащить застрявшую ногу из пуговичной петли.

Павел скинул крючок с петли на маленькой дверце. Король от услышанного голоса тут же взлетел и ударился о потолок и кинулся к выходу. Удар о потолок не прошел даром, он врезался в проволочную стенку и отлетел обратно. Помотал головой и снова кинулся к выходу из заточения.

— Сынок, мальчик мой! Ну, открывайте же быстрее! Дай я прижму тебя к исстрадавшемуся сердцу. Наконец-то закончились мои мучения! — король вылетел из открывшейся дверцы и кинулся сжимать в объятиях нашего проводника.

У меня даже слезинка навернулась, когда я посмотрел на семейное воссоединение.

— Отец, аккуратнее, а то бескрылым меня оставишь, или бездыханным, и не ясно, что произойдет раньше! — прошептал полузадушенный Мириэль.

— Ребята, может вы потом наобнимаетесь? Нам бы сейчас слинять без шороха, разбойники же не вечным сном заснули, — проговорил Павел, и, как не странно, я с ним полностью согласен.

— Да, отец, залезай к нему в карман, и мы скоро будем на месте, — пискнул вырвавшийся Мириэль.

— Сын, ты не забыл, по чьей вине мы живем в лесу? И ты мне предлагаешь касаться человека? Да мне тех троих и их матушки хватило за глаза, как вспомню, так вздрогну! — начал возмущаться неблагодарный король.

Павел не стал миндальничать, а, схватив его величество в кулак, невежливо сунул в карман. Оттуда донесся возмущенный писк и уговаривающий лепет Мириэля, второе все же возобладало, и вскоре из кармана высунулся молодой эльф с поднятым вверх большим пальцем.

«Эй, эльфийская маршрутка, нам пора выдвигаться! Бабке немного осталось до освобождения. Тебе ничего, а ко мне она слишком неровно дышит!» — напомнил я о ситуации во дворе.

— Мириэль, показывай дорогу, мы уходим, потом объяснишь, что имел ввиду твой отец и почему ты не сказал сразу, что приходишься ему сыном, — сказал Павел и взялся рукой за амулет.

Во дворе та же идиллия, то есть спали все, кроме злобно

ворчащей старухи. Кинул на нее прощальный взгляд, и занял привычное место на Пашкином плече. Вот совсем не жаль, что мы с ней не познакомились поближе.

Павел взялся за амулет, и мы двинулись в путь привычным, волшебным ходом.

Глава 5

Мы произвели большой фурор, когда неожиданно появились на поляне, где остались наши друзья. Мельтешащие в воздухе эльфы выдохнули с таким облегчением, словно держали воздух до нашего прибытия. А когда из Пашкиного кармана выбрался изрядно помятый король, на поляне та-а-акое началось…

Эльфы с радостными криками сновали вверх и вниз, пришлось пригнуть голову, иначе просто смели бы и не заметили. Подданные старались обнять короля и его сына Мириэля, те же царственно уворачивались, но это плохо получалось, и в конечном итоге оказались в коконе из восторженных подданных. Получился своеобразный шар, похожий на дикий пчелиный рой.

Павел, не тратя времени, приступил к развязыванию пленников. Первым он развязал Татину, вынул кляп и сразу об этом пожалел.

— Почему вы так долго? Где шлялись? У меня все тело затекло, и нос нестерпимо чесался, а эти летающие палачи даже не прислушивались к моим желаниям! — просипела злющая Тана.

«Павел, засунь кляп обратно иначе она так и будет нудеть, пока не надоест! А мне она уже одолела своими феминистическими нападками!» — немного послушав её, я передал свои соображения Павлу, тот лишь грустно улыбнулся.

Ну и ладно, ну и не слушай — улягусь у кустов и обиженно изображу гордый мохнатый холмик.

— Ты молодец, Павел, что постарался так быстро вернуться за нами! — из мужской солидарности поддержал развязанный Крохм.

Татина хмыкнула в ответ на противоположное её мнению заявление и отправилась распутывать лошадей.

— Все равно Гарион настигнет вас, мерзкие людишки. И ты, король, так же сгинешь в неизвестности! — неподалеку от меня прошипел седой эльф и усвистал прочь с поляны.

Никто не обратил внимания на такую выходку, но мне показалась странным речь того, кто недавно хлопотал за освобождение короля. Я сообщил об этом Павлу, но тот ответил, что мне показалось, и посоветовал поменьше утомляться.

К этому времени радость эльфов поутихла, и король смог вырваться из кольца поздравляющих. Царственно простер руку по направлению к нам и торжественно заговорил:

— Гордые жители прекрасного леса, поумерьте свое выражение счастья и обратите внимание на людей. Нам предстоит решить, что с ними делать дальше. С одной стороны

они спасли меня, с другой стороны именно из-за людского племени мы вынуждены доживать свой век в этом лесу, изгнанные и отвергнутые всеми. Каковы ваши предложения?

— Король, вообще-то мы торопимся, может, потом вернемся и договорим? — произнесла Татина, нашедшая цель для выпуска скопившейся злости. — Обещаю выслушать, понять и посочувствовать. А ты можешь приказать своим воробьям принести нам в качестве благодарности пищи на дорожку, и потом самолично пошлешь вдогонку воздушный поцелуй.

— Наглость этой девицы не знает меры, какое она имеет отношение к моему освобождению? — спросил опешивший король.

К нему сразу же подлетели несколько эльфов, в том числе и Мириэль и между ними завязался ожесточенный разговор, правда, на пониженных тонах. Но я-то всё равно все слышал. Эльфы поведали, как «попросили» Павла помочь им, а король в ответ рассказал, как он оказался в лесу. Выяснилось, что король летел по своим делам вместе с седым эльфом Нариэлем, являющимся советником и помощником. В полуденный зной на короля бессовестно накинулась жажда и он попросил у советника фляжку с водой. Советник с поклоном передал королю фляжку. Потом король почувствовал страшную усталость и уснул под раскидистым дубом, очнулся уже в клетке у братьев.

— Надо же, а к нам советник прилетел убитый горем, и сказал, что ты отправил его за оброненной пряжкой от ремня. А когда вернулся, то обнаружил большие следы. Он полетел по этим следам и принес нам весть о твоем пленении и потом сообщал о требованиях братьев, — озадаченно сказал Мириэль, остальные подтвердили его слова.

Когда все кинулись искать Нариэля, чтобы спросить у него о происшедшем, того воздушный след простыл. Я торжествующе посмотрел на Павла — не показалось же, он кивнул в ответ.

Жужжащая компания отлетела дальше, и я уже не мог их слышать. Мириэль то и дело показывал на нас, что-то упорно доказывал, размахивал руками и иногда подергивал левой ногой.

Возможно, нервное дрожание ноги дало ему дополнительную убедительность в этом обсуждении, поскольку лицо короля смягчилось и подобрело. Он жестом подозвал молодого эльфа и что-то сказал ему на заостренное ушко. Тот кивнул и упорхнул в заросли жимолости.

— В свете новых открывшихся фактов, — голосом мирского судьи начал король эльфов, — и так же то, что за людей поручился головой мой сын, я постановил даровать жизнь и даже помочь им в путешествии. Я послал к Брысю гонца, чтобы он

остановил на время Гариона, и прошу вас дать кусок ткани, чтобы сбить мага со следа. Еще я дарую эльфийскую накидку, когда понадобится помощь эльфов, вы только подожгите ее, и мы сразу же придем на зов. Дети мои, принесите гостям припасов на дорогу.

— Король, а тебе ничего неизвестно о Кристане или Кирии? — Павел сумел вклиниться в монолог, отрывая от джинсовки потрепанный клок. — Вы же много где летаете, слышали что-нибудь о них?

— Нет, мы не интересуемся делами людей, нам до них нет совершенно никакого дела, — с пафосом произнес король. — Уходите, и желаю вам удачи в ваших делах.

Эльфы приносили в основном ягоды и сушеные грибы, один притащил сушеную божью коровку. От коровки мы великодушно отказались, чем неимоверно удивили эльфов.

— Спасибо и на этом, король, ну прощай! И до возможной встречи, Мириэль! — сказал Павел, упаковывая принесенную эльфами еду и одновременно наступая Татине на ногу, останавливая колкости, грозящие сорваться с языка.

Та ахнула и в ответ ткнула Павла локтем в бок. Закончив на этом обмен любезностями, они вспомнили про меня и гнома. Привязали Крохма к спине Павла, меня засунули в мешок (но не в тот, где скучало полтушки зайца, а туда, где спали эльфийские дары), и парочка вскочила в седла.

Король отвернулся от нас и поднялся с роем к верхушкам огромных деревьев. Мириэль и еще несколько эльфов махали до тех пор, пока мы не скрылись за деревьями.

«Павел, почему-то невысокие создания не особенно любят людей, может мне тоже присоединиться к ним, в оппозицию? А что — похоже, в этом мире так принято. Да и Татину я недолюбливаю!» — поделился я с Пашкой своими соображениями.

«Кешка, это же не моя вина, что люди так нагадить успели, да и Тана в душе хорошая… где-то глубоко внутри. У неё чуткое сердце, но оно спрятано от чужих глаз» — возразил Павел.

«Ага, и в прятках ей нет равных!» — съязвил я, и Татина не преминула подтвердить мои слова.

— Павел, ты расскажешь нам, как освобождал крылатого зануду? И почему так долго? Наверное, заговаривал зубы людоедам сказками о своем мире и роли главнокомандующего? — ехидным тоном проговорила она.

Уставший Павел почти без прикрас рассказал о нашей спасательной миссии, я всего пару раз поправил его, и напомнил о своем немаловажном участии, чтобы он не присвоил всю славу

себе. Наши лошади неторопливо плелись по лесной тропинке. Мы слегка подкорректировали наш курс, чтобы не попасть на встречу с братьями и их неуравновешенной матерью.

— Значит на тебе и в самом деле амулет Корня, а я сперва сомневался, думал — таскаешь для красоты сверкающую побрякушку, — пробормотал Крохм, болтающийся как рюкзак.

— Ты тоже что-то знаешь о его свойствах? — заинтересовался Павел. — Так расскажи. Как говорил мой папа, длинная дорога становится короче за хорошей беседой. Вот я и думаю что лучше побеседовать с умным гномом…

— Так ты считаешь меня глупой? Так тебе не о чем со мной разговаривать? Так я тварь бессловесная? Так ты меня собакой назвал? Ну ничего, я уже плюнула тебе на штанину! — надулась Татина и обиженно отвернулась от нас.

— Тана, а тебя Зара точно ко мне в помощь послала? Судя по тому, как ты ведешь себя, она замыслила что-то нехорошее. Если хочешь что-нибудь сказать, то говори, пожалуйста. Но не язви, тебе это не идет, — наконец-то высказался Павел, я его даже похвалил за это.

Гном солидарно похлопал его по плечу, хотя и словил от Бегунка хвостом по носу.

— Все, я на вас обиделась, эгоисты лопоухие, болтайте о своих делишках, даже слова не скажу, — с этими словами Татина ударила пятками бессловесную лошадку и ускакала вперед.

Вот не понимаю я этих людских самочек, нервные они какие-то, непостоянные. То ли дело с моими кошечками — всегда можно угадать, когда можно подойти, а когда лучше и хвоста не показывать.

— Мне рассказывал отец про амулет великого колдуна, рука нашего народа тоже участвовала в его создании. Помнишь, как я смог спародировать тебя и Татину, это искусство возникнет и у тебя, когда повернешь коричневый луч. Но это побочный эффект, а главным является умение становиться невидимым. Серый же луч дарует тебе возможность видеть в темноте любой плотности, — перечислил Крохм.

Два раза нанесло холодом.

— Занудный гном, оцени — как у меня получается! — голосом Татины проговорил Павел, вернее воздух, к которому привязан гном. — Говори правду, иначе упаду на спину и начну кататься.

— Хорошо, что тебя не слышит наша язвительная подруга, сапоги у нее действительно тяжелые, — улыбнулся Крохм.

— Крохм, а ты не знаешь и как нам найти Кана? Может, и про Кристана с Кирией слышал? — спросил воздух голосом Павла.

Гном нахмурил лоб и долго что-то пытался вспомнить, даже на расстоянии ощущалось, как под черепной коробкой с треском сталкиваются и перекатываются тяжелые мысли. Наконец булыжники его мыслей выстроились в ряд, он твердо и уверенно ответил:

— Нет! Я не слышал ни про Кристана, ни про эту девушку, но могу помочь с поиском Кана, наши наблюдатели сообщали про этого отшельника. Вот когда выйдем из леса, то нашими подземными ходами я проведу вас по короткому пути, и окажетесь у него гораздо быстрее, чем, если скакать по земле. А про Гариона могу сказать, что он каким-то чудом смог нас найти и склонял к вступлению в его армию. Мы тогда послали его обратно на поверхность, и он очень разозлился, но драться в коридорах побоялся. Мы запросто могли бы его завалить толщей земли, и колдун предпочел ограничиться одними ругательствами.

Павел снова появился в седле Бегунка, довольный как черт, еще бы — такая способность становиться невидимым просто незаменима при списывании контрольных. Опять мечтательная дымка легла на лоб, опять он заскучал по родному краю.

Подскакавшая девушка вернула его мысли обратно на бренную землю.

— Ну что, мальчики, наобщались-наворковались? Хотите я вас обрадую? Впереди Вечный лес заканчивается и за ним виднеется небольшая деревенька, вот там мы и попросимся переночевать. Если у кого-то есть возражения, то пусть выскажет их сейчас или унесет с собой в могилу, — выпалила единым махом наша егоза и снова умчалась вперед. Только кусты черемухи колыхнулись белой пенкой цветов.

«Павел, а Татина дело говорит! Вдруг там молочка дадут и супцом угостят, а то от сухпайка желудок крутит», — поддержал ее слова ваш покорный слуга. Ну кто же знал, что это невинное желание обернется таким…

«Давай, Кешка, может, в этот раз мы проснемся в нормальном месте и не связанные», — ответил мне Павел.

Затем, обсудив предложение Татины с Крохмом, он пришпорил Бегунка. Ветви ускорили бег, несколько хлестнули по бокам коня в опасной близости от моего мешка.

Вскоре мы вырвались из густой зелени и очутились на обширном картофельном поле. Вдалеке на широкой равнине, раскинулась деревушка в десять дворов, так похожая на наши затерянные населенные пункты. Те же покосившиеся заборы, те же выцветшие черные стены домов, те же перекошенные сараи, подпертые бревнами. Следом за деревенькой бугрились лохматые спины холмов, а за ними, в сиреневой дымке наступающего

вечера, пронзали небо острые пики гор.

В прошлом году мы ездили к Пашкиной бабушке в деревню, это время было раем для охотничьих инстинктов. Куча разнообразной живности веселила глаз, начиная от землероек и заканчивая крупным рогатым скотом. Из коров и коз выливалось настоящее молоко, а не тот порошковый суррогат, что Маргарита Павловна покупает в магазине. Вот и сейчас вид жилья навеял мне хорошие воспоминания, сразу захотелось на душистое сено, куда-нибудь в теплый амбар, к мышам.

На краю леса гарцевала, в ожидании нашего появления, лошадь Татины. Всадница же задумчиво смотрела на деревню, узкая ладонь изредка похлопывала по шее танцующую лошадку.

— Что остановилась, Тана? Я думал, что ты успела договориться с жителями об ужине, баньке и шикарных условиях для ночлега, да так чтобы они были нам благодарны до гроба, — слегка поддел Павел.

Ну да, с кем поведешься от того и наберешься.

— Меня смущает тот факт, что деревня находится всего в полудне пути от жилища людоедов, а там вон и корова ходит и люди снуют. Может, сперва кого-нибудь отправим разведать обстановку, а потом и сами подойдем? — произнесла Татина и направила лошадь обратно, под укрытие развесистых кустов.

— Павел, вот сейчас ты можешь испытать приобретенное умение. Только сперва отвяжи меня, а то гном, плывущий по воздуху, вызовет, по крайней мере, недоумение, — проговорил Крохм, ворочаясь за Пашкиной спиной и пытаясь взглянуть на деревню.

Павел развязал веревку и спустил его в высокую траву, только рыжая шапка торчит среди сиреневых кругляшков чертополоха.

«Да, Павел, это отличный шанс проверить, как действует амулет. На этот раз давай без меня, ведь у амулета поле охвата маленькое. Ты быстренько всё узнаешь, стыришь пару куриц и назад. А то после достопримечательной встречи с не очень доброй старушкой, я не очень доверяю незнакомцам в этом мире!» — с надеждой я донес до Пашки свои мысли.

Может и я смогу немного отдохнуть, пока кто-то другой работает.

— Хорошо, друзья, спрячьтесь пока, и не высовывайте носа из кустов до моего возвращения. Если не вернусь, то считайте меня коммунистом! — высказался напоследок Павел, затем повернул коричневый луч и пропал.

— Я не понял, а кем его считать? — спросил заинтересованный гном.

— Не знаю, вроде как выругался, вот вернется, тогда и спросишь. Куда это он пропал? Опять амулет? Как бы оно пригодилось мне на ночных вылазках, — проговорила Татина, отводя лошадей подальше от опушки.

Гном кивнул в ответ.

— Ты часто вылезала ночью? Как молодой девушке не страшно в такую темень прогуливаться в гордом одиночестве. Или ты всегда была в сопровождении? — для того чтобы не молчать, спросил её гном.

— Да, Крохм, вылезала частенько, но далеко не для прогулок, и редко одна. Сейчас не время об этом говорить, но как-нибудь потом я тебе обязательно расскажу, — сказала Татина и, улегшись на траву, закинула руки за голову, уставилась в проплывающие в далеком небе облака.

Гном тоже примостился неподалеку, думая о чем-то своем и засунув в рот стебель травинки. Вот же эгоисты! Пришлось напомнить им о своем существовании негромким мяуканьем, иначе так бы и не выпустили из мешка.

Обойдя местность в поисках приключений, я не нашел ничего интересного и вернулся к лежащим спутникам. Они не поменяли позы за время моего отсутствия, так же флегматично лежали и смотрели в темнеющую синюю даль. Последовав их примеру, я прилег на солнечном пятне, даже слегка задремал, разнеженный ласковым вечерним теплом и мягким ветерком.

Наглая пчела самым беспардонным образом вывела из неги. Насекомое село мне на нос и уставилось в упор своими фасетчатыми глазками. Меня заинтриговало то опускающееся, то поднимающееся жало. Однажды я имел опыт общения с представителями данного вида, и закончился он весьма плачевно. Теперь, учтя ошибки прошлого, я слегка подул на нее, надеясь шугануть и разойтись миром. Похоже у пчелы на этот счет совсем иное мнение, она отдвинулась от струи воздуха и приступила к психологической атаке. Видя, что я замер и наблюдаю за её телодвижениями, коварное создание прогулялось от кончика носа до переносицы, отчего чуть не окосел, и вернулось на ранее облюбованную позицию. Я боялся смахнуть пчелу лапой — все равно не успею, и она сделает черное дело, оставалось лишь следить за её перемещениями. Пчела же, наслаждаясь моей беспомощностью, подняла оттопыренное жало и резко его опустила. Я зажмурился в ожидании неминуемой боли, но её не последовало, пчела лишь обозначила удар.

Весь мир перестал существовать, только я и чудовище на носу. Мы смотрели друг другу в глаза, время остановилось, вот пчела снова подняла жало и вновь его неожиданно опустила.

Опять сработал рефлекс и глаза сами закрылись, однако удара и на сей раз не последовало. В нашу психологическую игру влился посторонний звук, напоминающий стрекот небольшого вертолета. Мне подумалось в тот момент, что это прибыло подкрепление к моей мучительнице, словно её одной не хватало.

Потеряв полтора килограмма нервов, я решился рискнуть и сбить это зловредное существо, невзирая на возможные последствия. Очевидно, пчела поняла по глазам, что я собираюсь сделать, поскольку укоризненно покачала головой и с явным намерением подняла свое маленькое, но острое оружие. Я в очередной раз зажмурился и услышал глухой звук удара. «Все, теперь у меня будет огромный нос, как у кота из мультика!» — подумал я.

Открыл глаза, удивленный тем, что не почувствовал боли. Перед самым носом летал Мириэль, трепещали стрекозиные крылья и покачивалась дубинка, маленький рот открывал в улыбке мелкие зубы.

— Все, котик, квиты за прошлый удар, на сей раз я спас тебя от укуса! — дружески подмигнул эльф.

В этот момент я готов был расцеловать его, если бы умел это делать, а так просто мотнул головой в знак признательности. Эльф еще раз улыбнулся и подлетел к Татине.

— Ну что вы развалились? На вашем коте пчелы эксперименты ставят, а вы и в ус не дуете. Но я не поэтому здесь, у меня плохие новости — Гарион справился с Брысем. Тому-то ничего не будет, неделю полежит и отойдет, а вот вам разлеживаться некогда. Мое племя убрало ваши следы и создало новые, но этим Гариона надолго не обманешь, к тому же с ним предатель Нариэль. Увы, мы могли лишь бессильно кусать локти, не рискнув снова напасть — слишком мало эльфов осталось на земле. Где благородный рыцарь Павел? — закончил свою речь вопросом Мириэль.

— Привет, мотылек, а он вон в той деревне разведку проводит, вы как-то забыли про нее рассказать, а нам она показалась подозрительной! — сообщила Татина, так и не поднявшись с земли.

— Так это же деревня «неугодных»! Там трое псов-рыцарей в качестве охранников, Павел может им попасться! — встревожился Мириэль.

— Не беспокойся, эльф, сейчас Павел невидим, да и в жизни не особенно глуп, так что ждем его возвращения. Надеюсь, ему недолго осталось и скоро он присоединится к нам, а ты пока расскажи поподробнее об этой деревне, — сказал подошедший гном.

— А, он с амулетом — молодец какой! Да что рассказывать? Там содержатся не простые заключенные, а те, кто чем-то не угодил королю Стиму. Причем это бывшая элита, то есть те же звери, но проштрафившиеся, а охрана у них оттого немногочисленна, что знание о трех братьях удерживает лучше всякой проволоки и решеток. Головы пытавшихся сбежать насадили на колья, и выставили в качестве напоминания остальным. От братьев пока еще никто не уходил, — сообщил нам расстановку сил в деревне Мириэль.

— Эту элиту не жалко, они такое вытворяли на свободе, словно боролись за главный приз в соревнованиях по жестокости и изуверству. Но стемнело, а Павла все нет, я думаю, что самое время начинать беспокоиться, — соизволила приподняться на локте Татина.

— Подождите, а почему это горелой шерстью нанесло? Пойду, проверю, откуда идет этот запах! — принюхался гном и потопал в сторону опушки.

Наши лошади нервно переступали, раздували ноздри и подергивали ушами, так же как и я, они почувствовали запах горелого. Но это не обычный запах горелых тряпок и древесины, к нему примешивалась удушливая вонь подгоревшего мяса.

Через пять минут вместе с гномом вернулся Павел. Удрученное лицо перепачкано сажей. Молча подошел к Бегунку и, проверив сбрую, потуже подтянул подпругу. Конь фыркнул в ответ и вернулся к общипыванию сочной листвы.

— Здравствуй, Павел, а меня к вам отец послал, предупредить об опасности! — пропищал Мириель, глядя на мрачного Павла.

— Здравствуй, Мириэль, Крохм успел рассказать обо всем, спасибо за предупреждение, нам пора ехать. Крохм сказал, что здесь неподалеку есть вход в подземные катакомбы, давайте поспешим, — тихо произнес Павел и подозвал меня.

— Павел, а что там случилось в деревне, почему ты такой мрачный? — поинтересовалась Татина.

— Нам не нужно здесь больше находиться, едем быстрее, по пути все расскажу, — сказал Павел, уложив меня и привязывая гнома, — Мириэль, спасибо за помощь, передай нашу благодарность отцу. Скажи, что мы его помним, любим, чтим. Пусть всегда с собой носит воду и не доверяет это дело другим.

— Наперед он будет умнее. Этот предатель, Нариэль, вовсю порхает перед Гарионом. Даже зубы сводит от омерзения, — возмутился эльф.

Павел пожал плечами и ничего не ответил. Мириэль, видя, что Павел не в настроении общаться, изобразил в воздухе поклон

и умчался вглубь леса. Мы выехали из леса, по широкой дуге, по картофельной ботве, обогнули полыхавшую деревню. Не слышно ни криков, ни стонов, полная тишина и утробное урчание жадного огня, пожирающего выцветшую пищу.

— Павел, так что же все-таки там случилось? Почему деревня горит? — спросила Татина у погруженного в раздумья носителя амулета.

— Когда я туда шел, мне на встречу попалась наша давняя знакомая — мать братьев. Ковыляя, она что-то там ворчала о положенной пенсии по случаю инвалидности кормильцев. Решил проследить, что она там делает. Пропустив ее мимо себя, я прошел в деревню, а старуха проковыляла в центральный дом. Проследовав за ней, я попал на общий ужин. Татина правильно подозревала эту деревню в ненормальности — там лишь одни мужчины. Но ненормальность выражалась не только в чисто мужской компании, — опередил Павел Татину. Та огорченно закрыла рот.

— Таких бандитских рож я не видел никогда, каждый из них украшал бы собой почетное место на стенде «Их ищет милиция». Как раз там впервые увидел ваших пресловутых псов-рыцарей, они выделялись лишь шлемами в форме собачьих голов, да доспехами, а так их невозможно отличить от остальных. Старуха подошла к одному из рыцарей, что-то прошептала и шмыгнула вон, по пути стибрив краюху хлеба. Другие не обратили на нее внимания и продолжали жрать — похоже она заходила в гости не первый раз, — Павел сделал паузу, чтобы откашляться от едкого дыма.

— Вот же мерзкая старуха! — не сдержался Крохм. Бегунок укоризненно оглянулся и хвост в очередной раз съездил по носу недорослика.

— Так вот, рыцарь, к которому она подошла, посмотрел на других и поднял брови, а те кивнули в ответ. Тогда первый поднялся и сказал: «Заключенные, нам сегодня принесли хорошую весть — у короля родился сын, поэтому он милостиво разрешил раскупорить заветную бочку вина, сберегаемую для особого случая. Перепел, принеси бочонок из нашего погребка! Сегодня вам даруется свобода!!! А со временем и возможное возвращение утраченных регалий!» Заключенные радостно загалдели, а один из рыцарей вышел из избы и вскоре вернулся с бочонком в руках.

— Так их всех освободили? — ахнула Татина, а Павел покачал головой.

— Освободили бы, но не так, как сказал охранник. Мужчины наполнили кружки и сомкнули их, за свободу от опостылевшей

каторги и за мечту, что их снова приблизят ко двору, а там уж они себя покажут. Выпили все, кроме надзирателей, которые незаметно вылили содержимое кружек через плечо. Наполнить кружки второй раз никто не смог. Выпившие засыпали, их головы одна за другой ложились на стол и не поднимались. Трое рыцарей срезали с шей каждого из спящих какие-то мешочки. Затем они вышли, и на улице подожгли углы дома, а я пошел за ними. Перепел, цыкнув зубом, задумчиво произнес: «Приказ короля уничтожить всех мы выполнили. Обидно, что братья больше не смогут наводить страх на заключенных, к этим харям я привык. Эх, жаль, что столько картошки пропадет зазря. Но пора собираться на доклад к его величеству, интересно как он меня наградит за это?» — Павел понизил голос, вероятно, пародируя Перепела.

— Ни чего себе, — вымолвил гном и увернулся от летящего хвоста.

— Ага, вот и ничего себе. Другой резко остановился и возмущенно сказал: «А почему это ты будешь докладывать и ждать награды? Я тоже причастен к выполнению приказа и не меньше достоин поощрения!» Третий тоже вмешался в разговор: «Да вы двое рожей не вышли, а мне в самый раз предстать пред его сиятельные очи и все рассказать. На том и порешим, я вас потом элем угощу». Они заспорили, затем перешли на личности, взаимные обиды вспомнились, и в конце блеснули ножи. Я не стал дожидаться развязки и поспешил к вам, но на краю деревни не смог удержаться и оглянулся. Все трое лежали с торчащими ножами в груди. Я первый раз видел столько смертей за раз, и не в кино, а в реальной жизни. Не выдержал и вернулся, вытащил людей из горящего дома. Один из последних очнулся и уставился на меня бессмысленными глазами. За ним другие, глаза у всех пустые, как высохшие колодцы. Я не выдержал и убежал, — Павел негромко всхлипнул в конце истории.

— Вы, люди, всегда славились жестокостью и жадностью среди живущих в королевствах. А уж в уничтожении себе подобных — просто не имеете равных, — сказал Крохм.

— Не обобщай, гном, не все такие. Мы же отпустили тебя и помогли эльфам, я, конечно, не считаю себя святой, но в общее платье запихивать не смей! И у нас еще остались честные и благородные люди, только они вынуждены жить по общим правилам, чтобы не выделяться и не переселяться в такие вот деревеньки! Или переезжать на тот свет, возможно и с семьями! — возмутилась Татина.

Я не стал ничего добавлять, просто похлопал Павла по ноге лапой, такое потрясение не каждый день происходит.

«Все нормально, Кешка, но как же так? Разве так можно? Я не могу этого понять, ни за что, ни про что… И потом еще награду за это получать… Как же я сочувствую Татине, что ей приходится жить в таком мире!» — передал мысли бледный Павел.

«Павел, мы с тобой живем в таком же мире, люди нигде не меняются. Это даже по телеку показывают, я понимаю, что тебе некогда и улица важнее, но если бы иногда смотрел и видел, то вряд ли сейчас был так шокирован. К тому же не расстраивайся — все это они заслужили, как убийцы и изуверы!» — просветил я друга, но тот только хмыкнул в ответ.

— Павел, давай свернем к тому холму. Если мои подозрения подтвердятся, то мы окажемся в нашем мире и под землей домчимся до королевства за несколько часов! — крикнул Крохм.

Огонь разгорался, жадное пламя пожирало без разбора все, до чего дотягивалось. Черный дым поднимался в небо, унося с собой не менее черные души постояльцев и их надзирателей. На фоне огня выделялись столбы человеческих фигур. Недавние заключенные смотрели на нас бессмысленными взглядами. По шерсти пробежал мороз — более страшных рож я в жизни не видел, только в фильмах ужасов.

Мы подъехали к означенному холму. Ничем не примечательное возвышение, кроме усыпавших подножье кустов красной смородины. Павел быстро отвязал гнома и Крохм смело кинулся вглубь колючих ветвей, не опасаясь поцарапаться. Там он поколдовал с небольшим и неприметным кустиком, за что получил в качестве награды скрежет внутри холма, и обрадовано воскликнул:

— Да! Радуйтесь, друзья мои, механизм двери в порядке! Наконец-то я смогу увидеть своих родных и наподдать как следует Стохму.

— Открывай и не томи, а то вид горящей деревни навевает на меня такую тоску, что скоро мигрень вылезет на свет, а от нее так просто не избавишься! — не могла не прокомментировать его слова Татина.

Гном проигнорировал высказывание и занялся переплетением веточек куста. Оказалось, что веточки изготовлены из какого-то гибкого материала, вроде нашей проволоки. Внутри холма зашумело, и ещё раз послышался знакомый скрежет. Песчинки тонкими струйками потекли в глубокую щель, с каждой секундой она делалась все более и более широкой.

Створки дверей остановились, образовав достаточно широкий проход. Забавно видеть дыру в поросшем зеленью холме, словно отверстие, прогрызенное гигантской мышью в огромном куске

сыра. Я невольно поежился, представив себе размеры этой мыши: с такой не поиграешь всласть, скорее наоборот — она загоняет бедного и несчастного кота.

— Прошу вас посетить одну из комнат моего обширного дома, и позвольте быть гидом в этой части увлекательного путешествия, — с поклоном сделал приглашающий жест улыбающийся Крохм.

— А там всегда так темно, как у негра… за пазухой? — невольно спросил Павел, заглядывая в уходящий вглубь темный тоннель.

— Нет, только когда наступает зима или лето, осень или весна, а все остальное время там светло и бабочки! — не удержалась от колкости наша язва.

— У гномов всегда на входе в тайнике спрятаны факелы. Татина не права, у нас бывает светло, правда, вместо бабочек у нас порхают мотыльки, — обиженно произнес гном.

— Ну, мы будем стоять и обсуждать особенности освещения в гномьих тоннелях или все же пройдем? Кстати, Крохм, а в твоих переходах достаточно места для прохода лошадей? Я не планирую оставлять свою резвушку сушиться на солнышке! — сообщила нам Татина.

— Не волнуйся, Тана, я проведу вас там, где пройдет человек с лошадью. Но если ты собираешься ехать верхом, то я посоветую тебе оставаться наверху. В одном же ты права, нам действительно пора идти! — сказал гном и достал из неприметной ниши, укрытой дерюжкой, три факела.

В подтверждение его слов в склон холма слева от нас ударила и метнулась назад голубая молния, заставив всех вздрогнуть, а испуганных коней подняться на дыбы. Опаленная трава занялась язычками огня. Когда же мы обернулись в поисках причины возникновения молнии, то на краю леса увидели маленькую фигурку в неизменном желтом балахоне. Фигурка спешила к нам с поднятыми руками, между ними шевелилась блестящая синяя ниточка.

— Быстрее в тоннель, там он не сможет нас достать! — воскликнул Крохм и подал пример к действию, деловито прошмыгнул в пещеру и завозился с какими-то корешками, торчащими из стены.

Мы не заставили себя долго упрашивать и двинули следом за ним, дополнительным стимулом послужила еще одна молния, ударившая на этот раз правее входа. Павел торопливо чиркнул зажигалкой и вскоре три факела рассеяли темноту каменного тоннеля, заставили тени причудливо гарцевать на неровных стенах.

«Павел, а он с каждым разом бьет все прицельнее, может, останешься на поверхности и еще раз испытаешь возможности амулета? Вдруг у него молния лопнет в руках, или он запнется и больно ударится головой о картофельный куст?» — спросил я у Пашки, пока он пытался справиться с испуганным Бегунком и завести его в холм.

«Нет, Кешка, вряд ли это поможет, вспомни хотя бы Железера. На нем висел амулет, однако же он ничем ему не помог, так что не будем рисковать. К тому же мы не одни, с нами еще те, за кого мы несем ответственность. И вообще ты разве не видишь, что я сейчас занят и некогда болтать?» — ответил мне еле усмиривший коня Павел.

Фу-ты, ну-ты, нашелся Маленький принц. Я пшикнул в сторону Гариона, и храбро спрятался в мешке. Если не видишь опасность, то не так страшно.

— Какого молота вы там забыли? Вход сейчас закроется, и останетесь на разговор с тем злым дядькой. А ну быстро внутрь! — раздался голос Крохма.

Бегунок презрительно на него фыркнул и, пропустив вперед Татину с ее лошадью, величественной поступью зашел в тоннель. Я смог справиться с собой и высунул голову наружу.

Чуть-чуть не прищемив хвост Бегунка, дверь с лязгом сомкнулась, и тут же с другой стороны послышался грохот небольшого взрыва, землю ощутимо тряхнуло. С потолка посыпался песок, полетели камешки, один ощутимо стукнул мне по носу. Я сперва хотел обидеться и уйти в себя, а попутно и в мешок, но любопытство настояло на том, чтобы посмотреть на действия гнома. А посмотреть было на что — Крохм заметался по входу, выдергивая какие-то корешки, веревочки, сдвигая и переставляя с места на место камни.

— Быстрее уходите отсюда, сейчас будет обвал! — крикнул гном, не отрываясь от своего занятия.

Татина открыла рот, чтобы прокомментировать это восклицание, но Бегунок из мужской солидарности толкнул в спину мордой. Чтобы удержаться на ногах, ей пришлось пробежаться вперед, но когда остановилась, то наградила Бегунка взглядом, каким смотрел Цезарь на Брута в момент своей кончины. Бегунок ответил невинным хлопаньем глаз, а когда та возмущенно отвернулась, хитро подмигнул Павлу. Друг ответил тем же и украдкой показал поднятый большой палец, а я погладил бы по шее нашего верного скакуна, но из-за ограниченности положения просто солидарно мявкнул.

Мы торопливо шли по длинному коридору, готические тени выплясывали угловатые танцы на стенах: то представляли всех

великанами; то делали карликами. Пройдя до развилки, остановились в ожидании гнома. Позади раздался грохот, шум обвала, под ногами зашевелилась земля, а сверху осыпало каменной крошкой. До нас долетело удушливое облако пыли, а вскоре из нее показался низкорослый проводник.

— На время преследователь будет занят поисками входа, поскольку я завалил наш на пятьдесят метров вглубь, да еще и залил расплавленным свинцом. Другой вход находится десятью километрами южнее и вряд ли Гарион о нем знает! — сообщил довольный Крохм и потряс головой, вытряхивая из волос осевшую пыль.

— А откуда у тебя свинец взялся? Или ты его постоянно в карманах таскал? Тогда я слегка сочувствую Павлу, — с усмешкой произнесла Тана.

Что-то последнее время она постоянно старается подколоть Павла. Может ему еще раз проверить ее нос на влажность, вдруг на этот раз получится?

— Конечно же нет, это гномьи секреты, на каждом выходе поставлены специальные резервуары, заполненные свинцом и при необходимости он моментально растапливается до жидкого состояния. Вот и сейчас помимо наваленных камней Гариону придется пробиваться через двухметровую толщу свинца. Эти резервуары мы поставили после того как ушли под землю, — просветил нас Крохм и устремился в правый коридор.

Нам ничего другого не оставалось, кроме как проследовать следом. Со стороны обвала доносились глухие звуки, будто кто-то методично бил по боксерской груше в глубоком подвальном помещении. Мы не стали дожидаться конца тренировки упорного боксера, а с головой окунулись в переплетение коридоров, подземных залов, пещер и проходов.

Пламя от факелов разбивалось на тысячи огоньков, падало на сталагмиты и зажигало причудливые люстры, в сталактитах разбивалось на миллионы зайчиков. Пещеры превращались в волшебную сокровищницу Али-Бабы, раскрашивались всевозможными цветами, переливались и сверкали. Мы шли в полной тишине, зачарованные открывавшейся красотой, единственными звуками были цокот копыт и наше затаенное дыхание. Крохм удовлетворенно хмыкал, видя, как мы очарованы чудесными сказками подземелья. Мы подошли к сплошной стене, и Павел недоуменно посмотрел на гнома. Тупик? Недорослик хмыкнул и ударил по ближайшему сталактиту — по пещере пронесся хрустальный звон.

— Ни шагу дальше!!! Оставайтесь там, где стоите! — раздавшийся под потолком громовой голос заставил вздрогнуть, я

оглянулся в поисках источника этого голоса.

В зале никого кроме нас, и это не могло не вызывать беспокойства. Однако ничуть не удивленный гном подошел к небольшому отверстию в стене и наклонился над ним.

— Тутом, сколько раз тебе говорили, чтобы ты убавил громкость? Ты озадачил моих спутников и испугал животных, вот доберусь я до тебя… Это Крохм, я вернулся из леса! — проворчал наш проводник.

Хотя гном достигал всего лишь половины человеческого роста — значит полупроводник. Однако с полупроводником всегда ассоциировался только Сусанин.

— Извини, Крохм, это я так… для пущего эффекта… зато знаешь скольких непрошенных гостей убежали от этого гласа? — уже тише произнес невидимый собеседник, и я понял, что звук исходит из отдушины в потолке. — Если эти люди пришли с тобой, то милости просим! А мы тебя сочли умершим и успели справить погребальную тризну.

— Не сомневаюсь, что Стохм приложил к этому грязную руку. Но он просчитался, давай открывай ворота и объяви общий сбор в главном зале Старейшин — скомандовал Крохм и подошел к сплошной стене.

По стене пробежала трещина, все больше и больше расширяясь, она превратилась в арку высотой в три метра. За ней оказался еще один коридор, но имеющий обжитый вид, на стенах горели воткнутые в подставки факелы, что оказалось очень кстати, так как наши выгорели и почти не давали света. Гном махнул рукой, приглашая поторопиться, и мы поторопились, Павел споткнулся на ходу и проехался носом пару метров. Выслушав очередные откровения от Татины, и огрызнувшись в ответ, Павел что-то подобрал с пола.

— Крохм, а у вас всегда разбрасывают золотые самородки по полу, или вы так встречаете гостей? Нет, я конечно не против, но как-то это неэкономично, — отряхнувшись, Павел разглядывал небольшой кусочек камня в руке.

Осколок гранита с желтой полоской посередине катался по грязной ладони, полоска тускло поблескивала и радовала глаз своей желтизной.

— Нет, Павел, это золото для дураков, обманка так сказать. Порой встречаются куски обманки, величиной с твою голову, — проговорил Крохм, взглянув на обломок в Пашкиных руках.

— Павел, я смотрю, ты нашел золото по себе! Ну, ничего, вот завершишь свою миссию, возглавишь какое-нибудь государство и пустишь в оборот монеты из этого металла. Можешь даже свой гордый профиль на этих монетах вытеснить! — улыбнулась

Татина.

Павел только поднял глаза к потолку, но, не обнаружив там ничего интересного, сунул камешек в карман и начал поправлять подпруги на Бегунке. Наше благородное средство передвижения презрительно фыркнуло и отвернулось от него. Я никак не прокомментировал данную ситуацию. Надоело.

Мы подошли к концу коридора и гном снова завозился с корешками торчащими из стены, какие-то соединяя, а иные отодвигая в сторону.

— Да, все же сложные у вас запоры, надеюсь, на туалеты вы такие не ставите? А то ведь можно и не успеть набрать необходимую комбинацию, — наблюдая за его работой, высказала общее мнение, но в обычной манере, Татина.

— Если наберешь неправильную комбинацию, то в туалет будешь проситься у небесного кузнеца. Это и защита, и ловушка, только гномы могут знать, как пройти, а в некоторые места и вовсе попадают только посвященные, — сказал оторвавшийся от заплетания косичек из торчащих корешков гном, — Если ты дернешь не за тот корень, то тебя может накрыть потолок, и считай что тебе повезло, мы ведь и другие ловушки умеем ставить.

После этих слов створки ворот распахнулись, и мы вошли в большой зал. Видно, что зал делался с большой любовью и старанием — на стенах, колоннах и даже потолке затейливая каменная резьба. В основном изображающая победу гномов над людьми и какими-то расплывчатыми созданиями. Под потолком разбрасывает яркие огни огромная люстра из хрусталя, отблески причудливо пляшут по обширному залу.

Посреди зала встречала целая демонстрация из низкорослых человечков. Некоторые подметали пол бородой, другие, как и наш спутник — безбороды, одни держали в руках кирки, иные кузнечные молоты, но все насторожены и молчаливы. Мы смотрели на них, они взирали на нас, и эта игра в гляделки грозилась затянуться на неизвестно сколько время. В одежде молчаливых работяг преобладали коричневые и серые тона. На возвышении расположился большой стул резной работы, весь в завитушках и изгибах, с этого постамента грозно взирал старый гном. Убеленные сединой волосы перехвачены золотым обручем над мохнатыми бровями.

— Подойди, мой сын, и расскажи — почему тебя так долго не было? Двое подданных принесли пряжку от твоего ремня с поляны, где находился капкан. Рядом обнаружили щепки от срубленного дерева и след Брыся, неужели ты настолько глуп, что срубил дерево для костра в присутствии лесного стража? Мы пять

дней в трауре, потом являешься ты и приводишь с собой людей. Как ты все это объяснишь? — сдвинув брови, спросил сидящий на резном стуле.

— Отец, все подстроил Стохм, он поймал тебя на спор и сделал так, чтобы я не вернулся обратно. Он почти осуществил свой план, если бы не эти люди, то мой труп доедали бы волки! — начал свою речь Крохм, но тут влез вертлявый гном, с бегающими глазками.

Если бы огромная крыса встала на задние лапы, побрилась и одела человеческую одежду, то она вполне могла быть зеркальным отражением племянника короля. Он появился из-за спинки стула и зашипел на Крохма.

— Ты нарушил заповеди не входить в контакт с людьми! Значит, наши законы писаны не для тебя! И чтобы отвлечь от этого наше внимание, ты наводишь злостную клевету на родственника. Ты не выполнил уговор, заключенный пять дней назад и… — тут его словоизлияния прервал дрожащий от ярости голос Татины.

— Ты, мелкий провокатор, еще смеешь трепыхаться и пахнуть в его сторону? Король, дай ему по шее, чтобы он скатился в нашу сторону, и я тогда смогу добавить коленкой. Твоего сына мы нашли умирающим от голода в ловушке, которую сотворил Брысь. Учитывая то, что у твоего сына не имелось толкового защитника перед лесным сторожем и подлянку, подкинутую вон тем крепышом, в виде погубленного дерева — не трудно догадаться, что ваш траур был бы обоснован, если бы не вмешались мы! — чуть не срываясь на визг, прострочила бледная Тана.

— Король, не слушай её! Люди всегда стремились обмануть трудолюбивый и гордый народ гномов. Мы вместе с Билном и Тоном обследовали место происшествия, там не нашлось крови. Может и не было никакой борьбы с Брысем? Вполне вероятно, что Крохм где-то пропадал все это время, а после нашел людей и склонил их к сговору против меня. Он еще с младенческого горшка кидал в меня своими… — перекричал Тану гном, но она тут же отыгралась.

— Ах ты, негодник! Пусть твоей маме будет стыдно за такого сынишку, это же надо — мало того что разбросал щепки по поляне, так еще и сорта деревьев перепутал. Вместо щепок сосны, которые росли на поляне, накидал щепки бука, который растет только в центре Ледяных гор! Может ты и разбираешься в металле, но в древесине, оказывается, полный профан!!! — все убыстряя темп речи и увеличивая громкость голоса, проговорила Татина, и результат ее спича не замедлил сказаться.

— Я различаю деревья и не мог ошибиться, наглая девчонка!!! Я с детства увлекался флорой и фауной с поверхности земли, так что щепки сосны положил верно…

Бац! — прервал начавшуюся истерику Стохма звучный подзатыльник, отвешенный королем.

Стохм скатился с пьедестала и, ошеломленный, застыл в ногах остальных собратьев, которые расступились и образовали большой круг. В центре озирался перепуганный гном. До него дошло, куда его завел невыдержанный язык. В нашем дворе таким подлым котам темную готовили, и потом выдирали половину усов, чтобы неповадно было.

— Так вот кто это сделал, — сказал мрачный король.

Стохм затравленно огляделся, отступать некуда, всюду нахмуренные лица и грозно поднятые бороды. Павел изо всех сил сдерживал Татину, она все порывалась подобраться к лежащему и осуществить обещанное. Тишину нарушил седовласый король, два раза натужно кашлянув, он поднялся с трона.

— Подойди, сын мой, дай мне обнять тебя! Ты вернулся, и моя душа вновь зажглась жарким огнем, который потушило известие о твоей пропаже. А ты, Стохм, прощай! Отныне вход в наше королевство тебе закрыт навсегда! — с этими словами король обнял сына и отвернулся от поверженного племянника.

Стохм стараясь ни на кого не смотреть, поднялся с земли, отряхнул одежду и с понурой головой, прошел к выходу из зала. Гномы расступались перед ним, но их красноречивые взгляды, подобно тяжеловесным наковальням, пригибали предателя к земле. Лишь один раз он выпрямился, когда вырвавшаяся Татина все же придала ему ускорение коленкой, хотя для этого и пришлось присесть, дабы попасть по намеченной цели. Стохм прожег ее взглядом и помчался вон из зала, так как Бегунок тоже вознамерился повторить подвиг Татины.

— Гарион вам еще покажет, подлые создания! Наша месть будет скорой и кровавой!!! — донеслось до наших ушей, и затем топот маленьких ног рассыпался дробью.

— Храбрая девушка, благодарю за содействие в разоблачении заговора, и прошу тебя и спутников присоединиться к нам завтра за пиршественным столом, на празднике в честь чудесного возвращения моего сына! — улыбнувшись в бороду, вымолвил король, остальные гномы поддержали его слова одобрительным гулом.

— Спасибо, мудрый правитель, нам действительно пора подкрепиться и следовать дальше, но и поспать бы не мешало. За нами погоня и мы вынуждены поторопиться, но от бесплатной еды вряд ли сможем отказаться, — с поклоном ответила Тана.

Вот! Может же нормально разговаривать, когда есть захочет. Я обратил на это внимание Павла, за что и был поглажен по высовывающейся из мешка голове.

— В наших подземельях вы в безопасности. Позвольте же узнать — кто вас преследует, может наша помощь не будет лишней? — спросил король.

— Отец, за ними гонится Гарион. Видно они наступили ему на любимую мозоль, вот он и хочет поквитаться, — за нас проговорил Крохм.

— Тогда вам действительно нужно поторопиться. Стохм не откажет себе в удовольствии провести его короткими ходами. Мы можем лишь блокировать перемещения Гариона, не более того. В междоусобицу между людьми мы соваться не будем, — после раздумий сообщил нам король.

Пока он думал — никто не смел шелохнуться, лишь шипение факелов, дыхание многоголовой толпы и пляски длинных теней по стенам.

— И на том спасибо, если вы еще и к Кану проводите, то вообще будет отлично, — вклинился в разговор Павел.

Король наклонил голову в ответ на его слова и махнул рукой своим подданным.

Нас отвели в отдельные комнатки, чистые и аккуратно обставленные. В нашей комнате растопырил ножки низкий топчан, укрытый медвежьей шкурой, в углу капал умывальник, за ширмой скрывался санузел, небольшой столик с парой табуреток — вот и вся спартанская обстановка, что радовала взгляд усталых путников. Как и везде под землей комната освещена факелами, но чад от них вытягивался в отверстия вентиляции и почти не чувствовался. Коней увели четыре сноровистых гнома, Бегунок сначала было воспротивился, но после похлопывания по шее Пашкиной руки, успокоился и дал себя сопроводить. Крохм помахал нам рукой, мол, увидимся позже, и утонул в дружеских объятиях, похлопываниях и редких пощипываниях.

В комнате Павел сразу же упал на топчан, и устало вытянул ноги. Из-за малого роста хозяев ноги слегка свисали с кровати. Я же походил по комнате и, не найдя ничего интересного, примостился рядом. Потрескивали три факела, капали в тазик капли из умывальника, за массивной дверью слышны далекие возгласы радующихся гномов. Татина находилась в комнате по соседству и, судя по скрипнувшим доскам, тоже упала на кровать.

«Кешка, почему Татина все время стремиться меня подколоть? Подумаешь, сбрехнул немного — как же без этого. Теперь она до самого расставания не слезет с меня. Когда же мы найдем этого Кристана и ту же Кирию? Если и отшельник не

сможет нам помочь, то останется просто каждого останавливать и спрашивать — не Кристан ли он?» — передал свои грустные мысли Павел.

Я понимал его, впервые он оказался далеко от дома, от родителей, от участкового. Незнакомая местность, чужие люди, сказочные существа и несколько смертей — кому угодно нервы попортят. А он молодцом, держится, мысли на девушку переключает.

«Павел, ну чем я тебе могу помочь? То, что Татина неровно дышит по отношению к тебе, заметил даже Бегунок. Ну а что с целью наших поисков… могу лишь одно тебе сказать — быстрее бы они нашлись, и мы смогли вернуться домой! Ты спишь, что ли?»

«Нет-нет, просто медленно моргаю! Продолжай!» — Павел зевнул во весь рот.

«Я думаю, что мы сможем уговорить отшельника! Так завтра и приступим к поискам, найдем и уболтаем. Покажем ему удаль молодецкую и амулетную защиту. А если не уболтаем, то пошлем Татину и она… Ну что ты за человек? Хоть бы храпел потише, пока я тут наизнанку душу выворачиваю!» — оскорбленно закончил я свою речь.

В ответ не прозвучало ни одной толковой мысли, лишь ровное и спокойное дыхание - Павел уснул. Неудивительно, столько всего навалилось за последнее время. Парню, все приключения которого состояли из вылазок в сады за яблоками, и разборок с ребятами соседнего двора, подобные испытания трудно выдержать и тем более так, сходу, принять. С этими мыслями я прикорнул у Пашкиной подмышки и тоже провалился в темноту без сновидений, но ухо само собой держал востро. Так. На всякий случай. А эти случаи валятся и валятся, безостановочно.

Нас разбудил негромкий стук и хриплый голос за дверью.

— Вас просят придти в общий зал, там все накрыто и ждут только вашего появления.

— Да-да, уже идем. Кешка, вставай, просыпайся, не ленись, а ты где? А, ты уже у двери. Пойдем нормальной пищи поедим, всяческих разносолов и деликатесов, надеюсь, гномы умеют хорошо готовить. Эх, сейчас бы мамкиных блинов со сметаной! — потягиваясь, сказал Павел.

«А я бы не отказался от соседкиной курицы-гриль. Очень уж она вкусно её готовит!» — облизнулся я.

Плеснув в лицо водой, Павел повернулся к двери, где мой желудок уже давно выражал недовольство глухим урчанием. Я по привычке пару раз скребанул по двери, потом вспомнил о

мысленном общении и покрыл его ругательствами за нерасторопность.

В коридоре топтался незнакомый гном, рядом протирала глаза заспанная Татина, что-то недовольно бурчащая себе под нос. Гном поклоном попросил следовать за ним, и мы двинулись по коридору в сторону веселого гула голосов.

Двери открыли пародию на крупный корпоратив — между столов, уставленных яствами, в броуновском движении сновали чисто одетые гномы. О чистоте одежды я мог судить по тому, что при ходьбе с них не сыпалась угольная пыль и каменная крошка. Зато непременным атрибутом у всех, кроме женщин, являлась белая манишка на груди, скорее всего она надевалась на праздники вроде этого. Судя по снежной белизне манишки, праздники у гномов случались не так уж часто.

Кстати, если говорить о женщинах-гномицах, то по строению фигуры они похожи на мужчин, такие же коренастые, крепко сбитые и широкие в плечах. От мужчин отличали характерные выпуклости и отсутствие бороды, еще головы облегали белые чепчики. В целом гномиц можно назвать миловидными, но я не буду, а то гномы заревнуют, да и нравятся мне больше кошечки нашего двора. Знаю, что они это не прочтут, но может какой-нибудь хороший хозяин расскажет моё повествование своей кошке, а та передаст во двор. И тогда кошки поймут, кого я имел в виду и им станет приятно. Да, так и представляю сидящего в качалке человека, который читает тихо урчащей кошке.

А тем временем в зале установилась тишина — то поднял руку король. Справа от него стоял умытый и причесанный Крохм, сменивший беличью шапку на тонкий золотой обруч.

— Приветствую вас, представители людского племени, на нашем торжестве. Мы благодарны за помощь в деле возвращения королевского сына и раскрытии заговора, и просим вас разделить нашу радость. Теперь вы всегда можете рассчитывать на помощь подземного народа, и, в знак нашей признательности, мы дарим уголек от костра великого кузнеца, нашего прародителя. Если вы попадете в беду, то зажгите уголек, и мы придем на выручку, где бы вы ни находились. А сейчас давайте праздновать! — последние слова короля потонули в одобрительном реве.

Сотни рук с кружками взметнулись вверх, и началось всеобщее веселье, которое увлекло и закрутило нас. Слабо мерцающий уголек поместили в шкатулочку, и Павел бережно убрал его во внутренний карман потрепанной джинсовки.

Я не спешил влиться в омут, боясь, что меня элементарно затопчут, и продолжал сидеть на Пашкином плече. Павел же пригубил из кружки и, резко сморщившись, отодвинул ее в

сторону, отдав предпочтение закускам. Пару раз я порывался намекнуть ему, что на плече находится живое и голодное существо, но в гуле тостов, здравниц и поздравлений, он не слышал и мыслей. До него дошло, когда я съездил лапой по уху и с немым упреком уставился в глаза. Вот тогда Павел вспомнил про меня и усадил на стол, поближе к мясу, за что я ему премного благодарен.

— А ну пошел отсюда, блохастый кусок шерсти, еще раз увижу рядом — пущу на шапку! — замахнулся на меня сидевший рядом гном.

За что сразу получил подзатыльник от подошедшего Крохма и освободил место на лавке. А когда поднялся с пола, то недоуменно уставился на нашего спутника.

— Этот «блохастый кусок шерсти» нашел меня в лесу и привел для спасения друзей, так что отнесись к нему с должным уважением! — повелительно сказал Крохм проштрафившемуся гному, а я еще и плюнул на него, правда, не попал. Гном не стал ждать моей повторной попытки, а с извинениями слинял, в это время Крохм повернулся к нам. — Павел, ешьте, пейте, отдыхайте, а после я вас отведу к тому месту, где видели отшельника в последний раз. Я поспрашивал о цели ваших поисков, но, к сожалению никто о них не знает.

— Да ладно, Крохм, мы сами надеемся только на отшельника, хотя и не факт, что он нам сможет помочь. Давно уже я не спал на нормальной кровати, еще бы помыться, — мечтательно потянулся Павел.

Крохм тут же отдал распоряжения расторопному парнишке в желтом фартуке и присел рядом с нами.

— Сочувствую, Павел, ведь ты вновь продолжишь свои приключения с очень красивой и не менее язвительной девушкой. Будь с ней построже и не забудь позвать на свадьбу, если прежде не поубиваете друг друга, — со смехом поднял кружку Крохм и, стукнувшись с Пашкой, единым махом её осушил.

Павел страдальчески скривился и последовал примеру Крохма, интересно — его от вкуса напитка перекосило или от замечания.

— Да, дружище, с Татиной сложно сладить, но надеюсь, в глубине души она мягкая, нежная и заботливая. На самом деле она мне очень… — Пашкины слова прервал гул в другом конце стола, мы невольно переключили внимание на то, что там происходило.

А посмотреть было на что — молодой гном, поспорив с друзьями, хлопнул Татину чуть пониже поясницы, а та приложилась ему бараньей ногой чуть повыше переносицы. Гном

шлепнулся на пол, но тут же вскочил и попытался удрать, затеряться в толпе. Не тут-то было! Мстительная Татина поймала его за манишку и, сделав подножку, повалила снова на пол, причем он упал лицом вниз, выставив вверх пятую точку. Татина не преминула этим воспользоваться и, под общий хохот, схватила незадачливого гнома за ремень штанов и нанесла пару хлестких шлепков по выставленой части тела. Гном что есть силы рванулся и оставил ремень в руках Таны. Надо было видеть как он, придерживая спадающие штаны, кинулся вон из зала. Хохот и аплодисменты не смолкали еще минут пять. Татина картинно раскланялась и вновь заняла свое место.

— Тутом получил по заслугам, нечего выбирать нашу воительницу для баловства! Да и за громкоговоритель огреб сполна, — отсмеявшись, произнес Крохм и поднял кружку в честь Таны, остальные его охотно поддержали.

Больше в этот день ничего интересного не происходило, и если вы бывали на больших вечеринках, то можете представить, что было дальше. Обычные разговоры за жизнь и работу, дележка наболевшим и накипевшим, пара стычек, которые тут же разняли, здравницы и тосты.

Павлу и Татине приготовили горячую воду в больших бадьях, я же отказался от помывки — не люблю это дело, а когда мы вновь оказались в наших комнатах, то рухнули в объятия Морфея.

Глава 6

Наконец-то утро встретило нас обычным пробуждением, никто не связывал, не стряхивал за шкирку и не орал на ухо, не пинал и не унижал. Всего лишь деликатное постукивание в дверь и ничего больше. Проделали утренний процесс умывания и съели принесенный завтрак — жизнь вполне налаживается, и даже волшебник с молниями кажется далекой неприятностью.

Мы пошли попрощаться с королем. Тот обнял каждого, потерся жесткой бородой о лица. Меня он чмокнул в нос, от короля пахло дымом. Затем пожелал скорейшего возвращения и снова вернулся к прерванному занятию, то есть к изготовлению двуручного меча. Да, и я удивился, что король занимается кузнечным делом, но видно Крохм прав, когда утверждал, что у них король имеет лишь право решающего голоса и больше никаких привилегий. Два суровых подмастерья кивнули нам на прощание и тут же схватились за молот и меха.

Мы вышли в небольшой коридор, там уже стояли лошади, поприветствовавшие нас дружным ржанием и опечаленный Крохм.

— Жалко, что вы уходите, и еще больше жаль, что не получится с вами дальше путешествовать. А ведь с вами так интересно, каждый день что-то новенькое, но указ отца — закон для хорошего гнома. Пойдемте, я вас провожу на поверхность, — с этими словами Крохм закинул на плечи вязанку факелов и показал нам на две котомки, лежащие у его ног. — Это велел вам передать мой отец, конца вашего пути не видно, и неизвестно, когда удастся еще пропитание добыть.

— Передай отцу нашу благодарность, за прием, за ночлег и за подарок. Тутому мой пламенный привет и пару хлопков ладошкой, место я уже обозначила, последовательность он сам знает! — улыбнулась Татина, приторачивая котомки к седлу. Павел тоже пробормотал слова благодарности, я же воздержался — все равно не поймет.

И вот спустя полчаса хода освещенные коридоры кончились, и нам пришлось запалить факелы. Снова заплясали тени на стенах, Павел тихо переговаривался с Крохмом, Татина изредка вставляла свои корректировки и замечания, я же спокойно покачивался в сумке и думал о будущем. Так не заметил, как и задремал, под говорок и покачивание. Но уши, уже приученные в этом мире быть всегда на макушке, фиксировали все посторонние звуки, отсеивали шумы, не представляющие угрозы, и работали на манер локаторов.

Слышались звуки воды, которая капала со стен в особо сырых местах, изредка шуршали проползающие змеи, потрескивали и шипели факелы, цокали четвероногие и шаркали двуногие. Мы продвигались по извилистым коридорам. Крохм уверенно вел нас, даже не останавливаясь, чтобы свериться с картой или задуматься над выбором пути. Впрочем, в этом нет ничего удивительного — я тоже знаю наш двор как свои когти и могу найти квартиру с завязанными глазами.

Нюхательный аппарат тоже был настороже, и именно он подал сигнал о приближении чего-то нового, необычно пахнущего. Хотя я попытался приписать первенство обнаружения нашего нового приключения только себе, но будучи котом честным, должен признать, что первыми начали подергивать ушами наши лошади. Вскоре за запахами, среди которого особо остро выделялись запах крови и мокрой псины, до ушей донеслись и звуки рычания и ударов.

— Тихо! Что там? — остановился Крохм.

— Это мы у тебя должны спросить — твои же владения, — съехидничала Татина.

— Судя по звукам, там волки кого-то рвут. Есть у вас подземные волки? — спросил Павел.

— Крысы есть, волков отродясь не было, — шепнул гном, когда резкий вой заставил присесть.

Павел велел всем оставаться на местах, а сам повернул луч на амулете. Снова нанесло холодом и он исчез, лишь легкое шарканье ног указывало на его передвижение. Понятно, что и я не мог усидеть на месте и, выбравшись из сумки, легкой трусцой скользнул вслед уходящему Павлу. И так увлекся преследованием, что пропустил момент его остановки и ткнулся носом в его ногу, она хотя и была невидима, но, тем не менее, вполне осязаема.

«Фу ты, Кешка, черт полосатый, напугал, блин. Я уж было подумал, что стал интересен местным крысам, и хотел тебе по башке навернуть. Ты чего здесь делаешь, я же сказал всем оставаться на месте и ждать моего возвращения?» — вот такими дружелюбными словами Павел приветствовал мое появление.

А я о нем переживал, беспокоился. Гад бессердечный!

«Ага, ты опять во что-нибудь вляпаешься, а мне потом отмывать придется. Нет уж, на сей раз я тебя одного не оставлю, вместе так вместе! Мне тоже интересно на хорошую драку посмотреть» — вполне резонно ответил я. А судя по усиливающимся отголоскам борьбы, драка и впрямь была хороша, не могу же я такое пропустить.

Меня еще Семен Алексеевич подсадил на бокс, и когда по

телевизору транслировались матчи, то мы вместе болели и переживали за бойцов на ринге, правда, каждый по-своему. Семен Алексеевич болел, активно подпрыгивал на диване и ожесточенно вспарывал воздух суховатыми кулаками, я же сидел перед телевизором и старался помочь одному бойцу, отвлекая его противника заунывным мяуканьем. Маргарита Павловна отбирала пульт и переключала на другие каналы, когда ей надоедало слушать нашу какофонию. Эх, когда же это было…

«Ну ладно, Кешка, только ты не высовывайся, я смотаюсь за поворот и потом передам, что там происходит. Все, сиди тихо, прикрывай тыл, а я на разведку».

Ага, Пашенька, меня-то ты убедил, а вот мое любопытство не очень, и оно подтолкнуло следом.

Когда я повернул за рассыпающийся угол коридора, то глазам предстала битва не на жизнь, а на смерть. Высоченный черноволосый человек, увешанный мускулами и покрытый зеленой краской, отбивался секирой от трех чудовищ, очень похожих на Брыся. Еще два чудовища валялись неподалеку, на оскаленных мордах навек застыла ненависть и злость. Рядом с ними нашел последний удар другой воин, похожий на сражающегося, но с седыми волосами.

Чудища состояли из клыков и когтей, с черным свалявшимся мехом и собачьими головами (что делало их еще менее привлекательными в моих глазах), они двигались на задних лапах с неимоверной скоростью. Они махали передними лапами, щелкали здоровенными челюстями, способными запросто перекусить вашего покорного слугу на две равные половинки, и старались достать зеленокожего воина. Судя по многочисленным ранам, покрывавшим тело зеленокожего, им это удавалось, но он не отступал. Ему было, за что бороться кроме своей жизни.

За мускулистой спиной, вжавшись в каменистый угол, сидела женщина с маленьким ребенком на руках. Кожу у них тоже словно облили зеленкой. Ребенок пытался вырваться и принять участие в драке, мать же затравленно смотрела на бой и сжимала в руках большой кинжал. Другой рукой она удерживала за шкирку вырывающегося пацана.

«Кешка, как нам поступить, ведь скоро зеленый мужик совсем ослабеет, и тогда зверюги растерзают их всех? Кто его знает, может после этого они и нас смогут учуять. Пожалуй, надо ему помочь, заодно и наших спасем от встречи с этими троглодитами. Кешка, ты здесь?!! А кому я сказал… хотя ладно, все равно уже поздно. Главное — не встревай!» — раздались в голове Пашкины мысли, и я в ответ клятвенно пообещал ему не вмешиваться.

Бороться с собой, стиснуть зубы, сжать когти и не встревать!

Ага, ведь меня так и тянет кинуться на съедение этим мохнатым шалостям природы с нездоровым цветом глаз. Нет уж, Павел, если тебя тянет на суицидальные подвиги, то это твое дело, а я, пожалуй, постою в сторонке, вроде как на стреме.

Зеленокожий вертелся волчком, воинственно рычал и парировал удары зверей, но те обладали зачатками разума и перестроились на выматывающий бой. Они лишь обозначали выпады, уклонялись от секиры, заставляли воина терять и без того иссякающие силы. Бойцу оставалось лишь бессильно скрипеть зубами и стараться подороже продать свою жизнь и жизни близких.

И тут в дело вмешался мой друг, да еще как вмешался! Он неожиданно появился между зверей. Нахлестал правому по морде и, пока тот ошалело смотрел на него, Павел плюнул в глаз левому, после чего снова пропал из виду. Третья зверюга взвизгнула, когда он наступил на её лапу.

«Кешка, ну как, чётко я их? Эх, почему же раньше у меня не было такого амулета?» — раздался в моей голове веселый Пашкин голос.

«Не высовывайся особо, лишь изредка отвлекай их от дядьки, покрытого зеленкой» — посоветовал я своему бойцу невидимого фронта.

На несколько секунд бой стих, зеленокожий переглянулся со зверюгами, те удивленно посмотрели на него. Потом все четверо пожали плечами и снова двинулись в драку. Воин поднял секиру и, собрав остатки сил, яростно кинулся в последнюю атаку. Но тут снова вмешалось провидение в Пашкином лице: он появился из ниоткуда и, дав хорошего пинка отставшему зверю, снова пропал. Зверюга возмущенно взревела и отмахнулась от неожиданного посрамления, но её лапы вспороли лишь воздух, не встретив на пути никакого предмета.

Чудовище, награжденное Пашкиным плевком, тоже обернулось в поисках пародии на верблюда. Этим и воспользовался зеленокожий, одним прыжком оказался около начавшей разворот зверюги, он одним махом обезглавил её, навсегда запечатлев на морде обиженно-огорченную мину. Голова допрыгала до сжавшейся в углу женщины и укоризненно уставилась на нее, как бы обвиняя в случившемся. Та осторожно отодвинула ее и повернула зубами к стене. Нет, все же у иных женщин чувство аккуратности не истребить! Ну, казалось бы, какая тебе разница как валяется отрубленная голова, так нет же — обязательно надо фэн-шуй приплести и повернуть энергетическим центром на север.

Оставшиеся в живых зверюги не заметили явного улучшения

обстановки в пещере (значит, женщина зря старалась) и раздосадованные потерей ещё одной особи своего вида, накинулись на воина с двух сторон. Тот перекатом ушел с линии атаки, и они с шумом встретились в воздухе, стукнулись лбами и рухнули на пол. Однако тут же вскочили на лапы, и тут оказалось, что они разделили собой женщину с ребенком и воина, чем не преминули воспользоваться. Одна из зверюг молниеносно кинулась к женщине, поднимая лапу для мощного удара. Женщина, заслонив собой ребенка, выставила вперед кинжал и отважно зажмурившись, начала им махать из стороны в сторону. Чудище тут же выбило у нее из рук это слабое оружие, и, содрав клок кожи, схватило за волосы и начало подтягивать к своей оскаленной пасти, нацеливаясь на шею и капая слюной.

В промежуток между ними вклинился Павел с занесенным кулаком, но чудище было готово к появлению чего-то из ниоткуда, и резко отмахнулось лапой, откинув его в сторону и оставив на Пашкиной груди четыре рваные раны. Павел отлетел к стене, ударился об нее головой и потерял сознание. Как так? Почему? А как же действие амулета, или под землей оно бессильно? Ответы на все эти вопросы можно будет найти и потом, а сейчас необходимо действовать, иначе осиротинит мальчонку зверюга дурнопахнущая.

Воин выл от злобы и бессилия, как ветряная мельница махал секирой, но не мог приблизиться — не пропускала не менее злая мохнатая особь, щелкала клыками буквально в сантиметрах от лица зеленокожего. Павел не отзывался на мысленные призывы, воин не мог приблизиться, женщина обмякла в лапах твари, которая уже почти добралась до ее горла. Не мог я оставаться в стороне, надеюсь, что мне это зачтется в кошачьем раю.

Я в несколько прыжков долетел до зверюги с женщиной и, взлетев на добрых два метра, обрушился как карающая десница на зубастую морду. Истошно вопя все боевые кличи, которые знал, я начал когтями делать пластическую операцию по улучшению морды лица этого чудовища. Тварь резко мотнула головой, пытаясь стряхнуть меня с головы, но не на того напала! Я еще крепче вцепился тремя лапами, а четвертой продолжал менять твари форму скул и разрез глаз. Но, видно убедившись в моем непрофессионализме в области данных операций, тварь просто сорвала меня со своей морды и запустила в сторону Пашки. Все девять жизней пронеслись перед глазами, пока я летел до стены, но все же собрался и, отпружинив лапами, опустился на мягкое, то есть шлепнулся Павлу на живот.

Видно от толчка Павел очнулся и тут же скривился от боли, зажав рукой длинные и глубокие раны на груди. На вид они были

ужасны и несовместимы с жизнью, однако Павел каким-то чудом держался.

«Вот оно как бывает, Кешка, живешь себе живешь, тут бац и какая-то фиговина с когтями тебя жизни лишает, и что самое обидное — помираю нецелованный» — оказывается даже в такой ситуации гормоны берут свое, Павел вздохнул и, судя по выражению его лица, приготовился прощаться.

«Поверни синий луч и не мучай мое и без того воспаленное воображение!!!» — я сорвался на истерический визг. Вы никогда не пробовали мысленно биться в истерике? Попробуйте, довольно-таки интересное занятие.

Павел все же послушался и, оставив прощальные речи до лучших времен, повернул синий луч на амулете. Странно, но сейчас он не дал сбоя, как в случае с неуязвимостью. Раны моментально исчезли, не оставив даже шрама, чем немало огорчили Павла, очевидно собравшегося похвастаться ими перед пацанами. Он уже почти видел, как разденется для купания, мальчишки заметят шрамы, обступят, начнут выспрашивать, а он с легкой неохотой наворотит с три короба и маленькую коробочку. Когда мы вскочили на ноги полные решимости вновь вступить в бой, то как оказалось, вступать уже было некуда, так как боя, собственно, уже не было.

На полу пещеры валялось два свежих трупа, причем один без головы, но поспешу вас обрадовать, что оба они были мохнатые. Зеленокожий, осмотрев жену и ребенка и удостоверившись, что с ними все в порядке, повернулся к нам.

— Зимор благодарит тебя, человек, и твоего зверя за помощь, но Зимор сам мог с ними справиться. Ответь — откуда ты взялся и как оказался здесь? — гортанным голосом спросил зеленокожий.

При ближайшем рассмотрении Зимор, с его гипертрофированными мышцами, низким лбом и выступающей далеко вперед челюстью, казался пародией на человека. На шишковатой голове покачивался ирокез как у индейцев племени могикан, пояс прикрывала юбка из меха неизвестного голубого животного, по ней рассыпались каменными бляшками с высеченными иероглифами. На мощных ногах красовались деревянные сандалии, доходящие кожаными завязками до колен. Обширную грудь пересекала широкая перевязь, и Зимор, закинув за спину секиру, укрепил ее на этой перевязи.

Его фигура дышала силой и казалась вырубленной из одного цельного куска зеленого мрамора. Хотя, если ребенка с коляски начать накачивать стероидами, заставлять заниматься перетаскиванием тяжестей и каждый день обливать его зеленкой

— то к тридцати годам получится нечто похожее на Зимора. Однако, двигался он легко, неслышно скользил по земле и завораживал плавностью движений, будто змея готовая в любую секунду кинуться в атаку. Этим он отличался от Пашкиных друзей, когда тот посещал тренажерный зал. У тех можно было вешать табличку «Занос 1 м», до такой степени они были неповоротливы. Тогда эти посещения закончились весьма плачевно, Павел забыл, где он находится, и почесал нос, когда страховал инструктора, и в результате этого уронил на преподавателя штангу весом около ста пятидесяти килограмм. За это Павел был изгнан с позором и клятвенными заверениями никогда не переступать порога зала, где инструктора не могут выдержать такого небольшого веса, даже если он падает на челюсть.

Павел вкратце рассказал, что идем мы от гномов и направляемся к отшельнику. Он не мог в ответ не поинтересоваться личностью зеленого и его спутников.

— Зимор — орк, это Ригана, моя жена и мой сын Нагор, там лежит мой отец, и за его смерть есть кому ответить. Мы сейчас уйдем, но найдем способ ответить на вашу помощь, прощайте! — с этими словами Зимор отвернулся к своей жене и ребенку. Но его жена посмотрела на нас таким молящим взглядом, что Павел, собравшийся было уходить, споткнулся и снова обратился к Зимору.

— Уважаемый Зимор, неподалеку находятся наши друзья и у одного из них есть хорошее снадобье от ран. Не прими это как милость, мне это и в голову не могло придти, лишь как товарищескую поддержку, — как оказалось, в Павле дремал дипломат.

Зимор, сперва гневно обернулся, но все же успокоился и, посмотрев на жену и ребенка, согласно кивнул. Затем взял вертлявого сына на руки и тоскливо посмотрел на оставшееся тело седого орка, и, пробурчав: «Отец, ты будешь отомщен», мотнул Павлу головой, предлагая показать дорогу.

— А вы не будете его хоронить? Всё-таки папа, — не удержался Павел.

— Зимор потом вернется и заберет отца. Сейчас нужно позаботиться о живых! — отрезал орк.

Пока мы шли, я смог более подробно рассмотреть наших новых знакомых. Ригана уже оправилась от испуга и теперь приводила себя в порядок, отряхивала юбку и поправляла волосы, пышной копной падающие на плечи. Ну как же — ей предстоит показаться в обществе и нужно выглядеть на все сто процентов, хотя с чумазым и поцарапанным лицом ей это вряд ли удастся.

Ох, эти женщины! Только что, уйдя из лап смерти, она уже стремится навести марафет. Похожая на Зимора лицом, но в более сглаженной форме, тем не менее она обладала каким-то диким очарованием и хорошо развитым телом, я даже пару раз поймал Пашкины заинтересованные взгляды. Хорошо, что их поймал я, иначе у Пашки был бы шанс тоже чего-нибудь словить, но на этот раз уже от Зимора. Я поспешил напомнить моему напарнику с разыгравшимися гормонами о секире за спиной орка, кто его знает — поможет ли амулет в данной ситуации.

Зеленокожий мальчишка похож на тех сорванцов, которые спят и видят, как бы к твоему хвосту привязать консервную банку. Всю дорогу он молчал, но его озорные глазенки сверкали звездочками, выдавая в нем маленького дьяволенка. Сбитые коленки, царапины на руках, синяки и ссадины — совсем недавно всё это являлось непременным атрибутом Пашкиных прогулок. Как впрочем, и моих, так что я сразу почувствовал родственную душу. Он носил лишь набедренную повязку, и небольшой кинжальчик на поясе, а волосы пострижены как у его отца, может, тем самым выражая половую принадлежность.

И вот мы подошли к стоянке, которую разбили Крохм и Татина. Самым приятным был вид удивленно расширившихся глаз Татины. Крохм лишь приветливо кивнул Замору, как старому знакомому, и догадливо полез за снадобьем. Маленький орчонок тут же спрыгнул с отцовских рук и подбежал к Бегунку, встал около него и замер, засунув палец в рот. Бегунок обнюхал Нагора, фыркнул и толкнул его мордой, как бы приглашая познакомиться. Нагор несмело коснулся гривы Бегунка, а спустя какое-то время уже сидел на нем, резво стуча пятками по крутым бокам. Наше транспортное средство благодушно пофыркивало и скалилось на такого наездника.

Я же, устав от сегодняшнего приключения, просто подошел к нашим сумкам и наглым образом вытащил оттуда кроличью лапу. И пусть бы кто-нибудь попытался мне возразить! Желающих не нашлось, а скорее всего, элементарно не заметили моих происков, ну и хорошо — не помешают насладиться пищей.

Татина, подобрав упавшую челюсть, познакомилась с женой Зимора и вскоре уже вовсю щебетала с ней в уголке. Орчонок все так же развлекался с Бегунком, а наши мужчины о чем-то негромко совещались и поэтому я, утолив голод, тут же поспешил к ним. Ну как же они без моего мудрого и доброго совета? Не справятся, да и все тут!!!

Крохм и Зимор и в самом деле оказались давними знакомыми, и теперь гном смазывал раны орка, ворча, как заботливая бабушка над внуком-драчуном. Забавно было

наблюдать как человечек метр двадцать в прыжке и с табуретки, выговаривает двухметровому амбалу. Тот в ответ вяло огрызался и слегка морщился, когда гном излишне активно наносил мазь. За этим делом и выяснилось, что орк в прошлом являлся верховным шаманом небольшого племени и, при помощи своего ученика, вполне успешно практиковал до недавнего времени. Он вызывал дожди, лечил зубы и вправлял вывихнутые суставы, а также разбирал знаки богов и переводил на нормальный язык их волю и капризы.

Однако когда его ученик осознал, что может обойтись и без наставлений своего умудренного опытом учителя, спокойная жизнь рухнула в один миг. Неожиданно у вождя их племени пропала булава власти, без которой тот никогда не выходил из хижины. Всех поставили на уши, обыскали каждый клочок земли, заглянули под каждый камушек, но она бесследно исчезла.

Вождь запряг шамана и ученика, как последнюю надежду на возвращение булавы, и булава действительно нашлась. Но нашел её ученик, и самое главное — булава оказалась в выгребной яме Зимора, правда, заботливо завернутая в шкуру. Ученик сразу же обвинил в краже Зимора, с целью убийства вождя и захвата власти. Зимор не смог ничего противопоставить этому обвинению, он оказался в том состоянии, что и многие в моем мире — он стал преградой на пути карьериста. Он со своей прямолинейностью не сумел оправдаться, а смог лишь от души въехать в ухо оклеветавшего его, и сразу же остальные орки навалились кучей и связали шамана.

Вождь не стал долго разбираться, успешно забыл все заслуги перед племенем и приказал сбросить всю семью Зимора в шахту Забвения, а ученика назначить на место прежнего шамана. Выжив после падения, они побрели по шахте в сторону гномьего королевства, надеясь там найти помощь. В коридорах на них напали звери, которых раньше никто не видел, они растерзали отца и с такими же намерениями подступались к самому Зимору, когда появились мы. Это я вам еще в красках описал, орк же вообще уложился в десяток слов.

— Уважаемый Зимор, а что ты намереваешься делать дальше? Возвращаться тебе опасно! Свои же пацаны могут обратно в яму бросить. Хочешь, пойдешь с нами к отшельнику, вдруг он дельный совет сможет дать? — спросил Павел, орк же в ответ помотал головой.

— Нет, Зимор должен отомстить за смерть своего отца, он был храбрым воином и память о нем не должна погаснуть из-за подлого удара в спину. Зимор возвращается! Крохм, пусть пока Ригана и Нагор погостят у тебя, вскоре Зимор за ними

вернется! — устремив взгляд вдаль, прорычал орк.

— Нет уж, друг, ты один против всего племени не справишься, пойдем вместе, а твоя жена и сын побудут у моих родственников. Пройдем немного дальше, и я вызову с десяток провожатых, вдруг в наших коридорах бегают еще подобные твари. Нужно по возвращении не забыть сделать генеральную уборку, а то что-то грязи много стало, — сплюнув, проговорил мрачный гном.

Я тоже был настроен на драку, о чем не преминул сказать Павлу. Тот мысленно буркнул что-то вроде: «Куда уж без тебя!» А что? Я тоже могу, если бы он видел, как я вцепился в ту лохматую морду, то не подумал бы такими мыслями бросаться. Но я кот гордый, плюнул ему на спину и смирился.

— А меня вы в расчет не берете? — обиженно пробурчал Павел. — Я ведь тоже не пальцем деланный, могу помочь разобраться в этом безобразии.

Его ноздри гневно раздувались, в глазах снова засверкали дьявольские искорки. Ой, не люблю я этих искрящихся глаз — после них или у него фингал под глазом, или у меня половина усов вырвана.

— Павел, я не могу просить тебя задержаться, тем более что по твоему следу идет Гарион. Как оказалось, амулет не всегда сумеет тебя защитить. Поэтому я настаиваю на продолжении твоего пути, а с этой проблемой мы сами разберемся — сказал гном, положив Павлу руку на плечо.

— Крохм, с вашей прямотой вам дорога лишь под топоры и секиры, тут надо хитростью действовать. Поэтому давайте отправим женщин и детей, а сами подумаем как бы нам половчее наказать обманщика и вернуть доброе имя Зимору! — ответил Павел.

Ну да, отправь их. Татина и так косилась на порванную джинсовку Павла, видимо разузнав у Риганы о побоище.

— Благодарю за предложение помощи, друзья, но Зимор должен сам отрубить голову подлой змее, пусть даже после этого упадет и его голова! — угрюмо проговорил Зимор, но так тихо, чтобы не услыхали женщины.

Нагору же было не до нас, он вовсю целовался с Бегунком и трепал его за уши. Бегунок в свою очередь не отставал от Нагора, и у того уши из зеленых превратились в малиновые.

После небольшого препирательства, в ходе которых орк получил два легких толчка от Крохма и отвесил один увесистый щелбан в ответ (после которого гном несколько секунд пытался собрать разбегающиеся глаза в кучу), стороны пришли к общему решению. Павел был назначен вещателем судьбы женщин, то есть

озвучил мысль мужской половины оставить их в безопасном месте. За это тут же был награжден децибелами благородного возмущения и оскорбленного достоинства, то есть яркими иллюстрациями ущемленного феминизма.

Ни громкий рык орка, ни жалкие причитания гнома, ни справедливые увещевания Павла не возымели ровно никакого воздействия на спевшихся дам. Я благоразумно промолчал по этому поводу, опасаясь получить по ушам за проявление жалости. Все равно это бесполезно, да и идти обратно не особенно хотелось, ведь проводником, как ожидалось, хотели выбрать меня, так как я помню путь, а гном не может отпустить «беспомощного» орка одного. Мать Тереза низкорослая!

После взаимных обвинений в черствости характера, после визжания, пищания и сопутствующих звуков, женщины все же отвоевали свое место под солнцем, то есть их пришлось взять с собой. Надо было видеть лица мужчин, когда они, заткнув уши, согласились на участие в этом деле женщин. Хотя когда им рассказали о плане мести, то Татина размела его в пух и прах, не оставив даже мелочи для осуществления, зато внесла свои коррективы. Обиженные мужчины попытались тоже их разбить, но рационализаторское зерно присутствовало, и за обедом придумали другой план.

Пообедав, мы отправились мстить за орка. Снова начались блуждания по коридорам, пока вдали не замерцал свет выхода.

С этими блужданиями по подземным коридорам я уже успел забыть, как выглядит солнце, и искренне обрадовался, увидев его. Похожие ощущения были написаны и на Пашкином лице, в самом деле — под землей кажется, что время тянется дольше. Различия между днем и ночью отмечаются периодами сна, и если провести там месяц без часов, то уже не угадаешь — какое время суток на поверхности.

Мы вылезли на склон горы, которую видели, заходя в холм. Отойдя на пару шагов невозможно определить, откуда мы вышли, так все законспирировано. Трепетал на ветру чахлый кустарник, выросший на камне, булыжники со слюдяной поверхностью и песчаные накопления отражали солнечный свет.

Надо же — наша цель путешествия где-то лазит неподалеку и даже не подозревает, что его ищут странники из другого мира, а мы вновь ввязались в какую-то авантюру и не можем даже поздороваться с отшельником. О своих мыслях я сообщил Павлу, тот лишь вздохнул и ничего не ответил. Да и что тут ответишь — творится не пойми что, то и дело влезаем, куда не следует и за нами следом идет дядька с маниакальными наклонностями. Красота! Не о таком отдыхе я мечтал, находясь в ящике на

вокзале. Нет, не о таком.

Павел тронул луч на амулете и пропал из виду. Зачем он это сделал, будет ясно позднее, а пока я продолжу свой рассказ.

Пройдя совсем немного, к нам навстречу выпрыгнула деревушка орков. Несколько десятков хижин, сплетенных из веток и обмазанных глиной притулилось под каменной стеной. Среди них выделялась одна большая и украшенная черепами животных, как пояснил нам Зимор — хижина вождя. Почти перед каждой дымился костерок и доносился запах жареного мяса. Не только у нас обеды бывают, орки тоже кушать любят. Надеюсь, в череде их кулинарных приоритетов кошки стоят на последнем месте, иначе как-то неудобно получится.

Тут близлежащие кусты зашевелились и к нам с рычанием вывалился заспанный орк, поменьше чем Зимор, поуже в плечах и с изрядным пузиком, но с таким же милым и дружелюбным лицом. В руках он держал острое копье, которое недвусмысленно направил на нас. Вряд ли это было желание похвастаться остротой оружия. Он обвел нас грозным взглядом еще не проснувшихся глаз, но, увидев Зимора, сон сразу же улетучился, по пути зацепив нижнюю губу и заставив рот широко распахнуться.

— Катор, ты снова спишь на посту?!! Вот наведу на тебя заклятие бессонницы, тогда будешь знать, тогда набегаешься еще за Зимором, умоляя подарить часок сна. Ну что рот раскрыл, как птенец куркана? Зимор тебя кормить не собирается, мигом беги в деревню и сообщи, что верховный шаман вернулся! — громовым голосом скомандовал Зимор.

— Но как же… Так ты же… Вас же… И мы все отпраздновали… — начал бормотать смутившийся дозорный, но Татина прервала его словоизвержения.

— Это все в высшей степени интересно и познавательно, но все же сделай, что тебя просит наш друг Зимор. А то, знаешь ли, настроение у нас плохое, то зверюги мохнорылые употребить в пищу собираются, то дядька неразговорчивый молниями швыряется, а тут еще и дождей не предвидится. Так что не раздражай сверх меры! Лучше метнись диким кабанчиком, чтобы нас встречали с фанфарами и овсом для наших лошадушек! — оттарабанила Татина и даже подмигнула ошалевшему орку. Тот пару минут переваривал услышанное, пока Зимор не развернул его в сторону деревни и не придал подзатыльником ускорение, отчего тот стрелой полетел в нужном направлении, оставив нам на сохранение забытое копье.

Лошадушки, в ответ за заботу о них, благодарно ткнулись мордами в спину Татины, и та едва не полетела кубарем следом

за Катором. Могла бы даже обогнать, наверное. Но все же удержалась на ногах и, развернувшись, тут же высказала все, что думает о наших средствах передвижения и об их родителях. Ригана заткнула уши сыну, а Зимор вместе с Крохмом начали шевелить губами, запоминая наиболее яркие выражения экспрессивной спутницы. Наконец Татина выдохлась и замолчала. Я услышал, как осторожно дует ветер, боясь вызвать очередной выплеск гнева. Бегунок же как-то странно посмотрел на нее, видимо поставив галочку в памяти.

— Идем же! Я сейчас попробую повторить что-нибудь из сказанного, — рыкнул орк.

А в деревне тем временем началось шевеление. Зеленокожие люди начали стекаться к хижине вождя и мы решили, что время для торжественного появления настало. Повторили путь Катора, но не так как он, а не торопясь и сохраняя чувство собственного достоинства. Павел старался идти незаметно, но пару раз камушки всё же скатывались сами собой. То, что он находится рядом, я узнавал, когда он подергивал за хвост и выслушивал мои возмущения.

Нас встретили насупленные лица и кулаки, сжимающие секиры. Не самое хорошее первое знакомство, но бывало и хуже, так что я не особенно обиделся на отсутствие улыбок и объятий. Вперед выступил здоровенный орк, в полтора раза больше Зимора, весь украшенный шрамами. Как будто шрамы могут украшать двуногих… Следом вышел второй, разрисованный цветами радуги и притоптывающий в рваном ритме. Наверное, так он показывал вселение духов. Видимо не все духи входили удачно, поскольку он сверкал свежим и сочным фингалом. А-а-а, так это же наш зеленокожий спутник постарался.

— Как Зимор посмел вернуться после того что он сотворил? Или Зимор не может найти смерть в другом месте? — медленно проговорил вождь.

— Зимор вернулся, чтобы еще раз украсть булаву власти? Вождь, духи говорят, что Зимора нужно связать и еще раз бросить в шахту Забвения. А его спутников принести в жертву. Так говорят духи! — из-за спины вождя высказался хиппующий орк.

— Это кого нужно в жертву принести? Да я сейчас сама тебе таких плюх нажертвую, что до конца жизни на одни травки работать будешь. Вождь, ты слушаешь лжеца, а теперь послушай того, кто много лет был рядом с тобой и ни разу не дал повода усомниться в себе. Мы знаем его немного времени, но… — на этом месте Татину злостно прервали.

— Духи мне сейчас сказали, что это демоница из подземелий. Именно она вытащила Зимора чтобы завладеть жезлом власти и

извести со свету остатки храброго племени орков. На ваше счастье я с вами, и могу передать волю духов — ее нужно сжечь на костре! Она специально приняла вид ненавистных людей, чтобы тем самым оскорбить священную землю, на которой мы живем! — зло прокричал вероломный ученик Зимора.

«Фига себе, нашли Жанну д'Арк!» — прозвучало в моей голове.

Орки злобно заурчали и вверх поднялись блестящие топоры. Похоже, еще немного и наш путь будет закончен. Нет, опять я рано паникую. Простите, нервы ни к черту стали. Нашу защитницу не так просто перебить, в этом я убедился раньше, и она начала набирать в грудь побольше воздуха, но в этот момент слово взял Зимор.

— Вождь, ты всех обыскал при пропаже булавы, всех опросил, но забыл спросить самую главную свидетельницу воровства — свою булаву. Духи, которых слышит лживый ученик Зимора, на самом деле видели пропажу и, вселившись в твой символ власти, укажут на того кто виноват. Покажи поочередно на каждого из нас и вор будет выявлен, духи пропоют об этом! — веско сказал Зимор.

Ученик хмыкнул и пожал плечами в ответ, когда вождь повернулся к нему с вопросительным взглядом.

— Зимор напрасно пытается оправдать свой поступок перед нами. Духи сделали свой выбор, когда обвинили Зимора в воровстве и поставили меня на его место. Давайте покончим с этим живее, и принесем жертвы духам. Они проголодались, — съехидничал ученик. Я специально не называю его имени, вам оно ни к чему, а я просто не запомнил.

— Зимор сказал свое слово, все остальное в руках духов! — орк сложил руки на мощной груди.

— Зимор вызывает меня на соревнование по вызову высших сил, оберегающих орков и дающих им волю к победе? Я согласен! — провозгласил ученик.

— Вождь, Зимор вызовет наших покровителей, чтобы они указали на укравшего булаву власти. Ты показывай на каждого орка и когда булава узнает, чьи руки ее касались, кроме твоих, нам будет дан знак. Это единственное, что я могу принести в свое оправдание, и да будет так! — Зимор начал подергиваться в зажигательном ритме. Смесь тиктоника и польки «Бабочки» развернулась на небольшом пятачке. Он танцевал так заразительно, что даже Татина начала слегка притоптывать ногой.

— Да будет так!!! — проревел вождь и приказал ученику присоединиться к вызову духов.

Остальные орки замерли перед предстоящей битвой мистических сил. Конечно, Зимор предложил такое, о чем было страшно подумать этим наивным созданиям. Они всегда принимали слова шаманов на веру, даже в мыслях не сомневаясь и в их правдивости, а теперь им предлагалось стать свидетелями существования высших сил.

Вождь с сомнением посмотрел на свою булаву, которая представляла собой палицу, утыканную острыми зубами какого-то очень большого зверя и украшенную перьями разных цветов и окрасов. На вершине ее красовался зеленый камень, похоже изумруд, размером с безбедную жизнь нашедшего человека, его детей и праправнуков, если бы изумруд отыскали в нашем мире. В это время шаман и его ученик затряслись в танце, каждый в своем, но с похожими движениями, извиваниями и подергиваниями. Одна школа, что поделать.

— Духи пришли!!! Укажите нам истинного вора!!! — завопил Зимор и все как-то пригнулись и начали озираться по сторонам, ожидая увидеть того, кому они поклонялись веками.

— Духи пришли!!! Если вы не укажите на вора, то значит Зимор вас обидел своими словами! Мы должны немедленно предать его смерти, а остальных принести в жертву, чтобы умилостивить великих духов!!! — в тон ему вторил ученик.

Вождь поднял булаву и начал несмело тыкать ею в каждого стоящего орка. Ужас на лицах сменялся облегчением, как только изумруд смещался немного в сторону от указанного. Ничего не происходило. Вождь ткнул в каждого, но духи ничем себя не обозначили, остались танцующий шаман и его ученик. Ученик то и дело косился на булаву, но ничем себя не проявлял. Крепкий орешек попался. Все орки уставились на шаманов, уже сжимая топоры и нацеливаясь на фигуру Зимора…

Наконец, вождь поднял булаву и ткнул ею в низложенного шамана… но ничего не произошло и вздох пробежался по ряду орков. Зимор не переставая танцевал, танцевал так как будто в последний момент жизни. Хотя так в настоящий момент и было. Этот танец завораживал, гора мускулов перетекала из одного места в другое, орк то нападал на невидимого врага, то отступал. Убыстрялся или притормаживал в одном ему известном ритме. Зимор уже не сомневался, что ему сейчас настанет конец и старался в танце приблизиться к секире в руках Ригоны.

— Убейте его!!! Духи требуют крови предателя!!! — истошно завизжал извивающийся ученик.

Зимор метнулся к Ригане и поймал брошенную секиру. Его моментально обступили несколько гневно рычащих орков с поднятыми топорами. Еще двое страшилищ встали возле нас и

горящие глаза не предвещали ничего хорошего. Я поднял шерсть дыбом, гном выхватил кинжал, Нагор поднял камень и уронил его на ногу заоравшей матери, а Татина открыла рот.

— Остановитесь!!! Вождь, ты еще не показал на того дергунчика! Не совершай роковую ошибку!!! — закричала Татина и ее крик был похож на раскаты лавины. Даже несколько камушков скатились вниз, но, поняв что их надули, оскорблено остались лежать на новом месте.

— Не слушайте её, люди всегда были против нас!!! Она из того государства против которого мы собрались идти, об этом говорил великий Гарион!!! (при упоминании этого имени я непроизвольно вздрогнул) Он единственный орк в человеческом обличье!!! Помните, что он рассказывал о подобных ей? Предатели будут всеми правдами и неправдами сбивать нас с истинного пути великого освобождения и возрождения!!! — провизжал ненадолго остановившийся ученик, затем снова забился в дерганом танце.

Зимор тем временем склонил голову, как будто к чему-то прислушиваясь, затем согласно мотнул ирокезом и поднял руку, требуя тишины.

— Вождь великого народа, и вы, мои воинственные собратья!!! Чтобы доказать вам, что наши покровители здесь и они готовы выявить вора, я покажу вам самого маленького духа огня! Он сейчас спляшет свой танец на моей руке! — с этими словами Зимор поднял кулак вверх, и из него вырвалась небольшая струя пламени.

Орки непроизвольно отшатнулись от Зимора. Они в благоговейном страхе взирали на мощную руку и танцующий огонек, который под напором ветра отклонялся то вправо, то влево. Павел вспомнил, какое впечатление произвел на Татину и Крохма зажигалкой, и вписал её в наш план, показал Зимору как пользоваться. Казалось, что огонек в руке и в самом деле танцует странный танец. Ученик стал бледносалатовым, но все также упорно шел до конца, не желая сдаваться.

— Вождь, это доказывает, что духи жаждут жертвы, если они своим представителем послали дух огня!!! Тебе же известно насколько он жаден и вечно голоден!!! Принесите их в жертву!!! — надрывался ученик.

Орки недоуменно переглянулись, но объяснение показалось убедительным. Они сбросили оцепенение, наступившее при виде ярко-желтого язычка, и снова подняли топоры.

— Вождь, да покажи ты на ученика булавой!! И если духи промолчат, то я сама лично накостыляю одному из них после смерти!!! — у Татины начал нервно подергиваться глаз. — Ты же

ничем не рискуешь, и вор в любом случае будет наказан!!

Признавая её правоту, остановились и обступившие орки, хотя те, кто был возле Зимора, пока не торопились опускать оружие. Вождь повернулся к ученику и начал поднимать булаву, чтобы указать на него. В воздухе повисло немыслимое напряжение, его можно было ощутить в покалываниях когтей и дрожании кончиков усов. Притих ветер, заглохли птицы. Даже черви стеснялись копать землю, ощутив торжественность момента.

Как только булава уперлась в ученика, из пустоты за вождем раздались мощные звуки тяжелого рока. Некоторые орки упали на колени и закрыли уши руками от металлической вакханалии. Я сам никогда не понимал этой музыки, но Павлу она нравилась, поэтому он и поставил ее на мобильник. Пару раз он будил меня при помощи этого устройства, поднося к самому уху во время сладких снов. Как я не остался заикой и сам не знаю, но сейчас мобильник очень даже пригодился.

Вождь начал оглядываться в поисках прозвучавших аккордов, но Павел уже вырубил звук. Тогда вождь снова поднял булаву и снова заиграл рок уже в другом месте. Вождь еще пару раз прослушал мелодию, но когда поднял в четвертый раз, то послышалось лишь сдавленное Пашкино чертыханье — аккумулятор мобильного телефона сдох. Вождь огорченно вздохнул и жестом приказал схватить ученика, который к тому времени из зеленого стал бледносалатовым.

— Зимор, ты настоящий шаман! Почему же сразу не привлек духов к себе на помощь? Твой ученик сказал, что духи передали ему приказ готовиться к войне с людьми из государства Ростии! Сказал, что они занимают принадлежащую нам территорию! Хотя люди давно уже загнали нас на это плато, но, с его слов, духи выявили историческую родину, где нас ожидает полное слияние с природой. Как сказал твой ученик, люди короля Стима обязались нам даровать ее за помощь в покорении государства. Мы уже достали наши боевые топоры, и через день отправились бы в путь, если бы ты не появился! — проговорил вождь и еще раз поднял булаву на ученика, но мелодии не прозвучало, и он снова разочарованно вздохнул.

Зато я выдохнул с облегчением. Остальные поступили также. Угроза пропала! Я готов расцеловать Павла, подайте немедленно сюда его невидимую мордашку!

— Вождь, так для этого он и подкинул Зимору твою украденную булаву, чтобы от имени духов управлять нашим великим народом. Но духов не обманешь, они всегда на стороне тех, кто им верно служит! — сколько же апломба, сейчас

плеваться начну, но похоже орки верят, так как они дружно взревели, поддерживая шамана. — Духи помогли мне выбраться из подземелий. Они велики и всегда оберегали наш народ от полного истребления, даже когда нам было особенно трудно. Зимору было нелегко в шахте Забвения, он там сражался с диковинными зверями, злобными и агрессивными, они были похожи на людей и собак одновременно.

И Зимор рассказал о великой битве с двадцатью тварями, когда он самолично уложил пятнадцать зверюг секирой, троих щелбанами, а на двоих просто высморкался и они от обиды скончались. Столпившиеся возле него орки жадно внимали рассказу, потрясая топорами в особо напряженных местах. Ученик под шумок попытался смыться, но Татина вовремя указала на его неблагородные поползновения и того физически успокоили.

Наконец театр одного актера закончился, хотя его сын еще продолжал дело отца и расписывал уже свои подвиги перед группой орчат в сторонке. И тварей уже было около сорока, и состояли они из сплошных клыков, когтей и шипов, и положил их Нагор чуть ли не голыми руками, а помощь отца состояла лишь в подаче оружия, взамен затупившегося. Похоже, у Зимора подрастает достойная смена.

Татина с женой Зимора и другими женщинами орочьего племени уже вовсю обсуждала моду и что лучше носить во время ритуальных плясок. Я же подошел и уселся возле гнома, который кормил лошадей. Ну да, все о них забыли, увлекшись своими делами, а гному все равно было нечего делать.

«Кешка, неужели я также хвастаюсь перед пацанами? Забавно наблюдать такое со стороны. Ты одергивай меня, пожалуйста, когда я в следующий раз буду завираться, а то неудобно как-то получится, если откроется правда» — сообщил мне невидимый Павел и я торжественно поклялся укусить его за палец. Хотя порой он такое несет… и настолько вдохновенно, что мне пришлось бы в течение получаса изображать наперсток, а он бы не поморщился.

Орки тем временем закончили одобрительно кричать и хлопать Зимора по плечу и повернулись к вожд… Тот же, недолго думая, повелел связать ученика шамана и бросить в шахту Забвения, дабы он повторил путь Зимора и испытал все прелести подземелья на своей шкуре. По-моему справедливое решение. Хотя зверюг там уже нет, так что может и выберется к гномам без ран и царапин.

Орки весело, с прибаутками, потащили орущего ученика к большому отверстию в земле. Затем раскачав его, швырнули в дыру, тот успел что-то прокричать про месть Гариона, и звуки

стихли вдалеке. Чуть позже раздался отголосок далекого рева и следом вопль ученика. Я подошел к шахте и всмотрелся в темноту, но больше ничего не услышал. На меня смотрела безмолвная тьма, скрывающая все тайны, что находились в ней. Может, я ошибся по поводу отсутствия зверюг? Ну и фиг с ним. Никогда не любил предателей. По сравнению с ними соседский кот Васька — ангел, хотя и облезлый.

Орки утолив жажду справедливости, снова вернулись к прерванным занятиям, то есть послеобеденному сну. Как дети, право слово, здоровенные и накачанные дети — забава закончилась и их уже ничего больше не волновало. Часовой, которого мы потревожили своим появлением, полез обратно на свой пост, и вскоре кусты вновь ритмично заколыхались, но без храпа. Хорош охранник — с таким как за каменной стеной.

Павел все также лазил невидимым, не показываясь на глаза оркам, поэтому он и смог проникнуть в хижину вождя, который увлек туда же Зимора. Татина с Риганой занялись уборкой хижины шамана, выкидывая оттуда вещи ученика, который в их отсутствие успел основательно обосноваться. Крохма они запрягли как тягловую силу, заставив того подтаскивать вещи к центральной площадке. А там хозяйственные орочьи самки разбирали все, что могло пригодиться в быту. Оставшееся растащили мальчишки, тут же начав обыгрывать недавнее происшествие.

Нагор, на правах участника приключений изображал своего отца, а на роль ученика выбрали валяющуюся неподалеку колоду. Я же занимался священным ничегонеделанием, то есть попросту валялся на солнышке, пока детям не наскучила игра, и они не вспомнили обо мне. После этого мне пришлось спешно отступать под защиту Татины и ее новой подруги, которая недолго думая, подзатыльниками объяснила детям неприкосновенность моей особы. Ибо нечего трогать кота-освободителя, защитника слабых и ущемленных! Вот себя не похвалишь, и никто не догадается!

— Мама, ну разве кошки не для этого предназначены? Я помню, как ты недавно раскрутила одну из них над головой и зашвырнула в глубокую расщелину. Она еще полетела так забавно, болтая лапами и вертя хвостом! — после этих слов, я отодвинулся подальше от Риганы и на всякий случай опустил мою пушистую гордость вниз.

— Сын, то была рысь и она хотела полакомиться тобой, а это чудесное животное участвовало в спасении наших жизней. Отец будет недоволен, если узнает о таком отношении к благородному животному! — спокойно возразила Ригана своему настырному отроку, который не прекращал попыток прорваться за её спину.

Зато после её слов он опустил голову и отвернулся в смущении, но уже через минуту снова гонял с мальчишками по плато. Благородное животное спряталось под коврик. Так… на всякий случай…

Через час пола хижины вождя колыхнулась, и перед нами предстал хмурый Зимор.

— Человеческая женщина, собирайся! Зимор проводит тебя до пещеры отшельника. Крохм, Зимор благодарен тебе за поддержку, но дальше Зимор поможет дойти девушке сам. Не хочу отрывать тебя от королевских дел. Ты и так много сделал, заходи как-нибудь, посидим, вспомним наши приключения. Девушка, не стой столбом, седлай лошадей и следуй за Зимором. Ригана, собери пищи в дорогу! — скомандовал он, но сделал это так, чтобы его слова были слышны и в хижине вождя.

Татина, немного послушав воздух, кивнула в знак согласия и начала запихивать в седельные сумки нехитрую снедь, которую ей притащила Ригана. Гном же, поговорив немного с Зимором, с опечаленным лицом подошел к Татине.

— Зимор прав, он сможет довести вас до отшельника и без моей помощи. Идти тут осталось совсем немного, так что опасностей на свою пятую точку найти не успеешь. Попрощайся за меня с Пашкой, и мы ждем вас к себе в гости, как только вы разберетесь со своими проблемами. И не забывайте позвать нас, если не сможете решить их самолично, — чуть не плача, проговорил наш низкорослый спутник, обнял Татину, чмокнул меня в нос, чем смазал само прощание, так как уже успел наесться чеснока.

Ну не виноват я, что у меня вырвался чих, зато дети орков взвыли в радостном вое, видя изумленное и обиженное лицо гнома. Крохм аккуратно поставил меня на землю и, вытерев лицо подолом сюртука, повернулся и пошел своим путем. По пути гном остановился и обнял воздух, немного так постоял, что-то прошептал и пошел дальше. Наблюдавшие эту картину орки покачали головами и повертели пальцем у виска, не зная, что гном обнимал невидимого Павла. Татина смахнула слезинку, появившуюся в уголке глаза, и затянула потуже седло на Бегунке.

— Крохм!!! — взревел вслед удаляющемуся гному Зимор, потрясая своей секирой.

— Зимор!!! — обернулся и прокричал, поднявший вверх свой кинжал, гном.

— Кешка!!! — крикнул и я, поддавшись общему настроению.

Окружающие как всегда меня не поняли, лишь Нагор обернулся на мое мяуканье и с подозрительным видом начал сокращать расстояние между нами. Пришлось срочно улепетывать

и нырять в сумку, что была в руках Татины. Очень уж не хочется узнавать на своей шкуре, как Ригана запускала в небо рысь. Орки и в отношении меня тоже покрутили пальцем у виска. Ну и пусть. Шкура дороже понта.

Татина упаковала сумки, попрощалась с Риганой, причем обнимались они ни как не меньше десяти минут, пока Зимор не прикрикнул на них. Затем, пообещав переписываться и прислать рецепт одного чудесного пирога от бабушки, они наконец-то отлепились друг от друга. Мы же с Нагором просто обменялись многозначительными взглядами, причем каждый немного сузил глаза, пообещав другому встретиться при более удобных обстоятельствах. И вот Татина вспрыгнула в седло своей лошадки, Зимор взял Бегунка под уздцы, и мы тронулись прочь из орочьей деревни. По дороге Зимор успел еще раз наорать на незадачливого часового. Тот что-то буркнул в ответ и, подождав пока мы немного отъедем, снова нырнул в кусты.

Глава 7

Мы поехали в противоположную от ушедшего гнома сторону и, отъехав на приличное расстояние, увидели материализовавшегося Павла. Тот почему-то неодобрительно посматривал на Зимора, но пока молчал, видимо ожидал, что тот скажет все сам. И дождался все-таки!

— Зимор знает, что ты был в хижине вождя и все слышал, поэтому ничего не будет скрывать. Да, человек по имени Гарион появлялся у нас и убеждал выступить за его короля, но мы тогда отказались. Да, мы недовольны жадным и продажным племенем людей и начинали войну против людского рода. Но вас оказалось так много, и плодились с такой скоростью, что не успевали великие воины орков убить отцов, как на их место вставали сыновья. Мы те немногие, что остались от некогда большого племени и вынуждены скрываться в этом ущелье! — проговорил орк, не поднимая от земли глаз.

— Но почему бы вам не заключить мирное соглашение с людьми и не жить, допустим, в лесу или на склонах гор? Почему вы прячетесь в этом темном ущелье, разве это дело для воинов, один из которых стоит десяток людей в открытом бою? — спросил все также нахмуренный Павел.

— В открытом бою?!! — взревел орк, разворачиваясь к Павлу. — Не один раз был открытый бой и люди терпели там сокрушительное поражение. Но что-то вдруг изменилось, вы стали хитрее и проницательнее, всегда спешили на выручку себе подобных. Вскоре после этого вода в наших колодцах оказалась отравленной, везде появились замаскированные ямы с кольями на дне, и нельзя было пройти по лесу, чтобы в твою спину два или три раза не выстрелили. Поэтому дед нашего вождя собрал своих единомышленников и увел их в это ущелье, тем самым обрек нас на медленное вымирание. Вы, люди, никогда не упускаете возможности отравить или зарезать со спины своих собратьев, так что говорить о честном бое с чужими племенами?

— Не все такие, Зимор, поверь — не все. Есть и среди нас чудовища, но как оказалось и среди орков есть червоточина… — сказала Татина.

— Женщина, не смей лезть в мужской разговор!!! Ученик Зимора был на правильном пути, пока не появился Гарион и своими речами не смутил доверчивый ум. Мы с вождем сразу догадались, что колдун хотел на наших спинах ворваться в столицу непокорного государства, а потом всех нас пустить в расход. Но он смог воздействовать лишь на ученика, напев тому

про орочью гордость и великое предназначение, результат вы видели сами, — опустив голову, закончил Зимор.

— Однако сейчас вождь уже был готов идти войной, или он передумал? — обидевшись на такое затыкание рта, спросила Татина.

— Сейчас такова была якобы воля духов, которую озвучил ученик Зимора. Мы смогли остановить его, но что будет в дальнейшем — неизвестно. До нас долетают слухи о людских войнах, по земле ползет сумрачная дымка, да еще и звери появились невиданные ранее! Что-то будет, но пока непонятно что! — и орк отвернулся от нас.

— Ты бы лучше рассказал, почему вождь все еще хотел принести Татину в жертву, «так… на всякий случай…» — мрачно произнес Павел. Татина от его слов просто задохнулась от возмущения, покраснела и начала реденько икать.

— Зимор не будет выгораживать свой народ, мы всегда приносили людей в жертву, если они забредали к нам. Гарион единственный, кто сумел уйти, да и то он обернулся змеей и проскользнул под носом у охранявшего его орка. Но Зимор сумел же отговорить вождя, сумел убедить его в полезности этой дерзкой девушки и вождь даже согласился подарить перо из булавы власти. Вот оно, как только понадобится помощь орков — сожгите его и мы придем. Вождь благодарен ей за вмешательство и спасение от полного истребления нашего племени, — Зимор протянул небольшое перышко, которое Павел убрал к остальным подаркам нелюдей.

Татина наконец-то смогла проглотить застрявший в горле комок, но на этот раз ничего не сказала, лишь долго-долго смотрела на орка. Потом плюнула и отстала от нас на десяток метров, что-то выговаривая своей лошади. Лошадка пряла ушами, но судя по волооким очам — ей было абсолютно до фени все жалобы Татины. Животное аккуратно переступало по каменистой поверхности, старалось не оставить подковы на острых краях булыжников.

— Павел, на твоей груди талисман Корня? — спросил между тем Зимор.

— Да, а что ты о нем знаешь? — и Павел подставил амулет к свету, солнце заиграло на нем яркими бликами и солнечные зайчики немного раскрасили унылую площадку, по которой мы шли.

— Немного, то, что в его создании принимали участие орки и они, как воинственное племя, заложили в нем две особенности — повернув желтый луч, ты получаешь огненный меч, способный разрезать железо и камень. А повернув черный — получаешь

воинское искусство всех орков, то есть умение нападать и защищаться. Но кто-то мне говорил, что этот талисман делает его владельца неуязвимым, а те зверюги едва не прикончили тебя! — Зимор продолжал задумчиво разглядывать амулет.

Того что он сделает в следующее мгновение никто не ожидал, хотя и могли предполагать. Орк несильно ударил Павла по ноге, но донести удар до цели не смог, так как в этот момент поскользнулся на плохо лежащем камне и рухнул на землю. Причем так удачно рухнул, что заехал кулаком себе в лоб. Искр не было, зато возник звук как от сильного удара в огромный барабан. Не успело эхо утихнуть, как орк вновь оказался на ногах, при этом довольно улыбался.

— Хорошо еще, что Зимор раздумал ударять тебя своей секирой, не то вы лишились бы проводника! — орк потер огромную шишку на черепе. Забавно наблюдать, как красная припухлость возникла на зеленой коже.

— Да, не исключено. Я сам не понимаю, почему эта тварь смогла меня достать, до этого промашек не возникало и не было никаких сбоев, — проговорил улыбающийся Павел и строго посмотрел на покатывающуюся со смеху Татину. Но той смотри не смотри, а отомстить за прикрикивание на нее орка она просто была обязана.

— Нам бы такое чудо, вот тогда бы мы завоевали полностью все государства и смогли бы установить свой порядок, жесткий, но справедливый, — проворчал орк, поглядывая на Татину и уже сожалея, что не внял совету вождя принести ее в жертву.

Павел же повернул желтый луч, я снова съежился от пролетевшего холодка. В руках друга заиграл меч, состоящий из одного длинного языка пламени. Такую зажигалку я никогда не видел! Пламя около двух метров длиной и постоянно двигалось, но сохраняло форму клинка. Орк с уважением покосился на Пашкино обретенное оружие и попросил продемонстрировать его в действии.

Павел повернул еще и черный луч, от чего укрупнился в плечах и обзавелся внушительными мускулами на всем теле. Из-за этого его одежда затрещала по швам, и он был вынужден снять её. Да-а-а, сейчас, по пояс обнаженный, поигрывающий мускулами и пламенным мечом в руке, он был похож на одного из полубогов, какими их изображали древние люди. Конан сдох бы от зависти, когда увидел прорисовку мускулов на теле моего друга.

Павел показал новые умения, превратившись в смутно смазанный вихрь, состоящий из вспарывающих воздух рук, ног и обширной стены сплошного огня. Наигравшись вволю, он

остановился и посмотрел на остальных. Мы все были в полном восторге от этой демонстрации смертельной силы. Павел хмыкнул что-то типа «то-то и оно, а вы как думали», и повернул обратно лучи, снова став прежним. Камни, по которым он ударял пламенным клинком, оказались разрубленными ровно посередине и срезы были очень ровными и без малейшей зазубрины.

— Зимор, наверное, бесполезно у тебя спрашивать знаешь ли ты Кристана или Кирию? Так хотя бы ответь — далеко еще до жилища отшельника? — Павел погрозил мне пальцем, видя, как я шебуршу в мешке.

Ну да, ну проголодался, все же мы живые и кушать хотим, тем более что по ящику говорили, что мне нужно много сил для игр и роста. Ну и что, что я уже взрослый кот, может мне тоже хочется порой порезвиться и поиграть? Ай, за что по уху? Ну ладно, настигну я еще твои кроссовки!

— Зимору не известно про этих людей, они к нам не заходили. А до пещеры отшельника осталось еще два часа ходу, вы же из-за нас свернули не там, — орк махнул рукой в направлении нашего движения. — Он немного странный, так что ничему не удивляйтесь.

— А как же он живет неподалеку от вас? Вы же всех людей приносите в жертву! — спросила отсмеявшаяся Татина.

Зимор сначала подумал — отвечать или нет. Я бы на его месте вообще проигнорировал эту мужененавистницу, но данный вопрос интересовал всех.

— Он странный человек, не сующийся в наши дела, но и не позволяющий лезть в свои, ну да вы увидите сами! — вот и все, что мы смогли вытянуть из орка. — Мы не трогаем его, а изредка обмениваемся пищей и лекарствами.

Интересно, что же еще нам предстоит увидеть? Хорошо бы людей-кошек, они хотя бы должны понимать в хорошей пище, а то эти завяленные продукты уже порядком надоели.

Так, за дружеской беседой, прерывающейся изредка замечаниями Татины, на которые уже никто не обращал внимания, мы топали по склонам гор. Орк рассказал, как испугался, когда взял в руки зажигалку, и какой был эффект от ее использования. Затем вместе посмеялись над мелодией мобильника, выразившей волю духов. Безмолвные камни внимали этим рассказам, может когда-нибудь они расскажут об этом следующим поколениям. Пока же мы шагали, то попадали в тень от одиноких скал, то шлепали по солнцепеку.

Каменные глыбы поднимались вверх и подпирали своими заснеженными верхушками небосклон, на их поверхности

ютились чахлые травинки и небольшие кустики. Даже попались два или три деревца, неведомо как здесь выживающие. Зато воздух чист и прозрачен как горный хрусталь, сквозь него далеко видно, что нас ожидает впереди. А ожидал нас тот же самый ландшафт, что и позади — тот же камень и немного песка.

Не могу понять этих романтиков, берущих на плечи рюкзаки и лезущих на самый верх, а потом думающих: «Вот я и на самом верху! Я смог все преодолеть!! Я — герой!!! Ё-моё, как же мне теперь спуститься?!!!» А когда с великим трудом спустятся, уже примечают новую гору, еще повыше предыдущей, чтобы также стоять и думать. У меня такие же мысли возникли, когда я, будучи еще котенком, забрался на высоченную березу и целый день там просидел, пока не вернулся с гулянок Павел и не снял меня оттуда. Мне тогда по уши хватило этого опыта, и я больше не старался подыскать дерево повыше и забраться на его верхушку. Случаи, когда меня туда загоняли собаки — не считаются!

Мы шагали по склону, а гораздо ниже зеленели луга, не распаханные, не повергшиеся обработке лопатой и мотыгой и казалось издали, что это бурное зеленое море катит свои волны. Волны накатывались на камни и отступали, ударяясь о них, не в силах разбить твердую поверхность. Я поймал себя на мысли, что чем больше на них смотрю, тем больше меня укачивает и заставляет глаза слипаться. Ну да, недавно спал, но такие уж мы существа, что можем дремать двадцать часов в сутки. Понемногу зеленые волны все же сделали свое дело, и я заснул, покачиваясь в мешке на спине Бегунка.

Проснулся от запаха пищи, когда мои спутники устроились на привал. Оказалось, что мы почти дошли до конца нашего путешествия и орк, указав на скалу недалеко от нас, начал прощаться.

— Будьте аккуратнее в своих речах с отшельником, а то он может неожиданно вспылить и напрочь отказаться от разговоров с вами. Теперь же прощайте! Вон у того танцующего деревца повернитесь лицом на восток и, когда тень дерева доползет до большого камня, сделайте десять шагов в сторону ямы. Тогда откроется на пять минут вход в его пещеру, главное успеть, а то иначе вам придется ждать следующего дня! — сказал Зимор и повернулся к нам спиной.

— А может нам сразу встать у того места, где обычно открывается вход в пещеру? — спросил Павел.

— Никто не знает, где в следующий день откроется вход, поэтому вам лучше следовать моим инструкциям, ну да вы сами все увидите! — и Зимор зашагал уверенным шагом в сторону

своей деревни.

— Передавай Ригане привет и скажи, что ей повезло с таким мужем! До свидания, Зимор — вместе прокричали Павел и Татина.

Тот лишь вскинул руку, но не стал выкрикивать наши имена, как это делал, прощаясь с Крохмом. Ну и ладно, как-нибудь перебьемся без орочьих нежностей.

Мы не торопясь дошли до означенного деревца, и, решив все же сократить наше ожидание, двинулись поближе к большому камню. Но тут нас ждал небольшой сюрприз — деревце, своей изогнутостью напоминавшее скрипичный ключ, бросало свою тень из стороны в сторону. Без помощи ветра оно качалось во всех направлениях, и мы вернулись обратно к нему, чтобы не прозевать момент касания тенью камня. А тень скакала как взбесившийся сайгак, порой пропадая совсем, а порой почти дополза до точки касания.

Бегунок попытался усмирить деревце, наступив на него копытом, но после того как получил пару раз ветвями по носу, бросил свои попытки. Мы в напряжении ждали, когда же бешеное древо коснется камня, а оно, видимо решив продемонстрировать все свои танцевальные па неожиданным зрителям, извивалось и изгибалось вовсю.

А тут еще со стороны деревни донеслось эхо громких взрывов, и когда мы обернулись, то увидели отблески синих всполохов. Похоже, там велся нешуточный бой не на жизнь, а на смерть. Неужели неутомимый преследователь напал на орков и те пытаются задержать его? Честь и слава этому храброму племени. Они отстаивают жизнь незнакомцев, которых возможно никогда больше ни увидят. Но все же мы встретились гораздо раньше, чем я успел по ним соскучиться.

— Этот маньяк до орков добрался, ну сейчас они ему зададут, наваляют по первое число за прошлый раз. Очень уж они тогда за его коварное исчезновение в шкуре змеи обиделись, — Павел приложил руку козырьком ко лбу, пытаясь рассмотреть прекрасное далеко. — На них его магия не действует, сам вождь упоминал об этом, видимо их и в самом деле охраняют какие-то духи.

Рассматривая мелькающие вдалеке отблески молний, мы чуть не проворонили соединение тени и камня. Коварное деревце как будто ждало нашего отвлечения от своей персоны, и сразу же бросило свою тень туда, куда нужно. Если бы не мое прекрасное периферийное зрение, так и куковали бы мы в компании несуразного растения до завтрашнего дня и, возможно, смогли бы поближе познакомиться с дядькой в желтом балахоне. Не

сомневаюсь, что этим самым мы доставили бы ему ни с чем несравнимое удовольствие.

Я же спокойно повернул голову в направлении Пашки и Татины, дабы им было лучше слышно, и заорал во всю мощь своих голосовых данных. Они подпрыгнули на месте, причем Татина, нужно отдать ей должное, приземлилась уже с обнаженным кинжалом и готовностью встретить любого врага.

Никого не увидав, они вместе уже было собрались высказаться по поводу излишне нервных котов и возможности их кастрации, как средства успокоения, но потом увидели причину моей истерики и проглотили свои слова.

Мы ломанулись назад, к уже полюбившемуся дереву. То нас радостно поприветствовало вежливым поклоном и даже кажется, пару раз присело в глубоком реверансе. Ребята не стали останавливаться и раскланиваться в ответ, а я помахал лапой — не мог не оценить его старания, мог бы даже поаплодировать, но было как-то не до этого. Быстренько пробежав положенные десять шагов, мы увидели на том же самом месте, где недавно стояли, огромную яму и спускающиеся вниз ступеньки. Но с нашего места её не было видно! Чудеса, да и только.

Аккуратно спускались по широким мраморным ступенькам. Ведя под уздцы лошадей, которые начали нервно всхрапывать, Павел и Татина делились догадками по поводу того, как Гарион смог так быстро нас найти. Но догадки догадками, а правда нам открылась гораздо позднее. Дыра за нами начала затягиваться. Интересно наблюдать как камни и земля, поднимаясь с пола, образовывали единую массу. Это можно себе представить, если снять на камеру обрушивающийся потолок, а затем пустить обратное воспроизведение. Меньше чем за минуту над нами висел целостный монолит, без малейшего намека на щелочку или дырочку.

— Круто, прямо как в пещере Алладина, — присвистнул Павел.

— Это ещё один полководец? — не преминула вставить шпильку Татина.

— Может и в самом деле старая Зара не помочь нам хотела, а от тебя избавиться? — со вздохом спросил Павел. Бегунок согласно фыркнул.

— Ой, да мы никак обиделись? Сопли и слюни утирать не буду. Если не понимаешь шуток, то это лишь твоя проблема! — отрезала Татина. Павел счел за лучшее промолчать — отцовская выучка, где лучше жевать, чем говорить. Как в рекламе, честное слово!

Павел с Татиной запалили факелы, в их неровном освещении

мы спускались все глубже и глубже под землю. Ступеньки слабо осыпались под ногами, местами отсутствовали вовсе, и приходилось непрерывно следить, чтобы не вступить в зияющий чернотой провал, или загреметь вниз, вместе с отколовшимся куском мрамора. Я контролировал весь процесс спуска, вставлял своевременные замечания и слегка иронизировал по поводу слепоты двигающихся в темноте. Это продолжалось до тех пор, пока Павел не повернул луч на амулете. Налетевший холодок едва не погасил факелы, зато Павел любезно предложил мне замолчать и оставить свои наблюдения при себе. Ну а что я? Вздохнул с чувством исполненного долга… и продолжал вставлять свои замечания, но уже по поводу Татины — ну надо же мне было отыграться на этой язве, так почему же не сейчас?

Татина, по Пашкиному лицу догадалась, о чем мы вели безмолвный разговор, отвесила мне легкий щелбан и засунула целиком в мешок. Ну всё — я обиделся и затаил злобу, аж на целых полчаса!!! Да какое она имеет право? Да кто она такая? Да когда же мы вернемся домой и где мое блюдце с молоком? Обуреваемый этими мыслями я даже не заметил, как мы оказались в огромной пещере.

— Пришли, — выдохнул Павел.

Примерно на четверть пещера состояла из суши (не японского деликатеса, а ровно утоптанной земли), все остальное пространство покрывала водная гладь такой черноты, что в ней еле-еле отражались блики факелов. Гладкие стены опоясывали пещеру по кругу, делая ее похожей на цирковую арену (надеюсь, что нас здесь не примут за клоунов).

Никакого отшельника не наблюдалось, хотя обитание здесь живого существа выдавало пепелище от костра. На стене рядком висели пучки различных сушеных трав и корешков. Однако не это привлекло мое внимание — рядом с травами, не представлявшими для меня никакого гастрономического интереса (среди них не было валерианы), висела большая гроздь вяленой рыбы!!! Вот по чему я больше всего скучал в нашем путешествии, так это по рыбе. Даже дома я не мог удержаться и постоянно рисковал своей шеей, когда шел по тонкой бельевой веревке к болтающейся на ветру вяленой вобле. Кто сказал, что она хороша только к пиву? Ничего подобного, я пива не пью, но слямзить хорошую и плотную рыбеху никогда не упускаю возможности.

— Вот тут мы и остановимся. Выход закрыт, так что ждем отшельника! — командирским тоном велел Павел.

— Как хорошо слушать очевидные вещи от мужественного человека, — хихикнула Татина.

Павел снова стерпел, я бы ему медаль повесил за такую непоколебимость характера! Люди начали устраиваться на привал, справедливо рассудив, что если ждать отшельника, то лучше в его жилище. Я же решил обследовать наше расположение, втихаря подбираясь к висевшей на стене и манящей своим запахом рыбе. Все равно на поверхность выходило только одно отверстие в потолке пещеры, и то было настолько далеко расположено, что даже я бы ни за что бы туда не полез.

Я рискнул подобраться к рыбке, но был наглым образом остановлен окриком Пашки. Хотя не столько окриком, сколько высотой расположения хвостатого сокровища — ну никак не получалось у меня допрыгнуть. Пришлось включать голову и в самых веских аргументах, не вызывающих никаких сомнений и возражений, доказывать другу, что разнообразие в пище есть сама основа правильного питания и главный из столпов диетологии. К тому же вдруг завтра столкновение с кучей разъяренных волшебников, а я ослабевший от постоянного потребления мяса буду лишь обузой, и никакой реальной помощи не смогу оказать? Сам до сих пор удивляюсь, какую чепуху я нес, лишь бы вкусить вожделенного продукта, но все же смог убедить Павла в своей правоте и он оторвал мне пару рыбок. С каким же наслаждением я их схряпал, даже плавники прожевал, но когда осмелился попросить добавки, то встретил такой отпор, что пожалел о самом упоминании рыбы.

— Кешка, имей совесть! Мы и так нарушили законы гостеприимства, взяв без спросу хозяйские вещи, я взамен повешу наши извинения в виде мяса, но рыбы ты больше не получишь, и не упрашивай! — да, Павел умеет иногда быть строгим, а тут еще и Татина влезла со своими замечаниями по поводу моего раздувшегося животика. Осталось принять укоры лишь от лошадей, но они тактично промолчали и уткнулись мордами в свои торбы с овсом. Вот за это я их зауважал еще больше.

Когда этот инцидент был исчерпан, я заметил что отверстие в потолке начало понемногу темнеть, о чем не преминул сообщить Павлу. Тот, немного посовещавшись с Татиной, решил сегодня переночевать на пятачке у поверхности воды. Кстати за все это время, что мы тут находились, по воде не пробежала ни одна заблудившаяся волна, ни ряби, ни всплеска играющей рыбы, ничего — словно это застывшее матовое стекло. Кто же мог предполагать, что именно из неё следует ожидать появления сюрприза? Но это я снова забегаю чуть вперед. А мы тем временем начали устраиваться на ночлег. Под давлением Татины и меня, а также под укоризненными взглядами лошадей, Павел, наконец, сломал свою предубежденность и решился-таки

использовать сложенные дрова по назначению.

Вскоре веселый костерок пожирал предложенную ему пищу и освещал наше временное пристанище. Татина начала крутиться около него, делая старейший ритуальный танец, знакомый всем женщинам с начала времен. То есть она приступила к приготовлению пищи в котелке. По пещере поплыл манящий запах супа, но мне уже было не до него, так как в моем желудке, как в аквариуме, плавали две рыбки.

Стало не то чтобы более уютно, но гораздо спокойнее, как-то по-домашнему, если можно применить это определение в таком месте. К тому же, зная, что до завтрашнего дня нам ничего не угрожает, так как единственный вход, в который мы зашли, надежно запечатан, появилось желание просто расслабиться и заняться увлекательным ничегонеделанием.

Костерок трещал, выбрасывая небольшие искры вверх, лошади мирно перетаптывались на месте, я валялся и смотрел на пляшущее пламя. Павел пытался понравиться Татине, разливаясь соловьем о нашем мире. Ничего не предвещало беду. Редкое умиротворение напало на мои веки и заставило их устремиться навстречу друг другу. Сквозь них я продолжал наблюдать за костром, немного опасаясь попадания искры на мою шкуру, но отодвигаться от манящего и убаюкивающего тепла было лень. Под это потрескивание, тихий говорок Пашки и мерное похрапывание лошадей я уснул.

Мне снились плавающие в пещерном бассейне рыбки: некоторые вяленые; некоторые холодного копчения; другие горячего копчения, но особенно радовали живые. Они весело прыгали в бассейне и маняще воздевали ко мне свои плавники, приглашая вступить в воду и попробовать их на вкус. Я в ответ приглашал их выпрыгнуть на берег и воздать должное дружной беседе на философские темы. Они так настаивали на своем, так задорно сверкали толстенькими боками, что усидеть на месте не было никакой возможности. И вот, с трудом преодолев врожденное отвращение к воде, я направился к ним.

Моё ухо уловило всплески непохожие на рыбьи приземления в воду и это почему-то настолько насторожило меня, что я неожиданно, в первую очередь для самого себя, отвернулся от рыб и посмотрел на причину иных шлепаний. Это резкое движение разбудило меня, и я обнаружил себя у самой кромки воды, стоящим с поднятой для шага лапой. Следом за мной к воде медленно шел спящий Павел, чуть поодаль плелись кони. Татина же замыкала шествие. Не могу поручиться, но мне показалось, что у нее блеснули глаза, словно она наблюдала за нами сквозь неплотно сомкнутые веки.

— Мя-я-я-у-у-у!!! — заорал я в попытке всех разбудить.

Все тщетно, они упорно стремились войти в воду, вряд ли для того чтобы умыться. На мои глаза попалась лягушка, сидевшая у стены под связками травы и машущая каким-то корешком в такт движениям потенциальным утопленникам. Своими движениями она походила на дирижера Карлоса Клайбера, только музыки не слышно, и танцоры вот-вот прекратят свое шоу.

Друзей нужно было спасать, и я накинулся на земноводное существо, которое так невежливо обращалось с моими друзьями. Я подлетел к лягушке и бросился, нацеливаясь на корешок. Коварное существо изящным пируэтом ушло с линии атаки и, когда я пролетал мимо, добавило задней ногой прямо под распушенный хвост. Мя-я-я-у-у!! До чего же обидно!!!

Затормозил четырьмя лапами и резко развернулся, как раз вовремя, чтобы наткнуться на ехидную усмешку бородавчатой особы. Я снова предпринял попытку наказать наглое и склизкое создание. Лягушка отбросила в сторону свой корешок, и мои спутники остановились, но просыпаться пока не собирались. Нужно будет в следующий раз выставлять часового! Как всегда хорошие мысли приходят только после случившегося.

А лягушка тем временем сместилась влево и встала спиной к черному водоему. Я подобрался и приник к земле, готовясь прыгнуть и заключить в ласковые объятия пучеглазое существо.

Лягушка поднялась на задние лапы и передними издевательски поманила меня, приглашая сделать еще рывок. Уж такого безобразия я стерпеть не мог и как только её лапы слегка закрыли глаза, взлетел и подобно коршуну накинулся сверху. Так эта зеленокожая зараза, вместо того чтобы упасть на колени и молитвенно заквакать, прося оставить ей жизнь, упала на спину и, пропустив меня над собой, уперлась ногами в мой живот и придала дополнительное ускорение.

Здравствуй, черная водичка!!! Мя-я-я-у-у-у!!! С оглушающим ревом я плюхнулся в озерцо, подняв тучу брызг. В этой унизительной для меня ситуации был только один плюс — вода попала на Павла с Татиной, и те очухались от зачарованного сна.

Павел потом долго со смехом вспоминал открывшуюся его взору картину, про Татину я вообще молчу. Они увидели меня, сидящего по горло в черной жиже, лягушку, ходившую взад и вперед передо мной и демонстрирующую свои напряженные лапки, как доморощенный бодибилдер на соревнованиях. Я, конечно, мог вылезти и снова напасть на злобную лягуху, но предпочел оставить её на Пашкино усмотрение — он и старше и больше в размерах.

Павел же поступил весьма примитивно, нужно было сразу

обезвредить лягушку, хотя бы ударить сушеной рыбиной по голове, а уже потом узнавать, что да как. А этот чудак просто схватил лягушку за лапку и поднес к лицу, чтобы лучше рассмотреть. Татина, проявив интерес к этой разбойнице, тоже подошла ближе. И вот тут уже пришла моя очередь наслаждаться зрелищем и запоминать малейшие детали происходящего, дабы парировать их будущие насмешки.

— Надеюсь ты не будешь её целовать? Я не разбираюсь в полах, но, кажется, это самец! — проворковала Татина.

— Может, тогда ты засосешь её от души? Он превратится в прекрасного принца и сделает тебя принцессой! А в саду у тебя будет стоять табор, — не остался в долгу Павел.

Лягушка сначала активно качала головой и квакала, показывая этим полное несогласие целоваться с кем-либо. Когда же Татина в шутку сделала губки куриной гузкой, то коварное создание притворилось, что лишилось чувств. Павел даже поболтал её в воздухе, болталась как влажная тряпочка и уже не казалась такой грозной и боевой, какой была только что со мной. Но когда Павел и Татина приблизили свои лица к неподвижной разбойнице, она тут же очнулась и в шпагате, сделавшем бы честь каратисту наичернейшего пояса, резво настучала моим спутникам по любопытным носам.

Представители лошадиного племени просто покатывались со смеху, наблюдая озадаченные физиономии юных натуралистов. Даже я, невзирая на бедственность своего положения, прыснул от разбиравшего меня веселья, за что сразу же и поплатился, с головой уйдя под воду. Вода была не холодной, но какой-то маслянистой и тягучей, я долго потом избавлялся от странного блеска на шерсти.

— Ох и ё! — Павел от неожиданности выпустил квакушу, она шлепнулась на песок и перекатилась на безопасное расстояние от ног обиженных людей.

Я тем временем выбрался на берег и как мог начал вылизывать свою шерсть, наблюдая краем глаза за действиями боевой лягушки. А она отпрыгнула к своему корешку и опять взяла его в лапки. Однако, когда корешок опять начал вращаться в воздухе подобно лопасти вентилятора, он уже не смог никого загипнотизировать. Лягушка еще немного поизображала шаолиньского монаха, но видя что её усилия ни к чему хорошему не приводят, отбросила корешок и просто уселась на лапки, тараща и без того выпученные глаза.

Павел стер с лица слизь, оставленную лапками маленького агрессора, и уставился на нее, думая как ему поступить дальше. Немало поспособствовала его мыслительному процессу наша

языкастая егоза, внеся предложение сварить данное существо.

Нужно было видеть как увеличились и без того огромные глаза лягушки, когда она услышала слова Татины. Они почти вылезли из орбит и ей даже пришлось придержать их лапками. А когда увидела, с каким неподдельным интересом на нее смотрел Павел, то для удержания глаз ей пришлось задействовать и задние лапки. В позе свернувшегося ежика она и застыла на пару минут.

— Татина, пихни её палочкой, а то вдруг лягуху кондрашка хватила. Тогда нужно будет выбросить, чтобы не воняла. Или же и в самом деле сварить, — проговорил Павел.

После такого предложения лягушка так активно замотала головой, что скользкие лапки не удержались на безудержно вылезающих глазах, разметались в стороны, и она плашмя рухнула на пол. Как только нижняя челюсть коснулась пола, сверкнула яркая вспышка, и лягушку заволокло клубами дыма. Такие спецэффекты я видел лишь на представлениях фокусников, когда им нужно было потихоньку слинять со сцены, унося с собой взятые часы и бумажники.

Но тут все было наоборот. На месте дымовой завесы, когда она немного рассеялась, появился дедок, одетый в зеленую хламиду, с встопорщенной бородой и выпученными глазами. Морщинки бегали по всему лицу, огибали несколько бородавок и заканчивали свой путь в зализанных на спину седых волосах. Он пытался заговорить, но из горла вылетело лишь противное кваканье. Тогда, тщательно откашлявшись и огладив немного бороду, он предпринял новую попытку.

— Не парень меня тогда целовал, а симпатичная девушка! Я это сделал в романтическом настроении, хотелось, наконец, остепениться и зажить оседлой жизнью. Вот и пустил слух, специально для её ушей, что в пруду живет зачарованный принц и снять заклятие сможет лишь прекрасная девушка. Она долго не решалась, мяла меня в руках, чуть не оторвала лапу, но, все же зажмурившись и чуть ли не отвернувшись, чмокнула и начала отплевываться. Потом правда мы немного поболтали, но, так как она оказалась набитой дурой, я не стал развивать дальнейшие отношения, а обратно превратился в лягушку и ушел в пучину. Вот из мести ко всему мужскому полу она и переиначила историю, с тех пор мне пришлось срочно изучать боевые искусства. Знали бы вы, как много дурачков по первому времени меня мусолили, прежде чем я научился давать сдачи! — невнятно проговорил старичок.

Все сперва почтительно внимали ему, оглядываясь по сторонам, в поисках пропавшей лягушки. Затем уже

заинтересованно дослушивали, боясь перебить словоизлияния старика.

— Ну и чего вы приперлись и нарушили благословенный покой? — старичок почесал далеко выдающийся нос.

— Мы ищем отшельника Кана. По всей видимости, это вы и есть? — спросил Павел.

— Ну, вы меня нашли, надеюсь, этим самым вы исчерпали лимит своей любознательности и ваша экскурсия закончена. Теперь же вы можете удалиться и оставить меня размышлять о судьбах нашего мира! — старичок повернулся спиной к нам и отправился к водоему, намереваясь скрыться в его глубинах.

— Постойте! Мы к вам с приветом от старой Зары. Она сказала, что вы сможете нам помочь! — Павел выложил свой единственный козырь.

Старичок остановился, поднял хламиду и носком босой ступни попробовал воду. Скорее всего, проба его неудовлетворила, и поэтому он повернулся к нам.

— Старая Зара, ты сказал? А почему ты произнес это имя без должного пиетета? Или у вас с ней что-то было? — лицо старичка начало наливаться красной краской гнева и возмущения.

Вспомнив цыганку и представив Павла рядом с ней, я задохнулся от смеха. Татина не отставала от меня. Даже ржание лошадей прогремело под сводами пещеры. Павел же онемел от такого предположения и секунд двадцать пытался выдавить из себя хоть слово в свою защиту. Когда же ему это не удалось, он просто отрицательно помотал головой. В разговор вступила Татина, как знакомая Зары и умеющая разговаривать с мужчинами.

— Нет, у этого молодого да неопытного парня ничего не было, да и не могло быть с той, которая часто во сне шептала имя: «Кан». Она до сих пор одна и частенько её взгляд становится задумчивым, когда она смотрит в сторону Ледяных гор. Так что напрасно вы думаете, что молодые и симпатичные могут заменить вас, опытного и деликатного, как в речах, так и в любви, — Татина состроила влюбленную рожицу.

Старичок от этих слов приосанился и снисходительно взглянул на Павла. Павел же услышал в речи Татины положительные высказывания о себе и слегка зарделся от удовольствия. Странно, что Татина смогла обоих поддеть, но от этого они только рады. Как же интересно наблюдать за манипуляциями самок над самцами. Сказала пару комплиментов, состроила восхищенные глазки и все — можешь забирать в упаковке. А еще говорят, что мужчины управляют миром. Бред, просто женщины позволяют им так думать. Может, и мои кошки

делали то же самое? Нет, не замечал. Хотя и эти два самца ничего не заметили…

— Да уж, сейчас мужчины не умеют галантно ухаживать, красиво себя преподносить и вести интересные беседы. Наоборот, деградируют и возвращаются к истокам истории, когда удар дубинкой по голове заменял букет с цветами. Не будем об этом, а то я могу долго говорить на тему: «Не та сейчас молодежь пошла», а это первый признак приближающейся старости! — старичок молодцевато прищелкнул пятками, не знаю, как это у него получилось, но звук был громкий и сухой. Я даже попытался заглянуть под его спускающееся до земли одеяние, в надежде увидеть там выросшие копыта, но у меня ничего не получилось.

— Так вы поможете нам? — спросил Павел.

— Ну, только если в память о моей давней любви. Эх! Сейчас она должно быть в самом соку! — отшельник мечтательно закатил глазки и причмокнул языком. — У тебя точно ничего с ней не было? А то смотри, заставлю в пруду утопиться, как остальных непрошеных гостей!

От этих слов мой язык, которым недавно вылизывал шерстку, сам собой вывалился, и я активно начал очищать его лапами и отплевываться. Предупреждать же надо! Павел с Татиной удивленно переглянулись.

— Так вы недавно хотели нас утопить? И это ваше хваленая галантность и красивое ухаживание? — начала заводиться Татина.

— Девочка, время сейчас такое — сперва пытаются обезвредить, а после узнать, с какой целью приходил. Вы уж не обессудьте, но последнее время ко мне все больше заглядывают какие-то люди с песьими шлемами на головах.

— И к вам тоже? — ахнула Татина.

— Сначала они просили меня принять участие в их войне за всеобщее объединение государств. Мол, мой опыт очень бы им пригодился, да и как шпиону мне цены нет. А если я им помогу, то они смогут одолеть последнее государство и под умным и справедливым руководством великого правителя наступит всеобщее блаженство и умиротворение. Я из человеколюбия поначалу выкидывал их из пещеры. Но они настырны и недалеки умом, и продолжали донимать меня своими уговорами и угрозами. Поэтому я и начал заводить гостей по горло в воду, а после будить их и узнавать причину посещения. В итоге меня все же оставили в покое. Вы первые, кто избежал этой участи, и за это вы должны быть благодарны своему зверю тут уж настала моя очередь приосаниться и поднять хвост трубой.

Но вспомнив, какое жалкое зрелище представляет моя еще не

высохшая гордость, сразу же опустил его, зато поднял сухие уши. По этим ушам и провела ласковой рукой Татина, хотя я и не сторонник телячьей нежности, но тут меня что-то расслабило. «Павел, помни мою сознательность — он ведь вас и утопить мог. Да если бы не я… да он такой был… и еще подножку мне…» — захлебнулся я от нахлынувших мыслей. Наконец-то и меня смогли похвалить и оценить. Как же мало для счастья нужно, всего лишь несколько добрых слов и немного ласки.

— Так все же, чего вы ко мне приперлись? А то все ходите вокруг да около, а истинную причину назвать стесняетесь! — вопросительно вздернул бороду отшельник.

— Да и в самом деле, заговорились мы что-то. Старая Зара сказала, что вы можете помочь нам найти Кристана и Кирию. Мы на протяжении всего пути спрашивали о них у встречных поперечных, но никто ничего не знает. Одна надежда на вашу мудрость и великие знания, — и Татина обольстительно улыбнулась вздернутой бородке.

Видела бы она как передернулся Павел от её слов. Однако результат превзошел все ожидания — старичок буквально растекся от похвалы и расплылся в широкой улыбке. Скорее всего, он раньше был ужасно популярен, поэтому его сейчас так расперло от похвалы. Да и долгое одиночество мало способствует повышению самооценки, а тут Татина своими взглядами и льстивой речью довела его до прежнего уровня мудреца и любимца женщин.

— Что ж, я могу вам помочь в этом деле. Про Кирию ничего не могу сказать, даже такого слова не знаю, но вот Кристана помогу найти. Последний раз до меня дошел слух, что он находится в Башне Безмолвия, а зная его темперамент и нетерпимость к нынешней власти, могу спокойно утверждать, что он и сейчас находится там. Если его не укоротили на одну пятую, — Кан подошел к стене и стал собирать с нее травы и корешки. Даже рыбу не забыл прихватить в дорогу, лукаво блеснув на меня левым глазом.

— Я отправляюсь с вами! Пора немного размять ноги, а то засиделся на одном месте, скоро пролежни появятся. Не смейте протестовать, все равно без меня вам не справиться! — безапелляционно заявил отшельник, когда все нужные травы улеглись в холщовую суму.

Связку с рыбой он повесил на грудь, под полы своего одеяния. Я проводил ее тоскливым взглядом и только горько вздохнул. Да-а, не скоро смогу увидеть эту прелесть перед собой, а уж тем более попробовать.

Меж тем далекое отверстие в потолке посветлело, обозначая

наступление утра. Отшельник было направился к водоему, когда просьба Татины о скором завтраке остановила его. Немного подумав, он согласился, что нормально поесть удастся не скоро, поэтому отдал команду приступить к завтраку. Когда я подошел к нему, в надежде на получение десерта в виде рыбы (да-да, я набрался наглости), он лишь подмигнул мне и на глазах превратил свою руку в лягушачью лапку. Этого было достаточно, чтобы я все понял и отошел к своим за порцией надоевшего мяса и хлеба.

— Пока вы насыщаете свои бездонные желудки, я расскажу, как нам выйти отсюда. Вход у меня плавающий и открывается лишь раз в сутки, до его открытия еще ждать и ждать, поэтому мы выйдем другим путем. Вам нужно войти в воду по левому краю, там выступ и воды по колено. Затем, около выпирающего из стены камня, выступ обрывается, и вы по желобу перемещаетесь за стену пещеры. Это произойдет быстро, вы даже нахлебаться не успеете, тем более что пить эту воду по понятным причинам я вам не советую. Хотя рачки съели всех моих нежданных гостей, но память о них осталась в структуре воды, и может отразиться поносом и другими удовольствиями! — хохотнул отшельник, ни мало не раскаивающийся в утоплении рыцарей. — Ваших коней, придется усыпить и провести в состоянии гипноза под водой, иначе из-за них может возникнуть задержка, а вы дышать под водой не умеете.

Представители конского племени сразу отрицательно замотали головами, не желая пропускать ни одной секунды путешествия. Бегунок начал гневно раздувать ноздри, выказывая тем самым свое отношение к предложению отшельника. Старичок лишь пожал плечами и вынул из заплечной сумки какую-то фиолетовую травку, показав на точно такие же стебли в уменьшившейся копне, которую потребляли лошади.

— Это сонная трава, после нее человек и лошадь погружаются в сон и становятся беспомощными куклами в руках того, кто знает, как ими управлять. Такую же травку съели и вы при вчерашнем ужине, я сумел вам ее подбросить в котел при готовке. Но каким-то чудом котик сумел избежать вашей общей участи быть искупанным в водоеме. Хотя, по связке рыбы, я могу догадаться, как он это сделал! — на последних словах Кан взмахнул рукой, прошептал какое-то заклинание, что-то вроде «груши мохнатые» и остановил подходящего Бегунка.

Как раз вовремя, поскольку наш боевой четвероногий товарищ нацелился оттяпать старческое ухо, не взирая на преклонный возраст и благородные седины. Бегунок застыл с оскаленной пастью и закрывшимися глазами, немного поодаль в

похожей позе замерла и лошадь Татины.

Ну, уж раз так для дела нужно, то ладно. Но до сих пор я представляю себе такую картину маслом: я подсыпаю эту травку соседке Катрин, а она меня в течение месяца кормит отборной рыбой и сметаной. Жаль не удалось стянуть этой травы у отшельника, да и заклинание я бы не смог произнести. Но помечтать-то я могу!!!

— Ничего с ними не случится, и нечего так на меня таращиться! Они и в самом деле могли ненароком испугаться и забить собой проход, а нам потом что делать? Ждать, пока рачки и это тело скушают или пойти обратно в ту сторону, где раздаются взрывы от молний? Хотя мне кажется, от них вы и уходите! — Кан усмехнулся в бороду.

А этот старичок ох как не прост. И молнии-то он увидел и травку нам подбросить успел, хотел даже искупать и может в лягуху превращаться. Действительно, как шпиону и диверсанту ему цены не было. Павел и Татина только сглотнули, видимо подумав о том же самом, что и я, и согласно мотнули головой.

— Вот и ладушки, заканчивайте с завтраком и складывайте свои пожитки в сумки, нам пора отправляться. Кстати, мальчик, тебе лучше взять кота на руки, а то он в суме может захлебнуться и потом будет вонять всю дорогу, — с ехидной улыбкой проговорил старец. Интересно, они с Татиной не родственники?

Оскорблено фыркнув, я, тем не менее, подошел к Павлу и потерся об его ногу, чтобы он осознал — какой чести удостаивается. Павел удивленно посмотрел на меня сверху вниз: «Кешка, что с тобой — воспаление ласковости приключилось? Сам подходишь ластиться, позволяешь другим себя гладить. Ты не заболел случайно?».

Эх, Павел, Павел, ничего я тебе тогда не ответил, лишь вспрыгнул на руки и прижался к груди. Хотел еще заурчать как маленький паровоз, но сдержался — Татина или новый, не менее остроумный, товарищ замучили бы потом своими глупыми комментариями. А у меня просто ностальгия неожиданно остро прорезалась, вот и захотелось людского тепла и ласки. Да и в сумке тонуть тоже как-то было не с руки, ведь я еще так мало сделал в этой жизни.

Всё-всё-всё, я успокоился, но с рук не слезу! Давай, иди, отшельник, я следом за тобой на Пашкиных руках!

Кан послушал мое мяуканье, взглядом предложил Павлу засунуть в меня фиолетовую травку, но мой друг лишь помотал головой.

— У него нервы не выдержали немного, но сейчас он взял себя в лапы и готов к водному переходу. Все же он кот и нелюбовь

к воде у него в крови, — объяснил присутствующим Павел.

Все понимающие покивали и двинулись к тому краю, на который указал нам Кан. Лошади, не торопясь, брели за нами. Отшельник первый подал нам пример, войдя в воду и показав самое глубокое место, как раз там ему было по колено. Затем он немного подвинулся в сторону, пропуская Павла и Татину, которые с некоторым подозрением шли по выступу, ежесекундно обшаривали дно ногой, прежде чем сделать следующий шаг. Я же обреченно вглядывался в черную матовую поверхность, в которую должен буду вскоре погрузиться. Может, лучше было бы тоже пожевать эту травку и потом, подобно зомбированным коням, пофигистически пройти это испытание?

Кан вернулся на берег и что-то там мудрил с костром и подвешенным над ним котелком, бросая в него разные травки, немного картошки и даже оторвал от своей связки пару рыбешек. Я попросил Павла спустить меня на землю, дабы разузнать, чем это таким там занимается отшельник, (если повезет то и попробовать). Павел категорически отказался, сославшись на то, что если бы старик захотел вдруг поесть, то позавтракал бы с нами. Этим и пришлось утешиться.

Ну а отшельник, закончив колдовать над котелком, оставил его кипеть и поспешил к нам. Вслед ему понесся упоительный запах ухи, и я готов был отдать все на свете, лишь бы мне позволили снять пробу с этого чудесного блюда. Увы, моим мечтам не суждено было сбыться. Отшельник махнул рукой Павлу, приглашая того погрузиться в воду. Павел же вздохнул, посмотрел на Татину и, покрепче прижав меня к себе, прыгнул в жидкую темноту. Уже в прыжке я набрал в грудь побольше воздуха и что есть силы зажмурился, вцепившись когтями в потрепанную Пашкину джинсовку. Темные воды с утробным хрюканьем сомкнулись над нами, и наступила тишина. Только чувствовались Пашкины движения, разгребающие воду и толкающие нас вперед.

Глава 8

Все-таки мы выбрались! Здравствуй, милое солнце!

Не скажу, что это было легко и просто, мне пришлось всаживать в Павла когти, чтобы он не уснул и не захлебнулся по дороге. Нет, он, конечно, потом утверждал, что это я сделал от испуга и страха потеряться в глубине, но уж мне-то лучше знать.

Так вот, мы вынырнули на другой стороне горы, в которую вошли через плавающий вход. То есть пронизали её насквозь, сам удивляюсь до сих пор, как мы смогли это сделать, ведь она была довольно-таки крупных размеров, а прошли мы всего-то ничего. Хотя, если учесть, что Павел поскользнулся в переходе, и мы секунд десять летели куда-то в неизвестность, то вполне может быть, что это и послужило столь быстрому форсированию горы.

— Ква! — первый звук на поверхности.

Нас встретило яркое солнце, чистое небо, заросший ряской пруд и три здоровенные жабы на берегу, которые выпучили огромные глазищи, стоило нам только показаться на поверхности. Вот к ним мы и направились, поскольку в другом месте вылезти было невозможно, так как этот прудик с трех сторон окружали отвесные скалы. Жабы опасливо попятились от нас, одна, кажется, даже перекрестилась, но не берусь утверждать точно. Может быть, это показалось от недостатка кислорода.

Следом за нами вынырнула самая прекрасная и замечательная (по мнению Пашки, конечно) девушка на свете. Вся в ряске и тине, чумазая как грязь. Уж если она была похожа на русалочку трехнедельного запоя, то какими же должны выглядеть мы — первопроходцы? Я боялся поднять взгляд на Павла, и прокручивал в голове его образ до погружения, однако не выдержал и все же посмотрел. Что же вполне прилично для новомодного праздника Хэллоуин, да и жабы нас испугались. Хотя, судя по их возрасту и размерам, они многое успели на своем веку увидеть, и мало что их может удивить.

Если вы сможете представить себе утопленника в самой крайней фазе разложения, пролежавшего невесть сколько времени в сточной канаве химического завода, то примерно можно понять, как выглядел Павел. Про свою загубленную шерсть и поникшие усы, к которым пристала ряска, я тактично промолчу.

— Прекрасно выглядишь, Павел, наконец-то вода смогла смыть с тебя налет цивилизации и обнажить твою естественную натуру! — что ж, по крайней мере вредность у Татины осталась прежней и вода не смогла ее разбавить.

— Ну а ты осталась прежней, даже еще красивее стала, хотя

это и кажется невозможным! — на выручку Павлу вынырнул отшельник, тоже выглядевший как номинант на лучшую роль в фильме ужасов.

Следом за ним показались лошадиные головы, и мы вынуждены были выбираться на берег, так как места в прудике катастрофически не хватало. Жабы сплюнули при виде нашей процессии и от греха подальше упрыгали в близлежащие кусты. Отшельник проводил их взглядом и судорожно сглотнул, но потом опомнился и помог лошадям выбираться на берег.

— Вот теперь попрошу вас немного подождать, пока я закончу одно небольшое дельце. Вы пока сможете умыться вон в том ручейке! — с этими словами Кан махнул рукой влево и нырнул обратно в прудик.

— Чур, я первая и за мной не подсматривать! — скомандовала Татина и умчалась в кусты, откуда доносилось журчание ручья.

Мы отвернулись и глядели на то, как солнце своими лучами раскрашивает окружающую нас природу. А солнце уже пробежалось по заснеженным вершинам гор, и опускало теплые лучи на редкие деревья и кусты, которые поднимали и тянули к нему свои ветви. Попутно оно обогревало и холодные камни, лежащие веками и хранящими в себе множество историй и легенд. Ой, что-то меня на лирику потянуло, а солнышко тем временем дотянулось и до нас, высушивало корку грязи и превращало её в твердый налет.

«Что-то долго там Татина моется, уж не случилось ли чего? Может, ей там помощь нужна?» — начал волноваться Павел. Оно и понятно — прошло каких-то пять минут, а без любимого существа они кажутся вечностью. «Павел, а ты пойди и посмотри, заодно снова огребешь по первое число и потом будешь два дня извиняться. Может легче её окликнуть?» — внес более разумное предложение ваш покорный слуга.

Павел внял моему совету и несмело окликнул Татину, та не отозвалась. Я не успел поблагодарить богов за это, когда он громче выкрикнул ее имя, в ответ снова прозвучала тишина. И уже когда Павел захотел при помощи имени возлюбленной вызвать обвал в горах и сход нескольких лавин, слабый голос Татины донесся до нас издалека.

Конечно же, мы бросились на помощь, не бросать же девчонку одну, хотя и вредности в ней хватало на семерых. Раздвинув кусты, среди которых протекал довольно таки бурный ручей, мы обнаружили один сапог Татины. Второго сапога, как и её самой, по близости не наблюдалось. Крик Татины снова прозвучал вдалеке, но уже более явственно, чем в первый раз и

мы кинулись вниз по ручью. Ручей расширился за счет впадения в него других ручейков и образовывал уже горную речку, со своими перекатами и порогами. Мы неслись, перепрыгивая через ручейки и иногда поскальзываясь на мокрых камнях. Голос Татины звучал гораздо ближе, но слышался среди какого-то непрерывного шума. Словно она работала в огромном ткацком цеху, где непрерывно шла работа по сдаче плана за пятилетку в один день.

Выскочив из-за поворота, мы увидели и нашу мокрую спутницу. Она зацепилась поясом за ветку дерева и весело пыталась утонуть, то погружалась в воду с головой, то снова выныривала на поверхность. В десяти метрах от нее шумел водопад, вначале принятый мною за ткацкое производство. Ветка, которая дала Татине временное пристанище, опасно гнулась и трещала, обещая в скором времени составить ей компанию по скоростному спуску в воде.

Павел, светлая его голова, не мог ничего придумать лучше, чем предложить мне прыгнуть на помощь Тане, а потом бы он вытащил нас за мой хвост. Мне пришлось отбежать на некоторое расстояние и предложить в свою очередь ему разбежаться и удариться головой о камень, чтобы тот смог передать ему часть своей вековой мудрости. Затем я хотел добавить несколько нелестных эпитетов по поводу его поведения, но за меня это сделала Татина.

— Если вы сейчас же… буль-буль… не вытащите… буль-буль… меня, то я вам потом… буль-буль… долго снится бу… буль-буль… Разгильдяи. буль… трусы. буль-буль помоги-и-и — на этом её речь закончилась, так как ветка все же выполнила свое обещание и сломалась.

Я оторопело смотрел как девушку несло к краю обрыва. Тут уж не сплоховал мой друг Павел. На меня нанесло холодом и он, пропав из того места где стоял, появился рядом с Татиной. И уже в падении, оглушенный визгом радующейся спасению девушки, смог-таки повернуть лучик и вновь появиться на твердой земле с все еще орущей Татиной на руках. Та еще повизжала для порядка секунд двадцать и потом открыла глаза.

Улыбающийся Павел подмигнул ей и, как в лучших мелодрамах, потянулся губами к спасенному объекту своих мечтаний. За что немедленно был наказан полновесной плюхой.

— Почему так долго спасал? И куда ты тянешься губешками немытыми, ловелас испачканный? Сначала толкаешь в спину, а затем пытаешься из себя героя строить? — Татина спрыгнула с Пашкиных рук и пошла вверх по течению, даже не поблагодарив за спасение.

Надо было видеть Пашкино лицо, такого краха своих

стремлений он не ожидал. Я даже подошел и погладил его по ноге, так уж жалко парня стало. Ну почему всегда нормальные парни влюбляются вот в таких стервозин? Сколько у меня похожих ситуаций было, не пересчитать, может поэтому я и стал настолько циничен?

«Плюнь, Павел, она не достойна твоих переживаний! Ну, подумаешь что умница и красавица, да мало ли таких на свете живет? Давай лучше возвращаться к лошадям, да и помыться по дороге не мешает» — как мог я старался утешить Павла.

«Кешка, значит, врут все в фильмах про мушкетеров и гардемаринов? Не так уж и жаждет спасенная поцелуя от спасителя» — горько отозвался Павел в ответ.

Затем действительно плюнув, но не на Татину, а на землю, Павел побрел к тому месту, где мы оставили лошадей. Но все же перед этим мы решили ополоснуться там же, где и Татина.

Павел прямо в одежде прыгнул в ручеек и давай там плескаться и разводить мутные волны. Я же встал под ручеек чуть выше и, содрогаясь от холода, терпеливо ждал, пока вода смоет с меня всю накопившуюся грязь. Заодно увидел причину, по которой Татина отправилась в свое водное путешествие.

Три огромных жабы, которых мы имели счастье наблюдать при появлении с этой стороны горы, подкрались к Павлу со спины и вознамерились прыгнуть на него. Я заинтересованно уставился, забыв даже предупредить Павла о грозящей ему опасности. Боевую лягушку я уже видел в действии, интересно — какие же приемы будут у боевых жаб. Оказалось, что ничего интересного, и все свелось до тривиального, но очень сильного толчка в спину. Могучие задние лапы (мечта француза) напряглись и выбросили вперед тяжелые тела со скоростью пушечных ядер. В этот момент Павел нагнулся, чтобы набрать в пригоршни воды, три снаряда пронеслись у него над головой и шлепнулись дальше по течению. Падение так их деморализовало, что они позволили потоку увлечь их с собой, и спустя некоторое время громогласное «Ква» возвестило о конце их пути.

«Кешка, ты видел тоже, что и я? То есть трех жаб, прыгнувших на спину?» — уточнил мой удивленный друг.

«Павел, а может это были зачарованные принцессы, утомившиеся ждать, пока их кто-то поцелует и решившие взять инициативу в свои лапы? Может быть, у них ты бы обрел то, что не смог получить от неблагодарной Татины. Скорее всего, от их нападения и пострадала наша едва не утопшая язва!» — сделал я свои предположения.

«Пойдем и спросим у неё самой! А то как-то неудобно получается — она думает, что это я её столкнул» — Павел пошел

на место нашей стоянки.

Там уже стояла сердитая Татина, все ещё спящие кони и ухмыляющийся Кан. Татина сразу же обличающе показала на Павла, Кан заулыбался еще шире.

— Коварный ловелас хотел воспользоваться моей беспомощностью и обмусолить своими испачканными губами. Да еще и хотел все обставить так, что это он меня спас, хотя сам и толкнул в речку! — возмущалась Татина.

— Ребята, вы ничего не видели, пока умывались? — поинтересовался отшельник.

Павел рассказал о происшествии с жабами, Татина лишь фыркала на его высказывания. Кан же просто катался по земле от хохота.

— Татина, он действительно спас тебя от трех сестер, которые от своей злобы превратились в жаб. Они и по сей день живут возле ручья, где когда-то стоял их дом. Давным-давно они были прекрасны и умны, но лютая злоба наполняла их сердца черной тьмой. Они заманивали одиноких путников к себе, ночью убивали их и забирали скудные средства и драгоценности. Это продолжалось очень долго, пока в эти места не забрел Корень. Сестры не знали, кто перед ними и решили сделать все как обычно. Им ничего не удалось и Корень вознаградил их вечной жизнью возле этого самого источника в обличье жаб, до той поры, пока их не пожалеет одинокий путник. Но они не смогли пересилить себя и с тех пор нападают на путников, сталкивают их со смертельного водопада, а затем спускаются и по привычке обирают трупы, — Кан закончил свой рассказ и раздавил под носами у лошадей какие-то красные цветочки, пробудив тех от зачарованного сна.

Бегунок сразу же оскалился на отшельника, но удивленно осмотревшись вокруг, опустил голову на Пашкино плечо и горестно вздохнул. Понимаю его — никому не нравится, когда им руководят даже без возможности внести свои коррективы в происходящие действия. Лошадь Татины просто флегматично посмотрела вокруг и принялась выдергивать редкие травинки, растущие между камнями.

— Павел, ты прости меня за то, что вспылила и дала пощечину! Я же не знала, кто это сделал и думала на тебя, а ты оказывается очень хороший! — Татина чмокнула Павла в щеку, от чего тот покраснел пуще мякоти арбуза, и повернулась к отшельнику. — А кое-кто мог бы и предупредить об опасности.

— Так на шее этого парня амулет Корня, вот он и должен был защитить его. Я думал — у вас хватит сообразительности пустить в незнакомое место того, кому все нипочем, — оправдал свои

действия отшельник.

— Уважаемый Кан, а откуда вы знаете про амулет? Или у вас все про него знают, но стесняются говорить? — спросил Павел.

— Так я косвенно принимал участие в его изготовлении, поэтому и знаю. Я один из последних представителей расы водников, самой великой расы на свете. Вот и поделился тогда своим опытом для его изготовки. Правда все про амулет знает лишь один Корень, он его задумал как объединитель всех лучших способностей каждой расы. Ну, а каждой расе он сказал только о свойствах присущих этим расам, да и то он объяснил лишь главам этих рас. Когда же один честолюбивый и властный человек попробовал самостоятельно испытать действие талисмана, он обернулся существом, которого мы с вами знаем под именем Брысь. Последний раз я этот талисман видел на моем дальнем родственнике Железере, откуда он у вас? — отшельник заинтересованно посмотрел на Павла.

— Может, мы уйдем с этого места, и пойдем к той башне, о которой вы упоминали? А по дороге я вам расскажу о моей истории и об участии в ней вашего друга, и почему нам необходимо так спешно уйти. А вы нам расскажете о себе и о своей расе, — произнес Павел и поднял меня к сумке на боку Бегунка. Как ни странно, но Бегунок и сами сумки были сухими и чистыми.

Отшельник согласился с ним, попросив не забыть рассказать, как сейчас выглядит старая Зара. И мы опять двинулись по горам в сторону указанную отшельником. Павел в очередной раз начал повествование о наших приключениях, Татина даже не прерывала его — видно уже надоело. Она молча вела свою лошадь под уздцы и изредка поглядывала на Павла и Кана.

Отшельник слушал Павла, не перебивая, и все больше мрачнел, я уже успел задремать как обычно и чуть не пропустил самое главное. Как только мой друг и соратник закончил свой рассказ, Кан попросил его показать все те свойства, которые он приобрел. Павел ни мало не смутившись, показал весь арсенал знакомых цветных лучей, но, памятуя о просьбах друзей, он не показывал какие лучи крутил, и не называл их.

— Ты, скорее всего не слышал, что я говорил о Брысе? А ведь он тоже попытался проверить функциональность талисмана. Каждой расе доступна только его магия, почему же ты можешь использовать их все? Это мог сделать только сам Корень, но он давно уже пропал. А опиши-ка мне своих родителей, Павел, — задумчиво произнес Кан.

Павел описал отца с матерью, я пару раз его поправил, но в целом картина получилась полной. Кан от слов Пашки громко

расхохотался, и еще минут пять не мог остановиться. Мы терпеливо ждали, пока пройдет его приступ веселости, и он сможет пояснить причину своего смеха.

— Ай да Корень! Вот уж чего не мог от него ожидать, так это превращения в женщину. Визгливый голос, говоришь? Ну да, он всегда мог заставить себя слушать! — и Кан снова залился громким смехом.

— То есть ваш Корень это моя мама? — оторопело спросил Павел.

У меня признаться тоже шерсть поднялась дыбом от таких слов. Ну ничего себе — живешь под одной крышей с женским существом, которая оказывается в другом мире великий и ужасный колдун. Вот это да! А ведь мы порой и играли, и получал я от нее, и кормила она меня и ласкала иногда. Очень редко…

— Доэкспериментировался Корень со своими фокусами, теперь ему уже ни за что не вернуть былой формы. Так и останется он до конца жизни мощной женщиной, а ведь я его предупреждал, что нельзя надолго перевоплощаться. Гарион смог навести заклятие остановки времени, значит, потерял Корень все свои навыки. Иначе и тебя бы здесь не было, и порядок смог бы восстановиться сам собой! — говорил отшельник, изредка прерывая свою речь смехом.

— Здорово! Так ты наследник Корня? Всю жизнь мечтала познакомиться с подобной личностью! — Татина похлопала Павла по спине.

Павел никак не отреагировал на это, все еще погруженный в свои мысли, а потом просто махнул на все рукой.

— Ну и что, что мама была раньше мужчиной, у нас теперь и не такие операции делают, и без вашего колдовства. А то, что я её люблю и буду любить — этого у меня никто не отнимет! — и Павел посмотрел на меня. Я солидно кивнул в знак поддержки. Хотя внутри всё распирало от смеха…

— Да, жаль, что мы больше не увидим Корня, но он сам выбрал путь. Но тогда возникает еще одна проблема — только Корень может открыть все лучи сам. Другой же человек, может узнать лишь из уст существ знающих о свойствах. А когда это произойдет, маг сможет воспользоваться всеми свойствами амулета. И тогда да смилостивятся над нами боги, если он попадет в злые руки. Весь мир рухнет! — мрачно закончил Кан.

— Так что же получается — я, типа, избранный? Круто, вот пацанам расскажу, они повесятся от зависти! — Павел улыбался во все тридцать два зуба, про конец света он как-то пропустил мимо ушей.

— Павел, так что тебе сказал Железер про время? — спросил Кан, возвращая Павла с небес на землю.

— Он сказал, чтобы я нашел Кристана, а тот уже все расскажет. Еще сказал, что осталось очень мало времени, и мы должны успеть спасти Кирию! — ответил Павел.

— Ну, вы в дороге примерно около недели, до Башни Безмолвия еще два дня пути. Может и успеем, — Кан начал ковырять в носу, найдя это занятие более увлекательным, чем дальнейший разговор с Пашкой.

— А зачем вы в пещере поставили готовиться уху? И почему вы снова нырнули в тот пруд? Чтобы проверить её готовность? — Павел не дал отшельнику как следует позаниматься исследованием собственного носа. Кстати этот вопрос и меня крайне взволновал — почему нашему врагу такие почести, а самому красивому на свете коту как обычно шиш с маслом?

— Расчет прост как дважды два. Каким бы не был Гарион великим колдуном, но он обязан все же питаться, а я приготовил обалденный супчик. К тому же великое слово «Ха-ля-ва» всегда и всем портила кровь. Гарион не сможет последовать за нами, так как я завалил наш выход и обрушил выступ. Теперь выход там же где и вход, в потолочное отверстие он не сможет выйти, так что ему придется ждать следующего дня. В моем супе нет отравы, он это сразу поймет, но фиолетовую травку почуять не сможет. Так что здоровый и крепкий сон на пару дней ему обеспечен, — хохотнул смешливый отшельник и тут же помрачнел. — А если бы я знал, что он убил моего друга, то еще бы такого намешал, чтобы он три дня просидел в кустах с испачканной мантией. Эх, Железер, мой последний родственник из бессмертных водников, как же мне тебя сейчас не хватает. Железер исколесил весь наш материк вдоль и поперек и знает такие места, в какие даже кроты не зарывались и птицы не заглядывали. Он бы нам помог Кристана безболезненно вызволить из Башни Безмолвия.

— Вы же сами сказали, что водники бессмертны, так как же его смерть могла случиться? — спросила Татина.

— Да, мы бессмертны, но убиваемы. Мы можем жить бесконечно долго и уходим когда устанем, но нас можно убить, как и простых людей. Вот отчасти, поэтому мне и пришлось изучать боевые искусства! — вздохнул Кан.

— А как вы смогли превратиться из человека в лягушку? Может быть, научите и нас? Очень полезное знание, особенно когда Павлу понадобится показать свое второе «Я»! — не могла удержаться от подколки наша язвочка.

— Или Татине захочется чтобы ее наконец-то поцеловали! — парировал Павел. Молодец! Учится отвечать, грамотно и по делу.

Я даже муркнул от удовольствия.

Кан рассмеялся на обе шутки, добавил свою и потом, взяв с нас клятву молчать о нем в будущем, если оно наступит, конечно, начал говорить.

— Я из самой старой расы, живущей на этой земле. Мы вышли из моря давным-давно и не посмели вернуться обратно, потому что океаны замерзали и превращались в лед. На холодной земле мой народ умирал тысячами тысяч, пока мы не научились приспосабливаться ко всем условиям. И у нас укоренилась способность превращаться во что угодно материальное, ведь из замерзшей воды можно сделать любую фигуру. Потом холод отступил, а обратно в воду вернуться мы уже не могли, наши жабры сами собой высохли и отпали. Да не очень-то и хотелось, потому что на оттаивающей земле появились новые племена и народы. К тому времени моих соплеменников осталось чуть более сотни, и мы с рвением принялись передавать наши накопленные знания новым поколениям. По двадцать пять соотечественников ушли к племенам, чтобы наше знание всем досталось поровну, и ни у кого не было преимущества перед другими. Я уже в то время не видел в этом ничего хорошего, поэтому отошел в сторону и продолжал практиковаться в совершенствовании магии и накоплении новых знаний. И оказалось, моя предусмотрительность была не излишней — только знания оказались у племен, как они сразу же захотели обладать ими единолично. То есть начались Столетние войны, и в этих войнах мои соотечественники увидели то, что ну никак не ожидали увидеть. Вместо всеобщего единения и духовного развития у народов проснулась страсть к уничтожению и истреблению инородцев. Разочаровавшись во всем, мои соплеменники растворились в воде (так мы покидаем этот мир), и народ водников прекратил свое существование. Лишь я, удалившись от всех и вся, коротаю свой бессмертный удел, потому что мне интересны не племена, а травы и растения. Да еще Железер пытался всех наставить на путь истинный, но все его усилия оказались напрасны. Войны продолжались уже без нашего участия и возможно привели бы к всеобщему истреблению, если бы не появившийся Корень. Я до сих пор не знаю, кто он такой и человек ли вообще. Он был пришелец из другого мира, как и ты, Павел.

— Да-да, вы уже сказали, что это была моя мама, — пробурчал Павел.

— Ввязавшись в войну на стороне людей, за несколько лет он вывел людей из побежденных в победителей. Но никто не собирался сдаваться, и тогда Корень собрал вождей всех племен и

убедил в бесполезности войн. Его красноречию могли бы позавидовать ораторы всех миров и вселенных. Он же и предложил создать амулет, в котором были собраны лучшие качества народов населяющих нашу планету. Мы с Железером тоже внесли свою лепту в его создание, и если ты повернешь голубой луч, то сможешь проникать в любую щелочку подобно воде. А фиолетовый даст тебе возможность принимать любой облик, достаточно создать в голове образ и повернуть луч, — не успел Кан договорить, как повеяло знакомым холодком, и Павел распался водой.

Да-да, на месте где он только что находился, теперь была лужица с маслянистыми разводами. Бегунок потянулся было к воде, но тут лужица споро отодвинулась в сторону, и через мгновение на ее месте возник улыбающийся во все тридцать три зуба Павел. Снова холодок и у нас уже было два Кана. Тут с одним-то не знаешь что поделать, а уж двоих выносить я не собираюсь. Да, я не забыл его лягушачьего карате!!!

«Павел, а в виде лужицы ты мне был гораздо более симпатичен» — ну не могу я видеть две ехидные сморщенные мордочки, да еще если у них из-за пазухи торчат рыбьи хвосты.

«Кешка, а рыбки хочешь? Могу поделиться!» — уел, ничего не скажешь. Эх, Павел, ведь знаешь о моей страсти и смеешь так надо мной издеваться! Ну не стыда, ни совести. Все, я обижен.

— Здорово у тебя получается, парнишка, но будет лучше, если ты обратно свой облик вернешь. Ничего личного, но я такой единственный и повторяться не собираюсь. А ты можешь принять облик вон той девочки, — усмехнулся Кан.

— Ага, и получить от нее сапогом по макушке? Нет уж спасибо, ее пробовали пародировать, и она отблагодарила шишкой на королевском челе гнома. Так что не стоит рисковать, — ответил принявший свой прежний облик Павел.

— Ничего что я здесь, а вы говорите обо мне за глаза? Это, по меньшей мере неприлично, а по большой мере неприятно. Вот начнем мы со старой Зарой обсуждать ваши мужские способности, тогда узнаете почем фунт лиха! — обиженно проворчала Татина.

— Ладно-ладно, девчонка, успокойся. Нам с Зарой и так есть что обсудить, не хватало еще чтобы ты лезла в дела альковные! — торопливо поднял вверх руку Кан.

— Однако лучи закончились, еще было два, но их нет. Где их можно найти, вы не в курсе, уважаемый Кан? — Павел поднял вверх амулет и тот заиграл бликами на солнце. Кот на нем сыто щурился на солнце, видимо его вырезали с какого-то закормленного лентяя из благородных. Кроме двух лучей тайны

остальных были известны…

— Нет, Павел, судьба остальных мне неизвестна. Может, Железер потерял их, когда перемещался в твой мир, или что-то произошло ранее? — отведя взгляд, спросил Кан. — А тех, что у вас есть вам не достаточно? Вам же рассказали об их значениях иные расы?

— Ну да, рассказали, но среди них нет того луча, который мог бы вернуть нас домой. Вот что и печально. Может быть, когда мы найдем Кристана и поможем ему, то что-то прояснится, и тогда сможем вернуться домой, — грустно ответил Павел. Кан хотел еще что-то спросить, но почему-то сдержался и не стал открывать рот.

— Уважаемый Кан, а как выглядел Корень? Все же интересно, какой облик имела моя мама до прихода в наш мир. И откуда тогда взялась наша бабушка? Кстати, она тоже умеет громко разговаривать, — Павел оставил амулет в покое и повернулся к отшельнику.

Я лишь тактично промолчал. Дело в том, что когда приезжала бабушка, то все мужчины сразу сбегали из дома. Неважно, на какой период времени она завладевала гостевым диваном и находилась на нашей территории — все это время мы старались сократить наше пребывание в квартире до минимума. Потому что как правильно жить знала только она и не переставала делиться опытом с остальными домочадцами. Если же ей казалось, что ее поучения недостаточно внимательно слушают, то она резко повышала голос. Дочка, в свою очередь, не оставалась в долгу. Поэтому вопли у нас стихали лишь с приходом ночи. Как раз в это время мужская часть семьи крадучись, чтобы не дай Бог не разбудить тещу и бабушку, старалась прошмыгнуть в свои комнаты и юркнуть под одеяла.

— Он был высоким молодым человеком, с прекрасно развитой мускулатурой и благородной осанкой. Правда его речь была порой непонятна для окружающих, то есть нет-нет да и ввернет какое-то словцо, а потом мудрецы гадали, что это означало. Или выругался или заклинание произнес.

— Прямо как ты со своими рассказами, — ввернула Татина, но Павел только отмахнулся рукой.

— Он у нас появился из ниоткуда, ничего не помня и никого не узнавая, однако быстро вошел в курс дела и начал работу по прекращению войны. Его лица никто не видел, так как оно всегда пряталось под стальной маской. А насчет твоей бабки… так Корень мог создать двойника и придать ему любое обличье. Я помню, как давным-давно научил его заклинанию раздвоения, присущему лишь водникам. Скорее всего он попал в ваш мир,

создал подобного себе, назвал его мамой и… Ну а дольше могло произойти что угодно, если он забыл наш мир и остался в вашем. А на самом же деле, Павел, тебе не стоит быть настолько доверчивым — я пошутил насчет твоей мамы.

— Ка-а-ак? — протянул Павел.

— Ну-ну, не морщи лоб, я слишком долго был один, вот и развлекаюсь по стариковски. Корень создал амулет таким образом, что им может владеть любой человек, которому передали его добровольно и добровольно сообщили об его особенностях. Воровством им невозможно завладеть, но можно обманом выманить. Так что будь осторожен в доверии своем, — тут Кан остановился и поднес ко лбу сложенную козырьком руку.

Татина откровенно покатывалась, наблюдая Пашкин открытый рот и выпученные глаза. Пока Кан не цыкнул и не показал взглядом вдаль.

Мы тоже остановились и посмотрели по направлению его взгляда. Вдалеке к небу поднимался легкий дымок, и виднелась белая полоска городской стены.

— Там находится город Тайнеш, самый последний город государства Сталлии. И последний он не из-за границы. Хуже, чем там, не живут нигде. Сегодня мы туда не пойдем, так как не успеем до закрытия ворот, а ночевать под стенами у благоухающих стен мне не очень хочется. Там у них ров выкопан и заполнен он отнюдь не водой. Сегодня заночуем вон в той роще, а завтра с утречка отправимся туда! — Кан указал на чахлую рощицу неподалеку от нас.

— А может, мы обойдем его как-нибудь? Если там так все плохо, то с нашим появлением вряд ли ситуация улучшится, — резонно сказал Павел.

Я в этом с ним абсолютно был согласен — ну не нравится мне здешний народ, то порезать стремится, то ограбить или молнией по кумполу шарахнуть. Лучше по-умному в обход, но, как оказалось, у мудрого Кана были свои виды на этот город.

— Нет, нам просто необходимо зайти туда, тем более что там живут хорошие и отзывчивые люди, которые без сомнения окажут нам помощь, — с этими словами Кан отправился в сторону намеченной лощины.

Это конечно не гномовская кровать и тем более не наша родная кроватка, где я обычно любил развалиться и сладко подремывать, но видно уже как-то начал привыкать ко сну на свежем воздухе. Еще бы не мелкий и противный дождик, зарядивший с утра, и тогда можно было бы назвать сон хорошим. В этот раз ночь прошла спокойно, никто нас не бил, не будил истошными воплями и не практиковался в стрельбе молниями по

лежащим мишеням.

Однако, как показывает практика нахождения в этом мире, спокойствие моментально сменяется бурными событиями. И на сей раз этот принцип не преминул показать свое злорадное лицо, а ведь так хорошо все начиналось.

Первым подала недовольный голос Татина, ну она редко бывала довольна, поэтому никто особенно и не удивился ее бурчанию. Ничего страшного, что дождик разбудил ее, поплескав немного брызгами в задорно вздернутый носик. Всех остальных не миновала такая же участь, но кроме нее никто и не думал возмущаться. И я, бывало, попадал под хороший град, и потом был похож на облезлую крысу, однако в то время это не было поводом к возникновению плохого настроения. Лишь небольшая досада на себя, вчерашнего, за лень в поисках крыши над головой. Но это отсыревшее чудо бурчало весь завтрак, в ходе которого мы прикончили наши припасы (а я пускал слюни, наблюдая, как Кан трескает рыбку и не делится). Причем, ни к кому конкретно не обращаясь, она заставляла всех чувствовать себя виноватыми, даже Бегунок смущенно поворачивал морду и вопросительно поглядывал на меня. А что я ему мог ответить? Даже нормально пожать плечами не мог, так и приходилось лишь ободрительно подмигивать.

Наконец, Кан велел Татине замолчать и внимательно послушать тишину, а то из-за ее бурчания он своих мыслей не слышит. Та оскорблено замолчала, лишь тяжко вздохнула по поводу несовершенства этого мира и отвернулась от неблагодарных мужчин. Мы же остановились неподалеку ото рва, в месте, где должен был упасть подъемный мост. По причине раннего утра он был еще поднят и на стене не мелькало ни одного заспанного лица, оно и понятно — вряд ли враги рискнут перебираться через такую вонючую речку. От нее так несло, что глаза невольно сами собой начинали слезиться, не могу себе представить, что творится в городе, когда ветер меняется и несет это амбре на людей.

— Павел, теперь, когда наше музыкальное сопровождение взяло паузу, и мы можем услышать дыхание твоего кота, который пускает слюни на мою рыбу, тебе лучше превратиться в цыгана. Нас тут никто задаром угощать не будет, воровство мне претит, поэтому мы, как бродячие артисты, устроим небольшое представление и заработаем на пропитание, ну сколько сможем. Если у вас есть другие предложения, то у нас есть еще время на обсуждение, — Кан зевнул, демонстрируя свое отношение к другим идеям. Возможно, поэтому никто и не стал противиться, а Павел принял облик Плута.

— Павел, а другой образ тебе на ум придти не мог? Это вредный человек, и с Бегунком он плохо обращался, смотри, как бы конь не перепутал, — сказала Татина.

Бегунок, подтверждая слова Татины, сразу же лязгнул зубами над Пашкиным ухом. Тот еле успел увернуться и не оставил гордому коню маленький трофей. Бегунок не успокоился малым, а предпринял еще одну попытку, потом ещё и ещё, до тех пор, пока Павел не принял свое собственное обличье.

— Извини, Бегунок, не знал, что для тебя это так важно. Попробую сейчас другой облик представить, просто Плута я запомнил по дружескому напутствию. Ну, будем вспоминать других лиц цыганской национальности — и обернулся кудрявым черноволосым человеком с огромным носом, устрашающе выпирающим вперед. Этакая помесь Будулая и Сирано де Бержерака. В дополнение к виду черноволосого цыгана на Павле переливалась ярко-красная ситцевая рубаха, на ногах синие шаровары и блестящие хромовые сапоги. И финальным аккордом прозвучало слепящее глаз здоровенное кольцо в ухе.

— Да тебе еще медведя не хватает для полной похожести на настоящего цыгана. Хотя ты можешь превратить в мишку своего кота, положив на него руку и представив какой нужен образ. Да и с котами в нашем мире ходят лишь колдуны, а мы же не хотим напугать стражу города? Хотя это превращение всего лишь до полуночи, но нам должно хватить. Ну-ка, попробуй! — Кан подмигнул Павлу.

Эй, минуточку! А меня кто-нибудь спросил? Может мне больше нравится оставаться небольшим и симпатичным котом, а не огромным косматым медведем. Как обычно, все мои возражения проигнорированы, а Павел лишь ответил: «Прости, Кешка, для дела нужно. И разве ты не хочешь почувствовать себя большим и сильным?»

После этого он взял меня на руки и, зажмурившись, повернул луч. В теле создалось неприятное ощущение, словно все органы одновременно зачесались, причем изнутри, и нет никакой возможности их почесать. Зато все предметы уменьшились в размерах, и теперь я доставал Павлу до пояса. А когда поднялся на задние лапы, чтобы привыкнуть к новому телу, то и вовсе оказался выше его.

Зря протестовал, как только я превратился в медведя, так сразу увидел испуг в глазах лошадей, и это было немного приятно. Они испуганно шарахнулись прочь, и Павлу с Татиной стоило большого труда их успокоить. Я просто не мог удержаться от небольшого хулиганства и слегка мяукнул. Мой мяв прозвучал грозным рыком, даже сам слегка испугался, а лошадей еще пять

минут пришлось успокаивать. За это я получил по ушам, хотя и не почувствовал никакого удара, но внушение принял во внимание и больше не пробовал петь.

Чуть позже, на городской стене показалось заспанное лицо и удивленно воззрилось на нас. Понаблюдав нас десять минут, в течении которых мы откровенно заскучали, лицо снизошло до разговора. Над этим лицом заканчивался оскал собачьей пасти, шлем очень напоминал собачью голову.

— Вы что ли здесь ревете? Чего вы здесь забыли? — любезно осведомился стражник.

— Для вас есть выгодное предложение!!! Мы бродячие артисты! Лишь голодные животы и пустые сумы заставили нас придти к вашему благословенному городу и потревожить ваш покой. Если будет нам позволено, то мы покажем нашу программу представления и двинемся дальше своей дорогой. Конечно, мы не забудем наших благодетелей, позволивших заработать на пропитание, и щедро вознаградим их за оказанную услугу, честно отдав треть сборов. А это минимум пять серебряных монет, это конечно не предел, которым мы желаем вас наградить… — Кан многозначительно замолчал.

— Ха-ха-ха! — громко рассмеялся стражник, — Эй, Монд, просыпайся, ленивое животное, тут у нас нарисовалось выгодное дельце! Подойди и послушай, оно без сомнения тебя заинтересует.

Рядом показалась еще одна голова в шлеме. Она усиленно терла глаза и что-то бурчала, наконец, закончив разминку лица, она обратила свой праведный взор к нашим скромным персонам.

— Чего вам нужно, бродяжки? У нас мирный город и хулиганств мы не терпим! — как можно строже сказал Монд, и я почему-то ему поверил.

Кан повторил предыдущую речь, что заставило расхохотаться и второго стражника.

— Ты сам сказал, что после представления должен отдать нам минимум пять монет. (Кан согласно кивнул) Все бродяжки известные лжецы и прохвосты, поэтому плату мы увеличиваем вдвое и будем всегда рядом, чтобы у вас не возникла мысль обмануть нас. Иначе вас ждет суровая кара! — стражник вновь расхохотался. Причину их веселья я понял гораздо позднее.

А в данный момент головы исчезли с горизонта и спустя некоторое время деревянные ворота опустились. Мы терпеливо ждали, когда это чудо инженерной техники упрется в землю. По скрипучему настилу прошествовали на другой берег ароматизированного рва. Сказать по правде я не удивился, почему горожане не боялись запахов рва, так как внутри пахло

еще хуже. Два стражника оказавшиеся довольно рослыми и толстыми ребятами, оглядели нас с ног до головы, затем переглянулись и снова заржали. Бегунок посмотрел на них и презрительно фыркнул, мол, мы и не так умеем.

Стражники одеты в серые латы, имитирующие мускулистые тела, из-под которых выплывали жировые складки настоящих тел. На головах упомянутые шлемы в виде собачьих голов, дружелюбно смотрящих на нас голодными глазами. Сзади шлемов спускались собачьи хвосты, если настоящие, то стражники не такие уж и плохие ребята. Оба с обвислыми усами и колючими глазками, три подбородка им придавали еще большее родство. В руках они держали алебарды, блестящие наконечники смотрели на нас.

Тот, кого назвали Мондом, махнул нам рукой, приглашая следовать за ним. Мы прошли внутрь города и мост с кряхтением ударил о стену за нами, отрезая путь к бегству.

Городишко оказался грязным и серым до ломоты в зубах. И жители ему под стать, такие же серые и хмурые, словно огромный художник нарисовал всю окружающую обстановку одним карандашом. Дома в основном двухэтажные, с лавками на первом этаже и амбарными замками на дверях этих лавок. Разного рода вывески скрипуче болтались на ветру, и то висящий бублик, то сапог, то шляпа задавала тон этой музыке. Стены домов в темных потеках и пятнах плесени, за ними явно не следили. То тут, то там валялись горы мусора и веселые крысы активно шебуршились в них, выискивая хотя бы что-нибудь съедобное. По своим размерам они не уступали мне, ну, когда я был котом. Да и сейчас я бы не хотел столкнуться с ними в глухом переулке. Одна крыса сорвалась с крыши дома и рухнула в общую кучу, съехав до самого низа на спине и тут же юркнув обратно в огромную щель, бегущую по стене дома снизу доверху.

Несколько десятков таких домов разместились вокруг большой площади, где виднелись обглоданные остовы торговых лотков, вероятно, там раньше проводились ярмарки. Сейчас самой главной достопримечательностью площади являлся большой постамент, на котором высилась перекладина со свисающими с нее веревочными петлями. Такой прекрасный пейзаж поистине навевал приятные мысли и давал лишний повод радоваться жизни.

— Вот тут вы и будете выступать, надеюсь, веревки вам не помешают, а наоборот помогут показать все самое лучшее. Не обращайте внимания, если они будут задевать вас по голове, а коней мы привяжем рядом. Никто их не украдет, да и нам спокойнее будет, — ощерился гнилыми зубами более

разговорчивый Монд.

К нам подошли еще несколько человек в доспехах и песьих шлемах. Оглядев нас с головы до ног, они узнали причину появления и потом, громко хохоча, разошлись по улицам собирать народ на представление. Стягивалось местное население, люди шли какие-то обшарпанные, грязные и худые. Отличить мужчину от женщины почти невозможно, так они похожи в своем убожестве. Самым большим потрясением для нас, хотя об этом и упоминала ранее Татина, было отсутствие в глазах каких-либо чувств и эмоций. Одна пустота, словно смотришь в тусклые глаза мертвой мыши и видишь свое отражение. Они как зомби столпились около виселичного помоста и уставились на нас.

— Давайте, бродяжки, начинайте представление, но помните о наших серебряных монетах, — песьи головы шлемов ухмыльнулись на выкрик Монда.

— Кан, если я до сей поры молчала, то лишь потому, что думала — ты знаешь что делаешь. Но из-за тебя мы влипли в настоящую историю, и ума не приложу, как из нее выбираться. Павел, какие у тебя по этому поводу есть соображения? — тихо проговорила Татина и повернулась к «настоящему» цыгану Павлу.

Тот отрицательно помотал кудлатой головой и вопросительно уставился на Кана. Кан хитро подмигнул и предложил нам последовать совету Монда, то есть показать на что мы способны. Ничего другого не оставалось, как подняться на постамент и поклониться присутствующим. В ответ бурно поприветствовала тишина.

Кан изъявил желание продемонстрировать свое умение первым, и мы отошли на край, чтобы не попасть под его колдовскую руку. Отшельник поднял вверх руки и завернул рукава, показывая, что в них ничего нет. Затем хлопнул в ладоши, и из них выпорхнула небольшая белокрылая бабочка. Она описала над Каном небольшой круг и вдруг вспыхнула огнем, сгорев в мгновение ока. Пепел, медленно кружась, опустился на подставленную ладонь, Кан накрыл её другой ладонью и поклонился. Тишина ничуть не изменилась, лишь со стороны стражников донесся звук зевка. Тогда отшельник сдернул одну ладонь с другой и в небо вспорхнул белый воробей и тоже пошел на круг над головой Кана. Я ожидал, что и он вспыхнет огнем, но моим мыслям не суждено было сбыться, а так чего-то захотелось жареного воробушка. Воробей на бреющем полете упал на ладонь и Кан прихлопнул его сверху. Когда же он поднял руку, то у него обнаружилась на ладони вяленая рыба. Так вот как он их добывал! Словно в подтверждение моих слов, Кан прикрепил

рыбу к остальной связке. Снова поклонился. Результат тот же. На все его фокусы ответом была мертвая тишина и пустые глаза местной публики.

Следующим номером нашего «зажигательного и ошеломительного» представления пошли акробатические номера Татины. Она изгибалась и подскакивала так, словно у нее в теле вовсе нет костей. Конечно, до меня ей далеко, но потенциал у девчонки есть. Пустые глаза публики все также бездушно созерцали ее кульбиты и прыжки. Лишь пара сглатываний у стражников при её шпагате и всё… но, как оказалось, она ещё имела оглушительный успех.

Никаких эмоций не возникло и при нашем выступлении, хотя я старался вертеться и крутиться в такт постукивающего каблуками Пашки. «Ламбада» от медведя прошла незамеченной. «Цыган» тоже старался зажечь публику выкриками и прихлопываниями. Я ходил на задних лапах, жонглировал бочонком, вернее катал его по помосту, и изредка порыкивал на орущего Павла. А он махал руками как одуревшая мельница, пару раз задел меня по носу, чем вызвал смех у стражников. Пришлось его слегка приобнять и пристально посмотреть в глаза, он в ответ кивнул, и мы поклонились неблагодарной публике. Чтобы вызвать хотя бы какую-нибудь эмоцию у апатичных зевак я рыкнул во всю глотку в их направлении. Люди безучастно посмотрели в мою глотку и даже не моргнули. Я с позором отошел к своим спутникам. Ну редкий пофигизм!

— А вот я не понял — это план такой? — спросил Павел у Кана. Тот кивнул, улыбаясь изо всех сил.

Стражники начали разгонять народ по своим домам, они послушно, как овцы, расходились и возвращались к своим прерванным занятиям. Никто не улыбнулся, не захлопал и… не кинул ни одной монетки. Площадь опустела, на ней остались только мы и стражники, которые приближались к нам со зловещими ухмылками. Запахло будущей битвой. Я грозно ощерился, благо настоящее состояние позволяло, Павел вытащил сапожный нож, а Татина кинулась развязывать лошадей. Кан же скрестил руки на груди и, исполненный достоинства, остался на месте, глядя на приближающихся псов-рыцарей. Те, увидев наши приготовления к хорошей драке, остановились и лениво вытащили из-за спин черные арбалеты.

С таким аргументом приходилось считаться, и мы застыли, ожидая дальнейшего развития событий. Вперед выступил улыбчивый Монд, остальные держали нас на прицеле.

— Ну что же, бродяжки, — ласково начал он, — мы собрали для вашего «фееричного» выступления весь находящийся в городе

люд. Вы выступили, публика смотрела внимательно и разошлась в полном восторге. Так что я считаю, что свою часть договора мы выполнили и вправе рассчитывать на положенную нам компенсацию. Где наши десять серебряных монет?

— Так вы же сами видели, что нам ничего не бросили! Можете взять свою плату у горожан, перед которыми мы честно выступили. Мы тоже свою часть договора считаем выполненной, поэтому вы можете дать нам в дорогу немного пищи и отпустить. Можно без прощальных поцелуев и объятий — мы не обидимся! — не выдержала Татина. Кан всё также спокойно стоял и не вмешивался в разговор.

— Невыполнение одной из сторон своих обязательств у нас считается преступлением, и по своей тяжести приравнивается к воровству. А уж если договор был заключен с представителями местной власти, то тяжесть преступления возрастает вдвойне! — монотонно, как будто повторяя вызубренный текст, произнес Монд. — Так что или вы платите нам положенную виру, или отправляетесь в веселое путешествие до Башни Безмолвия, а там уже своим трудом и полным раскаянием искупите совершенное преступление. Там все равно нам заплатят за поимку преступников, да еще и за ваших коней пять монет накинут. А медведя мы можем себе оставить — будет у нас на воротах стоять как пугало.

«Павел, я не хочу к ним на ворота, все же благородный кот, а не шавка дворовая. Принимай меры или я прыгну на них и погибну смертью храбрых, вот тогда пожалеешь, вот тогда заплачешь» — повернулся я к Павлу.

«Кешка, а что я могу? Вон их сколько, даже если применю амулет и орочье умение, то все равно они выстрелить успеют и неизвестно в кого попадут. А в полночь ты превратишься обратно в кота и догонишь нас, и даже если посадят на ошейник, то ты легко из него выскользнешь. Потерпи немного, для дела нужно» — подмигнул Павел.

Вот спасибо, друг еще называется, когда вернемся домой, я так тебе все припомню.

— Ну что пригорюнились? Мы вас силком не тянули, вы сами решили в нашем благословенном городе выступить. А пять положенных лет быстро пролетят, даже моргнуть не успеете, если конечно останется чем моргать! — заржал первый встретившийся нам стражник.

Кан посмотрел на Павла, на Татину, мельком взглянул на меня и каждому одобрительно кивнул.

— Мы согласны на ваши условия, досточтимые стражи порядка. Наша вина в том, что мы так опрометчиво посулили

невозможное для этого прекрасного города, и в частности достойных стражей, и готовы понести должное наказание. Просим вас препроводить наши лживые персоны в Башню и восполнить потраченные на нас время и нервы путем получения достойной награды. Мы смиряемся и надеемся, что это будет учтено по всему пути нашего пленения, — поклонился стражникам Кан.

— Эх, а так хотелось, чтобы вы немного посопротивлялись. Вы поймите — мы не со зла, но так давно не чесали кулаки… — Монд притворно вздохнул, а мне захотелось предоставить ему такую возможность, пока я в теле медведя.

Но, увы, раз Павел запретил, то приходится сдерживаться, лишь пару раз рыкнул для порядка. Забавно наблюдать, как стражники подходили ко мне со своим ошейником. Давно я не видел подобного пиетета по отношению к своей скромной персоне, да признаться честно — никогда не видел. Все время лишь тычки и гонения, ну не могут понять люди, что вор не я, а моя природная сущность. Лишь она толкает на мелкие преступления, а сам бы я никогда, не-е-ет, что вы что вы! Стражники подошли ко мне сбоку и стали решать — кому первым испытать судьбу. Так и не придя к общему согласию, они, вежливо потрясая арбалетами, попросили Павла свершить это черное дело. С каким же вселенским укором я смотрел ему в глаза, от моего уничижительного взора могло скиснуть самое свежее молоко и лишиться листвы молодое деревце. Павел, пряча глаза и ежеминутно извиняясь, все-таки надел на меня этот символ рабства и подвел к вбитому в стену кольцу. Там, как какую-то дворняжку, посадил на цепь и увернулся от проявления сдавших нервов, то есть от мощного шлепка по филейной части. Зато моя левая нога подогнулась, и я ткнулся мордой в дорожную пыль — непередаваемые ощущения, даже выть захотелось.

Стражники заржали над моими действиями, похоже, их веселило всё, что связано с насилием и болью. Когда смех утих, они с поклонами встретили появление тележки с установленной на ней клеткой. Её тащили четверо пустоглазых горожанина. Также флегматично, как и все их действия, они выкатили тележку на площадь и, бросив слеги, отправились восвояси, безучастные и равнодушные ко всему.

— Сейчас, многоуважаемые преступники, вам предстоит сдать оружие и поклажу, что у вас есть. В пути вам оно все равно не пригодится, а нам спокойнее будет — не порежетесь, неудачно повернувшись во сне. Надеюсь, вы не будете против, если мы вас обыщем? — Монд подмигнул Татине.

Та скорчила рожу и достала засапожный нож, кинула его

перед Мондом, затем отстегнула поясной кинжальчик и добавила к ножу. Потом развела руками, показывая что больше ничего нет. Один из стражников вознамерился провести обыск, Кан остановил дернувшегося Павла и показал взглядом на меня. Я понял без слов и начал показывать взбесившегося котенка, то есть прыгать, рваться и рычать на все движущееся.

— Не касайтесь ее, пожалуйста, у нее больше ничего нет, а зверя вы донельзя разъярите. Потом сами будете его успокаивать, и я не думаю, что вам это скоро удастся! — подал голос Кан. Монд мотнул головой, и стражник отказался от своей затеи, зато грубо сорвал с плеча Кана его сумку с травами.

— Что это? Какое-то сено, лошадей этим кормишь? — спросил он у Кана.

— Нет, добрый страж, это приправы к еде — люблю себя побаловать хорошей пищей. Можешь попробовать сам, если сомневаешься, вот перченый каст, вот луковый росток — приятный на вкус, а потом острое послевкусие, — Кан начал показывать на различные травы. Стражник попробовал, потом побагровел, заплевался и пустился бежать к колодцу. Там он на пять минут приник к ведру и только потом оторвался, изрядно побледневший и отдающий в синеву.

— Может кто еще хочет попробовать, так угощайтесь, мне не жалко! — повернулся Кан к остальным стражникам. Те отрицательно замотали головами, но и сумку не вернули. Похлопали по карманам, по телу Павла и Кана, к Татине подходить не стали. Монд повертел немного в руках Пашкин амулет.

— Это память о родителях, она ничего не стоит, но мне очень дорога. Вы за эту безделушку не выручите ничего, в ней нет ни грамма золота или серебра. Прошу вас оставить её, достойный страж, — проговорил Павел. Ого, в нем проснулась актерская способность. Молодец!

Монд еще немного посмотрел на амулет, затем отпустил ее и похлопал Павла по щеке, мол помни мою доброту.

— Путь нам предстоит неблизкий, горожан на весь путь не хватит, да их еще и кормить нужно, так что давайте-ка запряжем в тележку ваших лошадушек, пускай они и везут вас на искупление грехов. А заодно и сами на продажу пойдут. Так как мы обнаружили вас первыми, то мы и будем провожать до Башни, дабы вы не скучали по дороге. Конечно, такого фееричного представления какое показывали вы, мы обеспечить не сможем, но пару анекдотов рассказать в наших силах. Так что милости просим в вашу благоустроенную обитель, в которой вам предстоит провести несколько незабываемых деньков, — и с

издевательским поклоном Монд простер руку по направлению к клетке.

Кан взглядом велел молчать открывшей было рот Татине и первым залез в клетку. Тележка отозвалась скрипом и кряхтением, клетка на ней сделана из проржавевших прутов, скрепленных между собой мощными кольцами. В целом клетка являла собой монументальное сооружение, и представляла оплот надежности и сохранности. Следом за Каном туда залез Павел, немного погодя завалилась Татина, но перед этим выторговала несколько охапок соломы, для мягкости поездки. Солому принесли и бросили на пол клетки, затем на клетку накинули рваную дерюгу. Как объяснил Монд, для сохранности товара, а то добропорядочные граждане, кипя от праведного гнева, могли закидать злостных преступников. Оказалось, что проезжая через другие населенные пункты, и отказывая другим стражникам в доле от продажи живого товара, они навлекали на себя гнев местных властей и те подговаривали население кидать камни в преступников, частенько забивая их насмерть. Вот из-за такой предосторожности и была накинута завеса.

Но началу пути воспрепятствовало поведение Бегунка. Этот житель вольных полей и птица свободного полета никак не хотел идти в упряжь, всячески давая отпор попыткам накинуть на него дугу. Уже не один стражник сложился пополам от его метких ударов копытом, пришлось Монду снова прибегнуть к помощи Пашки. Тот вылез из тележки и с большими уговорами и мольбами все же убедил Бегунка встать под рабское ярмо. Похоже, в этот день дружба Пашки с животным миром в наших лицах, или лучше сказать мордах, претерпела жестокие испытания. Ох, и вспомнится же ему это, ох и вспомнится.

Между тем, запряженные лошади тронули с места скрипучую повозку и путешествие в сторону Башни началось. Я проводил их тоскливым взглядом, пола дерюги дернулась, показалось Пашкино лицо, он мне ободряюще подмигнул. Я же в ответ ему ободряюще прорычал так, что от меня шарахнулись стражники. Монд и первый стражник, сопровождающие моих друзей, обернулись и, что-то проговорив друг другу, громко заржали. Мост поднялся и скрыл от меня древнюю повозку.

— Ну что, голубчики, будем знакомиться — меня зовут Иннокентий. Великий и ужасный! Так что лучше не тревожьте лишний раз понапрасну. Ваши имена мне не интересны, единственное, что меня интересует, так это когда будет обед? — зарычал я.

Меня не поняли, и в дальнейшем старались держаться подальше. Даже поесть не принесли, может зря я так грубо?

Весь день не произошло ничего интересного, я подремал, снова попытался попросить пищу. Бесполезно, так и сидел весь день голодный, зато не трогали и обходили стороной. Полузомби-горожане сновали туда-сюда, на автомате выполняя повседневные заботы. Разговор вели только стражники. Разговаривали о женщинах, не обманут ли их провожатые моих друзей с деньгами и когда же наступит светлое будущее. Все остальные сновали молчаливые, как рыбы за пазухой у Кана. Так что я откровенно скучал, никто не приехал, никто не уехал, рычать на стражников в скором времени надоело, и я принялся просто ловить мух. Казалось, весь город одномоментно уснул и забыл проснуться. Скукотища!!!

Наконец-то повеяло наступлением вечера и унылую серость города покрыли сумерки, все больше и больше закрывая от глаз грязь и темные потеки на стенах домов. Горожане отправились по домам, и весь город вымер, нигде ни огонька, ни движения. Стражники еще поиграли в кости, причем на деньги, полученные от выручки за пленников, и тоже отправились в сторожку. Через небольшой отрезок времени оттуда донесся слаженный громогласный храп. Это были единственные звуки вымершего города, им вторили скрипом выцветшие вывески перед трактиром и булочной. Даже цикады и сверчки не решались вносить свои трели в эту музыку безнадежности.

Темнота полностью накрыла черным одеялом город. Неминуемо приближалось мое освобождение, и я начал потихоньку подергиваться, в надежде раскачать кольцо на стене и поскорее освободиться от опостылевшего ошейника. Признаюсь, это удалось бы мне не скоро, когда я в один момент уменьшился до привычных размеров и приземлился на четыре лапы. Эх, жаль меня не видели домашние коты в медвежьем обличье, тогда бы я смог спокойно ходить по всему городу, а передо мной расступались бы самые отвязные забияки. Да-а, в чем-то я становлюсь похожим на Павла, он тоже мечтает показаться с амулетом в школе.

Вот вспомнил его, а он уже тут как тут, неожиданно материализовался предо мной. У меня от испуга даже шерсть встала дыбом, вроде нет никого, и тут материализуется мой друг.

— Ну что, Кешка, соскучился? Не прыгай на меня, это была тактическая хитрость. Кан объяснил по дороге, что мы беспрепятственно сможем проехать до Башни, минуя города и села, и не объясняя всем и каждому — куда мы идем и с какой целью. Татина еще поворчала, но в итоге признала его правоту. Так что и ты должен понять меня, почему я тебя оставил, клянусь — больше такого не повторится! — и Павел поднял вверх правую

руку, а левую положил мне на голову.

Насмотрелся, блин, иностранных фильмов, вот и выпендривается теперь. Я ему высказал все, что думаю о нем, Кане и стратегах доморощенных, но вряд ли его это проняло. Потому постарался царапнуть, но злосчастный амулет не дал мне этого сделать, а ощутимо дернул лапу в сторону. Ну как на него не сердится, если даже ударить нормально не можешь? Оставалось только плюнуть, что я и сделал, с некоторым удовлетворением заметив, что мое выражение чувств попало на потрепанный кроссовок Пашки.

Тот сделал вид, что не заметил и повернулся к храпящей сторожке. Там как раз выводились очередные, не соловьиные, трели. Павел немного постоял, почесал затылок и, приняв решение, повернул луч и пропал. Через несколько минут, когда я уже начал беспокоиться о нем, Павел появился с кульком в руках, из которого доносился заманчивый запах еды. Желудок ожесточенно заурчал, напомнив о том, что обед и ужин благополучно его миновал. Он даже заставил тело униженно подпрыгивать около Пашки, как в старые времена, когда я еще маленьким котенком выцыганивал лакомые кусочки на кухне.

— Ну ладно, Кешка, хватит оваций, нам еще наших догонять. Давай, прыгай на руки, и понеслись по кочкам! — Павел протянул мне распростертые объятия.

Я нехотя, с выражением глубоко попранного чувства гордости, забрался к нему на руки, и началось чередование образов. Только что мы стояли у ворот и вот уже стоим на крепостной стене, миг и мы уже на другой стороне рва, еще пара мгновений и город скрывается из виду. Мы продолжаем движение к цели, совершенно не нужной нам, но такой необходимой живущим здесь. Холодок то и дело пробегает по коже, когда Павел поворачивает луч амулета, в конце концов, он сливается в один непрерывный сквозняк…

Глава 9

Показалась достопамятная тележка, наши лошадки и догоревший костер, возле которого притулились укрытые плащами стражники. Их сопение навевало тоску и уныние. Полянка, на которой они остановились, залита светом луны. Каждый листочек четко очерчен мертвенным светом, каждая лужица стремилась отразить лунные лучи обратно, каждая травинка колыхалась под ветерком неспешно и величаво, словно представляла себя огромным дубом под напором урагана. Вся картина насыщена каким-то ненатуральным пафосом, словно преследовала цель вселить в сердце робость и заставить преклониться пред обаянием ночи. Странно, как же я раньше этого не замечал, может, не до этого было во время любовных и воровских похождений.

Мы на цыпочках проскользнули мимо безмятежно спящих охранников и подобрались к клетке. Там шепотом переговаривались Татина и Кан. Я бы конечно не прочь и подслушать, о чем ведется беседа, но у Павла на этот счет свои соображения. Он приподнял полог и начал передавать продукты из принесенного кулька. Нас встретили приглушенные радостные возгласы, оставалось надеяться, что это радовались нам, а не принесенной пище. Потом Павел взял меня на руки и повернул луч на амулете, холодок снова скользнул по коже, а затем я очутился на полу тележки. Все вдруг стали такими большими и некрасивыми, спустя мгновение возле меня полилась вода. Я из-за врожденной водобоязни отпрыгнул в сторону, но оказалось, что так просочился Павел. Понятно как он смылся, в прямом смысле этого слова, из клетки. И вот он уже встает из воды в образе цыгана (не может не покрасоваться перед Татиной), и садится радом с остальными.

Но я-то не вырос!!! И, когда попытался обратить на это внимание, из моей груди вырвался тонкий писк. Я стал мышью??? Придирчивый осмотр подтвердил мои худшие опасения, безволосые лапки и голый хвост внесли окончательную ясность. Ну держись, Паша!!!

«Кешка, остынь!!! Не могу я тебя по-другому замаскировать, подумай сам — мы едем втроем, и тут у нас неведомо откуда возникает кот. Это, по меньшей мере, странно, а по большому счету пахнет колдовством. Подожди немного, вот доедем, и я верну тебе привычный облик. Иначе никак нельзя!» — поймал меня за шкирку Павел.

Я еще минут пять побрыкался, стараясь добраться до

вожделенного носа и откусить кусочек, затем остыл и велел накормить мое оскорбленное существо. Дулся до конца дороги, даже пожертвованная мне рыбка не вернула хорошего расположения духа. Надо же — мышью!!! Тем, кого я ел и впредь буду есть! Да как у него рука поднялась? Да как у него смогла такая мысль возникнуть??? Но это все мои эмоции, тем не менее, должен же кто-то вам рассказать, что произошло дальше.

А дальше я утащил рыбку за хвост в самый дальний угол клетки и зарылся в солому, но уши продолжали все фиксировать. У людей возникло небольшое совещание, решали, как действовать дальше. Первым взял слово наш великовозрастный стратег.

— Надеюсь, вы уже поняли, зачем нам необходимо было выступать в этом «благоухающем» городе? Чтобы беспрепятственно и минуя ненужные расспросы добраться до Башни. Как видите, мой план сработал, и моя ставка, сделанная на людскую жадность, сыграла в полной мере. Да и Гариона оставшиеся стражники пустят по ложному следу. Опять же сыграет жадность — они не захотят отдавать свою долю просто так. Теперь мы со всеми удобствами доберемся до Башни Безмолвия, — Кан удовлетворенно погладил бородку.

— Сомневаюсь, что мы с большими затратами добрались бы и не заходя в этот город. Ведь они могли и выстрелить в нас, а такая дырка мне не нравится, да и одежду латать потом. Единственное, что там удалось добыть хорошего, так это пища, которой нам хватит на пару дней, спасибо Павлу за это, — хмыкнула Татина, и было непонятно, то ли она похвалила Павла, то ли упрекнула, что так мало принес.

— Татина, я считаю, что ты не права. Кан уже много лет живет на свете, и я думаю, научился разбираться в людях. Тем более другого плана у нас не было, а так мы проникнем в Башню легко и непринужденно, не беря её приступом и измором. К тому же не стоит забывать о преследующем нас старичке с зелеными глазами. Кстати, Кан, а как он стал главным магом? — спросил Павел.

— Его видели с Корнем, потому и допустили ко двору. Потом он смог пробиться в гильдию магов, сведя знакомство с племянником Пемуса, нынешним королем Стимом. Стим просил за него у короля и тот не смог ему отказать, на свою беду. В гильдии Гариона посвятили во все тайны, которые открыли людям водники и также в те магические изыскания, которых смогли добиться сами. Да, Павел, люди тоже смогли урвать у природы свой кусок знаний. Но потом он начал ставить опыты на тех, кого гильдия магов поклялась всегда защищать и работать на

их благо, то есть на людях. Он подбирал нищих с улиц, по его указке воровали новорожденных, вынимал из петель приговоренных к повешению. Никто не знает, чем заканчивались его опыты. Когда же открылось похищение пятерых младенцев, то Пемус Справедливый повелел схватить его и самому испытать участь вынутых из петли. Гарион успел скрыться, и целый год о нем не было ничего слышно, пока неожиданно не умер от отравления король. Причем он отравился утренней овсяной кашей, что не может не настораживать. И после пышных похорон, когда на престол взошел Стим, появился и Гарион. Новоявленный король сделал его самым приближенным лицом и с его подачи начал войны с другими государствами… — проговорил Кан и осекся, когда в стенку тележки ударили сапогом. Удар довольно силен и настолько неожидан, что я подавился хвостом обгладываемой рыбы.

— Хватит там перешептываться, поспать не даете, бродяжки. Тащись с вами теперь не в ближний свет, а вы не цените этого, спать мешаете. Вставай, Монд, пора в дорогу!!! — проворчал стражник.

— Тебе бы еще трубу, цены бы не было в армейских казармах, пока эту же трубу не запихали бы в другое, издающее не менее непотребные звуки, место. Ну ладно, встаю, встаю, — Монд, судя по звукам, с хрустом потянулся и начал копаться в мешках.

— А нас вы не забыли? Вряд ли вам много дадут за голодных и уставших рабов, — спросила Татина в надежде на завтрак.

— Ничего, ничего, лечебное голодание еще никому не мешало. А голодный блеск в глазах лишь придаст вам вид готовых на все, что еще больше поднимет цену! — с набитым ртом хохотнул Монд.

Утро начиналось великолепно. Уже сделали мышью, чуть не подавился рыбой и едва не выколол себе глаз соломинкой. Боюсь представить, что принесет нам так прекрасно начинающийся день. И ближе к обеду мои тревоги подтвердились.

Послышался запах дыма, а через некоторое время донесся окрик откуда-то сверху. Я посмотрел в прореху в нашей накидке и обнаружил, что мы подъехали к высокой крепостной стене. Городу Карду, как пояснил нам позже Кан. Тут не было рва, зато высокие стены в своей мрачной неприступности могли сдержать не один натиск врагов.

— Монд, волчья морда, ты снова здесь! Кого на сей раз притащил? А ещё и Истрит с ним, вот уж двух более прожженных типов и встретить невозможно, даже дышать воздухом с ними рядом опасно — он может быть отравлен, — донеслось со стены и дальше грянул хохот из десяток глоток.

— А-а-а, Торд-баламут, как всегда веселишься и злословишь? Когда-нибудь от хохота лопнешь. Может, тогда мир вздохнет чуть свободнее! — парировал Монд.

— Открывайте ворота! Нам некогда с вами балагурить и так оставили свой город по серьезному делу, чрезвычайной служебной надобности! — произнес второй стражник по имени Истрит.

— Если надобность так уж серьезна, опасна и трудна, то мы вполне можем предоставить вам ночлег и отдых, а сами сопроводим телегу до места назначения, — сказал Торд со стены. Все остальные притихли, ожидая ответа Истрита, но первым успел ответить Монд.

— Нет, что ты, Торд, не стоит себя так утруждать, мы и сами в состоянии препроводить эту жалкую тележку до соседней деревни. Тут у нас навоз и везем его к моей матушке, а Истрит вечно торопится, вот и попытался ввести вас в заблуждение, — проговорил Монд, незаметно тыкая напарника в бок.

Тот замолчал, проглотил слова и даже не подавился, к моему огорчению. Ворота со скрипом открылись, и тележку дернуло. Мы не торопясь въехали в город. Мои спутники прильнули к дырам в стремлении рассмотреть, куда это мы приехали. Монд шепотом велел молчать и не издавать ни звука. Город похож на предыдущий богатством красок и эмоциями на лицах людей. То есть полнейшим отсутствием и того и другого. Зато стражники точно в таких же доспехах, как и наши сопровождающие, даже выражение собачьих морд на шлемах не изменилось — такое же злобное и кровожадное. Однако лица стражников лучились доброжелательностью и до ушей растянуты в улыбках, хотя глаза холодны как лед и колючи как сорок кактусов. У нас жил одно время кактус, пока я не решил попробовать его на вкус, и потом, обиженный его подлостью по отношению к моему нежному носу, сбил горшок на пол. За эту живую игольницу я здорово огреб по ушам, но зато запомнил, что не все в этом мире можно попробовать. Так что мне есть с чем сравнивать их взгляды к нашему каравану.

— Дружище Монд, я знаю, где живет твоя матушка, поэтому буду рад услужить тебе и привезти старушке ароматный подарок от сына. В награду, да и за прошлые долги, ты можешь пожертвовать нам этих двух старых кляч — проговорил, распахивая дружеские объятия, высокий стражник.

Бегунок возмущенно заржал, обидевшись на такое нелестное высказывание, но никто не обратил на него внимания. Тогда он тихонечко подождал, пока высокий пройдет мимо него и нежно наступил ему на ногу. Стражник взвыл и минут десять изощрялся

в высказывании разнообразных ругательств, Павел шевелил губами, запоминая особо эмоциональные. Бегунок был счастлив, его желтые зубы, казалось, разом стремились вырваться наружу в довольной улыбке. Наконец страсти улеглись, Баламут ожег Бегунка ненавидящим взглядом, но больше ничего не сказал. Наши стражники прятали ухмылки и сочувственно качали головами.

— Торд, так о каком долге идет речь? Ведь всем, кому я должен, я прощаю! — все еще пряча улыбку, сказал Монд.

— Монд, ты два раза провозил по нашей территории тележки, наполненные явно не навозом. Первый раз ты обошел на обратном пути наш город за тридевять земель, лесами и огородами. Второй раз, когда мы послали с тобой нашего бойца, ты подсыпал ему в пищу снотворного и оставил спать под липкой, и по проторенному пути вновь прогулялся огородами и лесами. Теперь же мы почему-то решили тебе не доверять и отправиться вместе, до самого финала путешествия. Вдруг нападут разбойники с целью похитить драгоценный груз, а когда узнают, что это за груз, воткнут вас в него вверх ногами. Ну а вместе мы запросто сможем отбиться, и твой навоз доедет до матушки в целости и сохранности, — криво улыбнулся Торд, все еще потирая ушибленную ногу.

— Торд, в этот раз я обязательно отдам долю за навоз, даже могу килограмма три насыпать сверху. Клянусь головой своего напарника, — Монд подмигнул ощутимо побледневшему Истриту. Тот икнул и отрицательно замотал головой.

Торд отогнул полог и заглянул в нашу скромную обитель. Я нырнул обратно в прореху, чтобы увидеть, что там творится. А там Татина показала ему язык и помахала рукой, приглашая залезть в кибитку. Кан и Павел обреченно смотрели на стражника, всем своим видом показывая смирение и покорность.

— А кто это тут у вас? На навоз не очень похоже, но если их не выпускать для отправления естественных надобностей, то вскорости они смогут обмануть нюх и вам будут охотнее верить на слово. Тем более, вас нужно проводить, — Торд подмигнул Татине.

— А если я оставлю своего спутника, — торопливо начал Монд, видя что Торд с укоризной покачивает головой, — а потом на обратном пути заберу его и отдам все дол… — договорить он не успел, полетев на землю от мощного тычка по шее. Истрит довольно причмокнул языком и склонился над поверженным, угрожающе подняв кулак.

— Все понял, осознал и каюсь! — примиряющее поднял руки Монд. — Это лишь минутная слабость, клянусь — такого больше

не повторится.

— Вот и договорились! Я возьму с собой брата, мы поедем чуть в стороне от вас и питаться будем отдельно. Кстати, ты, — обратился Торд к проходящему мимо чумазому мужчине в лохмотьях, — принеси еды на три дня мне и моему брату.

Мужчина с ничего не выражающим лицом развернулся и побрел обратно. Стражники проводили его взглядами и стали обсуждать последние новости: как один ушел в лес и не вернулся, потом двое упали в реку и не смогли выбраться, а тому ворона капнула в глаз и он ослеп. Вскоре запас новостей иссяк, и к этому времени вернулся посланный за едой. Баламут придирчиво осмотрел все припасы и, обнаружив среди них яблоко с червоточиной, что есть силы саданул посланца по лицу. Человек упал как тряпичная кукла, затем поднялся и побрел обратно, не обращая никакого внимания на падающие с носа капли крови. Капли, соприкасаясь с поверхностью, взмывали маленькими фонтанчиками вверх, а потом вновь припадали к булыжной мостовой, оставляя на ней алые кляксы. А Торд, уже забыв о нем, приторачивал к задку нашей телеги принесенные сумки так, чтобы до них не дотянулась рука арестанта. Судя по сноровке, с которой он это проделывал, опыт у него богатый.

Сборы были недолгими, лошади даже поесть не успели из кормушек, подвешенных на морды, как их потянули вперед.

— Скоро вернемся, братцы, не скучайте! — Торд махнул рукой и мы тронулись через город.

Мы пронизали Карду насквозь и вышли через другие врата. Город, как и первый увиденный нами населенный пункт, словно покрыт серой пылью, все краски казались блеклыми и выцветшими. Проходящие люди безразлично шли мимо, не обращали на нашу процессию никакого внимания. А нас провожали уже четыре человека — поневоле наполняешься чувством собственной значимости, и чуть-чуть пониманием глубины человеческой жадности. Стражники распрощались со стоящими на северных вратах, им пожелали удачи и захлопнули ворота.

Мы двинулись дальше и вскоре снова въехали в лес. Павел о чем-то тихо шептался с Каном, Татина дремала, а меня все больше и больше донимала одна мысль — почему жители ходят какие-то зомбированные, а стражники живут, скалятся и горят желанием урвать свой кусок и потолще. И зачем стражникам нужны монеты, если и так могут получить всё что захотят? Вот эту мысль я и выложил Павлу, а его, оказывается, мучили такие же соображения. Он их озвучил перед Каном, но тот лишь пожал плечами в ответ.

— Людская жадность всегда входила в поговорки, а уж те, кто привык к золоту, вряд ли откажутся от него, даже тогда когда оно совсем не будет нужно! — меланхолично произнес Кан.

Павел посмотрел на Кана, но ничего не смог возразить. Татине опять что-то не нравилось, и она просто дулась на всех. Может быть, заранее на что-либо обижалась, в любом случае и она не противоречила высказыванию нашего многомудрого спутника.

В этот день мы проехали еще одно поселение, и к нам присоединились еще двое стражников, когда-то обманутых Мондом. Похоже, им совсем было нечего делать, а тут какое-никакое развлечение. Кормить нас в этот день никто не собирался, и мои спутники потихоньку питались Пашкиными припасами. Я по природе своей, то засыпал, то просыпался на остановках, когда был привал или выводили по нужде пленников.

Татина на таких остановках веселилась вовсю. Если с мужским полом всё предельно ясно — достаточно упереть в спину копье и ждать окончания процесса, то с Татиной стражники вдоволь намучились. Ей приказали непрерывно разговаривать, как только она зайдет в чащу, чтобы слышать голос. Как только дали такое указание, то сразу же начали об этом жалеть — такую отборную брань я давно не слышал. С тех пор, как лицо кавказской национальности попробовало на местном рынке обвесить нашу Маргариту Павловну. В итоге он, полуконтуженный децибелами, отдал в три раза больше положенного, и от щедроты южной души в нагрузку подарил арбуз. На следующий день он переехал на другой рынок и говорили, что остался заикой после встречи с разъяренной русской женщиной. Вот такую же брань Татина изливала на наших сопровождающих. Те пытались огрызаться в ответ, но разве можно снежками остановить идующую лавину? Как оказалось, бить пленников нельзя — один стражник обмолвился, что за каждый синяк или ушиб снималась денежка. Татина едва это услышала, тут же начала пользоваться своей неприкосновенностью. Может, поэтому ее старались выводить реже остальных?

На ночь мы остановились на небольшой полянке в лесу. Закрапал мелкий противный дождик из той породы, что сперва не замечаешь, но через пять минут уже мокрый насквозь. Добрые и жалостливые стражники, радея исключительно о том, чтобы доставить пленников под здоровой и, в первую очередь, сухой охраной, сдернули с нашей клетки покрывало и устроили из нее навес. Татина, в ответ на эти действия, подняла такой ор, что стражники, которым она и так все нервы истрепала за день,

отогнали телегу к большой и развесистой ели. Защита от дождя небольшая, но все же лучше, чем ничего. Стражники поели, мои спутники поглотали слюнки, в общем, ничего интересного. Я, пользуясь своими размерами, юркнул Павлу за пазуху. Тепло, уютно, а главное сухо, там меня разморило, и я заснул. А ведь Кан предупреждал, да и сам я оборачивался из медведя в кота, почему же сейчас об этом забыл?

Ай-ай-ай, как же нехорошо получилось. Неожиданно закончилось пребывание вашего покорного слуги в теле мыши, и это внесло переполох в наше уютное гнездышко. Тяжелые еловые лапы, обхватившие нашу телегу с трех сторон, усиливали ощущение гнезда, в котором вылупился птенчик. То есть я.

Что было бы с вами, если бы у вас под мышкой неожиданно надулся воздушный шарик? Вы без сомнения взмахнули бы рукой, это же сделал и Павел. Однако, на свою беду, на его плече прикорнула Татина. Вот тут-то вся катавасия и началась.

От мощного взмаха Пашкиной руки Татину унесло противоположной стенке клетки. В полете её слегка развернуло, и она вошла головой вперед точно между прутьями решетки. Её красивый и запоминающийся полет я увидел как раз в тот момент, когда моя голова очутилась на свободе, а просыпаемся мы, коты, на порядок быстрее людей.

От удара Татины о край клетки, тележку ощутимо качнуло, и из-за этого проснулся дремавший Кан. Он моментально оценил обстановку и внес свою лепту в веселую неразбериху. Увидев, что Татина набирает полную грудь воздуха для того, чтобы адекватно и громко описать место, где она оказалась, свое отношение к тому, из-за кого она здесь оказалась, и заодно пройтись по родственникам всех тех, кто оказался рядом, он решил этому воспрепятствовать. Так как добраться до рта и заткнуть его уже не представлялось возможным, он дотянулся и ущипнул ту часть тела, которая была ближе к нему.

Татина, возмущенная таким надругательством над своей персоной, и убежденная, что все это затевалось ради щипка её филейной части, начала жестоко мстить. Предусмотрительный Кан тут же слинял от изображавшей ветряную мельницу Татины в другой угол клетки. Я тоже не остался внизу, а птицей взмыл вверх и ухватился за верхнее перекрытие клетки, откуда, головой вниз, продолжал наблюдать за происходящим. Павел не успел ни смыться, ни взмыть и был награжден за свою нерасторопность мощным ударом ноги в челюсть. Он не менее красиво, чем Татина пролетел по воздуху и занял аналогичную ей позицию между прутьями решетки, только лицом вверх. Затем слегка отключился. Секунд пять я смотрел в его пустые глаза, потом в них мелькнул

зачаток мысли. Еще через десять секунд мысль о свободе полностью сформировалась, и он попытался вынуть голову из западни, однако успех был столь же велик, как и у Татины. Уже две головы торчали по разные стороны телеги, оставалось присоединиться Кану, и полная композиция во славу идиотизма была готова.

— Тихо, Татина, стражников разбудишь. То-то они удивятся увиденному, да и поржут заодно на бесплатное представление, — прошипел тем временем Кан все еще машущей руками и ногами Татине. — Сейчас мы тебя освободим, не дергайся.

Татина, представив, какую возможность отыграться за дневную брань она подарит стражникам, тут же притихла. После этого Кан повернулся к Павлу.

— Воспользуйся амулетом, не для красоты же ты его носишь, — также тихо, как и в первый раз, прошипел благородный старец.

Павел тоже перестал сотрясать тележку и протянул руку к амулету. Пахнуло знакомым холодком, и Павел на глазах раздался в плечах, под затрещавшей джинсовой одеждой забугрились заметно выросшие мускулы. Он взялся двумя руками за прутья решетки и легко, словно они были сделаны из воска, разогнул их в разные стороны. И, освободив таким же образом Татину, вновь придал прутьям первоначальное положение.

— Вообще-то я имел в виду, что ты станешь водой, но такой вариант тоже годится, — прошептал одобрительно Кан.

— Прости, Татина, мысль о превращении Кешки обратно в кота совсем вылетела у меня из головы, — извинялся Павел, глядя в гневные глаза нашей пострадавшей спутнице.

— Ага, зато мне основательно влетело, — потиравшая шею Татина, ткнула Павла в бок острым локотком.

Так как Павел был с орочьим боевым умением в теле, то вряд ли это доставило ему больше неудобства и боли, чем дуновение весеннего ветерка. Но почему тогда у меня не получилось его ударить, когда я находился в теле медведя? Или амулету требуется подзарядка? Может попросить Павла поэкспериментировать с ударами Татины? Нет уж, не сейчас, а то она в таком состоянии, что и убить запросто может.

— Отбой и всем постараться уснуть, — на правах старшего скомандовал Кан. — Нам завтра улыбнется Башня Безмолвия, так что нужно отдохнуть перед знакомством с ней. И будь любезен, Павел, перестань надуваться и пыжиться, прими тот облик, в котором тебя впервые увидели стражники. И кота заодно не забудь обернуть мышкой, можно летучей — видишь, как ему нравится висеть вниз головой.

Я тут же слетел вниз: «Павел, не смей! Такого позора я не переживу!! Разорвется же и без того настрадавшееся сердце!!! В мышь еще можешь, но в летучую даже и не думай, а то всю дорогу буду ползать у тебя по голове».

«Успокойся, все нормально, никто тебя не будет оборачивать в летучую мышь. Как только будет возможно, так тут же получишь свой первоначальный вид» — уговаривал меня Павел и даже попросил рыбку у Кана, для успокоения разбушевавшегося меня.

Против нее я не смог устоять, утащил вкусно пахнущую рыбеху за хвостик в уголок и скомандовал: «Я готов, колдуй!» Снова холодок, все моментально увеличилось, Павел принял облик цыгана, а я юркнул в свой угол. Спящие стражники так и не проснулись от наших действий, а мои спутники не горели желанием все рассказывать им о происшедшем. Так все и осталось между нами и развесистой елью. Татина еще немного пошипела, но скоро сон сморил ее, и мы опять забылись легким сном.

Раннее утро преподнесло мне неожиданный, но очень приятный сюрприз. Сперва меня разбудил голодный желудок, ему по секрету сказал любопытный нос, что рядом находится ароматно пахнущая рыбка, которая ждет, когда в нее вонзятся зубы. Нежелающий мириться с такой вопиющей несправедливостью, (мол, он голодный, а рядом продукты пропадают) желудок начал активно будить. Сквозь сон я слышал, как он бурчит, но не обращал никакого внимания. Тогда он стал тягуче посасывать и даже пытался склеивать свои стенки, но я так разоспался, что вытерпел и эти поползновения. В конце концов, мозг сжалился над страданием коллеги по телу, и приказал остальным членам организма, в обход моего спящего сознания, накормить-таки голодный желудок. В итоге я проснулся, уплетая за обе щеки чудесную, восхитительно пахнущую рыбью икру. И это было приятно.

Потом, когда я насытился, то решил поваляться до восхода солнца и полюбоваться на звезды. Меня всегда на сытый живот тянет поэстэтствовать и посмотреть на очаровательное и красивое. Очаровательным и красивым может быть и самочка с соседнего подъезда, или та, что живет через дом от меня, или блестящие звезды. По тяге к прекрасному, я схож с людьми, но тут хочется перефразировать их лозунг: «Рыбы и зрелищ». Ох, я снова отвлекся. Так вот, неожиданным сюрпризом для меня явилось присутствие над нашей телегой достопамятной желтой птички с розовым хохолком.

Я не поверил собственным глазам и даже протер их. Но они

меня не обманывали — на ветке действительно спала милая птичка-ревун. Тысяча планов моментально пронеслось у меня в голове: и укусить, и ущипнуть, и хвостом врезать, и по хохолку настучать и т. д. и т. п. Однако все они улетучились, когда я увидел шишку, висевшую в метре над очаровательной птичкой. Мысленно поблагодарив матушку-природу за такой подарок, я полез претворять в жизнь свой план мести.

Пару раз оступился и чуть не упал вниз, приклеился в трех местах и оставил дереву на память несколько кусков шерсти. Печально, грустно, но я добрался до вожделенной шишки. Солнце ещё не встало, но небо на востоке начинало светлеть, поэтому следовало торопиться. Я, как заправский бобр, вгрызся в черенок моего орудия возмездия, и слой за слоем приближал торжество справедливости. Наконец шишка осталась висеть на полоске коры толщиной с волосок и я, тщательно прицелившись, сбил её задними лапками вниз. Как раз вовремя — птичка начинала встряхиваться и вот-вот должна была проснуться. В этот момент упавшая шишка добавила ей несколько минут забвения, небольшое вздутие на затылочной части и неприятную головную боль. Она, не приходя в сознание, слетела вниз. Все, я был отомщен и даже от избытка чувств пожал себе лапу. Но приключения с ревуном еще не закончились.

Птичка приземлилась на Пашкин живот, поэтому избежала каких-либо серьезных повреждений. Павел от этого не проснулся, пришлось спускаться вниз и, как в старые добрые времена, проводить хвостом у него под носом. Но если раньше хвост был мягкий и пушистый, то теперь под носом проползло нечто холодное, скользкое и липкое от смолы. Позже Павел признался, что у него появилось ощущение, будто через его верхнюю губу иммигрировала семья змей. Он сразу же вскочил на ноги и ошалело осмотрелся в поисках мерзких пресмыкающихся, разбудивших его. Теперь уже мне пришлось успокаивать его и в нескольких словах описывать ситуацию.

В Пашкиных глазах зажегся знакомый по нашему миру хулиганский огонек. И это означало, что у него появился план проказы, которая кому-то очень не понравится. Павел начал оживать в этом мире, «ассимилироваться» как сказал бы Семен Алексеевич, при этом он бы обязательно поднял вверх указательный палец. С того момента, как мы попали в достопамятную конюшню, я не замечал у друга этого знакомого до боли огонька.

Пока остальные спали, Павел, при помощи амулета, просочился сквозь прутья решетки и, став невидимым, перенес начавшего подавать признаки жизни ревуна к стражникам под

навес. Забавно было наблюдать, как птичка поднялась в воздух и переместилась на их стоянку, при этом ни разу не взмахнув крыльями. Сразу же вспомнились фокусники из телевизора, вытворяющие подобные чудеса на потеху публике. Лишь трава приминалась под Пашкиными ногами, выдавая его перемещения в предрассветных сумерках. Птичка, покачиваясь как падающий лист, тихо легла у волосатого уха главного весельчака. Звуковая бомба заложена, оставалось только предупредить своих, чтобы они были готовы к оглушительному реву.

И вот Павел появился в клетке и тихонько разбудил Кана с Татиной. Не взирая на ворчание последней, он посоветовал быстро упасть всем на дно телеги, заткнуть уши и открыть рот. Затем подал пример, упав носом в солому и закрыв уши. Следом рухнул Кан. Татина что-то еще продолжала ворчать, но слов я уже не слышал. Как мог закрыл лапами уши и распахнул пасть, но из любопытства не стал зарываться в солому, а остался на поверхности посмотреть на недоверчивую Татину.

Птичка-ревун очнулась. Этими тремя словами можно было описать все происходящее. Звук был такой силы, что его можно было ощущать каждой клеточкой своего тела, «каждой фиброй души» как однажды выразился Павел о вокальных способностях своей матушки. Словно тысяча автомобилей разом загудели, словно стадион футбольных фанатов взревел и задул в свои гудки. Пронзительный, выворачивающий наизнанку, звук взвился над тихим лесом и потом коршуном ринулся вниз. Упало несколько молодых деревьев, с близлежащих кустарников облетела листва, а их самих пригнуло к земле, да так и оставило. Глаза Татины остекленели и она рухнула без сознания на дно телеги. Стражников я не видел, но ужасно им сочувствовал.

Через пять секунд вопль стих и наступило то, что люди называют «глубокая тишина». Даже ветер боялся шевельнуть листочком, а может и он где-нибудь неподалеку валялся, оглушенный местным вокалистом. Я рискнул выглянуть за борт телеги, мои пока еще лежали ничком и старались не подавать признаков жизни, лучше всего это получалось у Татины. Громкоголосое создание, сирена местных лесов, спокойно поправляла свои перышки, попутно оглядывала окрестности в поисках новых врагов. Секунд двадцать ничего не происходило, затем нечаянная судорога прошлась по телу Монда. Последовала ожидаемая реакция. Птичка подскочила к нему, слегка повернула голову, будто прицеливаясь (я сразу же заткнул уши) и гаркнула ему в ухо — словно заправский киллер произвел выстрел на добивание. Звуковая волна снова накрыла поляну, но уже потише, чем в первый раз. Больше никто из стражников не шевелился, и,

удовлетворенная осмотром места побоища, птичка с розовым хохолком отправилась по своим делам. Я проводил ее долгим взглядом.

«Павел, она улетела, опасность прошла» — сообщил я моему другу. Тот остался лежать. «Кешка, а ты точно уверен, что её нет? Может она где-нибудь притаилась под кустиком и ждет нашего появления?» — спросил не рискнувший подняться Павел.

«Нет, точно улетела. Давай проводи работы по приведению в чувство Татины, да и стражникам не мешало бы „Скорую“ вызвать. Толкни еще Кана, а то он так и пролежит до приезда в Башню. А он старенький — простынет еще. Да-а, натворила маленькая певунья больших дел. Если бы знал, то попросил бы выкинуть её подальше» — хмыкнул я.

Стражников следовало поправить, а как же иначе? Кто еще нас в Башню отведет, да и запустит в нее? Павел осторожно поднял голову, внимательно осмотрел окрестности и только тогда оторвал руки от ушей. Затем подошел к Кану и потряс его за плечо. Тот обалдело посмотрел на него и, увидев, что Павел подает знаки опустить руки, помотал отрицательно головой. Павел показал, что птичка улетела, но Кан лишь опустил голову вниз. Наконец Павел не выдержал и сам с трудом оторвал руки Кана. Жаль, что мой друг повернулся ко мне спиной и не видел мимического спектакля, показанного мной для одного зрителя.

Когда Павел в первый раз попросил Кана, я помотал головой и заткнул лапами уши, озираясь назад. Во второй раз я просто рухнул на борт и зажмурился. Видимо все это было настолько убедительно, что Кан поверил мне, а не моему другу. Это была моя маленькая месть за поражение в борьбе с лягухой.

Затем они вместе начали откачивать нашу ворчливую спутницу. Та никак не хотела приходить в себя, хотя Павел уже отвел душу, нахлестав по щекам. Потом он с умным видом взял ее за руку, подержал немного и, не найдя пульс, положил обратно. Мы с Каном переглянулись, гадая — оживет Татина от таких действий или нет. Павел еще потрогал её за шею, в отчаянной попытке найти пульс, а может борясь с соблазном её придушить. Наконец он осмелел настолько, что попытался сделать ей дыхание рот в рот. Это был его первый поцелуй, если не считать муслякания в детсаде и робких чмоков в щечку, при игре в «бутылочку». Но и такая кардинальная мера, описанная в сказках о спящей красавице, не принесла никаких результатов. Наша спутница не просыпалась. Когда у Павла из арсенала операций остался лишь прямой массаж сердца (и от этой идеи его глазки отчетливо загорелись), Кан отодвинул от тела Татины.

— Ты достаточно поиздевался, теперь пришла и моя

очередь, — с этими словами он извлек из-за пазухи пучок красной травы.

Головки на стебельках похожи на крысиные носики, они подрагивали, словно втягивали в себя воздух. Кан разломил один стебелек под носом Татины. Резкий аммиачный запах резанул по моим нюхательным рецепторам, выдавливая из глаз слезы. Павел тоже вытирал вылезшую влагу. Зато результат налицо — Татина замахала руками, оттолкнула от носа стебелек и стремительно села. Несколько минут приходила в себя, трясла головой, видимо пытаясь этой тряской установить на место содержимое черепа. Кан дал ей понюхать еще какой-то малиновый цветок, и она окончательно пришла в себя. Вытерев обслюнявленный рот, она подозрительно поглядела на Павла, но ничего говорить не стала. И это было странно.

«Павел, похоже, этим жестом она посоветовала тебе научиться целоваться» — мысленно хихикнул я и повернулся навстречу восходящему солнцу.

«Кешка, а тебе, похоже, следует поменьше находиться в обществе Татины, а то ты лишь плохому от нее набираешься. Не слишком ли много язвительности для такой маленькой мышки? Может тебя в слона обратить, чтобы размер соответствовал?» — парировал Павел.

«Ага, догадайся — на кого первого я тогда наступлю? Ну ладно, пошутили и хватит. Уже почти рассвело, пора бы и в дорогу. Давай, буди стражников!!! Да, я командую, а что еще остается? Без грамотного руководства и моих умных наставлений, ты давно бы пропал в этом мире» — с этими словами я повернулся к Павлу, но мои умные мысли пропали зазря — Павел уже возился у лежащих тел, переламывая под их носами пахучие стебельки.

Наши ревностные хранители правопорядка понемногу, стараясь не делать резких движений, вставали сначала на колени, а затем поднимались в полный рост. Контузило их здорово. Целый час они ползали по поляне как сонные мухи, забыв, зачем они здесь и где их вещи. Монд еще и заикаться начал. Кан наотрез отказался давать им малиновый цветок, каким он отхаживал Татину, мотивируя это тем, что они должны быть наказаны за жадность.

Мы в это время успели позавтракать и теперь делали ставки, кто первый из стражников вспомнит о нашем существовании. Как ни странно этим первым оказался наиболее пострадавший Монд. Он долго смотрел на навес, хмуря и морща лоб, потом его глаза упали на телегу. Затем он свел воедино два своих наблюдения, и от этого союза родилась новая мысль, которое он тут же

поспешил озвучить.

— Р-р-ребята, мы шли с-с-сдавать п-п-п-п… — пытаясь выговорить неподдающееся слово, он оплевал все лицо Торда (нарочно или нет — мы так и не узнали), — п-п-п-пленников. Д-д-д-д — теперь он оплевал Истрита, остальные на всякий случай отодвинулись подальше, — д-д-давайте же с-с-собираться.

Еще минут пять эта информация доходила до Торда, Истрита и остальных. Все-таки сознание понемногу прояснялось, контузия с боем уступала место здравому смыслу и привычной жадности. Немного посовещавшись, причем Монду велели отвернуться в сторону, наши сопровождающие решили позавтракать, а уже потом двигаться дальше.

Нас опять накрыли покрывалом, и в этот раз мера предосторожности оказалась очень кстати. Ближе к обеду наша процессия проезжала около небольшой деревушки. Там было всего два стражника, которые тоже изъявили желание поучаствовать в акции передачи особо опасных преступников в жесткие руки закона. Однако в этот раз «наших» стражников было больше и поэтому деревенским было отказано в самой прямой форме, с некоторыми физиологическими уточнениями конца пути, по которому они могут отправиться. Тогда те скрылись за забором, состоящим из частокола грубо отесанных бревен. За воротами мелькнули несколько обшарпанных невысоких домиков, крытых пучками соломы.

Через две минуты все население деревни высыпало на околицу, каждый нес в подоле предметы, напоминающие по форме яблоки. Ну, с яблоками я, положим, ошибся — стражник взмахнул рукой и на нашу телегу обрушился град булыжников. Судя по частоте попаданий, опыт в этом деле у них был изрядный. Хотя ткань, которой мы были накрыты, сдерживала камнепад, все же несколько пролетели внутрь. Павел накрыл своим телом сжавшихся в углу Кана и Татину (я, понятное дело, уже сидел у него за пазухой), поэтому нас не коснулся ни один камень. Видимо один из камней попал в лошадей, поскольку наша телега резво дернулась и понеслась, подпрыгивая на ухабах. Вслед нам раздались вопли стражников, которые во время обстрела скрывались за телегой. Вскоре вопли и удары об решетку стихли, и тогда Татина подала голос.

— Павел, ты уже можешь встать. Хотя если Кану понравилось твое общество, то можете лежать и обсуждать плывущие по небу облака, а мне еще нужно коней останавливать, — Татина выбралась из-под живого щита и начала поднимать ткань с передней стенки клетки. Павлу видимо тоже не улыбалось лежать со старичком, потому что он кинулся ей помогать, заодно

поддерживая на особо высоких прыжках. Вместе, они своими голосами, а Павел еще и вылез наружу, кое-как утихомирили лошадей и те остановились.

— Молодые люди, мы довольно далеко оторвались от наших жадных друзей и я предлагаю их немного подождать, тем более, что уже показалась Башня Безмолвия, значит, мы скоро будем на месте, — палец Кана показывал на север. Там, за верхушками деревьев, протыкал небо длинный тонкий шпиль.

Ребята согласились с Каном и решили доесть припасы — неизвестно, когда еще удастся перекусить и удастся ли вообще. Кан оторвал от связки последнюю рыбешку, вопросительно посмотрел на меня и отрезал-таки хвостик, который я с аппетитом тут же умял. Татина с Пашкой флегматично дожевывали вяленое мясо с хлебом, запивая остатками воды из фляжки, когда из-за деревьев донеслись голоса стражников. Ребята быстренько уничтожили следы обеда, то есть выбросили кости подальше и вытерли сальные губы.

Догнавшие нас бодрые слуги закона и своего кармана теперь были похожи на солдат разбитой армии. Их блестящие латы украшены вмятинами и выбоинами, трое хромали. У Торда наливался багровый синяк под глазом, Истрит задорно алел правым ухом, все остальные в той или иной мере поцарапаны и побиты. В глазах все также горел огонек наживы, и он разгорелся еще ярче, когда увидели нашу телегу. Хотели обрадоваться, но это вышло так слабо и неубедительно, что они просто махнули рукой и, взяв лошадей под уздцы, понуро побрели к Башне. По пути не было оборонено ни слова, вероятно, они думали какими дорогами идти обратно и как уберечь свою долю от остальных. Это видно по бросаемым искоса взглядам, более ласковых глаз я еще не видел.

Мы двигались шагом, не торопясь обдумывали дальнейшие действия. Башня становилась все ближе и ближе, медленно, но верно вырастала из-за вековых деревьев. Чем ближе мы к ней подъезжали, тем реже становились деревья, мельче кустарники, а трава вообще росла желтыми клочками и не везде. Все больше возникало просветов и просек, на деревьях чернела какая-то гниль, а не лепетали листки на ветру. И не потому, что им было лень, а потому, что они отсутствовали. Неожиданно всякая растительность кончилась, и мы выехали на песчаное поле, которое простиралось на много километров. Пустыня Сахара.

Песок был такого цвета, словно здесь произошло великое побоище, и он в полной мере напитался расплесканной кровью. У моих спутников возникли примерно такие же ассоциации, поскольку они прекратили шептаться и приникли к прорехам в

ткани, не в силах оторваться от красной равнины. Эта краснота простиралась до горизонта и посреди этого поля высилась пресловутая Башня Безмолвия.

Теперь я понимаю, почему её называли с большой буквы. Размеры поистине впечатляли. Когда-то давно, в моей прошлой жизни, по телевизору показывали самые высокие башни. Я тогда в полглаза посматривал на виды с высоты птичьего полета, на всякие разные башенки, и тонкие и толстые, на большие и маленькие, на прямые и наклонные. Но эта «малышка» похожа на результат романтического союза Останкинской и Эйфелевой башен, своего рода плод русско-французской дружбы. Округлой конусообразной формы, она расширялась к низу и становилась почти неразличимой вверху.

— Офигеть! — проговорил Павел и я с ним согласился.

Чем ближе мы подъезжали, тем меньше мне в нее хотелось. Казалось, что она вырублена из цельного куска камня, а маленькие и узкие окна даже на бойницы не похожи, словно мелкие трещинки, они были предназначены лишь для вентиляции. Перед Башней выкопан глубокий ров с обеих сторон украшенный вкопанными заостренными бревнами. Это когда мы подъехали ближе я увидел, что бревна утыканы ржавыми гвоздями, а склоны оврага усеяны осколками битой посуды, острыми кусками сломанных пик, алебард и сабель, и всякой прочей дребеденью, предназначенной затруднить как набег, так и побег. За рвом возвышалась стена высотой метра в четыре, с рваными краями и торчащей арматурой.

«Павел, ох и не нравится мне здесь. Ты бы узнал у Кана, какой у него план освобождения Кристана?» — спросил я у своего молчащего друга.

Павел почесал макушку, что означало стимулирование мыслительного процесса, и ответил: «Кешка, а ты где только что был? Мы уже целых два часа обсуждаем, как лучше добраться до пленника, а ты лишь сейчас очнулся. Так ничего и не придумав, мы решили действовать по ситуации, так как не знаем, где его держат. Оказывается, это не только место заключения и отбывания наказания, но еще и механизм по добыче целительной воды. Заключенные заставляют его работать, и вода поступает на поверхность, но в очень малых количествах. Эту воду раньше использовали для лечебных целей, в аптекарских делах, а теперь король Стим повадился принимать из нее ванны. Вот и работает эта Башня круглосуточно, а не так как раньше — днем. Из-за того, что её высасывают в таких количествах, песок и покраснел. Как это между собой связано, я не вполне понял, но похоже, что эта вода является кровью местной земли. Поэтому около Башни

ничего не растет, так как на поверхности всё исчерпали. Высохшие деревья сгнили за месяц и рассыпались пылью, та же участь ожидает и близлежащие, заметил — какие они стоят? Кан сказал, что если добыча будет и дальше производится в таких количествах, то через год все вокруг на многие сотни километров покроется этим красным песком, выселяя людей и животных. Кстати её только недавно назвали Башней Безмолвия, до этого она была исправительным рудником. Ссылали в него только самых отъявленных преступников, чтобы те искупили своим трудом преступления и заодно исправиться. Водные пары благоприятно воздействуют на психику, исправляя людей в хорошую сторону, и поэтому сюда редко кто возвращался. Но почему-то с королем Стимом этого не происходит».

«А почему же её сейчас Безмолвной называют?» — поинтересовался я.

«А ты помнишь, как толпа отреагировала на наше представление, или мужчина на удар Торда? Вот именно — безмолвно и безмятежно. Так же сейчас и в Башне крутится механизм, ни криков, ни стонов. Люди делают работу беззвучно, умирают, на их место присылают других. Лишь в каком-то отделении находятся чувствующие и соображающие. Вот таких и „любят“ надзиратели, поэтому и платят за них, чтобы вдосталь поиздеваться и послушать крики. Из-за этого, наверно, нас везут сдавать с такими почестями» — Павел хмыкнул, вспомнив «почести».

«А все же, зачем им деньги? И почему они отличаются от остальных?» — повторил я наболевшие вопросы.

— Господа стражники, а зачем вам золото, и почему вы не такие как остальные жители? — переадресовал мои вопросы Павел, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Не твое дело, сиди и не вякай, и так из-за вас пострадали! — брат Торда зло пнул по колесу телеги.

— Да ладно тебе, Миск, и так они скоро уйдут в неизвестность, пусть хоть напоследок узнают нашу маленькую тайну. Отличаемся же мы особой благосклонностью короля, потому что поддержали его. Когда он пришел к власти, то даровал нам эти мешочки с заговоренными травами, чтобы мы блюли порядок в королевстве, — Торд показал обычный холщовый мешочек, ничем не примечательный. Такие же мешочки я где-то видел раньше. — Нам строго-настрого было запрещено открывать их, но все же один из наших не удержался и сорвал печать. Тогда он стал таким же скотом, как и остальное население — ничего уже не помогало. Ну, нам любопытно стало, мы открыли его мешочек, а там была лишь полынь и кусочек

камушка, почти песчинка. Вот и вся тайна отличия, в какой-то травке и песчинке. А золото всегда в цене, неизвестно — сколько продлится время людского забвения, а капиталец всегда при нас останется, да и в кости будет на что поиграть. А теперь заткнитесь и ведите себя спокойно, скоро подъедем к мосту.

Я вспомнил, где видел эти мешочки — на братьях-людоедах, так же на шее у спящего Славко и еще где-то. Так вот в чем дело, ну и дела тут творятся. О своих наблюдениях я поделился с Пашкой, он сперва не поверил, но потом просто замолчал, погруженный в свои раздумья.

Еще полчаса мы продвигались в сплошной тишине, лишь пофыркивание лошадей, скрип песка под колесами и людское дыхание выдавало наше присутствие. Хорошо хоть с клетки сдернули покрывало, а то под сплошным солнцем дышать становилось нечем.

Глава 10

Мы медленно, но неотвратимо приближались к Башне Безмолвия. Она величаво наплывала на нас, заслоняла собой небо. Огромная как резиденция арабского шейха и высокая, словно несколько небоскребов поставленных один на другой. До нее оставалось несколько сотен метров, когда в нос ударил запах затхлости, людской крови и немытых тел. Этот запах окутывал Башню облаком боли, страдания и ужаса. Так дышат ворота в ад.

Наши лошади озирались на людей, нервно раздувая ноздри. Им, как и мне, до колик в печенках не хотелось приближаться к пункту назначения. Тянуло обратно, в густую зелень леса, ближе к водоему, а не в эту раскаленную на солнце махину.

Монд, приблизился к двум большим столбам на этой стороне рва, извлек из-за пазухи кусок белой ткани и начал активно им размахивать. Тина не могла удержаться от колкости и посоветовала ему поменьше хвастаться своим исподним или хотя бы время от времени его стирать. Монд покраснел, похоже Татина попала в точку, остальные же зашлись в хохоте, до тех пор пока она не назвала их меринами. Стражники обиделись. Но обиделись не только они — на это высказывание Бегунок обиженно заржал и ударил в борт копытом. Доска заскрипела, закряхтела, но выдержала удар, не сломалась. Зато Татина в этот момент пыталась как раз блеснуть остроумием, но блеснула острозубием и прикусила язык. Это дало повод для еще одного взрыва смеха, причем громче всех смеялся Монд, все еще размахивающий тряпкой.

— Эй, стервятники, опять какую-нибудь падаль своих коготках приволокли,? — раздался из-за стен зычный голос, и на фоне Башни нарисовалась мощная фигура с большим животом.

— Аккуратнее на стенке, Колун, а то пузо перевесит и от твоего падения Башня может развалиться! — закричал в ответ Торд. — Открывай давай, видишь каких богатырей привезли! Сами в схватке пострадали не на шутку, троих наших потеряли, но схомутали-таки опасных преступников.

— Кого? Вот этих задохликов? Да они едва дышат, вези их туда, откуда взял! — с этими словами толстяк развернулся и собрался уходить.

— Эй-эй-эй, Колун, ну извини за пузо. Это действительно опасные преступники, они пообещали нам за возможность выступить в городе десять монет. После выступления мы смиренно попросили плату, но они набросились на нас как дикие звери и избили, при этом рычали, кусались и даже плюнули два

раза. На счастье у нас в гостях оказались Торд с братом и этими двумя благородными стражами из другого города, они и помогли нам их скрутить. Видите наши синяки и царапины, так это еще заживают, а было вообще одно сплошное месиво! — Монд продемонстрировал ранения и ушибы от камней.

Вот же враль — заливает так, что уши в трубочку сворачиваются. Я таким соловьем только в марте умел разливаться, но там свои причины…

— Торд был у тебя в гостях? Да скорее небо опустится на землю, и солнце пойдет гулять с луной, чем Торд придет к тебе в гости. Ладно, подавайте сюда ваших зверюг. Опустить мост! — скомандовал Колун и исчез со стены.

Внушительный мост из толстенных оструганных бревен, начал медленно опускаться. Заскрипел вращающийся блок, два дюжих стражника крутили за блестящие рукояти. Огромная цепь из больших черных звеньев натянулась как струна. Оставалось два метра до земли, когда рукояти вырвались из рук стражников, разбросав в разные стороны. Мост рухнул со страшным грохотом, поднял тучу пыли. Нашу телегу ощутимо тряхнуло и меня подкинуло чуть не до потолка, хорошо еще Павел успел поймать на лету, не дав упасть и сломать хвост. Опасаясь дальнейших эксцессов, он меня сунул в карман, откуда я наблюдал за происходящим через пуговичную петлю.

Когда пыль опустилась на место, а также на всё до чего могла дотянуться, мы заехали внутрь. Отброшенные стражники уже поднялись с земли, один зажимал ребра, другой придерживал руку. Колун, отличительной чертой которого являлся мясистый и обвислый нос, угрюмо им кивнул и пострадавшие удалились куда-то за пристройки к Башне. Потом главный стражник Башни окинул нас острыми глазками и повернулся к Монду, чуть не сбив его животом наземь.

— За все про все плачу десять монет. Кажется, такую плату вы должны были получить? — откровенно зевая, спросил Колун.

— Да, столько. Но, не вступая с ними в кровопролитный бой, не тащась в такую даль и не ночуя в лесу под проливным дождем. Так что не меньше пятидесяти, — горячо заверил Монд. Остальные пока помалкивали, не встревая в торг.

— У нас и своих крутильщиков полно, можем и без ваших обойтись. И старикан уже не годится для дела. М-м-м, одиннадцать и то по очень хорошему знакомству! — протянул Колун.

— Этот старик в драке пятерых стоит, не смотри что худой, зато жилистый и ест немного. Но раз ты упомянул про хорошее знакомство, то я со своей стороны могу уступить за 49, и то —

отрывая от сердца! — начал кипятиться Монд.

— Нет у тебя сердца, если такую плату просишь. А что ест немного, то это сразу видно — заморили вы их голодом, еще откармливать придется. Из жалости и из уважения к сединам добавлю монету, пусть лучше под крышей умрет, чем в чистом поле! — почесал нос Колун.

Так яростно торгуясь, то уступая, то набавляя, через полчаса нас продали за тридцать монет. Все остались довольны, кроме Монда и иже с ним, но об этом позже. Сейчас же Колун взмахнул пятерней и к нам приблизился трясущийся, прыщавый юнец с большой связкой ключей на поясе. Он начал отчитывать Колуна визгливым голосом за такое расточительство, но тот прикрикнул на него и юнца как ветром сдуло.

— Большой уже у тебя сынишка, Колун. Когда на пенсию соберешься, ему все хозяйство оставишь? Пока что у него только жадность от тебя, вон с каким лицом за деньгами пошел, — улыбнулся Торд.

— Не твое собачье дело! Хотя да, весь в меня. Этого и боюсь — до пенсии вряд ли дотяну, уже сейчас, став казначеем, начал перечить и возражать. А что будет дальше? — пожаловался Колун.

Вернулся юнец, зло зыркнул на Монда, но под взглядом Колуна отсчитал монеты. Судя по возмущенным возгласам Торда, он старался подсунуть самые старые и потертые. Упирающихся лошадушек отвели куда-то за Башню, туда, где виднелись обшарпанные постройки. Мы пока помалкивали, у меня даже желания пищать не возникало.

Обступила стража Башни, в сторону телеги наклонились копья. Нас вывели из клетки, и повели в внутрь здания, где что-то скрипело, лязгало и трещало. Заодно двое здоровенных стражников притащили большой котел с ароматно пахнущей похлебкой. Желудок поневоле заурчал, хорошо, что не у меня одного, и он остался неуслышанным. Пройдя в большие, обитые железом ворота, мы попали в пародию на Чистилище. Мой нос сразу же отказался работать, оглушенный идущей отовсюду вонью. Если на улице еще можно дышать полной грудью, то здесь приходилось через раз и пореже.

Наверх, насколько хватало глаз, уходили круглые этажи похожие на театральные балконы. По ним непрерывно двигались сотни людей. Каждый толкал перед собой толстую балку, а те, словно ветви фантастического дерева, присоединялись к огромному вращающемуся стволу невероятного диаметра. Двое стражников в черных одеяниях протащили котел в кабину допотопного подъемника, нам велели идти следом. Старая

кабина жалобно застонала под весом людей, большого котла и легкого меня. Один из стражей цыкнул на сидящих у вращающего барабана людей, те флегматично встали и взялись за сверкающие рукоятки. Двенадцать человек начали возносить нас в скрежещущую высь.

Я с любопытством высунулся из кармана, чтобы поглазеть, куда это нас везет скрипящий инвалид. Краем глаза отметил довольную улыбку Кана и тут же забыл о ней, поглощенный открывающейся картиной. На каждом этаже сотни людей упирались ногами в грязный пол, тянули и толкали перед собой блестевшие от постоянного использования балки. Другие люди сидели у стен. На каждом этаже один из сопровождающих дергал за веревку, уходящую вверх и вниз сквозь пол и потолок подъемника, снизу раздавался звон колокольчика и мы останавливались. Подходили надзиратели, перебрасывались парой ленивых слов со стражниками, осматривали нас и, получив свою порцию похлебки, отходили обратно.

У каждого надзирателя был длинный кнут, и время от времени они его использовали, подбадривая падающих людей. Причем делали это с таким скучающим выражением лиц, словно отгоняли надоедливую муху. В ответ на удары, люди в лохмотьях вздрагивали, ежились и продолжали тянуть свой груз.

Мы же поднимались все выше в сужающуюся полость Башни Безмолвия. Подъемник скрипел, качался из стороны в сторону, угрожал оборвать трос и уйти из жизни подобно самураю. Но все же смог доставить нас на самый верх.

Стержень к этому времени очень сильно сузился и дошел до двух человеческих обхватов. На самой верхней площадке находилось четверо стражников и десять оборванных людей, пятеро из которых тянули рычаги стержня, а пятеро дремали у стен, прикованные к ним внушительного вида цепями.

— О, новое мясо привезли! Наконец-то, а то старое уже начинает протухать! — произнес один из надзирателей и двинулся в нашу сторону. В руках покачивался кнут, сплетенный из нескольких длинных кожаных шнурков с металлической окантовкой на рукояти.

— А ты поменьше рот открывай, не так сильно падалью пахнуть будет! — поднял голову один из сидящих у стены. В нашу сторону блеснули карие глаза.

Старший надзиратель, не глядя, вытянул его по спине своим кнутом. Старшим я его назвал из-за пуза, ничем не уступающего в размерах животу Колуна, самодовольного вида и красной повязки на рукаве. Пленник издал звук сквозь стиснутые зубы, но головы не опустил, продолжал смотреть на нас. Сопровождающие

подтолкнули людей в спины, мы очутились на площадке. Испарения поднимались снизу, и запах тут сшибал с ног. Похоже, что я узнал, как будет пахнуть в аду: потом, кровью и испражнениями.

Стражники, получив свою порцию похлебки и, перекинувшись несколькими словами с сопроводившими нас стражниками, отошли в сторону к грубо сколоченному столу с длинной скамьей. Надзиратели с похлебкой уехали вниз, подъемник скрипнул на прощание, а мои спутники остались стоять, не зная, что предпринять дальше. Стражники не торопясь жевали и откровенно разглядывали Татину, что заставило Павла покраснеть. Он постарался закрыть её от нескромных взоров щуплым телом. Но Татина и сама могла за себя постоять, что она не преминула продемонстрировать всем присутствующим.

— Здравствуйте, уважаемые страдальцы и за порядком следящие! Прибыли мы из мест недалеких да всеми исхоженных, где поминать будут дела наши недобрые, да славу дурную пускать в другие пределы. Спутники мои кровавый след в каждом королевстве оставили, не раз приговорены к повешению, в общем изверги жуткие, — мужчины никак не отреагировали на эти слова, продолжая поедать взглядами Татину. — Вот старый Кан, не старикан, а старый Кан! Одним махом вырубает троих, да еще по семерым отголосок прыгает, причиняет неудобства в виде травм и глубоких царапин.

— Это хорошо, что сильный, значит за двоих работать будет, — сказал, отрываясь от похлебки, старший надзиратель. Кан красноречивым взглядом поблагодарил Татину за такое представление и ободряюще подмигнул, предлагая продолжить речь.

— А это великий отравитель, душегуб и убийца по имени Павел. Он троих братьев-людоедов у деревни выселенцев нечаянно попортил, когда они имели глупость его разбудить. А потом и деревня под горячую руку попалась, рука до того горячей оказалась, что сгорела деревня до последнего полешка. Других случаев злодейства и не сосчитать, особенно когда он краснеет, вот как сейчас. Аккуратнее, а то броситься может и даже укусить! — предупредила Татина. Павел от её слов и впрямь покраснел, как вареный рак, для пущей иллюстрации оставалось только поскрежетать зубами.

— Попортил людоедов? Это да, это героизм неимоверный, — усмехнулся толстяк.

— Э-э, она имеет ввиду покалечил, а вовсе не то, что вы подумали, — проблеял Павел.

Идущие за рычагами пленники прислушивались к разговору,

сидящие тоже начали поднимать головы. Их изможденный вид показывал, что они уже давно находились в этом месте. Из всей одежды на грязных телах лишь потрепанные штаны и цепи, цепи, цепи. Цепями они прикованы за руки, ноги и шею к стене, а идущие лишь за руки и шею, оставляя свободными ноги.

— Слышали мы о несчастии, произошедшем с нашими сотоварищами в деревне. Так вот это чьих рук дело. Ну, будь уверен, что своим вниманием мы тебя наградим в полной мере! — ощерился старший и взмахнул кнутом.

Кнут просвистел в воздухе и резко щелкнул, словно прозвучал выстрел в пустыне. Павел поежился и попытался просверлить укоризненным взглядом две аккуратные дырочки в Татине.

— Ну и наконец я, главарь этой милой шайки, их основной мозг. Добавила бы еще печень и сердце, если бы не забыла в младенчестве, что означают оба этих ненужных органа. Я Татина, внучка старой Зары, потомственная колдунья в десятом поколении, умею наводить сглаз, порчу и разные виды насморка. Надеюсь, вы поняли, что с нами лучше не шутить, и требую предоставить нам место у окошка, трехразовое питание и семь выходных в неделю, — Татина даже притопнула ногой, разгоряченная своей речью.

— Красавица моя, нас многие пугали, рассказывали о том какие они великие колдуны либо живодеры, угрожали множеством кар и проклятий. Однако, где они теперь знаем лишь мы, а мы вот они, в целости и сохранности, даже аппетит не испортился, — сказал облизывающий ложку старший, остальные вяло поддержали его смешками. — Ты без чародейских штучек, без колдовских прибамбасов, даже без кота — так что чем докажешь свою речь? Плюнь ты на свои байки, да подари нам немного своей ласки, а то мы с ребятами соскучились в компании этих мужланов.

— Ну, кота носит Павел в кармане. Друг мой, достань и покажи этим неверующим. А я тем временем придам ему обычный вид, — Татина подмигнула Павлу и театрально воздела руки вверх. — Курукам индерко устонал!!!

Потом она еще что-то орала в этом же роде, но я не слушал, так как меня с почетом и подобающим пиететом извлекли из кармана и положили на ладонь на всеобщее обозрение. Рожи стражников расплылись в ухмылках, глядя на кота таких размеров. А Павел поднял руку вверх, отвлекая внимание от амулета, и повернул фиолетовый луч. Опять холод и на Пашкиной руке, обвиснув с обоих краев ладони, возник я. Он бережно поставил меня на пол, где я величаво потянулся и грозно

мявкнул в направлении стражников. Те слегка отпрянули, уставившись на меня во все глаза.

— Да и ласка моя вам ни к чему, поскольку прекрасно могу наводить чары, дарующие мужскую немощь. Показать? — Татина шагнула к оторопевшим стражникам.

— Нет, — севшим голосом пискнул старший надзиратель, потом откашлялся и уже обычным голосом добавил. — Не нужно, красавица, мы и так верим. Сейчас мы посовещаемся и решим, что с вами делать.

Он повернулся к остальным, сидевшим на скамье, и у них шепотом разгорелась дискуссия. Мы так и остались стоять около подъемника. Пленники у стены также заинтересованно осматривали нас. Один даже ободряюще улыбнулся, показав редкие желтые зубы. Сквозь спутанные лохмы волос живо блестели карие глаза, хотя левый немного подергивался, как бы подмигивая нам. На щеке алел свежий шрам, идущий от уха до рта.

— Молодец, девочка, теперь уже недолго осталось, — прошептал Кан.

— Чего недолго? — не поняла Татина. — До того как нас закуют в железные браслеты?

— Не переговариваться, — бросил один из надзирателей и зевнул.

Его примеру в зевании последовали остальные. Понемногу их движения становились вялыми, моргание давалось с трудом, то есть веки закрывались с охотой, а вот открываться явно не спешили. Вот голова одного ударилась о столешницу и замерла рядом с котелком, звучный храп огласил балкон. Другой хотел его толкнуть, но рука безжизненно упала на середине пути, следуя за ней, под стол сполз и хозяин. Через секунду он уже вторил ранее павшему товарищу.

Старший сообразил, что творится что-то неладное и толкнул третьего. От толчка тот навернулся со скамьи, сверкнули в воздухе каблуки и, сделав в воздухе сальто-мортале, надзиратель шлепнулся на пол. Удар подействовал ненадолго, у него хватило сил поднять голову и подложить под нее руку, затем он тоже блаженно заурчал. Я так урчал в редкие минуты заботы о животине, которую накормили и приласкали.

Самый старший надзиратель, оказавшийся и самым крепким, схватился за кнут и взмахнул им в нашем направлении. Кнут предательски вырвался из его руки, и, немного не долетев до нас, уютно свернулся на полу. Его судьбу повторил и старший надсмотрщик. Уже с закрытыми глазами он попытался что-то сказать, или просто моргнуть в нашу сторону, но не смог и

громоподобно захрапел, разом заглушив потуги подчиненных.

— Умница, девочка! Да только ведь они проснутся и отыграются на нас за ваши шалости. Вас они вряд ли посмеют тронуть, — сказал человек со шрамом.

Татина только растерянно сморгнула. Неужели и в самом деле так хорошо подействовал набор непонятных слов?

— Ну, во-первых, это сделала не девочка, во-вторых, когда они завтра проснутся, мы будем очень далеко, а в третьих нам нужен Кристан, за ним-то мы и пришли! — ответил Кан.

— Нет уже Кристана, он не вынес побоев и умер. Скоро и нас эта участь постигнет, когда прибудут стражники с нашими помоями на ужин, — пробурчал говоривший. — Даже освободившись от оков, мы никуда не сможем уйти. Ну и пусть, зато умрем свободными, а не в кандалах! Вы со мною, братья? — он прокричал, срываясь на хрип, остальные поддержали его нестройными выкриками. Пятеро уже не толкали рычаги, а просто шли за ними, повинуясь тянущим цепям.

— Но как же так? — растерянно произнес Павел, — Нам же Железер сказал… А как мы домой? А мама с папой?

Казалось, что еще немного и он расплачется, возможно, лишь присутствие Татины удерживало его от этого. Я не выдержал и подошел к нему, без слов заглянул в глаза, и мы поняли друг друга. Павел стер навернувшуюся слезу, погладил меня по голове. Затем взял себя в руки и поднялся со злым блеском в глазах, даже улыбнулся. Окажись сейчас поблизости Гарион, ему бы точно не сдобровать. Кан тем временем расковывал пленников, сшибал им заклепки на кандалах. Молоток с зубилом нашлись неподалеку, но дело продвигалось очень и очень медленно.

— Ничего, Павел, что-нибудь придумаем, попозже. А сейчас надо освободить всех и я буду лишь рад, если ты поможешь в этом нелегком деле. А! — Кан сунул ушибленный палец в рот.

Павел повернул лучи на амулете и принял свой обычный облик, но с огненным мечом в руках. Тот полыхал ярче стоваттной лампочки и сыпал искрами. Пленники шарахнулись от него на всю длину цепей, однако Кан успокаивающе поднял руки, мол, не пугайтесь — свои, и те несколько недоверчиво начали подставлять руки.

— А вы и в самом деле непростые ребята — колдунья, знахарь и маг. Вряд ли Колун знал, какую пакость в свою обитель запускает! — улыбнулся беззубым ртом страшно худой осужденный.

— Это всего лишь стечение обстоятельств. Никакой я не маг, да и Татина не колдунья, лишь понтуется на песке. Вот насчет Кана вы и впрямь угадали, не бойтесь — я аккуратно! — Павел

ловким ударом меча перерубил дужки кандалов у запястий худого. Железные браслеты со звоном упали на пол.

— Из этих цепей только мертвых освобождали, — хмыкнул человек со шрамом. — А теперь нам выпала честь уйти отсюда живыми. Жаль не успею внукам об этом рассказать — вряд ли прорвемся сквозь все этажи. До ужина надзиратели очухаются и зададут нам по первое число.

— Ну что за настрой такой? Не будет ужина, все надзиратели, евшие из этого котла, будут видеть красочные сны до завтрашнего вечера. Не даром же я столько лет посвятил изучению трав, — пробурчал Кан, перерубая очередную заклепку.

— Так это ты им подбросил травку? Ну и ловок же ты, старый Кан, тебе бы цены не было, если бы вздумал по чужим карманам шарить, — улыбнулась Татина.

— Спасибо, отец, за такие слова. Уж не надеялся когда-нибудь солнце увидеть, знать вас боги послали нам в награду за мучения, — потирая руки, проговорил очередной пленник. Кан лишь отмахнулся.

Татина в это время срезала мешочки у спящих стражников. Один из них причмокнул губами во сне, и она, сначала испугавшись, что он проснется, отпрянула в сторону, но затем вернулась и отвесила испугавшему ее хороший щелбан. Тот повернулся во сне и мило улыбнулся. Даже стало немного жаль его, не знает, что ждет при пробуждении.

— А пусть они на своей шкуре испытают, каково это — находиться в непонятном состоянии, — сказала Татина в ответ на вопросительный взгляд Кана. — Проснутся и ничем не будут отличаться от остальных пустоголовых.

Кан и Павел успели освободить всех от цепей и пленники большой гурьбой столпились около подъемника. Один из мужчин дергал за веревочку и снизу доносился скрип и шум поднимающегося ветерана грузоперевозок. Пока ждали его, успели разломать стол и скамью, вооружившись ножками. Избитые, изломанные, страшно худые пленники горели жаждой свободы. На храпящих стражников никто не обращал внимания. Павел взглянул на меня: «Ну что, Кешка, если сами не можем вернуться, так хоть этих бедолаг вызволим». Я согласно подмигнул моему другу, хороший он парень, хотя и выводит иногда из себя.

Подъемник остановился перед нами, явно удивленный своим скорым возвращением и раздосадованный количеством собравшегося народа. Посовещавшись, мы решили не травмировать ветерана излишними перегрузками, а отправиться группами. На случай засады вперед выдвинулись самые крепкие и

здоровые. С ними отправился самый красивый, то есть я. Мои спутники и еще трое шагнули в освобождающий механизм и величаво поплыли вниз. На этот раз подъемник насвистывал какой-то бравурный марш, вроде «Прощания славянки».

Мы спускались и на каждом этаже видели одну и ту же картину — надзиратели спали, пленники крутили. Каждый надзиратель лежал по-своему, с выдумкой, то руку на пленников у стены закинут, то ногу, а те не шевелятся — терпят наверно. Один улегся на троих, как на кровать, и дает храпака, другой наоборот — положил, как одеяло, на себя четверых пленников, видимо он любит тепло и уют. У каждого надзирателя Татина срезала мешочки, мотивы её действий ясны, поэтому никто ни о чем не спрашивал. Напряженно ожидали полного спуска. А снизу раздавались приглушенные крики…

Пока Татина срезала мешочки, другие люди останавливали пленников. Те покорно отпускали рычаги и садились на пол. Адская машина останавливалась. Остановились и люди, все также пялились бессмысленными глазами перед собой. Они не понимали, почему встали, но, похоже, им было все равно. Их освобождением от цепей решили заняться позднее.

Мы спустились и подъемник, облегченно вздохнув, вновь заскользил вверх. Татина проделала обычную процедуру с надзирателями, их тут лежало аж десять человек, а мы подошли к воротам, из-за которых раздавался крик. По пути освобожденные вооружились более серьезным оружием, подобранным у спящих надзирателей. Исполненные решимости драться до победы или умереть, бывшие пленники дожидались спуска своих товарищей. От них веяло такой энергией, такой отчаянной злостью, что мои когти сами собой стали сжиматься и разжиматься, готовые впиться в того, кто посмеет встать на пути к свежему воздуху и солнцу. Прикованные к барабану подъемника бесстрастно взирали на нас и продолжали крутить колесо.

Старик-подъемник привез оставшихся наверху, те лишь покачивали головами, удивленные увиденным. Крик за воротами затих, зато в моих ноздрях защекотало, и я чихнул — в щель под воротами пополз отвратительно пахнущий зеленый дым.

— Они запалили Костер Тревоги, — сказал человек со шрамом. — Последний раз его поджигали сорок пять лет назад, когда свежеприбывшая партия заключенных подняла бунт. Много народу тогда полегло, весть об этой бойне облетела все королевства. Максимум через сутки сюда прибудут отборные войска с приказом «убивать, не спрашивая», так что нам лучше немного поторопиться.

Все согласились с его словами и, отодвинув здоровенный

засов, с боевыми кличами высыпали во двор.

— Орите погромче, может быть разбудите кого, — проворчал стоявший у костра Колун. — А лучше вернитесь обратно в Башню, и я замолвлю за вас словечко. Иначе вас наверняка убьют.

— Колун, а ты почему не спишь? — спросил Кан. — Или похлебка не по вкусу пришлась?

— Язва у меня, вот и питаюсь отдельно ото всех — миролюбиво сообщил Колун. — А ведь я сразу догадался, чьих это рук дело, старый Кан. Я тебя видел еще мальчишкой, когда мальчишкой в горы лазил орков дразнить, да птичьи гнезда разорять. Но не поверил сперва своим глазам, а оно вишь как вышло, — он обвел взглядом лежащих как попало коллег, над которыми деловито сновала Татина и горько вздохнул. Потом окликнул нашу егозу. — Красавица, умоляю — сына не трогай! Один он у меня остался, хоть и засранец, но все же родная душа!

Татина нерешительно остановилась возле казначея, вопросительно взглянула на Кана, тот согласно кивнул и снова повернулся к Колуну.

— Она не тронет его, если ты покажешь, куда направились Монд и остальные.

— Как куда? В свои города, конечно. Правда почему-то по другой дороге, на север, — Колун махнул рукой в сторону и присел около сына. — А теперь делайте, что хотите, на этот раз ваша взяла.

Его большой нос уныло свесился чуть ли не до земли и больше уже не поднимался, хотя глазки иногда поблескивали, когда он исподлобья кидал на нас взгляд. На него тоже поглядывали, а потом плюнули и забыли, так как никакой угрозы он не представлял, да и мост опустился при помощи общих усилий.

Павел тем временем освободил из плена сарая Бегунка и лошадь Татины. Они сперва шарахались от запаха, бьющего от бывших заключенных и от большого количества спящего народа, но потом привыкли и стали воспринимать как должное.

Потрясая в воздухе кнутами, кинжалами, руками да и просто головами, освобожденные узники кинулись на другой берег рва. Там все остановились, задумались — куда же двигаться дальше? Каждый толкал свою версию ближайшего будущего, кто-то предлагал уйти в партизаны, кто-то в мародеры, а кто-то просто по кабакам. Даже Колун внес свою лепту, но он, понятное дело, предложил вернуться обратно.

— Братья, двигайтесь разрозненными кучками по двое, трое, в сторону Ростии. Так больше шансов спастись, чем, если бежать гурьбой. А мне с освободителями еще нужно решить свои

проблемы! — перекрывая общий гвалт, прокричал человек со шрамом.

Все признали эту мысль разумной и своевременной. После краткой процедуры прощания, в ходе которой я получил несколько поглаживаний грязными руками по загривку (от остальных я спасся, отбежав на приличное расстояние), бывшие пленники помчались в сторону темнеющей на западе полоски леса. По дороге люди разделились на четыре группы.

— Нам тоже следует уйти отсюда, пока на дым не слетелись стервятники, жаждущие крови. Двигаемся на восток, до ночи мы должны быть далеко отсюда. Надеюсь, ваши кони смогут увезти четверых? — человек со шрамом похлопал Бегунка по крупу. Тот отреагировал совершенно спокойно, лишь презрительно фыркнул, мол, он и один сможет всех четверых увезти, благо их тощее телосложение позволяет.

— А зачем нам туда? Нас вроде и тут мухи не кусают! — поинтересовалась Татина, — Давайте дождемся подхода войск, Павел им живенько накостыляет, я пополню коллекцию мешочков, Кан укоризненно покачает головой, и все будут счастливы. А потом мы медленно и вальяжно удалимся.

— По дороге всё объясню, поверьте — это очень важно. А свои мешочки ты можешь выкинуть в ров, все равно от них уже нет никакой пользы, — человек со шрамом явно начинал нервничать.

— Мы выдвигаемся, а к тебе, Павел, очень большая просьба принести мою сумку с травами. Не очень хочется, чтобы мои научные изыскания были выброшены на дорогу, или съедены лошадьми. При помощи амулета ты быстро догонишь стражников и заберешь нужную вещь, а мы пока двинемся с незнакомцем, не торопящимся назвать свое имя. Для ориентира, Татина будет бросать мешочки по ходу нашего движения, и ты сможешь нас найти. Сделай это доброе дело, вовек буду благодарен, может зачарую кого или еще как-нибудь отплачу! — Кан подмигнул Павлу и скосил глаза на Татину.

Его счастье, что она не видела, а то упреков, попреков и нытья было бы не избежать. Она была занята — перебирала мешочки, силясь понять, что же в них есть такого, дающего возможность оставаться в здравом уме и твердой памяти. Распотрошив несколько, она показала нам результат своих исследований — немного сушеной травы и горстка черного песка.

— Девочка, ты можешь их выбросить, как сказал Кан, помечая путь. Павел, мы двинемся быстро, но при желании догонишь, а если жаждешь попасть домой, то желание должно быть поистине неимоверное. Ну же, трогаемся! — скомандовал незнакомец и

показал пример, запрыгнув на Бегунка. Тот не стал артачиться, признав незнакомца за своего, зато к Кану упорно поворачивался филейной частью, мстя за прошлое усыпление против воли. Пришлось тому садиться к Татине.

«Кешка, давай с ними, я скоро» — миг, холодок и Пашкина фигурка уже на горизонте, еще миг и пропал окончательно. Меня же бережно запихнули в ставшую привычной сумку. Все, я был готов ехать. Как же мне это надоело, куда-то рваться, от кого-то убегать и за кем-то гнаться. Опять минутная слабость. Все-все-все, я взял себя в руки.

— Хэй, давайте, родимые! — зычно гаркнул незнакомец и мы полетели прочь от такой гостеприимной Башни с ее спящими красавцами. Колун проводил нас немигающим взглядом.

Мы мчались два часа, пока было видно, куда ехать. Бегунок с лошадью Татины бодро перемахивали через кусты и пеньки, успевали сдирать по пути листочки и побеги с деревьев.

Павел появился на крупе Бегунка раньше, чем у Татины закончились мешочки. Только что им и не пахло и тут фффук! — и он скалится во все тридцать два зуба.

«Как все прошло?» — спросил я у друга. Павел показал сумку Кану и тот одобрительно кивнул. «Все нормально, Кешка. Невидимый и неуловимый, я прихватил монеты у троих стражников, и двоим из них дал в глаз. Так что, когда забрал сумку и повернул в обратном направлении, они уже успешно дрались. Неумело, но старательно» — улыбаясь, вспоминал Павел.

— Молодой человек, как вы оказались в Башне, и зачем вам понадобился Кристан? — спросил тем временем незнакомец. Павел пробовал было заговорить о цели нашего путешествия, но скоростная езда не способствовала разговорам. После пары прикусываний собственного языка, Павел вынужден был отложить повествование до лучших времен. Незнакомец согласно кивнул.

В сгущающихся сумерках появилась новая забота — не налететь на сук. Не на собачьих самок, что для меня не менее неприятно, а на низко свисающие ветви деревьев, которые так и норовили зацепиться и стащить с лошадей.

Одна такая наглая ветка чуть не выколола мне глаз, когда я высунулся в очередной раз из сумы. Только отменная реакция спасла меня от пиратской повязки, зато я так здорово схлопотал по ушам, что больше не рисковал высовываться до самой остановки. Так и ехал: с одной стороны бился о крутой бок Бегунка; с другой получал удары от родственников того невменяемого отростка. Зато я разобрал шепот незнакомца.

— Многоуважаемый Павел, отстаньте ненамного от той пары,

нужно кое-что вам показать.

Павел удивленно посмотрел на незнакомца, но тот поднял брови так убедительно, что мой друг не смог ему отказать.

— Татина, Кан, мы остановимся по маленькому! Потом вас догоним! — прокричал Павел.

Девушка помахала рукой и вскоре они скрылись за очередным деревом. Тогда незнакомец спрыгнул с Бегунка, показал жестами Павлу сделать то же самое. Этот незнакомый извращенец начал раздеваться! Когда мой друг спустился, то незнакомец подошел к коню и уперся лбом в широкий лоб животного. Секунду они так стояли, а потом я рухнул на землю…

Там, где стоял человек — появился конь, а мой мешок вместе с седлом сверзился в мягкий мох. На месте Бегунка стояла полная копия незнакомца. Ну ничего себе фокусы! Я протер лапами глаза, но человек и конь никуда не делись. Они просто поменялись местами. Со стуком отпала и Пашкина челюсть, он стоял и смотрел, как человек начал натягивать скинутые лохмотья… коня? Бррр, вроде бы должен был привыкнуть, ан нет, на тебе ещё одно колдунство.

— Все расспросы потом. Сейчас помоги надеть седло на моего боевого товарища! — шепотом скомандовал незнакомец.

Павел поднял челюсть с земли, отряхнул её от сосновых иголок и приделал на место. Затем, вместе с новоявленным… конем? они быстренько накинули седло на… незнакомца? Я запутался. Конь обратился в человека, а человек стал конем. Мда, это вам не в мышку или в медведя, тут дело посерьезнее. Но раз надо, значит надо — не зря же мы спасали… коня? Тьфу ты, и сам запутался и вас, наверное, запутал. Прояснилось всё гораздо позднее, а пока я тоже гадал о столь интересном времяпрепровождении коня и человека.

Сумки приторочили к седлу, и мы двинулись дальше. Если бы я не знал, что сейчас произошло, то ни за что бы ни поверил в такие превращения. Хотя в этом мире кто только в кого не превращается. На всякий случай я прикусил кожу на лапке, но нет, не спал. Внешне ничем не изменившиеся незнакомец и Бегунок радостно скалились, видя наше замешательство. Тем не менее Бегунок скоро настиг едущих впереди.

— Мальчики, у вас всё удачно сложилось? — поинтересовалась наша ехидна.

— Да, если хочешь, то можешь вернуться и посмотреть, — вырвалось у Павла. Татина возмущенно фыркнула и замолчала.

Кан предложил остановиться на ночлег, так как видимость почти свелась к нулю и рано или поздно мы должны были встретиться с острыми сучьями. Я, если честно, очень волновался

из-за перемены человека и коня, да и желудок пел голодные песни. Так что я целиком и полностью был согласен с предложением Кана.

Остальные не возражали, и вскоре я уже грелся у костерка с испускающим соблазнительные запахи котелком. Сам котелок с запасами продовольствия наша хозяйственная Татина экспроприировала у спящих стражников, как компенсацию морального ущерба. Они спали и поэтому особо не возражали.

Вода же нашлась неподалеку, без жаб, ряски и других прелестей этого дружелюбного мирка. Из-под земли бил небольшой ключ такой холодной воды, что даже мои зубы немилосердно заломило. Но в то же время она была такой чистой и бодрящей, какой я ни разу в жизни не пробовал. Своими раздумьями о чистоте воды я поделился с Пашкой, тактично умолчав о ее температуре, тот проверил, поперхнулся, две минуты держался за зубы, но все же согласился со мной. Татина и остальные, посмотрев на Пашкины ужимки, решили подождать, пока вода нагреется.

— А теперь рассказывайте, уважаемый Кристан, почему вы объявили себя мертвым, и что это за Кирия, которую Железер поручил спасти Павлу? — медленно проговорил Кан, помешивая палкой в костре.

— От вас мало чего скроешь, «злостный убийца и душегуб», а в реальной жизни овеянный легендами отшельник Кан. И проста причина моей скрытности - не раз уже пытался Гарион выведать про мою тайну, подсылал людей, чтобы те втерлись в доверие, — ответил незнакомец.

Мы с Пашкой встрепенулись, дремоту как рукой сняло. Так вот причина его перекидываний — он скрывался.

— Ну и шутки у вас, дяденька. В нашем дворе за такие шутки в зубах бывают промежутки, — пробурчал Павел. — Железер перед смертью просил найти вас и защитить какую-то Кирию, а вы так поступаете… Он еще что-то упоминал про две недели.

— Молодой человек, осталось очень мало времени до катастрофы, которая уничтожит всех людей в нашем мире. Я не доверял вам, да и сейчас особенно не доверяю, но, увы — у меня нет другого выхода. Прошу вас не перебивать мое повествование, и вы все узнаете, — Кристан вдохнул аромат, поднимающийся от котелка, посмотрел на него с сожалением и начал говорить о том, ради чего мы с Пашкой оказались в этом мире.

— Сам я родом из Ростии, как и мои сокамерники. Это последнее королевство, где остались «соображающие». Соображающие — это те, кто может мыслить, принимать решения и действовать сам, а не по указке человека с мешочком, —

укоризненно посмотрел он на заулыбавшегося Павла. У нас во дворе тоже были «соображающие» и обычно на троих, так что эта ассоциация и рассмешила Павла.

— А как же наш табор? Мы не из Ростии, но тоже ходим и делаем все сами, — спросила Татина, повернувшись от котелка.

— Если вы хотите, чтобы я закончил свой рассказ сегодня, то не перебивайте, пожалуйста, — поморщился Кристан, но тут же смягчился. — Про ваш табор мне ничего неизвестно, возможно, он тоже уходит корнями в Ростию. Сейчас сам отвлекусь и спрошу — как вы думаете, почему почти истребленное человечество одержало победу в Столетних войнах?

— Корень примирил все расы, живущие на нашей земле, — уверенно проговорила Татина.

— Если честно, я сам много об этом думал, спрашивал у редких прохожих, но никто не смог дать другого ответа. И странно, что примирившиеся расы живут отдельно и тайно враждуют друг с другом, — задумчиво сказал Кан, достал из вновь обретенной сумки желтую травку и кивнул на котелок.

Татина взяла эту траву, понюхала, немного откусила и со спокойной душой отправила в варево. Кан с усмешкой следил за ее действиями. Эх, не нахимичили бы чего — в животе раздалось протестующее урчание. Кристан терпеливо смотрел на Павла, в ожидании ответа.

— А мы с Кешкой вообще сами не местные и от поезда отстали. Нам была поставлена задача найти вас с Кирией и баста, об остальных ваших разборках мы не в курсе, — ответил Павел на его взгляд.

— Ах да, прошу прощения. Так вот, истинной правды из вас никто не знает и не узнали бы никогда, если бы не сложившиеся так обстоятельства. Когда Корень появился у нас, он был молод, вспыльчив и необуздан, но обладал необыкновенными магическими способностями. Неизвестно, откуда он взялся и куда потом ушел… Но! — ладонь Кристана взметнулась вверх в останавливающем жесте, Татина проглотила пытавшиеся сорваться слова. — Но он успел натворить столько дел, что еще нашим потомкам достанется. Он сразу же ввязался в битву на стороне людей в Столетних войнах, и сделал великую вещь, грозящую сейчас обернуться величайшей катастрофой. Для пяти почти вымерших королевств Корень создал пять небольших идолов из камня и вдохнул в них энергию, часть души каждого жителя. Все духовные нити сходились на этих идолов, а те неразрывно связаны между собой. И если на какое-либо королевство совершалось нападение, то Кирии сигнализировали друг другу, и люди соседних королевств, повинуясь душевному

порыву, спешили на помощь.

— Ух ты, даже мобильников не нужно, — присвистнул Павел.

— Так было отражено множество атак и другим созданиям оставалось только недоумевать, откуда другие люди узнают о нападении, — недовольно покачал головой Кристан, Павел тут же показал жест, как будто застегивает губы на молнию. — Люди начали возрождаться. Кирии всегда были на страже королевств, охраняли их, оберегали и заботились. Они толкали человечество к развитию, познанию, совершенствованию, были музами и вдохновительницами на великие свершения. Они и только они помогли людям выиграть Столетние войны. Другие расы оказались на грани вымирания, и согласились на перемирие, а по сути — на полную и безоговорочную капитуляцию. Потому-то орки и гномы ушли с плодородных равнин в безжизненные горы, а эльфы с бескрайних просторов с переплетенный ветвями лес.

— Но мы помогали в своем путешествии представителям этих народов и они даже благодарили нас, — не смог удержаться Павел.

— Мальчик мой, ответь — вас везде встречали радостными улыбками и цветами? Молчишь? Вот то-то и оно, — хмыкнул Кристан. — Все они до сих пор испытывают неприязнь к людям, как к наглецам и выскочкам. Еще бы — они были древними племенами и жили веками в своих устоях и традициях, а тут появляются люди и захватывают чужие территории. Мало кому это понравится. Так вот, когда капитуляция иных рас перед человечеством была подписана и согласована всеми сторонами, Корень выбрал пять семейств из каждого королевства и поручил им заботиться о Кириях. Пять самых надежных, ответственных и бескорыстных людей спрятали их в надежных местах на земле своего королевства. Тайна Кирий передавалась из поколение в поколение, от отца к сыну и никто о ней не знал, кроме этих посвященных семей. Лапиния, Мурашия, Лаврения, Сталлия и Ростия начали развиваться дальше под недремлющим оком Кирий. Так получилось, что я стал последним из хранителей Кирии Ростии.

— Мда, так что же сейчас происходит? — вымолвил Кан, когда Кристан сделал паузу для перевода духа.

— Но создавая Кирий для отражения атак снаружи, Корень не предусмотрел нападения врага изнутри. Идолы бессильны против нападения брата на брата, и никак не реагируют на это. Это и является главным козырем Гариона. Каким-то образом он пронюхал про существование Кирий, и вычислил всех оберегающих. Первой пала Лаврения, где люди потеряли часть своей души и превратились в спящих наяву. Я не могу винить

старого Зинорака, который все рассказал Гариону о нашей тайне. В тот раз Гарион обрел тайну не обманом, а другим способом. Я бы тоже не выдержал, если на моих глазах стали по кусочку отрезать от жены и детей. Гарион похитил из королевств остальных оберегающих, в том числе и меня, пытками, угрозами и мороками выведал о четырех Кириях. Четыре королевства преклонились перед ним. Перед ним, а не перед королем Стимом, который является занавеской, и подписывает указы, подсунутые Гарионом. Четыре Кирии разбиты и расфасованы по мешочкам, которые с такой любовью снимала Татина. Единожды одетые, они сохраняют разум носящего, но стоит их только снять, как они сразу же теряют свои магические свойства, так как теряется духовный контакт.

— Так вот для чего там молодень-трава, она не дает угаснуть магической энергии камня и служит проводником в оба конца, привязывая часть Кирии к определенному человеку, — задумчиво произнес Кан, но, заметив, что все обернулись на него, поспешил извиниться. — Прошу прощения, Кристан, само сорвалось. Больше такого не повторится.

— Да продолжать собственно и нечего, пора уже заканчивать, и восхитительно пахнущее варево, скорее всего уже готово. Но пока оно слегка остынет, я все же закончу. Так как у меня нет родных, а жена умерла при родах, то и терять мне нечего, поэтому он до сих пор не может одолеть Ростию. Люди сопротивляются, как могут, но и их силы уже на исходе и вскоре Ростия и без Кирии будет уничтожена. Крайне неприятно смотреть, как на тебя с вилами наперевес и пустыми глазами идет дочь или сын переехавшие в другое королевство и попавшие под влияние войны.

— У нас тоже случались гражданские войны, где шел брат на брата, — встрял Павел, но Татина погрозила ему ложкой, и он сунул краюху хлеба в рот.

— Катастрофа же заключается в следующем — разбивая Кирии, Гарион знает, что получает верных и безропотных рабов, но в тоже время совершенно неспособных к деторождению. Просто им этого не нужно. Когда настоящие дети повзрослеют, постареют и умрут — человеческий род прекратит свое существование. Если нет страсти, нет и любви, и мы неизбежно катимся к краю пропасти. На век Гариона хватит рабов, а что будет дальше — для него неважно. Вот поэтому мы с вами должны отнести последнюю Кирию в святилище, где она создавалась. Там, на месте, она возродит остальные разбитые фигурки и сольется с ними, вернув человечеству то, что на время забрал Корень. После этого от Кирий останется лишь холодный

безжизненный камень, зато люди очнутся от своего состояния. Корень завещал вернуть идолов в святилище, как только у людей все наладится в развитии и мирном сосуществовании, но пять семейств решили не делать этого — уж больно хорошо все шло под надзором Кирий. Действуя во благо, наши семьи принесли великое зло и теперь нам с вами нужно это исправить.

— Благими намерениями вымощена дорога в ад, — проговорил Павел. Его глаза неотрывно смотрели в костер.

— Хм, я запомню, — ответил Кристан.

— А что будет, если мы не успеем? — Татина, разливая по мискам свою стряпню, робко задала волнующий всех вопрос.

— Тогда Кирия Ростии, лишенная подпитки остальных идолов, рассыплется в прах. Ростию постигнет та же участь, что и остальные королевства, — с печальным вздохом произнес Кристан.

— А почему Гарион просто не убил тебя? Нет человека — нет проблемы, как говорил один наш правитель, — блеснул познаниями Павел.

— Похоже, вам тоже не особо везло с правителями, — хмыкнул Кристан. — Не может Гарион убить оберегающего, пока не разрушена Кирия, иначе та сама выберет нового оберегающего и ищи его потом среди сотен тысяч людей. Однажды в Лапинии, в пьяной драке, погиб оберегающий, он не успел рассказать о своей тайне сыну, и Кирия перекинула духовную связь на другого человека. Вот он удивился, когда к нему пожаловали четверо избранных и поведали о смысле снов, которые начали сниться и о том, что его избрала Кирия. Он тогда не поверил и сперва хотел отказаться, но его уговорили. И если оберегающих на него вывели Кирии, то Гариону пришлось бы искать самому, и неизвестно, сколько бы времени это заняло. Поэтому он и заботился обо мне — не давал расходиться палачам, если это можно назвать заботой. Ну, хватит расспросов, а то я захлебнусь слюной при виде великолепнейшего варева, приготовленного вашей милой спутницей. Давайте же воздадим должное ее кулинарным способностям, да и на боковую — завтра нам предстоит долгий путь.

— Надо же, а я даже и не знал о существовании такого, — задумчиво проговорил Кан. — Сколько прожил, а все равно многого не знаю. Значит, если бы мы не подоспели вовремя, то Кирия Ростии рассыпалась бы на днях? Вот был бы подарок Гариону.

Татина толкнула его локтем в бок, наказав за такие мысли. Кристан усмехнулся на ее действия.

— Да, с момента уничтожения одной Кирии должно пройти

определенное время, в течение которого кто-то из оберегающих должен возродить ее, просто поставив на святилище другую. Иначе же по истечении этого срока Кирии попросту развалятся, унося с собой часть всех душ, и ничего нельзя было бы исправить. Гарион этого не знал, зато вызнал, где находится святилище и поставил возле него многочисленную охрану. Двоих из оберегающих Гарион перехватил на пути к святилищу с Кириями в руках. Откуда Железер узнал, что осталось мало времени я не знаю, сам лично не был с ним знаком. Говорили, что он якшался с Корнем, возможно, тот и оставил ему эту информацию о Кириях. Жаль, что он не может нам помочь, говорят, хороший был дядька, — Кристан принял из рук Татины плошку с похлебкой и принялся за еду.

Больше в этот вечер, а точнее глубокую ночь, кроме хвалебных слов Татине ничего больше не произносилось. Поев горячего, мы не стали бороться со сном, а провалились в его объятия.

Казалось, закрыл глаза лишь на миг, а меня уже поднимают и бесцеремонно запихивают в сумку. Немало огорченный этим обстоятельством, я попытался отблагодарить за столь неделикатную побудку, когда услышал Пашкин оклик: «Тихо, Кешка, не царапайся! Нам нужно срочно линять!»

Я моментально затих и позволил запихнуть своё тощее тельце в сумку, лишь поинтересовался причиной столь скорых сборов. Мне настоятельно порекомендовали обернуться на Башню, что я и сделал, пока сумку прикрепляли к седлу.

Там, откуда мы приехали, черное небо освещалось голубыми вспышками, словно кто-то смотрел гигантский телевизор, лежа перед ним на гигантском же диване. Пару раз вверх ушла молния — и это не могло быть предвестником чего-то хорошего и доброго.

Живенько собравшись, мы уничтожили следы нашего пребывания, точнее Кан кинул какую-то траву на пепелище, и оно быстро покрылось зеленью, неотличимой от остальной на этой поляне. Осталась лишь примятая трава от наших тел, но и она начинала подниматься, принимая первоначальный вид.

— Поехали! — взмахнул рукой Кан в сторону все еще темного неба на западе. Мы тронулись настолько быстро, насколько позволяло освещение и движение по лесу.

Ума не приложу, как лошади накануне не переломали себе ноги, ведь на земле валялось множество поваленных стволов, то и дело встречные деревья хвастались огромным корнем, выпирающим из земли.

— Это, скорее всего Гарион прибыл в Башню Безмолвия и

теперь сердится, не застав меня на обычном месте, — усмехнулся Криста., - А может Колуну делает внушение за разгильдяйство и недосмотр.

— Вернемся и посмотрим? А то, что мы напрасно мучаемся догадками? — съязвила Татина.

— Нет уж, благодарю. Я лучше помучаюсь морально, чем он помучает телесно. Он и так меня измордовал до полусмерти, пытаясь узнать, где я прячу свой маленький секрет, — ответил Кристан.

Пока что только мы с Павлом знали его маленький секрет — что он обернулся лошадью. Но почему-то он не торопился нам его раскрывать, а Павел уже успел научиться держать рот на замке. Лишь изредка поглядывал на Татину и Кана.

Начали прокашливаться птицы, готовясь приветствовать зарождающийся день, цветы на полянках покачивали распускающимися головками. Где-то вдалеке забарабанил заяц, видимо созывал себе подобных на зарядку. Из-под копыт коней шарахались во все стороны испуганные мыши. Они пищали так призывно, что мое сердце не выдерживало и я пару раз пытался вылезти из сумы, но здравый смысл и природная лень щелкали по носу. Эта невозможность удовлетворить охотничьи инстинкты так выматывала нервы, что я начал докапываться до дремлющего в седле Пашки:

«Друг мой разлюбезный, я понимаю, что тебя поднять подняли, а вот разбудить забыли. Однако открой свои глаза и заодно развей мое любопытство. Спроси у Кристана — куда мы направляемся, еще хотелось бы узнать, как нам вернуться домой?»

Павел потер лицо и зевнул: «Кешка, даже мне ясно, что сейчас мы направляемся за каменным идолом, чтобы сунуть его в святилище. Гарион тогда крупно обломается, а потом и его самого за жабры возьмем. Ну, а там уже и домой будем собираться. Понял?»

Эх, доверчивая душа, хоть бы спросил — далеко ли нам ехать, долго ли биться красивому коту о жесткий конский бок и когда будет привал, а то мы в спешке даже позавтракать не успели. Все это я выложил Павлу, он лишь отмахнулся от меня. Но о моей настырности в достижении поставленной цели во дворе давно ходят легенды, поэтому так просто от меня не отделаешься. Я начал ныть и вскоре достал Павла до такой степени, что он переадресовал мои вопросы Кристану.

— Нам день до того места, где я спрятал Кирию и еще день до святилища. Хотя если поторопимся, то будем уже завтра праздновать победу над кознями Гариона. Однако я не знаю, как

его самого одолеть, и, пока едем, можно занять мозг решением этой проблемы. Но тебе не особенно придется ломать голову, раз на шее есть амулет Корня, — ответил Кристан. — Довольно-таки забавная штука — незаменима для шпионов и убийц.

— Ты тоже знаешь про него? Все, кого я только не встречал на пути, что-либо да знают. Может, ты тоже расскажешь что-нибудь новенькое? — спросил Павел.

— Нет, всё что я знаю, так это то, что с его помощью можно натворить много плохого, — ответил Кристан.

— А как нам вернуться домой вам тоже неизвестно? — не отставал Павел.

— Увы, молодой человек, я этого не знаю — ответил Кристан.

— Тогда давайте остановимся и примем бой с Гарионом! Сколько же можно бежать от неизвестного? — громко, так чтобы услышали Кан с Татиной, сказал Павел. Он развернул худенькие плечи и выпрямился насколько можно.

— Нет, у Железера тоже был амулет и что в итоге произошло? Давай уже сделаем одно дело, а потом займемся другими, а то время немного поджимает, — остальные покивали, соглашаясь с предложением Кристана.

Тогда Павел от нечего делать, начал вертеть в руках амулет, гадая об остальных пропавших лучах. Потом просто начал пялиться на негромко переговаривающихся Татину и Кана. Хотя, по большей части он смотрел на скачущую Татину, на ее ровную посадку и взлетающие при каждом скачке волосы, или что там у нее еще взлетало. Я начал было засыпать, когда неожиданно прокатившийся знакомый холодок заставил мою шерсть встать дыбом.

«Ты чего это, Павел?» — поинтересовался я. «Я нечаянно повернул луч, э-э-э, гномьего умения видеть в темноте. Так при скачке получилось!» — смущенно передал он мне свою мысль. Кан с Татиной были далековато от нас и ничего не заметили, а Кристан только поежился от неожиданно налетевшего холодного ветерка.

Бегунок и лошадь Татины вскидывали головы и шумно вдыхали воздух. Причина такому поведению открылась довольно быстро, вековые сосны и буки сменились молодыми березками и елочками. Вскоре и те начали редеть, и перед нами открылась широкая полоса реки.

Она раскрылась перед нами своими обширными просторами, лениво перекатывала небольшие волны и выплескивалась на песчаный берег. Небольшой пляж медленно спускался в воду, частый камыш по его краям тихо шуршал, перешептываясь. Две-три чайки реяли на середине реки, то взмывая, то опускаясь на

тягучую рябь.

Все было так спокойно и величественно, что хотелось остаться здесь и внимать этому спокойствию бесконечно долго. Теперь я понимаю Семена Алексеевича и его вечную страсть к рыбалке, ранним сборам и отлучкам по выходным. Рыбу он приносил редко, и та вся доставалась мне, так что не для выгоды он ездил на озеро. Семен Алексеевич ездил ради этого спокойствия, ради встречи утреннего солнышка и наслаждения тишиной. После спевки тещи и жены нервы портились очень сильно, а тут бальзамом на сердце лились безмятежность и покой.

Павел тоже застыл перед открывшейся красотой. Он — дитя города, и тоже оробел перед таким величием природы. Нет, конечно же, отец пару раз брал его с собой на рыбалку. Может для приучения к этому достойному настоящего мужчины занятию, а может как отвлекающий фактор для комаров. Но в нашем озере так мало воды, что даже я смог бы переплыть, если бы была такая нужда. С открывшимися нам просторами даже не сравнится.

Однако местные жители не разделили нашего восторга и восхищения. Оно и понятно — когда видишь прекрасное каждый день рядом, быстро привыкаешь и перестаешь обращать внимание.

— Ну чего рот раскрыл, Павел? Ждешь, пока лещи начнут прыгать в рот? — спросила Татина.

— Отстань, старушка, я в восторге, — перефразировал цитату из любимого фильма Павел. — Тебе не понять, Татина. Ты же постоянно это видишь, а я редко и в полглаза.

«Давай тогда остановимся и подождем верховного мага, наверно он также постоит в лирическом блаженстве. Нет, Павел, как здесь не красиво, но все же придется ехать дальше, и лучше бы по суше. Кстати, спроси у Кристана куда» — в этот раз я был на стороне Татины.

— Да-да-да, куда нам дальше, Кристан? — как-то отстраненно задал вопрос Павел бывшему узнику, молча взиравшему на реку.

— Туда, Павел, — Кристан взмахнул рукой в направлении другого берега, — Туда.

— На конях не переплывем, — сказал Кан, Бегунок сделал круглые глаза и активно помотал головой, подтверждая его слова. — Так что нужно построить плот. Павел, на тебя одна надежда, на тебя и на твой амулет.

— Может не надо? Может, сами справимся? Я могу веток натаскать, Кристан весит немного. Он быстренько туда-обратно

смотается и вернется. А то Павлу ничего доверить нельзя, кроме командования в своем мире. Бессмысленно командовать и строить умные лица он уже научился, — съехидничала Татина. Как обычно она не могла остаться в стороне.

— А может Татину в речку бросим, все равно то, из чего она состоит, не может утонуть? — вспыхнул Павел.

Напрасно он так резко ответил, Татину как будто прорвало и её ворчание не затихало ни на миг, пока строился плот.

Павел же прикинул варианты и воспользовался орочьим умением, умчался в лес с огненным мечом в мощных руках. Вскоре там раздались сухие выстрелы ломающихся веток и иногда гулкий удар падения деревьев. Кан с Кристаном тоже не стали рассиживаться, а пошли в заросли ивняка, и через какое-то время, в ходе которого раздавался мат и треск, изрядно поцарапанные вернулись назад. В руках они несли целые охапки длинных, тонких прутьев. С хрустом распрямив спины, они тут же принялись плести канаты.

Татина, не переставая ворчать и возмущаться, все же принялась готовить обед, справедливо рассудив, что и она может принести пользу. Я тоже внес свою лепту в общее дело, то есть не стал мешаться под ногами, а начал терпеливо принимать солнечные ванны. Надеюсь, что свою миссию я выполнил в полной мере.

Вскоре, кряхтя и пошатываясь под тяжелой ношей, появился Павел. Он с задумчивым лицом нес на своих плечах три здоровенных бревна, и когда он их скинул с плеч, меня аж подкинуло, так силен был удар о землю. Земля еще немного погудела и затихла, Павел же в это время успел перевести дух и вытереть пот со лба. Затем, цыкнув зубом, он отправился снова на лесозаготовку.

— Болван такой, идиот, готовишь ему, стараешься, а никакой благодарности. Хам, неудачник! Зачем я еще с ним связалась? Да и эти тоже хороши, сидят, плетут свои веревки, и нет им никакого дела, что рядом девушка и вся в расстроенных чувствах. Вот плюну им в суп и будут знать, как издеваться над беззащитной мной, — поделилась своими мыслями Татина, когда мне посчастливилось подойти и понюхать воздух около костра.

Я же предельно ушел в себя, думал о более приятных вещах, о рыбках, о мышках (даже пара ужиков проскользнула), но не переставал делать вид, что очень внимательно слушаю. Этот способ «слушать не вслушиваясь» был успешно применим мной по отношению к знакомым кошкам. Они щебечут себе, а я лежу с умной мордой, думаю о прекрасном и изредка киваю. Вскоре это принесло свои плоды — обо мне прошел слух, как о крайне

заботливом и внимательном самце, который «не только серенаду споет, но и сам выслушать готов, не то что другие, которым только одно нужно». Познакомиться с такой редкостью приходили кошки с соседних дворов, и даже парочка с другого конца города. И я пользовался своей популярностью в полной мере, пока не открыл секрет знакомым котам. Те в свою очередь разболтали кошкам, и моя слава тут же угасла. Некоторые даже посчитали себя обманутыми, и шипели при встрече. Вот и сейчас этот способ сыграл мне на руку — Татина за такое внимание к своим бедам и заботам подкинула шматок мяса, которому я тут же воздал должное, не переставая фиксировать происходящее.

Кан с Кристаном тихо переругивались на берегу в попытках выяснить, чей способ плетения лучше. В конце концов, они пришли к полному соглашению, поскольку Павел, в очередной раз бухнув бревнами о землю, посоветовал им не заниматься ерундой, а сплести прочный канат, а не слабенькие, но красивые веревочки. Спорящие почесали головы, и принялись за дело. Вскоре толстый канат начал складываться в кольца, беря свое начало в умелых и ловких руках. Оба работали настолько слаженно, словно всю жизнь только и занимались переплетением ивняка. Если их перенести в наш мир, да еще и за плетение корзин посадить, то через годик-другой даже у меня бы появилась собственная машина.

А Павел, еще дважды сбросив ношу с плеч, сидел на пеньке и отдувался, распаренный и красный, словно только что из бани. Джинсовая куртка, и так уже изрядно помятая и грязная, и вовсе превратилась в безрукавку, открывая на всеобщее обозрение, что с обычными руками может сделать орочье умение. Огромные мышцы бугрились на руках, по ним, словно шнурки, струились вены, каждый кулак был размером с хорошую дыньку. В целом очень удручающее зрелище. Павел, заметив что я кошусь на его руки, только кивнул.

«Сучком зацепило, руке ничего, а вот рукав напрочь оторвало. Ну, а второй для симметрии оторвал, зашивать все равно некому. У Татины бесполезно просить что-либо еще дня два-три, видишь как злорадно зыркает?» — Павел кивнул в сторону костра.

Татина в ответ на наши взгляды лишь высокомерно вздернула носик, почти коснувшись им верхушек сосен, и отвернулась от неблагодарного мужского рода. Бурчать не перестала — не даром же самой сильной мышцей у человека считается язык. Вот она его и тренировала, не давая отдыха, трещала без умолку, и ни разу не повторилась. Остальные не обращали на нее внимания, лишь помотали головами, когда она

позвала всех на обед, ответили, что голодными работается лучше. С такой постановкой вопроса я не согласился и начал тереться о ноги нашей ворчливой спутницы, чем и заслужил порцию душистой похлебки. Смешные люди — их слегка приласкаешь, они и тают как весенний снег.

— Кушай, котик, кушай. Вот вырастешь большой и сильный, тогда и съешь своего хозяина, дурака такого, — говорила Татина, глядя на меня.

Я бы мог ей много чего на это ответить, но меня понимал только Павел, да и рот был занят… и настроение не то… В общем, я смолчал.

Павел, отдышавшись, принялся перетаскивать бревна на пляж, до половины погружал в воду, где уже стоял мокрый Кан с канатом наперевес. Стоило Павлу выровнять бревно по отношению к остальным, как Кан тут же набрасывал канатную петлю и вдвоем они присоединяли его к другим. Бревна лежали без зазоров и трещин — Павел постарался, стесав неровности огненным мечом. Спустя полчаса, умудрившись никого не зашибить бревном, Павел праздновал окончание постройки. Кан с Кристаном только слабо улыбались и дышали как загнанные лошади. Бегунок присматривался к ним, видимо старался запомнить, чтобы грамотно симулировать при случае.

И вот уже скрепленные вместе бревна образовали надежный помост, на котором уместились бы все мы вместе с конями. Бревнышко к бревнышку. Я даже залюбовался, сыто щурясь от солнечных зайчиков, прыгающих по воде. Павел, для большей уверенности, стянул плот еще и посередине.

— Хватит измываться над поленьями, мы же не в кругосветное плавание собрались, а всего лишь на другой берег этого ручейка. Я до сих пор не могу понять — почему бы не сплавать одному Кристану. Он бы мушкой метнулся туда и обратно, а мы бы пока по ягоды сходили. Ну да ладно, идите есть, пока все окончательно не остыло, — Татина сменила тон на более мягкий.

— Красавица ты наша, все же объяснили и разжевали давно. Не хочу повторяться, поэтому всем приятного аппетита и после обеда поплывем на другой берег, — старый Кан сказал, как отрезал.

Татина, все так же недовольно бурча себе под нос, разложила по тарелкам похлебку и отошла к реке мыть котелок. Эх, как же я люблю смотреть как другие работают… Развалившись на солнце, я лениво потягивался и не ожидал пока никакого подвоха, когда он не преминул случиться.

Глава 11

— Доброго аппетита, люди, — раздался за спиной у Пашки знакомый голос.

Мои спутники едва не подавились ложками, а Кристан и вовсе перекусил ее у черенка. Меня же подбросило от неожиданности и отчасти от досады. Как же так — кто-то смог подойти вплотную, а я даже не ухом не повел!! Похлебка! Проклятая, но очень сытная и вкусная похлебка разморила меня, а заодно и мои чувства. Такого раньше никогда не было, пора садиться на диету, начинать вести активный образ жизни и ни в коем случае не признаваться, что старею.

Нет! Не старею! И никто к нам не подкрадывался, словно камень упал с души, когда я обернулся на предмет обнаружения нахала, не дающего людям спокойно поесть. Из пня, на котором еще совсем недавно сидел Павел, высовывалась улыбающаяся голова Крохма.

— Куда это мир катится? То раньше недомерки проходу в горах не давали, теперь уже из пней как опята вырастают — прокомментировал Кан появление Крохма. — Скоро плюнуть будет некуда, чтобы не попасть во встопорщенную бороду.

— Вы, судя по любезным словам, великий отшельник Кан, — усмехнулся Крохм, выбирающийся из потайного хода, замаскированного под пенек. Кан с достоинством кивнул. — А этот мужчина, скорее всего тот, кого вы искали?

— Да, Крохм, это он. И вытащили его из Башни Безмолвия, потом как-нибудь расскажу. А вот как вы тут оказались, вдали от своих гор? — спросил Павел, обнимая Крохма и наблюдая, как следом за ним из пенька вылезают еще двое человечков с топорами в руках.

— Я все же уговорил своего отца устроить чистку подземелий. Боевые тройки отправились по всем прорытым коридорам в поисках приключений на мягкие места. Ну и я тоже отправился в составе прочих — не мог усидеть без дела, пока другие добывают военную славу. В пути нам встретились еще четверо зверюг, подобных тем, на кого наткнулся Зимор. Так же мы узнали о судьбе двух наших собратьев, забравшихся далеко от нашего королевства. Ну и люди по пути тоже попадались, вернее то, что от них осталось. Зверюги попытались закусить нами, но не смогли прогрызть кольчуги, хотя синяков наставили изрядно. Зато мы их уговорили покинуть наши коридоры, а вместе с тем и нашу бренную землю, — Крохм бесцеремонно забрал у Пашки нетронутую чашку, и, причмокивая, продолжил. — Общаясь по

нашей сети, мы выяснили, что другие тройки заломали еще несколько десятков зверюг. А мы как раз оказались под вами и, услышав треск, шум и грохот падающих деревьев, решили выяснить — кто тут балуется.

— Ну, это вы удачно зашли, — глядя как уничтожается его похлебка, поговорил Павел. — Нет-нет, я конечно не считаю, что ты уже десятую ложку ешь и все еще не распробовал. Шучу-шучу, лопай давай.

— А что это вы за сооружение сделали — никак на другой берег собрались? — поинтересовался Крохм, пока его спутники сосредоточенно жевали хлеб и мясо, причем свои, потому что Кан с Кристаном сразу же отодвинулись с тарелками в сторону.

— Да, — не без гордости в голосе ответил Павел, — думаем сплавать туда-обратно, может там рыбалка лучше. Еще и вещицу надо одну забрать, крайне нужную.

— А-а-а, вы про запрет-то и не знаете ничего? — спросил Крохм, и, увидев недоумение во взглядах, пояснил. — Гарион четыре месяца назад наложил на пересечение реки магический запрет. Теперь на другой берег можно перебраться лишь по трем мостам. Однако там выставлена такая охрана, что проскочить может лишь муравей, и то ему порядком настучат по усикам.

— Что за запрет? Может, мы Гариону не расскажем, что пересекли реку и у него не будет повода расстраиваться? — задумчиво проговорил Павел, посматривая на Кана. Остальные же задумчиво посматривали на плот, на который убили так много сил.

— Надо же, он и это предусмотрел, — произнес Кристан.

— Эх, Павел, тебе лишь бы шутки шутить, а между тем нас к вам послало само провидение — с этими словами Крохм извлек из рюкзака какие-то части механизма и, споренько собрав их воедино, поднял с земли арбалет. Затем натянул тетиву и направил его в сторону реки. — Смотри же, дружище, от какой оказии тебя спасаю.

Сухо щелкнула тетива, отправив железную стрелку, или как ее называют «арбалетный болт», в недолгое и неувлекательное путешествие. Спустя несколько мгновений в двухстах метрах от берега вспыхнул синий всполох, и вода зашипела в тех местах, куда на нее попали раскаленные капли металла. Мои спутники вздрогнули от такого зрелища, а мне расхотелось даже пить эту воду.

— Здрасте, приехали, то есть приплыли, — задумчиво высказал общую точку зрения Павел. — Ну и где тут поблизости мост? Теперь уж никакая охрана меня не остановит.

— На сей раз остановит, Павел. У них четкие указания рубить

и жечь канаты и опоры, если на каком-нибудь берегу возникнет свара. Наши разведчики вызнали всё это из разговоров стражей, охраняющих подступы к мосту. Так что мы и не пытались ни переплыть, ни перелететь Великую реку. Однако не стоит вешать носы раньше времени, друзья мои, — ободряюще хлопнул по Пашкиному плечу Крохм. — Магический запрет идет по воде и по воздуху, а вот под землей Гарион не смог его распространить, или не посчитал нужным. Так что перестань считать съеденные мной ложки этой восхитительной похлебки, а лучше поблагодари небо за посланный вам подарок — самого красивого и обаятельного гнома, то есть меня.

— Ты хочешь сказать, что… — с замиранием сердца произнес Павел. Остальные подняли на гнома глаза.

— Да! У нас есть дорога под рекой, однако лошади там не поместятся. Придется кому-либо из вас остаться с ними, либо оставить их на съедение волкам. Тпру!!! Тихо-тихо, я пошутил!!! — завопил Крохм, когда увидел с каким зловещим выражением на морде к нему начал подкрадываться Бегунок.

Бегунок фыркнул ему в лицо и повернулся задом, демонстрируя отношение к его юмору. Лошади Татины было всё абсолютно безразлично, как и на протяжении всего нашего путешествия.

— Ну, надо же, какой предусмотрительный — проговорил Кристан. — И это он предугадал и то, лишь ваше появление ну никак не вписывалось в его планы. Что же, Крохм, показывай свою заячью нору. Быстренько смотаемся на тот берег и еще быстрее вернемся. Вы, друзья, даже соскучиться не успеете.

— Ага, и пропустить возрождение человечества? Да ни за каких сочных мух! — Кан даже привстал от возмущения. — Я себе никогда этого не прощу, да и нашу сварливую болтушку надоело слушать до колик в животе.

— Кристан, а далеко ли ты спрятал Кирию на другом берегу Великой реки? — Кристан отрицательно покачал головой, тогда Павел продолжил — У меня есть предложение, которое устроит всех: Крохм покажет дорогу на ту сторону, ты укажешь, как добраться до тайника, а я, с помощью амулета, вмиг домчу вас туда. За час с небольшим мы можем обернуться, а в это время два героических гнома послушают рассказы Кана о прошлых временах, ну и обеспечат охрану заодно. Согласны с такой постановкой вопроса? — обратился Павел ко всем присутствующим.

— Павел, ты меня оставишь с этими мужланами? Лицо вон того мне кажется знакомым — кажется это он покушался на мою филейную часть тела, — указанный гном активно замотал

головой. — А со старый Кан вообще пытался два раза меня утопить. Первый раз в пещере, а второй раз — когда не сказал, что в ручье водятся жабы.

— Павел, и с этой мстительной особой ты хочешь меня оставить? Да она при любом удобном случае полоснет меня ножом по горлу, потом скажет, что так и было, только вы раньше не замечали. И я еще раньше упоминал, что гномы надоели мне хуже грыжи, так теперь ты предлагаешь провести неопределенное время в их компании? Нет, нет и еще раз нет! — Кан сложил руки на груди и отвернулся.

Его жест повторила и Татина, гномы тоже попытались сделать это, но под испытующим взглядом Крохма их руки сами собой опустились. Потом Кан ходил по поляне, размахивал руками и горячо доказывал, что его особа крайне необходима в предполагаемом путешествии. Татина доказывала обратное, успевая рекламировать себя, как незаменимый элемент. Гномам же было по фигу. Их политики придерживалось и конское племя. Мне было также всё равно — я наелся и теперь грелся на солнышке.

Еще несколько минут Кан с Татиной препирались по поводу того кто останется с лошадьми, те же флегматично жевали траву, лишь изредка пофыркивая в особо эмоциональных местах. Наконец Павлу это дело надоело и он, кинув в сердцах какой-то комок земли в костер, встал в полный рост.

— Отставить капризы! — громко скомандовал Павел. — Я не могу взять всех, а у нас на хвосте Гарион. Поэтому будет так, как я сказал! Крохм, подойди ко мне, будем привязывать тебя к животу, будешь указывать на ориентиры. Кристан, когда мы будем в подземных коридорах — крепко прижмись ко мне и ни в коем случае не отпускай. Всем остальным ждать нашего возвращения!

Ого, таким Павла я ещё никогда не видел — настоящий командир. Кан с Татиной застыли с раскрытыми ртами, для них подобное поведение Павла тоже было в новинку.

«А ты, Кешка, как только мы уйдем, сделай вид, что погнался за мышью и спрячься в лесу, в самом надежном месте. Скоро тут будет жарко, потом объясню — сейчас крайне некогда» — привязывая Крохма к своему животу и не глядя на меня, передал свои мысли Павел.

«То есть как?» — опешил я, еще недавно пребывавший в полном расслаблении и дремотном состоянии.

«Просто уходи, не торопясь, но поспешая. Главное — не вызывай подозрений! Как только мы уйдем!» — Павел еще раз проверил надежность закрепления Крохма и полез в отверстие

пенька. Кристан, пожав плечами, полез следом. Вскоре небольшой холодок возвестил о начале их пути.

— Ну вот, теперь жди их, и непонятно кто еще первым появится — Павел или Гарион. Ну что, недомерки, наелись хлеба или может похлебки с нами поедите? — Кан протянул свою плошку, до половины опустошенную, двоим молчаливым охранникам. Те жадно сглотнули слюну и закивали в ответ.

Я же кинулся в сторону кустов и начал активно шуршать листвой, потом метнувшись пару раз туда-сюда, с диким мявом кинулся за деревья. Еще некоторое время было видно полянку, затем она скрылась за толщей деревьев, но я успел услышать слова Татины:

— О как! Вроде бы ленивый котяра, а как за мышом шмыганул, вот что значит инстинкты. А вы чего глаза вылупили? Или вам супчик не хорош?

— Гаруш монахат!!! — вдруг громко гаркнул Гарион, и вслед за этим послышалось глухое падение двух тел.

Опаньки, а чего это там? Я потихоньку повернул обратно и в лучших традициях индейцев прополз на брюхе до ближайшего пенька, за которым открывался вид на поляну. Открывшаяся картина не порадовала меня. Ничего не понимаю… почему же так?

Кан копался в своей сумке, доставая какие-то травы, перекладывая и упаковывая их, что-то шепча себе под нос. Татина сидела молча, устремив взгляд на другой берег реки. Гномы же лежали рядом, как два бревнышка в нашем плоту. Бегунок с лошадью Татины стояли, наклонив головы до земли.

Кан начал махать какой-то веткой над костром, тот в ответ потрескивал и отплевывался искрами. Дымок как живой стал уходить в лес, тонкой струйкой огибая деревья и кусты. Кан удовлетворенно потер руки и повернулся к сидящей Татине.

— Как же все хорошо складывалось, если бы не эти маломерки. Сгорели бы эти обалдуи и никакой бы им амулет не помог, теперь же сиди и жди их. Надеюсь, на этот раз он успеет к нам подойти, а не как обычно запутается в своей мантии, — Кан заговорщицки подмигнул Татине.

— Ну тогда бы Кирия выбрала другого хранителя и поди ищи его как ветра в поле. А тут они сами появятся, да еще и с Кирией на тарелочке, — заторможено ответила Татина.

— Да-да-да, для полной коллекции не хватает этого кошака. Поди, поищи его, девочка, и не важно, как ты его найдешь — живого или мертвого, — сказал Кан, закончив свои манипуляции с растениями.

Татина кивнула и, поднявшись, двинула в мою сторону. При

этом она покачивалась и неловко переступала ногами, запинаясь, но удерживаясь на ногах.

— Кис-кис-кис, — звала меня Татина, неся в руке мозговую кость с кусками мяса на ней.

Ага, вот так вот я и вылез к вам. Да за кого вы меня принимаете? Хотя если честно была мыслишка вылезти и узнать все подробнее на месте — может быть Кан решил всех погрузить в сон до Пашкиного возвращения. Ну, может он решил дать всем отдохнуть, да и время быстрее пролетит. Мои мысли были в смятении — все же Павлу я доверяю, но и с Татиной мы не первый день вместе, да и Кан рыбкой угощал…

Моя душа раздиралась противоречиями, пока тело лезло на дерево, чтобы не быть найденным искательницей самых умных котов. Нет, Павел мне как брат — хороший или плохой, но я других не знаю. Пусть у нас не всегда всё гладко, однако роднее его в этом мире нет.

Татина так меня и не нашла, хотя и прошла под деревом дважды. Девушка без каких-либо эмоций на лице вернулась обратно к костру. А я разлегся на широкой ветке, полностью утонул в её ложбинке и оставил наверху лишь глаза и уши.

— Ну ладно, дался нам этот кот, все равно только жрет да гадит. Хотя в роли медведя он был совсем ничего! А все-таки мне можно было пойти карманником, опять подкинул травку и опять незаметно, — усмехнулся Кан, когда Татина развела руками, вернувшись без меня.

— У этого кота мысленная связь с Павлом, он может его предупредить о засаде. Так что его нужно найти и обезвредить! — ответила Татина бесцветным голосом.

— Он не сможет его предупредить — попросту не успеет. Помоги положить мелких красавцев на пенек, пусть прикроют пока выход. Вдруг вернутся наши бегуны… Да и кот не сможет туда пробраться, — Кан двинулся к лежащим гномам. Вместе с Татиной они выполнили задуманное и использовали спящих в качестве запора.

Затем Кан сел и закопошился в своей сумке, изредка поглядывая на кусты, в которых ранее скрылся ваш покорный слуга. Скорее всего, этот отравитель ожидал моего появления. Ага, как же — дурака нашел. Да я теперь до Пашкиного появления не слезу, хотя все мои мысленные позывы и не находили ответа. Может земля не пропускала, или он был настолько далеко, что попросту не слышал.

«Пашка-а-а-а! Паша-а-а-а! Отзовись же бугай перекачанный!» — в ответ лишь молчание.

Татина сидела, повернувшись лицом к реке, безучастная ко

всему, и лишь изредка, по просьбе Кана, поднималась и снова ходила меня искать. Когда она проходила под деревом, я даже дышать переставал, и стойко выдерживал нападения муравьев, которые устроили муравейник под деревом. Судя по всему, я залег на пути их каждодневного променада, поскольку сотни муравьев прошлись по моей шерсти, и каждый десятый считал своим долгом выразить свое возмущение присутствием лохматой персоны. Спина от их укусов чесалась неимоверно, однако я терпел.

Так прошло два часа: лошади спали, гномы храпели, Кан копался в сумке и что-то бурчал под нос, Татина же безучастно смотрела на природу, а я героически терпел муравьиные поползновения и не сводил глаз с полянки. Кан подкинул дрова в костер, и тот посылал дым в одном ему известном направлении.

Затем Кан встал, слегка потянулся, погладил по голове Татину и скомандовал идти за ним. Та кивнула. Вместе они, кряхтя и пыхтя, столкнули бесполезный плот в воду и остановились на берегу, наблюдая, как течение удаляет его от берега и приближает к центру реки. Похоже, Кану захотелось фейерверка, и в скором времени он его получил. Творение изощренного ума и невероятной Пашкиной силы, величаво покачиваясь, встало ровно на середине реки и тут его настигло заклятие Гариона. Последовала яркая синяя вспышка и плота не стало, в разные стороны разлетелись горящие мелкие щепки, дождем усыпали место, где только что был плот.

— Ай да красота!!! Вот так бы и они брызнули по всей реке, не появись этот наглый гном. Как тебе такая смерть, девушка-болтунья? — Кан захлопал в ладоши от избытка чувств.

— Красиво, и ничего бы не спасло, — медленно выговорила Татина, после чего повернулась и пошла на свое место. Там она вернулась к прерванному занятию — меланхоличному обозрению реки. Почему-то она не уснула, как гномы и лошади, что-то с ней явно было не так.

Между тем вдалеке возник треск и отголоски громкой ругани. В нашем направлении кто-то двигался, и этот кто-то явно не был настроен дружелюбно.

— Ну, наконец-то, как всегда нетороплив и неповоротлив. Готовь закуски, девочка моя, к нам гости скоро пожалуют, — Кан повернулся к Татине и насмешливо подмигнул. Та начала подражать недавним действиям Кана, то есть закопошилась в сумах, доставая всю снедь, что там осталась.

У меня же внутри поднималась и крепла уверенность, что нашему приключению приходит окончательная и бесповоротная амба. А Павел так все и не отзывался!!! Я уже совсем отчаялся и

собрался с поднятыми лапами идти сдаваться бульону и мясу, чем пропадать на голодный желудок и покусанное тело, когда в моем сознании возник далекий Пашкин голос: «Кешка! Ты еще живой?» Какой же он все-таки заботливый!!!

«Твоими молитвами, друг мой, исключительно твоими молитвами!» — ответил я ему, причем постарался вложить в мысли как можно больше сарказма.

«Не сердись на меня, объясню все потом! Опиши в двух словах ситуацию на поляне?» — Павел так и не появился в поле зрения, оставаясь под землей.

Ну, я и передал ему два слова, не считая предлога, которые наиболее часто употреблялись в компании выпивающих на лавочке мужчин.

«Не ругайся и не сердись, счет идет на секунды. Так что давай рассказывай, что у вас там творится!!!» — снова спросил он со всей строгостью, на которую был способен.

Да я и сам понимал, что закончились детские игры, и началось что-то более серьезное, но такой уж у меня характер и ничего не могу с собой поделать. Как мог кратко и по существу, опуская свои домыслы и догадки, я рассказал о проказах Кана. В ответ тишина, никаких мыслей в сознание не поступало, а тут еще и птицы в лесу притихли. Раздавался голос Кана, дающего указания Татине, стук ножа по дереву, когда та резала мясо и овощи на покрытой платком валежине, да шелест волн вперемешку с шорохом камыша. Далекий треск, посапывание лошадей и похрапывание гномов я в расчет не брал.

«Павел, а ты где? Чего молчишь? Ушел что ли?» — спросил я с замиранием сердца.

«Думу думаю, вот и молчу. Ладно, сиди, где сидишь и не высовывайся, я скоро!» — раздались Пашкины мысли и все, снова молчание в эфире. Сколько его не вызывал — он так и не отозвался.

Жизнь становилась все лучше и лучше — муравьи продолжали свое мерзкое дело, Татина кашеварила, не отвлекаясь ни на что, Кан радовался неизвестно чему, а это неизвестно что с грацией танка перло через лес в нашем направлении. Треск и ругань становились все более отчетливыми, кто-то один громко распекал провинившихся людей. Словно учитель труда делал внушение курящим в туалете старшеклассникам, только матерных образов чуть больше и порой слова сопровождались звуками ударов. Правду люди говорят, что ожидание смерти — хуже самой смерти, я весь извелся, ожидая появления гостей Кана.

Пронеслась в голове подлая мыслишка, что Павел попросту

испугался и умчался в неведомую даль, кинув меня здесь одного. Однако я быстро отловил подленькую мыслишку и раздавил ее в зародыше. Если не Павлу, то кому здесь ещё верить? Явно не лягушке-перевертышу, старому Кану, который суетился возле Татины, то подбрасывал дрова в костер. Нет, ни в коем случае! С товарищем мы прошли огонь, воду и медные трубы, поэтому я терпеливо ждал его возвращения.

«Пашка!!!»

Да где же его черти носят?!! Похоже, что муравьи приняли мою шпионскую недвижимость за скоропостижную кончину и вознамерились спустить бренное тело поближе к своему дворцу. Я же всё молчаливо сносил как истинный японский ниндзя. Это упорство оценили муравьи. Подлезая под меня целыми толпами, они медленно, миллиметр за миллиметром, подтаскивали к краю ветки. Еще немного и я с мяуканьем сверзился бы вниз, нарушив свою маскировку. Пришлось лапами и хвостом отбиваться от этих нахалов, которые опять начали возмущаться — «почему это я живой и какого рожна на их дороге развалился?» Хорошо, что Кану с Татиной было не до меня, иначе мое местоположение было раскрыто. На какое-то время злыдни с усиками все же успокоились, хотя время от времени покусывали.

Увлеченный борьбой за место на ветке, я не сразу понял сигналы, передаваемые мне левым ухом. Нет, ухо не хлопало по щекам или спине, оно слышало и выделяло легкий шорох со стороны реки. Этот шорох почти заглушен гвалтом приближающихся гостей и шелестом камыша, но мой обостренный нервами слух почему-то упорно акцентировал его. Кто-то тихонько крался и старался оставаться незамеченным.

«Павел! Павел!! Павел!!!» — еще немного и я замяукал бы в голос, доведенный до отчаяния неординарной ситуацией и назойливыми соседями. Лишь страх обознаться и быть раскрытым, удерживало от этого опрометчивого поступка. На мысленный зов не было ответа…

— Все, девочка, снимай с огня варево и встречай дорогих гостей радостной улыбкой! А там смотришь и жива останешься, если повезет, конечно, — рассмеялся Кан.

На лице Татины не отразилось никакой реакции, даже носом не шмыгнула и глазом не моргнула. Все также успешно пародировала Снегурочку. Не говоря ни слова, она сняла котелок и поставила среди прочей закуски. Запахи, доносящиеся с поляны, вызвали у меня бурное слюновыделение, чуть не захлебнулся пока сглатывал. Вот смеху-то было бы — утонул на дереве…

Среди гущи деревьев мелькнула фигура человека, которого я

сейчас хотел бы видеть меньше всего. Хотя почему только сейчас? Вообще никогда бы с ним не встречаться!!! Тот, из-за кого моя жизнь превратилась в сплошной антисанитарный кошмар, из-за кого я не доедаю, не досыпаю и не доворовываю, шел неспешной походкой по направлению к костру. Благообразный старец с развевающейся бородой и кислотно-зелеными глазами в желтом балахоне гордо вышагивал в окружении разномастной свиты. Он шел ровнехонько по струйке дыма, стелящегося от костра. Когти непроизвольно сжались и впились в сук, хорошо еще под их острые края не попали муравьи — этого бы они мне точно не простили.

«Пашка!!! Забери меня отсюда!!!» — у меня начиналась тихая истерика. Шерсть сама собой приподнялась на затылке.

По бокам от Гариона двигались люди, закованные в черные, с золотыми вставками, латы. Хотя людьми их можно было назвать с большой натяжкой — по объемам и строению тел они больше походили на орков. С тяжелыми колючими глазами в прорезях сверкающих песьих шлемов (причем шлемы были не такими как у других — они полностью закрывали лица), эти люди двигались со звериной грацией, бесшумно огибали деревья и постоянно осматривали окрестности. Я распластался на суку, буквально слился с ним воедино и даже уши прижал, лишь бы не попасть под перекрестье их цепких взглядов. Держа в руках алебарды, покачивая мечами, притороченными слева к бедрам, они каждым движением выдавали мощь и звериную силу. Я бы с ними даже на льва не побоялся выйти, честное слово.

А за этим живым щитом следовали наши старые знакомые. Вот это встреча! Ученик шамана, вяло ругался с седобородым эльфом, сидящим у него на плече. Орк был покрыт заживающими ссадинами и синяками, но от этого он вряд ли стал красивее и добрее. За ним шел младший из братьев-людоедов, помахивая достопамятным тесаком и сверкая красивыми фингалами под глазами. Неподалеку шел опасливо косящийся на людоеда Плут и болтал с появляющейся и исчезающей среди кустов макушкой Стохма. Вся бравая компашка в сборе — просто душа радуется.

Однако, это еще не все, за вышеперечисленными гостями дружным стадом шли узники из Башни Безмолвия. Вот им-то и доставались удары, звуки которых так далеко слышались. Эти удары отвешивались нашими «пленителями»: Тордом, Мондом и иже с ними. Изрядно побитые и грязные, они вымещали злобу на безразличных ко всему узников, среди которых находились и бывшие стражники Башни. Те тоже двигались с равнодушными лицами, без проблеска сознания в опущенных глазах. Все, на кого сыпались удары, лишь ежились, не издавая ни звука и, подобно

овцам, шли туда, куда их вели. Вот такой вот веселой гурьбой они и высыпали на небольшой пляж, сразу же заполнив его от края до края. Куча народу осталась еще в лесу, молча встали и уподобились деревьям, ожидая дальнейших приказаний.

— Ну, здравствуй, брат! Заждался меня? — проговорил низким голосом Гарион, подходя к Кану и обнимая его. Затем он обвел пляж горящими глазами, останавливаясь то на спящих гномах, то на опустивших голову лошадей, то на Татине. — А где наш юный герой с моим амулетом и Кристан, так успешно освобожденный тобой из Башни?

— Не беспокойся, брат, скоро уже он будет здесь, а с ним и Кристан с Кирией. Все идет по твоему плану, с небольшой поправкой — Павлу помогает принц гномов. Они ни о чем не догадываются и будут лишь рады сюрпризу в виде твоего появления, — сообщил, улыбаясь, Кан.

Ух, гнида, а еще другом притворялся и рыбой кормил. Хотя, с начала погружения в сон всех присутствующих было ясно, под чью дудку он пляшет. Но чтобы «брат»? Или это у них обращение такое друг к другу? Как у нас говорят кавказцы: «Слюший, брат! Мабильник купи!» Шорох со стороны берега снова повторился, но на сей раз гораздо ближе, хотя сколько я ни напрягал зрение — ничего не мог обнаружить.

— Опять проволочки? Надо было его после орков брать, ведь он был уже в твоих руках!!! А теперь снова ждать — надоело!!! — нахмурил брови Гарион.

— Зато вскоре ты будешь держать в руках власть над всем человечеством, не этого ли ты добивался? — спросил Кан. — И прошу тебя — вынь эти линзы, а то от них мурашки по коже бегают.

Гарион спрятал лицо в ладонях, а когда поднял голову, то на его ладонях блестели два зеленых огонька. Когда он в очередной раз повертел головой, обозревая окрестности, то я смог увидеть его водянисто-бесцветные глаза. У Кана были такие же.

— Вот так гораздо лучше! А теперь присаживайся и отведай, что приготовила наша мастерица. Потом она расскажет, что узнала в путешествии с Павлом, — Кан приглашающим жестом указал на накрытую полянку.

— Ну да, после твоего последнего угощения я целый день проспал. Может и сейчас подсыпал что-нибудь, и я буду стоять и моргать глазами, как эта мастерица? — Гарион снова нахмурился.

— На сей раз все нормально, я поем вместе с тобой, не волнуйся. Прошлый раз я был вынужден прибегнуть к таким мерам, чтобы ты не испортил мою задумку. Зато теперь у нас будет и амулет и Кирия. Мне кажется это того стоило, — Кан

похлопал Гариона по плечу, — к тому же мы квиты. Ты ведь не предупредил меня о своем заклятии, наведенном на реку. А если бы я пропал, чтобы ты тогда делал без меня?

— Я пущу вперед себя бойцов, потом посмотрю, что будет! — Гарион обернулся к людям в черных латах и дал команду приступить к пище.

— Ну и зря, будешь есть остывшее. Кстати, могу для снятия усталости угостить одной травкой, она и усталость снимает и синяки залечивает, — Кан взял тарелку и приступил к еде. Зараза такая, даже муравьи при его чмокании начали сглатывать. Гарион кивнул своим людям и те, получив от Кана по стебельку какой-то желтой травки, уплетали варево за обе щеки.

Наши старые знакомые не решались подойти, насыщались лишь воины в черном. Они странно ели — не снимали шлемов, а проталкивали пищу в глубину забрал. Людоед и гном встали около пенька, куда убыл Павел и где теперь сладко спали спутники Крохма. Плут подошел к Бегунку и погладил того по шее, довольно улыбаясь. Затем он подошел к дереву, на котором прятался я, и достав из-за пазухи краюху хлеба с луковицей, начал уплетать за обе щеки. Я не мог удержаться и скинул ему за шиворот несколько муравьев. Плут сидел минуты две, потом начал почесываться, отошел от деревьев и яростно зачесал спину. Хоть какая-то радость за прошедшее время!

Шелест со стороны реки немного усилился, даже послышался легкий стрекот, как от полета далекого вертолета. Становится уже удивительным, что кроме меня его никто не слышит, хотя за раздающимся чавканьем я даже свои мысли с трудом слышу.

Гарион не удержался и подошел к жующим, которые тут же расступились и предоставили ему лучшее место. Меня даже завидки взяли — уплетают за обе щеки и в ус не дуют, уверенные в своём превосходстве и безнаказанности, а я сижу на суку и лишь подставляю мелким вражинам свои бока. Урчание в желудке стало настолько громким, что мурашики испуганно косились на меня и обходили стороной.

Наконец чавканье и хруст за ушами прекратился, Кан с Гарионом и людьми в черных доспехах отвалились от того, что осталось. На остатки накинулись голодные знакомцы, которые до этого стояли и глотали слюни, глядя, как быстро поглощается пища. Они тоже получили от Кана по стебельку, для аппетита, наверное. Даже людоед присоединился, хотя и посматривал маслянистыми глазками на остальных. Видимо Гарион запретил ему в походе кушать людей, вот он и терпел, крепился, как заядлый курильщик без никотина. Безучастным узникам ничего не досталось, но они и не спрашивали. Наши «сопровождающие

телегу» встали у лежащих на пне гномов, сменив на этом посту людоеда и Стохма, и превратились в слух.

«Кешка, как ты тут?» — пронесся в голове голос, которому я безумно обрадовался.

«Павел, наконец-то ты появился! Я успел соскучиться и муравьи меня почти доели. Ты видишь, что творится? Можешь прояснить ситуацию?» — передал я свои мысли.

«Павел, потерпи еще немного, скоро прибудут остальные силы. Не высовывайся пока, сиди, как сидел. Кан — предатель, я его мысли прочитал, когда мы ехали сюда. Показался странным один момент, вот я и решил проверить. Кристан скоро закончит с Кирией — поэтому я так и задержался. Мы донесли Кирию до святилища, правда, пришлось здорово подраться. Потерпи, друг!» — Павел так и не появился, и сколько я не напрягал зрение, не смог увидеть даже примятой травы от его шагов.

Отшельник рассказывал, как он поступил с Павлом и откровенно хвастался втиранием в его доверие после вынужденного погружения в сон стражников Башни. А так же рассказал о поездке в тележке с клеткой, при этом рассказе Торд и остальные стражники, сопровождавшие нас, испуганно съежились, а Гарион сверкнул в их сторону глазами.

— Так что сейчас он мне верит больше, чем родному отцу, а ты говоришь, что все зря. На самом деле они должны вот-вот появиться из пенька, на котором спят низкорослые красавцы. Поставь там еще самого чуткого из своих людей, кроме этих побитых раздолбаев. В случае чего он нам просигналит. Мы заберем и амулет и Кирию, — Кан стал потирать ладони, а возле пенька встали дозором наши «пленители», как можно шире растопырили уши и нагнули голову к пеньку.

— Не нужно было так все закручивать, Кан! Мне достаточно было и амулета. Опять ты сделал всё по-своему! Ты же знаешь, что орки, гномы и эльфы не захотели открыть мне тайны лучей, а без их признания ничего не получалось. А то, что получилось, до сих пор бегает где-то в подземельях и не выносит дневного света. Лишь некоторые образцы подошли к несению службы, остальные от зверей ничем не отличаются. Нашему герою всё удалось, не зря же я разработал такой грандиозный план, в который ты посмел внести свои изменения. Всё! Всё шло по плану, начиная от старой Зары и заканчивая вон тем зеленым придурком! Не надо было ничего менять!!! — прогремел разгневанный Гарион.

Обидевшийся на «придурка» ученик шамана что-то тихо прошипел и затряс в направлении Гариона сушеным черепком какого-то зверька, похожего на мышь. Гарион метнул на того обжигающий взгляд, ученик тут же сунул черепок в рот и

захрустел им.

— Ладно, братишка, не горячись — я же хотел как лучше. А о значении лучей мы сейчас узнаем у нашей мастерицы, не зря же она делила с Паштетом все тяготы и лишения походных условий. Расскажешь нам, красавица, что узнала по дороге?!! — окликнул Кан Татину и двинулся к ней. Гарион последовал за ним.

В это время красные лепестки мелькнули у носов гномов и те слегка заворочались. Такими же лепестками Кан в своё время выводил из спячки коней — неужели Павел запомнил? Распахнув глаза, гномы увидели склоненные к ним уши и, моментально оценив обстановку, в четыре руки врезали по этим ушам. Стражники разлетелись в разные стороны, словно кегли после удачного броска тяжелого шара.

Также красные точки мелькнули и у лошадиных морд, и те очухались от заколдованного сна. Лошади Татины всё было безразлично, и она принялась щипать траву, а вот Бегунок испуганно заржал, обнаружив около себя такую массу народа. Правда, тут же взял себя в копыта и, вычленив среди общей толпы старого и недоброго знакомого Плута, двинулся к нему, злобно ощерив зубы.

Присутствующие на миг остолбенели, не ожидая такого развития. Лишь Гарион показал полное присутствие духа и мигом сориентировался в ситуации. Он одним прыжком оказался около Татины и приставил к ее горлу достопамятный кинжал с рукояткой в виде змеи, кусающей шар. Татина гневно сверкая глазами, собралась уже высказать все, что накипело на сердце. Но Гарион не мы, и небольшой укол и злобное шипение в ухо заставило ее сделать то, чего мы не могли добиться на протяжении всего пути — просто помолчать. Справедливости ради я считаю необходимым добавить то, что я не видел, как Павел будил её. Хотя, может и отвлекся на других персонажей.

Кан неторопливо подошел к своему брату и встал чуть за ним, осматриваясь по сторонам. Плут же не стал ждать приближения Бегунка, а рванул с места как страус из американского мультика, только что «бип-бип» не сказал. Наше доброе транспортное средство, ломая кусты и небольшие деревья, помчалось за ним. Сбитые наземь стражники поднимались, тряся головами и стараясь не дотрагиваться до стремительно распухающих ушей. Гномы же встали спина к спине, готовые биться до последнего. Люди в черных латах уже было двинулись к ним, как вдруг их внимание переключилось на другое.

Глава 12

— Зачем же допрашивать девушку? Ты лучше меня спроси, великий отшельник Кан, мудрец и наставник молодого поколения, а по совместительству униженный, оскорбленный и даже убитый — Железер Молния!!! — Павел эффектно появился за спинами присутствующих. В оборванной безрукавке, в рваных джинсах и истрепанных кедах, но с горящим мечом в бугрящихся мускулами руках, он представлял собой монументальное зрелище.

Любит все-таки Павел эффектные появления, ох как любит. Сразу же вспоминается эпизод из жизни, когда была стычка между пацанами в масштабах район на район. В самый разгар сражения Павел появился в тылу противников со здоровенной дубиной в руках, перекошенным от злости лицом и нечленораздельными, но очень громкими криками. Объевшиеся мухоморов берсерки и то выглядели по сравнению с ним интеллигентными и вежливыми очкариками. Успешно применив такое психологическое воздействие на окружающих, Павел заставил всех пацанов, и своих и чужих, брызнуть в стороны. Причем слово «брызнуть» в этом предложении я использовал как синоним слову «разбежаться», а вовсе не то, что вы могли подумать.

Вот и сейчас его появление вызвало эффект разорвавшейся бомбы. Земля ощутимо дрогнула от удара упавших челюстей. Павел еще несколько секунд покрасовался, затем неспешной походкой двинулся в направлении Кана с Гарионом. Те не особенно удивились его появлению, а спокойно ждали приближения моего друга. Если честно, то я обеспокоился таким их поведением, ведь Павел мог спокойно разобрать их на запчасти, а они и глазом не моргнули. Хотя Татина в их руках это все же значимый аргумент, и Павел вряд ли кинется на водяников очертя голову.

— О, какой молодец, и насчет Железера смог догадаться, — заулыбался ни мало не смутившийся Кан.

Павел остановился в нескольких шагах от сладкой парочки.

— Паштетом меня только папа называл, а Гарион этого не слышал. Да и твоя возможность принимать другие обличия сразу же меня насторожила. Вот я и устроил мысленную проверку на вшивость. Ну, а после того, что услышал, и вовсе всё встало на свои места, — ответил Павел, открыто глядя в водянистые глаза нашего бывшего спутника.

Так всё наше путешествие действительно было от начала и до

конца спланировано и это не просто слова, предназначенные для моих ушей? А Нариэль, Стохм и другие были лишь вспомогательными факторами на пути к знанию об амулете? Я и так чувствовал себя неважнецки, а теперь и вовсе был словно оплеван с головы до ног. А этот хмырь с сушеной рыбой нам еще в уши дул про подвиги, честь и достоинство. Надо было его сразу схватить за лапку и до появления икры бить головой о камни.

— Павел, ты оказался более умным, чем мы думали, — медленно и спокойно произнес Гарион. — Однако твой ум сейчас не сможет помочь. Расскажи мне об амулете и тогда я перенесу обратно в лоно семьи, в объятия любящих родителей. Ну, какое тебе дело до этого мира? Мы не касаемся твоего мира, а ты в ответ не трогай наш. Тут свои законы, свои уклады и традиции, не стоит их менять посторонним вмешательством. Прости, что так получилось, и ты попал в наш мир против своей воли, позволь исправить эту оплошность и отправить тебя домой… Хм… После того, как расскажешь об амулете, конечно.

Пока Гарион распинался, уговаривая Павла быть пай-мальчиком, люди в черных латах окружили моего друга полукольцом. Как верный друг и соратник, я их тут же вложил Павлу, получив ответ, что все под контролем и все в порядке. Вдалеке уже еле слышно раздавались ржание Бегунка и вскрики Плута, наш подкованный товарищ отрывался как мог на своем бывшем мучителе.

— Гарион, твой план действительно хорош, и я до последнего ни о чем не догадывался. Но как говорят у нас: «Лучшее — враг хорошего». Кан напрасно показал, как живут местные жители. И напрасно он свел меня с Кристаном — оказывается не все такие, как Торд и его товарищи. Остались в людях гордость, совесть и порядочность, и если ты думаешь, что я отдам этих людей под власть твоих наместников, то глубоко заблуждаешься. Как впрочем, заблуждались и люди, которых ты оставил возле святилища, — при этих словах у Гариона нервно дернулась щека, Павел же продолжил свою речь. — Мне их, к сожалению, не удалось переубедить. Печально, но факт. А тебе по доброте душевной могу предложить такой вариант развития событий: ты с Каном прекращаешь свои попытки захватить власть над людьми. Затем уходите в пещеру мирно доживать свою бессмертную жизнь, собирать травы и нюхать цветы. Большего я предложить не могу, и это при условии возвращения мне двух недостающих лучей амулета.

— Извините, что вмешиваюсь в вашу беседу, но как-то неудобно стоять с кинжалом у шеи, да и ноги затекли. Павел, давай быстрее раздражайся и накостыляй этим старцам, а то нос

ужасно чешется, — подала голос Татина. Этими словами она лишь вызвала ухмылку на лице Гариона.

— Павел, ты и о них догадался? Да уж, зря я тебя недооценивал. Тогда к тебе ответное предложение — присоединяйся! Мы втроем станем полновластными властелинами этой земли. Только представь — любое желание исполняется лишь по движению брови, любая прихоть как закон! Все и только для тебя! — Гарион начал понемногу отходить назад, увлекая с собой Татину.

Этим маневром он концентрировал внимание Павла на себя, позволяя людям в черных латах подобраться на полметра ближе. Я опять предупредил Павла о творящемся за его спиной, вновь получил ответ о полном контроле и тут, краем глаза, уловил движение слева по берегу. Там понемногу двигались кусты, вот их-то шорох меня и беспокоил ранее. Причем они не просто качались на ветру, а целеустремленно подползали к месту общего сбора. Даже ущипнул себя, но разум сказал, чтобы я прекратил делать себе больно, поскольку сном тут и не пахнет. Тогда я протер глаза лапами, но несознательные кусты не обратили никакого внимания на мои страдания по поводу легкого помешательства и не подумали остановиться. Лошадь Татины, привлеченная шорохом, подошла к этим кустам и попыталась отщипнуть от них несколько листьев. Здоровенная зеленая лапища вылезла из-под корней и легонько шлепнула ее по морде, заставив присесть и попятиться. Обиженная таким обращением со своей персоной, лошадь повернулась крупом к кустам и, радея о благе и процветании природы, основательно удобрила корни кустов. Потом, гордо повиливая хвостом, удалилась к более поддатливым растениям. Из-под кустов послышалось злобное шипение, и они начали медленно двигаться, огибая кучу лошадиной мести.

— Нет, Гарион, мир под твоим началом придет к полному вырождению и вымиранию, поэтому нам и не по пути. Отзови назад своих бойцов и все обойдется без крови… — Павел хотел еще что-то добавить, но не успел.

Гарион кивнул ему за спину, и Павел моментально оказался в кольце сверкающих алебард. Он спокойно стоял, в руке горел жарким пламенем меч, на губах играла легкая улыбка. В глазах снова загорелся знакомый огонек проказы, он совершенно не боялся окружения. Кан беспокойно заерзал за спинами бойцов. Даже Гарион крепче прижал к себе Татину. Та захихикала — шевелящаяся борода щекотала шею, вот она и не могла удержаться от смеха.

— Павел, похоже, что путешествие отразилось на твоих

нервах, и ты от невзгод помутился в уме. А с дураками я не разговариваю. Отберите у него амулет! — приказал Гарион резким голосом.

Черное кольцо резко сжалось. У меня непроизвольно закрылись глаза, хотя вроде бы начал привыкать к ходящей рядом с нами смерти. Послышался звон металла и гулкие шлепки падающих на землю предметов, никакого противного шмяканья проникающего в плоть железа не было. Я открыл глаза — Павел все также спокойно стоял с опущенным мечом в руках и загадочной улыбкой на губах. Вокруг него веером разлеглись перерубленные наконечники алебард. Люди в черных латах взглянули на обездоленные древки и отбросили их, вынули мечи. Павел эффектно поднял свой меч на уровень груди и взялся за рукоять обеими руками, принимая позу одного американского губернатора в его актерском прошлом. У нас дома даже плакат с его изображением висит. Ну и позер!!! Хотя Татина смотрела на него каким-то странным взглядом — похоже своей цели он добился.

Гномы переглянулись друг с другом и поудобнее перехватили топоры, посматривая на стражников. Те, помахивая распухшими ушами макового цвета, подняли мечи, но броситься им помешало возникновение новых действующих лиц на арене событий.

Кусты распались на части, когда из них с зычным криком вынырнул перемазанный грязью орк. За ним выполз испачканный Крохм и вылетела отряхивающаяся стрекоза. Стрекоза в скором времени приняла вид эльфа. Все старые знакомые в сборе — можно и чайку замутить, с козинаками. Только я пока не думал слезать, да и зловредные муравьи уселись на ветке, как зрители на стадионе. Чего-то обсуждали, подергивая усиками, похоже, что делали ставки.

— Вообще-то ваши племена обещали общим скопом прийти на помощь. Зря я сжигал ваши подарки? — Павел огорченно нахмурился. (Так вот какой ком земли Павел кинул в костер перед уходом).

— Мы обещали придти, мы и пришли. Остальные не смогли преодолеть давнюю вражду к людям, — прорычал Зимор.

— Вот и нам дело нашлось, а то до крайности не хотелось лезть в людскую драку, — проговорил ученик шамана, стоявший в сторонке в компании людоеда, Стохма и Нариэля.

Стоявшие злыдни согласно кивнули и, засучив рукава и достав имеющееся оружие, двинулись к новоприбывшим. Те отряхнулись и тоже приготовились к бою. Муравьи разделились на две части, и каждая толпа активно трясла усиками, подбадривая «своих» бойцов. Я же поймал себя на том, что нервно

подрагиваю хвостом и пускаю искры.

Лишь бывшие узники стояли, опустив головы, не отвлекаясь от лицезрения примятой травы и выпирающих из земли корней. Да еще и Кан с Гарионом бесстрастно взирали на происходящее. Татина тоже рвалась в бой и трепыхалась в руках у верховного мага, но, невзирая на кажущуюся субтильность, Гарион легко удерживал ее в руках. Татина дотрепыхалась до легкой царапины на шее и пока что затихла.

— Ну что, потанцуем? — наконец спросил Павел, чтобы хоть как-то разрядить обстановку.

— Ты многому научился в своем походе, мальчик. Однако посмотрим, насколько ты хорош против моих ребят. Пока не было шанса испытать их в действии. Убить! — просто и буднично, словно заказал чашку кофе в столовой, приказал Гарион.

Бойцы в черных латах ждали только этой команды. Они исчезли из виду, а мгновение спустя очутились возле Пашки с поднятыми мечами и снова исчезли. Павел тоже неожиданно пропал из виду. На месте их встречи заскользили черные тени, сверкая синими всполохами металла. А в центре завертелся огненный шар, словно на поляне образовалось маленькое солнце и начало плеваться протуберанцами в разные стороны. Звон сходящегося металла заполнил территорию. Темный круг бьющихся с Пашкой теней то расширялся, то наоборот сужался, то вовсе превращался в овал. Огненная же сердцевина оставалась на месте, не трогаясь с места ни на метр. Все движения были настолько быстрыми, что даже мой глаз, тренированный наблюдением за мухами, не мог различить их.

У гномов со стражниками дела принимали не очень хороший оборот — еще до конца не очухавшиеся, гномы откровенно мазали с ударами и уже получили пару царапин. Оказывается, стражники не только могли беззащитных пленников за деньги конвоировать, но и мечами махать у них тоже неплохо получалось. На каждого гнома наседало сразу три стражника и отступать явно не собирались. Стали забыты старые обиды и Торд с Мондом и Истридом неплохо нападали вместе, заодно защищая и друг друга от ударов гнома. Другие не отставали от них.

Вылезшие Зимор, Крохм и Мириэль, не теряя времени, кинулись на своих противников. Их оппоненты не отступили, а выбрав себе цель, тоже ринулись в бой. На Зимора напали сразу двое: младший людоед и ученик шамана. Видимо его посчитали самым опасным из троицы. Стохм с Крохмом закружились в танце с топорами, наступая и отскакивая как молодые петушки. Ну а мельтешащий Мириэль, не испытывая ни какого уважения к сединам, принялся таскать летающего предателя за бороду. Тот

не остался в долгу и обрушил град ударов на тело молодого эльфа.

Даже обычно пофигистически настроенная кобыла Татины отошла от греха подальше в сторону и заинтересованно пялилась на происходящее. Из муравьиных толп вырвалось по шесть муравьишек и они начали дружно пританцовывать на ветке, регулируя движения усиков. Прямо группа поддержки, честное слово, или как их называют в далекой Заокеании — чирлидеры.

Только потом я, кинув взгляд вниз, догадался, как так много муравьев оказалось на ветке. Когда Плут насыщал свою утробу, он разворошил ногами небольшой муравейник и неглупые мураши, оставшиеся без дома и рисковавшие пасть смертью храбрых под ногами бойцов, решили составить мне компанию. А я что? Я был не против, все равно внизу буду только мешаться, а они пока не кусались.

А вот старый Кан вел себя как ярый фанат на футбольном матче, во время игры своей любимой команды. Он бегал от одних сражающихся к другим, махал руками, переживал по поводу появившейся вмятины на латах стражника и радостно кричал при появлении новой царапины или синяка у противоборствующей стороны. Правда, к Пашкиному «окружению» он пока не рисковал подходить, стеснялся наверно. Татина же не отрывала взгляд от скользящих теней и эпицентра, дрожала в руках у Гариона.

Все это я вам рассказываю в таких подробностях, поскольку успел охватить взглядом всю битву и она впечаталась мне в память так, словно это было вчера. С моей ветки всё хорошо видно, и я, уже не стесняясь никого, встал во весь рост, чтобы не пропустить ни одной детали.

А тут как раз из Пашкиного хоровода и вылетела одна деталь и, гремя латами и подняв тучу брызг, опустилась в камышах. Пытаясь встать, зажимая истекающую кровью рану на шее, рыцарь в черных латах с золотыми вставками умоляюще протянул руку к Гариону, но тот лишь брезгливо отодвинулся подальше. Человек бессильно рухнул в воду и затих. Круговерть теней не остановила свой бег, все также перемещалась из стороны в сторону около полыхающего огнем золотого шара.

У гномов, бьющихся со стражниками, катился градом пот, но движения стали более уверенными, твердыми. Похоже, что дурманящее зелье выходило вместе с потом. Стражники тоже слегка подустали, но не отступали и теснили малорослых противников. Гномы встали спина к спине, отбивали удары и уворачивались, не забывая прикрывать товарища. Вот Торд удачным ударом перерубил топор одного из гномов и довольно заулыбался, уверенный в своей победе. Улыбался он недолго, до

тех пор, пока «безоружный» гном не всадил в Монда небольшой кинжал, незаметно извлеченный из рукава.

Удар как раз пришелся под край грудных доспехов и, пронзив кольчугу, заставил Монда рухнуть на колени. Меч он выпустил из рук, чем и воспользовался ушлый гном, который вновь вооружился и вызывающе кивнул другим стражникам. Монд, зажимая рукой рану, отполз подальше от поединщиков. Стражники взревели и с удвоенной энергией кинулись на стойких гномов. Мечи в руках вращались с бешеной скоростью, гномы уже и не думали об атаке, ушли в глухую оборону.

Зимор изо всех сил отбивался от бывшего ученика и младшего людоеда. Те накинулись на орка, как гепарды на льва (другого сравнения не могу подобрать, да и кошачьи ближе по природе). Эти двое двигались с такой скоростью, и нападали с такой яростью, что орк, побывавший не в одном сражении, только и мог понемногу отступать и блокировать удары с двух сторон.

— Что, зелененький, удивляешься? А ведь все дело в травке одной, не зря же я столько лет их изучаю, — пояснил Кан, наблюдавший за их сражением.

Ух, садовод-любитель, ну только пройди под моим деревом — обязательно несколько сотен муравьев на плешивую голову сыпану. Зимор даже не посмотрел в его сторону, увлеченный блокированием очередной атаки. Как раз в этот момент ученик шамана достал-таки своей секирой, полоснув по руке. Зимор взревел, но не отступил, словно не ему только что чуть не отрубили конечность. Кровь, освобожденная из оков вен и артерий, хлынула по зеленой коже, окрашивая её в красный цвет. По лицу младшего людоеда пробежала довольная ухмылка, но тут же спряталась в небытие, поскольку получил в большой нос хороший удар рукоятью секиры. Жаль, что не другим концом, Зимор не успевал ее развернуть, поскольку отбивал очередную атаку ученика. Но и этого оказалось достаточно, поскольку людоед на несколько секунд выбыл из битвы, и Зимор смог ответно ранить бывшего ученика в ногу. Тот зашипел от боли, однако не прекратил свои атаки, да и людоед, быстро оклемавшийся, присоединился к сражению.

Конечно же, Кан не смог удержаться от комментирования этих событий. Правда, на них никто особого внимания не обратил, но за друзей все равно обидно.

— Сейчас тебя, зелененький, разделают как курицу в таверне! Потом и до твоих родных доберемся!

Оп, из Пашкиного круга вылетел еще один человек в черных доспехах и в полете сбил Крохма с ног. Зловещего вида меч, перелетев весь пляж и по счастливому стечению обстоятельств

никого не задев, воткнулся в ствол дерева, на котором находился я и мои мелкие соседи. Дерево ощутимо тряхнуло, и я едва не сверзился вниз, хотя несколько муравьев, излишне увлеченные борьбой, все же навернулись с ветки. Надеюсь, их приземление прошло удачно. По крайней мере писков боли не слышал.

Человек в черных латах уже не смог подняться, в отличие от Крохма, который прилагал все чудеса изворотливости, отбиваясь от наседающего Стохма и пытаясь встать. Тот же орудовал своим топором, как сумасшедшая огородница тяпкой, которая дорвалась до своих грядок и окучивала всё подряд. Его топор несколько раз взрывал землю у самого лица Крохма, отбитый в последнюю секунду. С частотой иглы швейной машинки топор взлетал и опускался, приходясь то на обух, то на топорище Крохма.

— Ну что ты там возишься? Прибей его и дело окончено! Может тебе еще показать, как это делается? — Кан не мог удержаться от замечания.

Крохм отбил очередной удар Стохма, чей топор увяз в корне растущей неподалеку сосны. Крохм тут же вскочил на ноги, и сделал короткий взмах, который должен был уменьшить Стохма на четверть или же добавить дикую головную боль. Стохм отпустил рукоять своего орудия и упал навзничь, пропуская удар мимо себя. К несчастию топор Крохма впился в тот же самый корень и застрял в нем, как и предыдущий. Оба гнома достали из рукавов кинжалы и начали кружить, внимательно следя за движениями соперника. Два топора торчали между ними, указывая топорищами в разные стороны. Как разводящие стрелки на железнодорожном пути.

— Недомерки! Все время не можете довести начатое до конца, — проворчал Кан и помчался смотреть на сражение Зимора.

А молодой эльф начал одолевать старого. Может травка заканчивала свое действие, а может годы брали свое, но Мириэль все больше и больше наседал на слабо обороняющегося старика с крыльями. Они в процессе сражения понемногу подлетали к дереву, на котором я с муравьиной компанией так хорошо обосновался. Однако в какой-то момент Нариэль смог отлететь и достать из кармашка остаток желтой травки. Мириэль кинулся к нему, но травка была уже во рту и поспешно пережевывалась.

— Ну вот, опять все по новой начинать, — простонал упарившийся Мириэль, затем тяжко вздохнул и кинулся к седобородому эльфу.

На его счастье Нариэль поднялся слишком высоко в воздух, скорее всего для эффектного броска вниз, и оказался около моей ветки. Ну, я же не обладаю Пашкиным благородством и не обязан

предупреждать о нападении, я ведь и исподтишка могу. И пусть хоть кто-то мне только скажет слово против! В общем, последнее, что увидел старый эльф, была моя лапа, закрывающая небо и погружающая в долгий сон без сновидений. Нариэль напомнил мне пикирующего бомбардировщика, также красиво и быстро упал в развороченную муравьиную кучу. Мои бывшие мучители, а теперь соседи по ветке, живо переглянулись и устремились всей ордой вниз. Вскоре тело старого эльфа скрылось под копошащейся массой муравьев. А Мириэль подмигнул мне, улыбнулся и, вытерев пот со лба, кинулся на помощь Зимору.

Да-да, именно на помощь нашему великану, так как дела у того начали идти из рук вон плохо. Понемногу слабея от потери крови, Зимор уже не мог с такой же скоростью, как раньше, отбивать и наносить удары. К предыдущей ране добавились еще несколько порезов на другой руке, и глубокая рана на левой ноге от тесака младшего людоеда. Да еще и издевательства Кана доводили до белого каления. Вроде бы он рядом, но до него еще достать нужно, а противники не давали такого шанса, постоянно и целенаправленно атаковали. Вот наш маленький герой и кинулся к людоеду, мелкой петардой подлетел к широкому лицу, врезал кулачком в правый глаз и добавил ногой по мясистому носу. Оказывается, не один только я умею неожиданно наворачивать исподтишка.

Под глазами у людоеда и так были красивые опухоли, а тут еще и мелочь какая-то добавила по больному месту. А когда он инстинктивно пытался эту мелочь прихлопнуть, то Мириэль изящным пируэтом ушел в сторону, и удар пришелся на многострадальный глаз. Вот людоед и взвыл громче орка. Глаз сразу же закрылся, и из-под него градом полились слезы. Этой заминкой воспользовался Зимор, успешно отбил удар ученика в сторону и перешел в контратаку. Ученик провалился вслед за своей секирой и, получив мощный удар по загривку, на время потерял ощущение времени и пространства. Он рыбкой полетел на землю и завершил свой полет, проломив секретный ход гномов головой. В пне он немного побултыхался и затих.

Младший людоед, окосев на один глаз, уже не представлял собой грозного соперника. А еще перед здоровым глазом вертелся неуловимый эльф, который периодически шлепал по носу небольшой дубинкой. Зимор зашел с правой стороны и несколькими движениями сначала обезоружил, а потом и вовсе успокоил людоеда. Надолго. Судя по похрапыванию, часа на два.

— Обалдуи! — в сердцах выругался Кан, — Двое и с одним справиться не смогли. Ну и зачем ты их с собой привел?

Этот вопрос он адресовал уже Гариону, к которому отбежал

подальше от победившего орка. Тот лишь флегматично пожал плечами, не отрывая взгляда от теневого круга, из которого вылетел еще один рыцарь. Его латы были искорежены и смяты так, словно он попал в контейнер для утилизации машин.

А Зимор, утерев пот со лба, подскочил к изнемогающим гномам, которые на последнем дыхании отбивались от стражников. Стражники сразу же отступили, выставили перед собой мечи. Гномы едва не падали от усталости, дышали глубоко и неравномерно.

— Всем отступить!!! — прогремел громкий голос Гариона, — Все назад!!!

Этих слов только и ждали. Стохм отпрыгнул назад, вне досягаемости клинка Крохма. Теневой круг перестал существовать, распавшись на изрядно побитых людей в покореженных латах. Они тяжело дышали, не спуская глаз с Павла. Мой друг тоже был не в лучшем виде, множество мелких порезов покрывали его руки таким слоем, будто он десять километров продирался сквозь кактусы. Кровь из нескольких царапин на лбу смешивалась с потом и заливала глаза, заставляя Павла время от времени вытирать ее рукой. Но он тоже не спускал глаз с людей в черных доспехах. «Ты как?» — спросил я его. Павел ответил: «Бывало и получше».

— Так нам вас не взять, тогда попробуем сыграть на чести и достоинстве, так любимых тобой, Павел, — обратился Гарион к моему другу, а потом повернулся к безразлично стоявшим узникам. — Эй, вы, убейте всех, а молодого человека обезоружьте.

— Гарион, не делай этого, это наши с тобой дела, — глядя, как с безучастными лицами приближаются бывшие узники, проговорил Павел.

Наши противники, все кто мог двигаться, отошли подальше, оставив друзей перед приближающейся толпой зомбированных людей. Крохм с натугой выдернул топор из корня.

— Павел, позволь Зимору разобраться с этой проблемой? И ты останешься чист, и они отправятся в лучший мир безболезненно, — рявкнул орк.

— Не могу, Зимор. Они же не виноваты, — ответил Павел, начиная пятиться к воде. Потом он покосился на гномов, изготавливающихся к бою. — Вам я тоже не могу позволить этого сделать.

— Так что же нам, сдаваться? После всего, что сделано? — тоже отступая, спросил Крохм. Его соплеменники что-то недовольно проворчали.

Павел промолчал, не сводя глаз с приближающихся людей.

Множество глаз бессмысленно взирали на него. Люди шли… Как коровы на убой, как овцы за безумным бараном. Люди шли…

— Нужно было сразу их пускать, Гарион. Хотя и заварушка была хорошей, давно такой не видел, — ехидно проговорил из-за спины Гариона старый Кан.

— Я хотел посмотреть на своих выращенных бойцов в действии. Как оказалось — они не такие уж и хорошие, есть над чем поработать, — посматривая на рыцарей в искореженных черных латах, процедил Гарион. Те опустили головы.

А узники тем временем неумолимо приближались, мои друзья стояли по колено в воде.

«Павел, надо что-то делать, утонете же» — передал я со своей ветки благоразумную мысль.

«Знаю, что надо, но не могу» — огрызнулся Павел в ответ.

В этот момент оборванные люди остановились и начали удивленно осматривать себя и других. Те стражники, что затесались в общую толпу, сообразили быстрее, что к чему и начали отступать к своим. Иные стражники, на скорую руку перевязав Монда, потихоньку стали подбираться за спину к Гариону.

— Кристан все-таки сделал это! — Павел поднял вверх руку в победном жесте. — Сдавайся, Гарион, твои козыри биты.

— Так это же Гарион, верховный маг! Так вот из-за кого мы здесь очутились! Не прячьтесь, вам все равно воздастся по заслугам! Мы все помним, господа стражники! — из толпы людей начали раздаваться возгласы. Люди понемногу приходили в себя.

— Ну, слава Великому кузнецу, а я уж думал, придется пойти на корм рыбам, — с облегчением выдохнул Крохм и выбрался на берег. За ним последовали и остальные.

Так получилось, что на пляже вновь образовались две стороны. По одну стоял Гарион с приспешниками, а по другую Павел с соратниками и очнувшимися людьми.

— Так вы все помните? — спросил Павел у пожилого мужчины в лохмотьях.

— Еще бы, как затмение какое-то нашло. Все помнишь, все понимаешь, но сделать ничего можешь, кроме того, что приказывают. Но зато теперь мы все напомним и тем, кто приказывал, — мужчина яростно сверкнул глазами в сторону отошедших стражников.

Стражники сжались за спинами Кана и Гариона. Видно им есть о чем вспоминать и вспоминать. Татина стояла смирно, даже не комментировала происходящее, но в ее глазах отчетливо светилась радость. Она не отрывала глаз от Пашки, и тот даже начал смущаться от такого внимания. А он стоял, не выпуская из

израненных рук плюющегося язычками пламени огненный меч, с гордо поднятой головой и нежным цыплячьим пушком над верхней губой. Воплощение Данко, Спартака и немного Мюнхгаузена в одном флаконе. Вот он накрыл мечом амулет и скрыл его от посторонних глаз, затем волна холода прокатилась по пляжу и Пашкины царапины стали затягиваться на глазах. Чего нельзя было сказать об остальных присутствующих. Гномы мазали друг друга и орка заодно своей лечебной мазью, а Кан прикладывал к ранам бойцов какие-то травки. Наступила временная передышка.

В этот момент Гарион что-то прошипел, и Кан заметно съежился. Он на глазах пытался сделаться меньше, но Гарион не позволил ему этого сделать.

— Не уходи от ответа, брат! И этого у меня не вышло по чьей-то вине. А попытаешься перейти в лягушку, сразу же сделаю из тебя деликатес, — под испепеляющим взглядом Гариона, Кан втянул опущенную голову в плечи и начал носком сандалии застенчиво ковырять песок.

— Брат… — начал было Кан, но Гарион не дал ему договорить, так злобно сверкнув глазами, что Кан только каким-то чудом не превратился в кучу пепла.

— Потом поговорим, когда желание убивать немного поутихнет, — словно капли из старого крана цедились слова из узкой щели рта.

Татина от этих слов трепыхнулась, но тут же вскрикнула, когда Гарион покрепче взял ее за локоть. При этом Павел едва заметно дернулся. Но заметил не только я, его движение заметил и Гарион. Злобная радость вспыхнула в его глазах, когда он посмотрел на Татину. Казалось, что он о ней совсем забыл, а теперь неожиданно вспомнил и был приятно удивлен.

— Ну ты и медведь, а на вид соплей можно перешибить, — морщась от боли, простонала Татина.

— Заткнись, девчонка, сейчас будут говорить мужчины, — прошипел Гарион и обратился к Павлу. — Все-таки один козырь у меня остался, Павел! И сейчас ты подойдешь, отдашь по своей воле амулет и расскажешь о свойствах лучей, иначе получишь голову своей подружки отдельно от туловища.

И Гарион повыше поднял кинжал, демонстрируя его Павлу. Павел же выдерживал театральную паузу, то ли соображая как поступить, то ли…

— Нет у тебя никакого козыря, старик, — ровно и спокойно ответил Павел. — Вряд ли ты убьешь свою родственницу, а скорее всего дочь.

Тут уж я не смог удержать в себе вырвавшийся короткий, но

емкий «Мяв». Не ругаюсь матом, иначе сказал бы по-другому. Здешний народ тоже не знал матерных слов, но поддержал меня в проявлении удивления, кто-то выругался, кто-то посмотрел на моего друга и повертел пальцем у виска, но большинство с разнообразными возгласами повернулись к Татине.

«Павел, ты с ума сошел? Что ты такое говоришь?» — спросил я у своего настрадавшегося друга. «Кешка, я не сошел с ума, успокойся. Посмотри лучше на нее!» — и Павел стрельнул глазами на меня. Оказывается, я слишком сильно мяукнул и открыл тем самым свой схрон.

— Так вот где ты прятался все это время, милый котик, — промурлыкала Татина, мягко освобождаясь из рук Гариона. — Спускайся же, добрая тетя Тана даст тебе вкусной похлебки, а старый Кан еще и рыбкой угостит.

Ага, как же! Бегу и падаю! Нашли дурака. Хотя по старой привычке слюна начала выделяться. Однако я резко сглотнул и запретил себе думать о еде, когда Павел в опасности. Желудок огорченно пробурчал что-то матерное. Тем не менее, я гордо спустился с дерева, быстрыми перебежками подлетел к Павлу и потерся о его ноги. Хотел еще показать язык противоборствующей стороне, но воспитание не позволило, поэтому просто швырнул в их сторону землю из-под задних лап. Словно бык перед тореадором… или же кошка в песочнице после… ммм, ладно, швырнул и швырнул — остановимся на первом образе.

— Это и есть тот самый кот, выбивший из моих рук амулет? На вид ничего сверхъестественного, так как же у него получилось? По сути, к нам должен был отправиться один мальчишка, — задумчиво проговорил Гарион.

— Про магические свойства кошачьих я тебе давно объясняла, брат, а вот как наш друг из иного измерения меня узнал, вот это интересует сейчас гораздо больше. Расскажешь, Павел? — мило улыбнулась Татина, у которой в глазах сверкал лед всех известных мне холодильников.

— Немного построил логические цепочки, вот и вышло так. Ведь человек, носящий амулет, неуязвим для чуждых поползновений, а Татине удалось меня и в цыганском лагере вырубить и связать, да и в клетке ногой прилично заехала. Раз! Однако же моему коту Кешке не удалось меня шлепнуть в Тайнеше, но Кан смог нашлепать нам с Татиной по носу в обличии лягушки. Два! А то, что Кан с Татиной тоже находились под защитой амулета, я заметил в повозке, обстреливаемой камнями. Пять из них должны были реально впечататься в лбы моих спутников, но почему-то изменили путь и умчались в неведомые дали. Три! В качестве эксперимента я отодвинулся от

вас, но ни один булыжник не посмел тронуть «моих друзей». Вот оно и получается, что и Кан и Татина носили амулет. А раз так, то несложно понять, кто носил амулет и находится в нормальном обличии, а не в виде пародии на Брыся. Кто же ещё мог стать моей помощницей и поводырем, как не заинтересованное в финале лицо? Вот и выходит, что она или сестра или дочка, — закончил Павел.

— А еще и зверюга в подземелье достала своей лапищей, — хмыкнул орк, вспоминая о былом. — Может и она тоже таскала амулет?

— Ах, это наверно мой дорогой Донт, — мечтательно закатила глаза Татина. — Он был самым сильным и красивым из всех наших подопытных. Да, он прикасался к амулету вместе с остальными, пробовавшими узнать способности лучей. Однако, не услышав от знающих об этих способностях, все люди превращались в таких красавцев. Дорогой Павел, ты действительно мог бы быть главнокомандующим в своем мире. Может, станешь им в этом? Достаточно лишь одного твоего желания и нескольких слов об амулете.

Девушка обворожительно улыбнулась, кокетливо поправила волосы. Так в нашем мире соблазняли кошки, и к своему стыду должен признаться, что я никогда не мог устоять.

— Нет уж, благодарю покорно. Хватило и незабываемого путешествия рядом с тобой, на всю жизнь нахватался впечатлений, чтобы оставаться подольше, — ответил Павел, гордо подняв голову. — К тому же не хочется повторять судьбу Донта. Вряд ли меня ждет другой конец в этом мире. Вы если не заколете, так отравите.

— А-а-а, помню, помню его. Как этот молодой человек открыв рот и уставившись на тебя влюбленными глазами, приносил полевые цветы и выполнял малейшие прихоти, — скептически хмыкнул Гарион. — И с каким жаром он кинулся поворачивать какой-то лучик на блестящей безделушке. Ха-ха, сколько было влюбленных в тебя глупцов?

При этих словах он скосил глаза на Павла, наблюдая за его реакцией. Павел лишь слегка поиграл желваками, раздувал ноздри, сплюнул, но ничего не сказал — сдержался. Кремень, а не человек. Я заметил, как он изменился в последнее время: ушло прочь ребячество, и он стал ответственнее относиться к окружающим. Повзрослел?

— Нервничаешь, мой дорогой друг? Ты поплачь немного, оно и полегчает, — все также мило улыбаясь, сказала Татина. — У меня многие плакали, прежде чем прощались с жизнью. Но самое прекрасное — это разочарование в их глазах, когда они понимали

в кого влюбились. А может быть ты смог удержаться и не влюбиться в меня, такую красивую и соблазнительную? Или я зря этот образ принимала? Может мне было бы лучше оставить прежний?

Татина подмигнула Павлу и взмахнула пышной копной волос. Черная волна рассыпалась по плечам, и тут же локоны начали блекнуть и белеть. А вместе с ними поблекла и сморщилась кожа на лице Татины. На руках пожелтела, покрылась морщинами и пигментными пятнами, ногти удлинились и хищно загнулись. Ненавидящие глаза из темно-карих, превратились в не менее ненавидящие, но уже бледно-голубые, водянистые. Очаровательная родинка у рта перебралась на нос и выросла в волосатую бородавку пугающих размеров. Спустя несколько мгновений на месте молодой и красивой девушки стояла старая и сморщенная женщина, которую мы раньше знали под именем старая Зара.

— Водник, — прошипел Крохм. — А я думал, что они все вымерли.

— Что ты о них знаешь, королевич? — спросил Павел.

— Самое древнее и самое зловредное племя, обладали уникальными магическими способностями, но и не менее уникальной тягой к власти. Почему-то исчезли с земли на заре развития. У нас маленьких детей пугали водниками, если они не хотели спать, — быстро проговорил Крохм.

— Но Кан же говорил, что они помогали всем расам в начале их развития. Теперь я понимаю, зачем он это рассказывал, и как втерся в доверие к Корню, — Павел потер виски.

— Малыш, я тебе еще и не такое могу рассказать — фантазия у меня бурная! — Кан залился заливистым смехом.

— Вот мы и встретились, малыш, — улыбнулась Зара беззубым ртом, — вот мы и встретились. Ну как я тебе? Теперь не будешь лезть целоваться? Не печалься, малыш, не ты первый попался на эту удочку. Гарион, так получилось, что ему открывали секреты лучей без моего присутствия, а выпытать у Павла о них не удалось даже нашему Кану.

Затем она хлопнула в ладони и ее лошадь, до этого мирно жующая траву, съежилась и уменьшилась в размерах. Я не верил своим глазам, на ее месте сидела и отплевывалась от травы облезлая кошка с замашками пантеры, добрая и светлая Занисса. Не скажу, что сильно по ней скучал, но все-таки она мне пожелала доброго пути, так что у меня к ней осталось-таки чувство благодарности. «Привет! Как дела?» — спросил я у нее глазами. «Виделись, сам все знаешь» — также глазами она мне ответила и тяжко вздохнула. Понимаю, так получилось и она не

выбирала хозяев, как впрочем и я. Превращение лошади в кошку напомнило мне тот день, когда я стал медведем. А также напомнило почему-то Кристана. Эх, он так и не успел рассказать о том, почему стал конем.

— Ну да, не зря же ты меня вела по таким дорогам, где находились нуждающиеся в помощи, а там уж спасенные, в качестве благодарности, просто обязаны были помочь слепому щенку. Вашей троице цены бы не было, если бы вы вздумали выступать на шахматных турнирах, или финансовые пирамиды строить, — горько усмехнулся Павел.

— Спасибо за комплимент, конечно, но лучше отдай амулет по-доброму, да спокойно отправляйся домой. Тебе не должно быть дела до этого мира, мы уж тут как-нибудь сами разберемся, — человек в желтом балахоне затянул старую песню, но с новыми припевами.

А почему с новыми? Да потому что в его руке возникла плеть, состоящая из переплетенных молний. Молнии извивались, ни секунды не находясь в состоянии покоя, они как змеи переползали с места на место, переходили друг в друга и снова разъединялись. В воздухе явственно запахло озоном, шипение и потрескивание наводили на грустные мысли, может быть поэтому находящиеся рядом с плетью решили податься на один шаг назад. Да и наши союзники невольно отступили подальше от контролируемого проявления стихии.

Таким образом, из общей массы выделились два человека, Павел и Гарион. Они стояли друг напротив друга, оба напряженные и вытянутые как струны, со странным оружием в руках. У одного извивалась плеть из молний, у другого пылал в руках огненный меч.

— Это и есть способность второго луча? — спросил Павел, — Очень полезная штука в хозяйстве.

— Ты прав, мой мальчик! Ну а первый луч перенесет тебя домой, если ты согласишься отдать амулет по доброй воле, — неприятно усмехнулся Гарион. — Все равно людская раса будет уничтожена! Не получилось через Кирии, выйдет по-другому.

— За что же ты так не любишь человечество? И почему выбрали именно меня для поиска значений лучей? Как будто других людей вам было мало, — спокойно поинтересовался Павел.

— За что же вас любить, человечество? — зло сплюнул Гарио., - Ты не знаешь, но водники вывели людей как своих рабов. До этого водники, эльфы, орки и гномы жили душа в душу. Однако вы, неблагодарные скоты, подняли восстание и уничтожили своих создателей. Остались только мы: два брата и

сестра — мы поклялись тогда приложить все усилия для мести. Но люди такие существа, которым вовсе не нужно мстить, через какое-то время они бы уничтожили сами себя. Вот, например, в твоем мире осталось немного времени до этого события, так что оставайся с нами и правь здесь. Нет? Ну и напрасно! Как ты думаешь — почему начались Столетние войны? Не знаешь? Ну да, ты же не местный. Так вот, тогда орками руководил я (Зимор гневно зарычал, глядя, как Гарион обернулся зеленокожим великаном, а потом вернулся обратно в старца), гномов направлял Кан (тот картинно раскланялся и принял образ Крохма), и догадайся, кто командовал эльфами (Зара радостно ощерилась остатками зубов и превратилась в очаровательную маленькую эльфийку, а потом обратно). Ваш мир на грани полного вымирания из-за жадности и жестокости людей. Поэтому не стоит ждать, пока человечество испоганит прекрасную землю, лучше самим выжечь каленым железом эту скверну.

— Так это из-за вас началась резня? — ахнул Мириэль, — А наши старцы рассказывали, что это люди напали на нас.

— Это лестное высказывание, маленький летун. Если бы не этот неизвестно откуда появившийся Корень, всё бы у нас сложилось как нельзя лучше. Мы уничтожили бы людей, и отошли от дел, так как к вам нет ни каких претензий. Вы лучшее, что есть на этой земле, вы оберегаете природу, вместо того, чтобы систематически ее уничтожать. Однако появился великий Корень, спутал все карты своим энтузиазмом и все-таки вывел людей из зоны вымирания. Создав амулет, он перевернул все магические потоки на этой земле, и мы потеряли большую часть своих способностей. Для возвращения утраченного нам просто необходимо было узнать функции лучей и только тогда можно уничтожить амулет. Кан сумел втереться в доверие Корня, и узнать о нескольких лучах. Тогда моего брата называли Железер Молния. Но этого было мало, а пробовать без остального знания мы не могли. Когда мы подослали вора к Корню и тот попробовал воспользоваться амулетом…

— Ага, а в Вечном лесу появился Брысь! — прыснула Зара-Татина.

— Корень поставил его на охрану и дал способность быть в разных местах одновременно, ну да это личность известная и я не буду о нем рассказывать. Те же людишки, которые по моему приказу крутили лучи, превращались в то, что вы встретили в подземельях гномов. А заставить раскрыться другие расы мы не могли, почему-то они испытывали к нам подсознательное недоверие и не открывали тайны лучей. Тогда-то я и обратился к звездам, а они указали на тебя, как на единственно возможного

открывателя тайн амулета. Вот потому-то ты и здесь, расскажи же про амулет, и я тебя перенесу обратно в твой мир, где ты будешь вспоминать происшедшее лишь как увлекательный сон. Не жалей этих людей, они давно уже погрязли в пороках и грязи, и очищение от них лишь благо, которое ты можешь принести угнетенным древним расам, — Гарион раскланялся в сторону Зимора, Мириэля, Крохма и его гномов.

— Никогда!!! Опять поработив людей, ты двинешь их на эти самые древние расы, чтобы безраздельно властвовать над всеми. Прекрасное было войско из беспрекословно подчиняющихся марионеток, готовых выполнить любое приказание?!! Но твоим планам не суждено сбыться и я не отдам тебе амулет просто так! — Павел снова поднял меч к плечу.

— Тогда ты умрешь, раб!!! — Гарион яростно щелкнул своей плетью.

Тут чертиком из табакерки вынырнул Кан, с извечной сумкой в руках. Он достал оттуда зеленый мешочек и высыпал на ладонь кучу черных горошин.

— Ну что, Павел, не надумал еще отдавать амулет по-доброму? Нет? Ну, тогда вини только себя! — после этих слов Кан бросил горошины на землю.

Горошины зашевелились и расползлись в стороны, а потом и вовсе спрятались в землю. Наша сторона молча наблюдала за этими действиями, не в силах предугадать — какая подлянка вылезет из этих горошин.

— Кан, нам три месяца ждать урожая, или как-нибудь побыстрее управимся? — крикнул Крохм, остальные заулыбались на эту шутку.

Не успели смешки еще утихнуть, как из земли полезли черные побеги. Каким-то образом они образовали круг, заключив нас внутри него. С каждой секундой длинные листья вырастали вверх все выше и выше, и вскоре достигли высоты пяти метров.

Гномы метнулись к стеблям черных растений и попытались разрубить их топорами, орк кинулся им помогать. Вместе они начали активно махать оружием, чтобы остановить или замедлить рост растений, но оружие лишь скользило по стеблям, не оставляя даже царапин на них. Растения же в ответ на их поползновения начали переплетаться между собой и перерастать из одного в другое. Между стеблями в просветы была видна ехидная рожа Кана, удовлетворенно потирающего руки, и равнодушные лица Зары и Гариона.

— Павел, тебе вряд ли что-то будет, а вот твоим друзьям придется несладко. Особенно сейчас! — крикнул Гарион. От стеблей отошли в стороны острые шипы длиной с мой хвост. —

Останови это безумие! Скажи, что готов нам помогать, и я остановлю истребление лишних человечков.

Павел ничего не ответил и продолжал упорно бить по утолщающемуся массиву растений. Но даже черточки не появилось на черных стенках, а шипы и не думали гнуться или ломаться. Я тоже попытался помочь окружению, и продрать окно когтями — такое чувство, словно поскреб по мраморным столбикам перил лестницы в царском дворце. А между тем стенки растения поднялись ещё выше и соединились друг с другом, не оставив даже щели для дыхания. Мне сразу же вспомнились черные горошины в мешочке, только теперь на их месте в мешочке были мы.

Нас поглотила полная темнота, и в этой темноте звучали удары по стенкам. Пашкин меч давал небольшое освещение, однако он им постоянно бил и другие люди тоже беспрестанно двигались, пытаясь выбраться из захлопнувшейся ловушки. Из-за всего этого по стенкам метались причудливые тени взбесившихся чудовищ.

Неожиданно наше узилище начало сжиматься. Стены, утыканные торчащими в разные стороны шипами, устремились навстречу друг другу, словно две черепашки, разлученные в детстве, а теперь вновь обретшие родню. Даже в этих потемках виден ужас на лицах людей, которые сбились в центре и смотрели на подползающую смерть. Я сразу забрался к Павлу на плечо, чтобы не быть растоптанным в панике.

Все стояли не в силах что-либо сделать, некоторые продолжали бить в стены, не надеясь пробить, а лишь для того, чтобы не находиться в бездействии. Да эльф носился понизу, у самой черты приближающихся стенок дьявольских растений.

То тут, то там шипы впивались в тела людей, раздавались крики боли и отчаяния. Седовласый человек пытался отвести от себя неумолимо приближающееся жало, или податься назад, но предел сжатия был достигнут, и оставалось лишь дергаться на месте, чувствовать как в него проникает безжалостное острие. Крики боли заполнили нашу камеру смерти, они звучали душераздирающе и заглушали все звуки, но я смог услышать отчаянный писк эльфа и повернулся к нему.

— Нужно бить здесь! Если хотите выжить — бейте в это место! Павел, Зимор, сюда!!! — Мириэль показывал на пузырящийся выступ на каменно стебле растения, который он постоянно посыпал каким-то белым порошком.

Я моментально передал его слова Павлу и начал корректировать его удары, один из которых чуть не унес жизнь маленького летуна. Потом Павел все-таки вспомнил о даре

ночного видения, и по каменному мешку прокатилась небольшая волна холода. Правда люди не обратили на это внимания, в последние минуты жизни они яростно сопротивлялись сдвигающимся стенам.

Павел тремя мощными попаданиями по выступу заставил-таки стенку сдать свои позиции, по твердой поверхности зазмеилась трещина. В наш мешок хлынул свежий воздух. Павел продолжал долбить по гнойнику, и тот взорвался, разбрызгав в стороны коричневую дурно пахнущую жидкость. И Павел, облитый с ног до головы, стал очень похож на прокисшую котлету. Он мой друг и поэтому я не могу сказать, на что именно он стал похож.

Однако каменное растение начало раздвигать свои стены и убирать свои шипы из ран стонущих или потерявших сознание людей. Отодвинувшись на пару метров, растение потрескалось окончательно и рассыпалось с сухим каменным стуком, оставив после себя черепки с шипами.

— О, как, вы все же смогли выбраться? Молодцы! — Кан не скрывал своего удивления. — До вас еще никто не выбирался из моей давилки.

Противоположная сторона смотрела с интересом на наше появление из необычного растения. Четверть наших людей оказались не в состоянии дальше продолжать борьбу, даже если бы очень захотели. То тут то там капли крови сочились сквозь прижатые пальцы.

— Это давилка, — пояснил эльф, устроившись у Пашки на другом плече от меня. — Своего рода мухоловка, сжимается на жертве и так переваривает. Я два раза попадал в такие, только они были в десятки раз меньше. И если знаешь, где посыпать солью, а потом бить, то быстро освободишься. А такое огромное растения я вижу впервые.

— Да, маленький плут, это мое усовершенствование — не зря же столько лет вожусь с растениями, — захихикал Кан. — Еще в запасе есть несколько трюков, но пока предоставлю очередь нашей младшей сестре. Действуй, Зара!

— Гарион, это же наше дело! Давай разберемся один на один! — закричал Павел, окинув взглядом сомкнувшиеся за спиной ряды людей, гномов и одного орка. Все были измотаны, но сдаваться не собирались. — Если ты победишь, то я отдам амулет и расскажу об особенностях лучей, а если удача будет на моей стороне, то ты уйдешь в сторону навсегда. Все равно твоя карта полностью бита, и даже убив нас, ты ничего не сможешь исправить. Все люди свободны и никогда больше не будут так покорны.

Пока Павел толкал свою речь, старая Зара подозвала к себе Заниссу и вырвала из шерсти несколько волосков. Меня аж передернуло — это же так больно, но Занисса стерпела и даже не моргнула. Так вот она почему такая облезлая: если часто выдирать волоски, то и вовсе можно лысой остаться.

«Тяжело тебе приходится!» — посочувствовал я ей. «Привыкла уже, другие хозяева и вовсе убить пытались» — ответила она мне. А Зара тем временем направилась к реке и зачерпнула целую пригоршню грязного ила.

— Ну, неужели ты сможешь отказать в небольшом удовольствии той, с которой провел бок о бок столько дней? — заговорил Гарион, отвлекая внимание от действий Зары. — Сейчас она покажет свое небольшое умение, на радость и потеху окружающим. А потом посмотрим, сколько вас останется и что с вами делать.

В это время у всех стражников на груди вспыхнули мешочки, раздались одновременные взрывы и они отлетели на несколько шагов назад. Придти в себя они смогли лишь вечером.

— Кристан все же довел свое дело до конца. Кирии окончательно уничтожены! Гарион, сложи оружие, ты всё потерял!!!

— Не так скоро, мой мальчик, сперва мы разделаемся с вами, а потом начнем всё с начала. У нас впереди вечность, так что мы не торопимся, — Гарион сплюнул перед собой.

Зара размяла в руках и начала делать комочки из ила и песка, в каждый комочек она вложила несколько шерстинок Заниссы. Потом поднесла к губам шесть получившихся комочков, что-то пошептала и плюнула на каждый. Павел не выдержал и кинулся к ней, чтобы выбить эту гадость из старческих рук. На пути у Пашки моментально возникли оставшиеся десять бойцов в черном, и он врубился в них, как шар врубается в стоящие кегли. Страйка не получилось, но двое упали и больше не поднимались, хотя и шевелили конечностями. Остальные же не подпустили Павла к Заре, вновь замелькали мечи и тени, вновь началась свистопляска смерти.

Зара испуганно посмотрела на разворачивающуюся в нескольких шагах битву и сразу метнула в нашу сторону свои комочки. Павел успел в грандиозном прыжке отбить пять из них, и они улетели в бегущие волны реки. А один почти долетел до нас и упал на землю.

Я подошел понюхать его как он тут же начал расти, увеличиваясь на глазах в один большой ком. Зимор ударил по нему плашмя секирой, пытаясь отправить его вслед за другими в воду, но он не сдвинулся с места. Да и в воде что-то забурлило,

выпуская на поверхность большие мутные пузыри. Мы на всякий случай отодвинулись подальше от этой растущей фигни.

Павел же продолжал сражаться с тенями, но битва была недолгой. Уставшие и побитые бойцы в черных латах вскоре были раскиданы по всей поляне с разными степенями повреждения.

— Не так уж хороши твои бойцы, братишка, — хохотнул Кан, Гарион зло цыкнул на него.

Назревающий ком раскрылся как цветок, только вместо очаровательного соцветия в полный рост поднялся величественный лев. Он был похож на Елагинских львов, такой же пышущий силой и мощью. Только те из мрамора, а этот был сотворен из земли, и на месте зубов и когтей блестели отполированные временем корешки. Не хотелось проверять их остроту на себе… ну очень не хотелось. Там, где должна распускаться грива, росли заостренные перья осоки, уже знакомые мне своей беспринципностью и остротой. Пробовали — знаем. Глаза же блестели как два камушка, поворачиваясь и обозревая свое окружение. Затем он открыл пасть и издал громовой рык, заставивший всех отшатнуться.

Из воды выходили его подобия, но то были пародии на нашего льва. Словно их слепили из пластилина и оставили на жарком солнце. Грязь стекала с них, уносила плоть и осоку, даже камушки, заменяющие глаза, вскоре выпали, вслед за оторвавшимися когтями и впечатляющего размера зубками. С каждым шагом раздавалось хлюпание и шмякание, какое раздается при стирании в ручную на старой ребристой доске. После четырех шагов их лапы подогнулись, и они всей массой рухнули на землю, вызвав небольшое землетрясение. Пять куч мелко дрожащей грязи осталось от некогда грозных созданий.

Зара что-то злобно прошипела и погрозила Павлу сухоньким кулачком. Тот не замечал ее поползновений, как зачарованный стоя в нескольких метрах от потягивающегося и расправляющего свои члены здоровенного льва. Крупные капли пота катились по его лбу, слипшиеся волосы лезли в глаза, руки отчетливо дрожали от усталости.

— Убей их! Убей всех! Первого убей мальчишку! — визгливо прокричала Зара. Гарион снисходительно усмехнулся на ее излияния. Да-а, растрепавшаяся и раскрасневшаяся она была мало похожа на ту милую старушку, которая так по-доброму напутствовала нас в начале путешествия.

Лев вперил свои камешки в Павла и прыгнул без предупреждения. Павел инстинктивно пригнулся, но успел совладать с собой и ударить вверх мечом.

Длинный язык пламени пропорол брюхо летящего льва,

однако длинная рана затянулась еще до того как лев мягко приземлился на свои лапы. Он даже немного подрос во время полета. Лев оказался как раз перед орком, и тот не задумываясь, рубанул огромной секирой ровно посередине его башки. Секира развалила голову надвое и застряла там, не причинив земляному чудовищу ни малейшего ущерба, поскольку лев мотнул головой, вырывая секиру из рук Зимора, и ударил в ответ. От этого удара орк покатился по земле, но тут же вскочил, придерживая правый бок и рыча не хуже льва. А тот не торопясь ударил лапой по секире, вырвал её из головы и повернулся к Павлу, выделив его как главную цель. И снова лев вырос на несколько сантиметров.

Гномы, оттолкнулись от земли и подлетели в воздух как мячики, затем обрушились на земляное чудовище. Крохм оказался на загривке и начал пластать по голове льва, на которой быстро затягивалась рана от секиры. Спутники Крохма тоже принялись за дело, обтесывая тело по бокам, словно бревно для постройки. Но пласты земли, отрезанные от чудища падали на землю и тут же впитывались в нее, вырастая снова на голове и боках. Похоже, что льву надоели копошащиеся на его теле блохи, и он несколькими ударами хвоста сбил всех троих на землю.

Крохм полетел вверх тормашками, но не выпустил топора из рук, и, поднявшись, снова кинулся ко льву, который медленно шел к Павлу, увеличиваясь и подрастая на глазах. Чем больше его колотили, тем выше и здоровее он становился, увеличившись в полтора раза против своего первоначального размера. Зимор тоже подхватил валяющуюся на земле секиру и кинулся на чудовище. Увернувшись от хлещущего по бокам хвоста, он удачным ударом отрубил львиную красу и откинул ее в сторону. Затем начал бить по задним лапам, отсекая и откидывая в стороны крупные комья земли. Крохм же в это время колотил по передним, готовый в любое мгновение отскочить в сторону.

Но все усилия пропали втуне — лапы снова отрастали, словно хвост у ящерицы. Кстати о хвосте — никто не заметил, что откинутый в сторону хвост упал кончиком в воду. Вот этого-то кончика я и не досчитался, когда хвост у льва снова вырос. Об этом я незамедлительно сообщил Павлу. Он кинул взгляд на невозмутимо приближающегося льва, затем на кучки грязи, оставшиеся от его сородичей по слюне, и громко скомандовал:

— Поливайте его водой, он тоже развалится, как и остальные!!!

Бывшие узники тут же рванули к воде, но плеть Гариона, просвистев в воздухе и издав щелкающий звук, ударила в грудь самого резвого. Человек, перекувырнувшись в воздухе несколько раз, ударился о сосну и около часа не подавал признаков жизни.

Остальные остановились как вкопанные, не торопясь разделить его участь. А Гарион вальяжно подошел к берегу реки и остановился там, поигрывая своей молнией.

Павел кинул туда взгляд и понял, что воды ему не дождаться, как умирающему от жажды в пустыне. А лев в это время решил покончить с копошащимися около его ног противниками. Он уже вырос вдвое, и по всей видимости не собирался останавливаться. Как только он поднял лапу, чтобы приласкать надоедливого гнома, Павел тут же прыгнул на него, в полете поворачивая луч на амулете.

На остолбеневшего льва обрушился целый водопад кристально чистой воды, даже небольшая радуга взвилась над осокой. Лев оглушающее взревел, сразу же забыв о гномах. Он начал метаться вправо и влево, кататься по земле, стараясь сбить поглощающую его воду, но та стекала с его боков вместе с грязью и снова устремлялась вверх. Земляное чудовище вертелось на месте, рычало, кидалось на разбегающихся людей, но тем не менее таяло на глазах. Все это продолжалось недолго, вскоре еще одна земляная куча украсила нашу милую полянку.

Зара снова позвала Заниссу, но та сделала вид, что ужасно занята пролетевшей птичкой и умчалась в лес.

«Спасибо тебе, моя кошечка!» — крикнул я вслед. «Спасибо не смыкает зубы на загривке! Готовься к оплате, мой котик!» — мурлыкнула она в ответ. Ну чего не сделаешь ради друзей?

Павел встал над кучей грязи, которая совсем недавно была устрашающим львом. Его руки ходили ходуном от усталости, ноги подгибались, а взгляд стал блуждающим, словно он опять хлебнул из бутылки остатки отцовского гуляния. «Ты как, Павел? Еще один враг остался, сможешь выдержать?» — спросил я его, пока гномы, очухавшиеся после ударов льва, натирали его лечебной мазью. «А у меня есть выбор?» — устало передал он в ответ.

Да, выбора действительно не было, поскольку Гарион начал приближаться к нам, волоча по земле свой потрескивающий кнут. Несколько отчаянных храбрецов из числа бывших узников Башни Безмолвия заслонили своей грудью тяжело дышащего Павла. Напрасно, несколько ударов кнута очистили путь.

— Отойдите все, это наши разборки! — прохрипел Павел и оттолкнул союзников прочь, встав перед приближающимся волшебником в полный рост.

— Отдай амулет, мальчишка, и проваливай прочь! Ты и так испортил мне все, что можно. Отдай амулет!!! — грозно прорычал Гарион, остановившись почти вплотную к моему другу.

— Зачем же тогда его давали? Если сами могли справиться и

без него? Кроме Ростии, вам все люди были подвластны, так этого мало и хотелось обладать еще и знанием других рас? — Павел выводил Гариона на разговор, чтобы выиграть хотя бы немного времени для отдыха.

— Я все тебе сказал, не хочу опять начинать этот разговор! Расскажи об амулете, отправляйся домой и дай этому миру свободу! В твоем мире люди избавились от нелюдей и теперь активно избавляются друг от друга, я не хочу этой участи для своей земли! — окончательно выйдя из себя, воскликнул Гарион.

Павел оглянулся на бывших узников, на грязные лица, на израненные тела и порванные одежды. Те молча смотрели на него, но их глаза были красноречивее многочасовых философских диспутов.

— Ты знаешь мой ответ. Уйди и дай жить другим так, как они хотят! — Павел смотрел прямо в глаза сдвинувшего брови старца. Еще несколько секунд они прожигали взглядами друг друга, прежде чем Гарион тяжко вздохнул и занес руку с пощелкивающим кнутом над собой.

Павел моментально отпрянул в сторону и в его руке возник пылающий меч. Все, кто находился в этот момент на пляже, отпрянули в стороны, не желая попасть под горячую руку, или меч, или кнут. Я тоже отпрыгнул за кустик, в надежде на то, что он примет на себя случайные удары.

«Пашка, если что я тут! Гони его сюда, я ему всю морду расцарапаю!»

Гарион резко опустил руку, и кнут, оставив синий росчерк в воздухе, обмотался вокруг подставленного Пашкой меча. Несколько мгновений они стояли так, сцепленные между собой потрескивающей молнией, прежде чем Гарион потянул ее к себе. Павел не собирался отпускать кнут и напротив, начал тянуть его на себя. Старый маг зло дернул рукой, в попытке освободить кнут, или же Павла от меча, и тут Павел оттолкнулся от земли и взвился высоко в воздух. Перелетая через Гариона, успел съездить волшебнику пяткой по уху, что вряд ли придало тому хорошего настроения. Затем Павел мягко опустился на ноги за спиной мага и, не глядя, ткнул назад освободившимся мечом.

У Гариона, вероятно, глаза были еще и на затылке, поскольку он отпрыгнул в сторону с невероятным проворством, делающим честь его преклонным сединам. И уже в прыжке развернувшись, он ударил в ответ по Пашкиным ногам. Мой друг тоже не лыком шит, и, не тратя время на разворот, нырком ушел вперед. Перекатившись через голову, Павел снова встал в боевую стойку, только уже без позерства и лишнего хвастовства. Меч в руках, пылающее острие неотрывно смотрит на противника, голова

слегка втянута в плечи, а ноги напружинены, готовые прыгнуть вперед или отскочить назад. Хотя губы подергиваются, то ли хотят что-то сказать, то ли плюнуть на старца с шевелящейся бородой.

А старец моргнул два раза и пропал из виду, только синяя полоса рванулась в Пашкином направлении. Павел устремился навстречу. Раздался небольшой хлопок, когда они встретились. Два шара, один синий, другой ярко-красный завертелись на центре пляжа. Воздух наполнился свистом и шипением. Мой глаз не воспринимал их движения, изредка улавливая секундные остановки.

Вот Гарион душит Павла, их оружие лежит на земле, секунда и снова завертелись два шара. Вот Павел лупцует Гариона по лицу левой рукой, а правой держит меч, на котором опять обвился кнут. Вот Гарион сидит верхом на Павлу и быстренько сует ему в глаз сухоньким кулачком, и опять пропадают из виду. Вот Павел пытается убрать ногу от кусающего его за пятку Гариона, а другой старается попасть ему по голове.

В целом их битва продолжалась не более минуты, в течение которой окружающие напряженно следили за двумя сверкающими шарами. Кан даже опять начал покрикивать, поддерживая своего брата. Хотя было бы удивительным, если бы он начал болеть за Павла. Занисса тоже следила за поединком немигающим взглядом, спрятавшись под деревом, в нескольких шагах от меня.

И тут из шаров вылетел кнут, сплетенный из шевелящейся молнии, а следом за ним на землю рухнул Гарион, зажимающий рану на груди. Горящий шар остановился, пред нашими глазами возник стоящий на коленях Павел. Он никак не мог раздышаться и жадно хватал ртом воздух. Почерневшая левая рука безжизненно свисала, но правая все еще держала меч, её отчетливо била крупная дрожь.

— И это всё на что ты был способен? Зачем же я бегал от тебя все это время? Нужно было сразу надавать по ушам, да домой вернуться, — прохрипел Павел срывающимся голосом.

К Гариону кинулись Зара и Кан, причем последний что-то сунул в рот и активно заработал челюстями. Гарион откинулся на подставленные руки и пытался что-то сказать, но сил на это уже не хватало. Он закрыл глаза и уронил руку, зажимавшую рану.

— Мальчишка! Щенок! Ну, сейчас ты потанцуешь!!! — прокричал Кан, выплюнув на ладонь какую-то синюю кашицу.

— Нет, Кан, это опасно!!! — пыталась оттолкнуть его руку Зара, но он уже приложил кашицу к ране Гариона.

Несколько секунд ничего не происходило, затем по телу

старого мага пробежала судорога, и он распахнул глаза. Видимо в них полопались капилляры, поскольку такие красные глаза я видел лишь у соседского быка Федьки, когда мальчишки попытались сыграть с ним в корриду. Мальчишкам тогда повезло, и взрослые успели отогнать быка от двоих упавших. После этого вся ватага долго еще не выходила на улицу, и еще дольше не могла спокойно сидеть, все время ерзали и предпочитали стоять на ногах.

От Гариона отбежали в разные стороны Зара и Кан. А маг в это время вскочил и сломя голову кинулся на ближайший объект, который только увидел. Этим объектом оказалась сосна, и на нее обрушился такой град ударов, что щепки полетели в разные стороны, и вскоре она рухнула на землю, едва не придавив своей массой отпрыгнувших гномов.

— Берсерк-трава, очень редкая и крайне противная вещь, — быстро проговорил оркский шаман. — Раньше под ее воздействием наши воины одерживали сокрушительные победы. Существо, в кровь которого поступил сок этой травы, не чувствует боли и кидается на все что видит.

— Как с ним бороться? — спросил Павел, поднимаясь с колен и не отрывая взгляда от беснующегося Гариона.

— Только убивать, иначе не остановится и будет крушить все, что видит, пока сам не умрет от истощения сил, — Зимор покрепче перехватил древко секиры.

Гарион увидел валяющийся на траве кнут из молний и кинулся к нему. Подхватив кнут в руки, он раскрутил его над головой и бросился к Павлу. Старый маг громко рычал, и ни на кого больше не обращал внимания, его целью стал мой друг.

Павел отбил первые два удара, и попытался атаковать сам, но куда там — Гарион нападал беспрерывно. Зимор тоже вмешался в битву, пытаясь нанести хотя бы пару ударов, однако Гарион лишь обрадовался возникновению нового врага, активно заработал на два фронта. Вскоре орк отлетел в сторону с рассеченным лицом, его ученик радостно взвыл из-за ствола клена. Шаман же поднялся и нетвердой походкой снова двинулся к сражающимся. Гномы тоже подскочили и начали охаживать Гариона с двух сторон, но тот вертелся как уж на сковородке и не давал себя даже коснуться, отвечал мощными выпадами. После нескольких ударов в руках у гномов остались лишь древки топоров, перерубленные кнутом Гариона. Они бросились к валяющимся на земле мечам лежащих без сознания стражников, но не успели.

Павел отбивал удары кнута мечом, стараясь приблизиться к магу поближе, но тот не давал этого сделать, удлинял и укорачивал свое оружие. Тут мой друг упал на одно колено, ноги

подвели от усталости… Гариона занес над Пашкой свой разящий кнут, отбив в сторону еле поднятый меч. И в этот момент словно кто-то всесильный замедлил время, и я отчетливо увидел, как кнут медленно опускается… Как бегут гномы, заносят над головой мечи… Как улыбается выглядывающий из-за дерева Кан. Как начинают расплываться улыбки на лицах остальных врагов… Как хватаются за головы бывшие узники, не в силах ничем помочь… И как летит секира, вклиниваясь между Гарионом и Пашкой.

Зимор успел подставить ее и блокировать удар, который должен был раскроить голову моего друга. Кнут обвился вокруг благородного металла и в мгновение ока расплавил его. Вся масса раскаленной стали обрушилась на зажмуренное Пашкино лицо, тот лишь успел взмахнуть рукой.

Мой мозг взорвался от крика боли, который он издал. Павел упал на землю и стал по ней кататься, ничего не понимая, даже не в силах кричать вслух. Но его мысли били в мою голову, разрывали ее криками. Я пытался докричаться до него, чтобы он повернул луч, но все было бесполезно. Павел бился, вертелся из стороны в сторону, руками сбрасывал с лица капли металла. Пополз отвратительный запах паленой плоти и сожженных волос.

Гномы подлетели к Павлу и принялись сбивать пламя с одежды, стараясь удержать моего друга на земле. Бросали на лицо грязь, оставшуюся ото львов, вынули свои склянки с лечебной мазью и остановились, не зная, что мазать, затем просто стали порывать ею все, на что упали капли. Получилось сорвать раскаленный металл со рта и Павел начал кричать уже в голос, его дикие крики подняли всех птиц в лесу. Он все еще метался, но гномы и подоспевшие узники держали крепко, не давая вырваться.

Гарион лежал неподалеку с пламенным мечом в груди. Он уже не дышал, только красные глаза стеклянно смотрели в голубое небо. Последний Пашкин взмах рукой сделал свое дело и могущественного мага больше не существовало. Его тело начало съеживаться и опадать, а из одежды полилась черная и тягучая вода. Вскоре на его месте остался валяться огненный меч и тлеющий от его жара желтый балахон. Рядом извивался шипящий и потрескивающий кнут.

Павел уже не метался, лишь тихо стонал. Гномы отнесли его подальше от врагов и смачивали лицо намоченными тряпками. Я подошел к нему и ткнулся головой в ладонь, он инстинктивно сжал шерсть на моем загривке. «Больно, Кешка! До чего же больно!» — прозвучали его мысли, и он провалился в беспамятство.

Краем глаза я уловил движение с противоположной стороны пляжа — к лежащим мечу и кнуту подкрадывался Кан. Отчаянным мяуканьем я заставил всех обратить внимание на данный факт и над желтым балахоном встали соратники, уставшие, избитые и раненные, но готовые биться до конца.

— А ну на колени, негодяи!!! И может быть, я вас прощу!!! — прокричал Кан, но никто не сдвинулся с места. Зимор же зарычал и двинулся к отшельнику.

— Да я вас сейчас всех… — договорить Кану не дал ловко запущенный комок грязи.

— Без Гариона вы ничто, уходите отсюда, и да смилостивятся над вами боги, если мы встретимся еще раз!! — прорычал орк.

— Отдай нам одежду брата, это единственная память, — сказала старая Зара, пока Кан отплевывался и прочищал рот.

— Это трофей Павла. И только он вправе ей распоряжаться! Проваливайте прочь, и своих прихлебателей заберите, — ответил Крохм, вставая рядом с людьми и недвусмысленно поигрывая мечом.

— Мы еще встретимся, скоты! — проговорил Стохм. Когда же Крохм двинулся в его направлении, то он первым подал пример каким должно быть быстрое отступление. Только пятки засверкали и кусты затрещали, когда противники ломанулись сквозь них. Кан и Зара с сожалением посмотрели на оставшийся на земле балахон и отвернулись, скрываясь вслед за отступившими слугами.

Глава 13

Проклятия и обоюдные упреки вскоре стихли, на земле остались лежать стражники, пребывающие в бессознательном состоянии и люди в черных латах. Когда же один из узников откинул в сторону забрало шлема одного из них, то на свет появилась заросшая грубой шерстью морда полупса-получеловека.

— Так вот что Гарион творил в своих лабораториях, и вот почему они так быстро двигались, — задумчиво произнес бывший узник.

— Ага, а неудачные эксперименты до сих пор еще бегают под землей, и на поверхности тоже встречаются, — сообщил Зимор.

— Кешка-а — еле слышно простонал очнувшийся Павел. Все повернулись к нему, а я тут же подлетел и потерся о руку: «Я здесь, Пашка! Все уже закончилось. Поверни луч на амулете и тебе будет легче!» — его рука начала шарить по груди.

На его лицо страшно смотреть, оно застыло металлической маской, в открытых местах алело живое мясо. Каким-то чудом остались нетронутыми глаза и теперь веки трепетали, пытаясь открыться, но боль не давала этого сделать.

Наконец Павел нащупал амулет, и я помог ему с определением нужного луча. Он повернул синий луч и затих, снова потеряв сознание.

— Тут неподалеку есть деревенька, давайте отнесем его туда. Необходимый покой и отдых будет обеспечен, — сказал один из людей.

— Надо бы его унести в наши подземелья, там быстро поставят на ноги, — смачивая Пашкину кожу по краям маски, пробурчал Крохм.

— Скорее мы дойдем до нашего поселения, там Зимор призовет всех духов, а крысиный бульон, сваренный нашими женщинами, поднял не одного тяжело раненного орка! — высказался Зимор.

— Да пока вы его донесете, он успеет пять раз скончаться. Лучше я долечу до наших, и мы принесем все нужные отвары и травы! — внес свою лепту эльф.

Я снова потерся о Пашкину руку, позвал, но в ответ была тишина. Над ним спорили представители разных рас, в этот момент они готовы были сделать все возможное, лишь бы Павел встал на ноги. Общая забота скрепила таких разных и таких одинаковых существ. В ходе препираний так и не выяснилось — кому выпадет честь принять его у себя, было решено пока

оставить здесь. Только его перенесли на кучу папоротника, который нарвали и сложили неподалеку. Гномы продолжали смазывать его лицо своей мазью, остальные же занялись перевязкой друг друга, так как невредимых не было. Я сидел возле моего поверженного друга, ждал, когда он очнется и время от времени мысленно взывал к нему.

Еще полчаса Павел не откликался. Он лежал навзничь, тяжело дышал. Я старался не допускать мысли, что он может не придти в себя. Наконец Павел все-таки очнулся и на этот раз смог открыть глаза.

— Кешка, ты здесь? Подожди немножко, еще немного и я буду в порядке. Эй, народ! Не нужно никуда меня тащить, я скоро встану. Лучше принесите лучи от амулета. Они, скорее всего, в балахоне Гариона. А кстати, где он сам? — слабо проговорил Павел.

Все наперебой кинулись объяснять, куда и как подевался Гарион, затем рассказали о бегстве его приспешников. И лишь по прошествии какого-то времени принесли два недостающих луча, добытых из кармана балахона.

— Со мной все будет в порядке, я немного полежу и тогда встану, — Пашкин голос прозвучал уже увереннее.

Павел потрогал остывший металл на лице, попробовал подцепить пальцем, закрыл глаза от накатившего приступа боли и оставил это занятие. «Ну как ты?» — протиснувшись между ног обступившего его народа, спросил я. «Бывало и лучше, Кешка» — хмыкнул он, и погладил меня. Вот же мужчина! Хотя и боль колотила, но скрывал и не показывал этого.

Движение его руки все встретили радостными криками, даже от избытка чувств кинулись обнимать друг друга. Эльф летал от одного к другому и целовал всех в нос без разбору. Забавно все-таки наблюдать за проявлением их радости: то на орка накидываются вдвоем и обнимают, то гнома поднимают в воздух, то присаживаются от дружеского хлопка по плечу.

Наконец страсти слегка улеглись и все снова столпились у лежащего Пашки. Гномы его бережно подняли и прислонили спиной к большому дубу. Павел вертел в руках лучи, думая как бы их присобачить к амулету. Приставляя и так и этак, он понял, на каком месте какой должен быть луч, но как сделать так, чтобы они держались? Он бы еще долго ломал голову, как без клея заставить их соединиться с амулетом, но тут запасливые гномы пришли на выручку. Вынув из-за воротников иглы, они размотали нитки и подошли к горящему мечу. Раскалив на его пламени иглы, они вставили их в лучи и соединили с амулетом. Белый и оранжевый лучи встали на места, как будто и не ломались.

Работа заняла полчаса, и солнце начало краснеть на закате. Однако висевший на Пашкиной шее амулет был полностью собран. Или по крайней мере мы так думали…

Павел к тому времени смог нормально двигаться, но пока не рисковал подниматься. Он повертел в руках амулет и потом поднял глаза на обступивший его народ. Все еще находясь в боевом состоянии орков, с мощными руками, вылезающими из разорванной и грязной безрукавки, в изодранных джинсах и сбитых кроссовках, с приставшей железной маской, из-под которой выбивались взъерошенные и частью обгоревшие волосы, во всем этом облике он был так мало похож на того Павла, которого я знал. Скорее он напоминал Терминатора после жестокой схватки. Маска, обильно смазанная мазью гномов, ярко блестела в лучах заходящего солнца, отбрасывала на траву слепящие зайчики. Все молчали, понимая, что вскоре мы отправимся домой и, возможно, уже никогда не увидимся.

— Ты очень сильно торопишься, Павел? Может, задержишься на недельку в недрах Ледяных гор? Отпразднуем победу, ты расскажешь больше о своем мире… Кстати, я уже не сомневаюсь, кто там является главнокомандующим, — открыто улыбнулся Крохм. Павел моргнул ему в ответ.

— А почему это у вас? В Вечном лесу есть такая очаровательная поляна, что глаз не сможешь отвести и сердце не сразу успокоишь в груди. Так мы на ней можем такой праздник закатить, что он станет самым ярким событием в твоей жизни. Представь себе накрытые столы под сенью вековых дубов и прекрасное пение наших дев… — Мириэлю не дал закончить орк, накрыл порхающего эльфа широкой ладонью.

— Под бой наших боевых барабанов ноги сами пускаются в пляс, а уж слава о настойке, которую готовит жена Зимора, гремит по всем горам. Так что нечего и думать — сразу идем к Зимору, — прогудел орк. — А несогласные получат в лоб, — добавил он, оглядывая остальных исподлобья.

— Да ты еще ничего толком в нашем королевстве и не видел, — не обратив внимания на грозно смотрящего орка, произнес один из узников. — Айда в столицу, там, на волне победы накостыляем псам-рыцарям и свергнем Стима. А уж потом такую пирушку закатим, что о ней еще будут слагать легенды.

Опять все заспорили, перекрикивая друг друга, и пытаясь доказать, что у них самые лучшие и красивые места на свете, причем орк всем показывал внушительного размера кулак — в качестве самого главного аргумента. А я просто потерся о Пашкину руку и заглянул ему в глаза, он все понял без слов и без ненужных мыслей.

— Друзья мои, я рад бы остаться, посмотреть новые места и отпраздновать у каждого в гостях, но дома меня ждут родители. Заклятье ведь спало со смертью Гариона, и они, скорее всего, уже ищут меня. Я смотаюсь к ним, успокою, расскажу какую-нибудь небылицу о происшедшем и через некоторое время с помощью этого амулета вернусь к вам. Вот тогда мы погуляем! — Павел с помощью Зимора поднялся на ноги и распахнул объятия. — Ну, а пока давайте простимся. Спасибо вам за оказанную помощь, без вас я ни за что бы не справился. В ответ прозвучали слова, что это он сделал основную работу, а остальные так — патроны подносили да на подхвате были. Не плакали — все же мужчины, но глаза у иных поблескивали. Обнимались, похлопывали по плечам и клялись в вечной дружбе и верности, хотя мне кажется, в верности клянутся самочкам, ну да ладно, чего не наговоришь от избытка чувств. Процедура прощания заняла минут двадцать, и солнце почти скрылось за горизонтом, когда вдалеке раздался конский топот.

— Кого еще там несет? — пряча глаза, нарочито грубо спросил Крохм, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Сейчас увидим, — проговорил Павел. — Может еще кто хочет в гости пригласить, но на всякий случай подайте мне меч, пожалуйста.

Меч принес на древке сломанной секиры Зимор и подал Павлу, стараясь не касаться обжигающего пламени. Но меч не понадобился — на поляну вылетел и удивленно заржал взмыленный Бегунок. Увидев знакомые лица, немного успокоился, а потом, вычленив по одежде Павла, подошел к нему и, вытаращил глаза, уставившись на его металлическое лицо. —.

Я это, Бегунок, я! Не пугайся — так получилось, — Павел поднял руку и коснулся морды похрапывающего коня.

Тот склонил голову так, что Пашкина рука оказалась на буйной челке. Павел потрепал его по жестким волосам и Бегунок, вскинув голову, оглушительно заржал.

— Да, дружище, я тоже буду скучать по тебе, — Павел оторвался от дерева и упал на шею Бегунка, обнимая и прижимаясь к нему. Меня даже завидки взяли от такой картины. Конь же положил голову на Пашкино плечо, шумно вздохнул, и, осторожно перебирая копытами, снова приставил моего друга к дереву.

— Эх, жаль не увижу Кристана, все же хороший он мужик! Увидите его — передавайте привет, — сказал Павел, еще раз окидывая взглядом собравшихся.

— Обязательно передам, — заверил Крохм, — Как только наши дорожки пересекутся — до зеленых бесов напою

отменнейшим элем.

— Ну, все, вроде попрощались. Пора, друзья мои, пора. Кешка, прыгай на руки, будем экспериментировать. — Павел посмотрел на меня.

«Паш, а может ты как-нибудь поаккуратнее и без меня? Вдруг ты превратишься в какую-либо фигню, увешанную зубами и когтями, а тут и я на руках болтаюсь как редкий деликатес. Может, ты попробуешь сам, а потом и за мной вернешься?» — ну не доверяю я этой магии, не доверяю и все тут.

«Кешка, ну Гарион же рассказал об обеих функциях лучей, вот и попробуем обе. Не бзди — прорвемся!» — Павел попытался растянуть губы в улыбке, охнул и бросил затею так меня ободрить.

Я вскочил ему на руки, он кинул прощальный взгляд на толпящийся народ и повернул луч, успев прокричать:

— Бывайте здоровы! Скоро свидимся!

И ничего не произошло, хотя и нанесло холодом, а немного поодаль раздался негромкий хлопок. Обернувшиеся обнаружили, что змеящийся и шевелящийся кнут из молний появился из ниоткуда. Снова налетел холодок и кнут пропал.

«Ну вот, теперь ты все свойства амулета знаешь. Верти нужный и поехали домой, а то меня соседский кот заждался! Да и подружки уже успели соскучиться!» — я нетерпеливо толкнул в грудь Павла.

Бегунок опять протяжно заржал, а Зимор, подняв вверх здоровую руку, громко прокричал:

— Па-вел!

— Для своих — Паштет! — Павел тоже победно вскинул руку.

Крохм его поддержал, а вскоре казалось, что вся поляна скандировала:

— Паш-тет! Паш-тет!! Паш-тет!!!

Под это дружное скандирование Павел повернул нужный луч, нас накрыла волна холода и знакомая темнота. Когда-то давно это уже было и вот повторилось вновь…

Темнота отступила, и я с удивлением обнаружил себя сидящим на той же самой злополучной поляне у реки. Я не поверил глазам и протер их лапами, однако противная поляна никуда и думала исчезать. Мало того — на ней не оказалось никакого следа от человеческого присутствия. Не было ничего напоминающего того, что здесь недавно творилось. Не было куч грязи, оставшихся ото львов, не было людей, не было гномов, не было зеленокожего орка и трепещущего крылышками эльфа. Не было ничего… кроме пляжа, прекрасного в сумеречном свете луны. Но это не главное — на этой девственно чистой поляне не

было моего друга Пашки. Как же так? Почему? Я с отчаянным мяуканием заметался из стороны в сторону. Проснувшиеся птицы таращили сверху блестящие бусинки глаз, глядели, как я медленно схожу с ума. Даже муравьиная куча была на месте и тот самый сук, на котором я скрывался, но не было Пашки!!!

Ободрав пару молодых дубков и нахватав полные когти коры, я съежился посреди поляны и тихо замяукал. Я казался себе таким одиноким и брошенным посреди всех огромных деревьев и мрачных кустов. Даже когда я не видел Павла по неделям, особенно в марте, то все равно знал, что когда я вернусь, то он будет дома. Веселый и ласковый, слегка хвастливый и очень смешной. А теперь я сижу посреди пляжа и думаю — или сразу утопиться, или немного потрепыхаться и сгинуть в зубах какого-нибудь лесного зверя. Нет, это были не пессимистические настроения, а вполне оправданная реальность. Ну как выжить домашнему коту в условиях дикого леса?

«Эх, Павел, Павел, и на кого же ты меня оставил? Как же я теперь один-то?» — подумал я горестно. «Да не один ты, Кешка! Наконец-то появился!!! Ты где сейчас?» — прозвучал знакомый голос в моей голове, я даже подскочил от удивления. «Как где? Там же, где ты меня полчаса назад оставил! Сижу посреди пляжа, ноготком картины рисую, а ты где? Почему я тебя не вижу?» — послал я свою мысль в ответ, обрадованный тем, что зря боялся, и друг мой не оставил меня в этом гостеприимном мире.

«Это для тебя полчаса прошло, а для меня не одна жизнь пролетела. Сиди на месте, я просто ошибся пляжами! Уже бегу к тебе!» — ответил Павел. «То есть как — ошибся пляжем? Тебя просто на другой пляж перенесло? И что значит — не одна жизнь прошла?» — недоумевающее спросил я, оглядываясь по сторонам в поисках Пашки. Однако его нигде не было видно, лишь в голове прозвучал веселый и задорный голос: «Эх, Кешка, скоро я тебя обниму и все расскажу, подожди немного. Сейчас же мне нужно сосредоточиться на том, чтобы не упасть, прыгая по этим канавам».

В течении следующих пятнадцати минут доносились его мысли типа: «Как же я долго ждал тебя!» или такие: «Кто же тут деревья набросал, фиг пройдешь!», но чаще прилетали такие: «Ну вот, опять навернулся, а уж изгваздался-то как!».

Я сидел, как и было наказано посреди пляжа и слушал, как вдалеке сквозь кусты пробирается самый близкий мой человек. От всего пережитого и от избытка чувств, ноги не держали меня, я не мог сдвинуться с места. На меня как будто напал паралич, как тогда, при первой встрече с Гарионом.

Вскоре шаркающий шум шагов приблизился и из кустов

вылез какой-то высокий человек в сером балахоне, с капюшоном на голове. Из-под этого капюшона вылезала совершенно белая борода, остальное же лицо было скрыто. Дрожащими руками этот человек опирался об отполированный и поблескивающий в лунном свете посох. Этот старик мало напоминал моего лучшего друга. Я хотел было испуганно дернуть от него, но не смог сдвинуться с места.

Старик в капюшоне приблизился, а внезапно налетевший ветерок сдернул с его головы капюшон. Вот тогда я понял, что такое настоящий ужас!!! Моя шерсть встала дыбом при виде его лица, а хребет до того выгнуло дугой, что я чуть не сложился пополам, как перочинный ножик. На лице старика не было ни единого живого места, всё покрыто язвами и рубцами, страшные раны наползали один на другой, кое-где сочился желтый гной, и блестело обнаженное живое мясо. Чудовище из самого кошмарного сна смотрело на меня карими, живыми глазами, а я не мог пошевелиться. Беспомощность и ужас сводили с ума, но все что я смог сделать — лишь тонко мяукнуть. У вас хотя бы раз был такой кошмар: злой персонаж сна неумолимо приближался к вам, а вы бессильны были убежать, и безысходность вперемешку с тоской наполняют каждую клеточку вашего тела? Если такой сон хотя бы раз у вас был, то вы поймете мое состояние.

— Я так и думал, что ты меня не узнаешь, потому и навел чары недвижимости. Не волнуйся, скоро я их сниму, — скрипучим голосом, от которого мурашки не просто бегали, а мчались с бешеной скоростью по всему телу туда-обратно, произнес страшный старик.

Я начал было отчаянно дергаться из стороны в сторону, но даже не смог моргнуть, осталось только жалобно замяукать.

«Кешка, успокойся — это же я!» — прозвучал в голове Пашкин голос. Ничего себе заявочки, недавно он был молодым, а теперь передо мной стоял старик на последнем издыхании.

«Ты??? Ты, э-э-э, немного преобразился! Каким-то страшилищем стал!» — все-таки вырвалась мысль, как не пытался ее удержать.

— Эх, Кешка, держи рыбеху — сам ловил! Помню, что в тот день мы только позавтракать успели, — с этими словами страшный старик протянул мне рыбу. — Пока ты ешь, я расскажу что произошло.

В какой день? Только же сегодня все произошло. И тут я снова обрел подвижность. Хотел было дернуть прочь от этого несимпатичного человека, но что-то удержало на месте. И не только жирный карась! Нет, что-то знакомое было в этих карих глазах, точь-в-точь такими же на меня смотрел Павел. Да и голос

в голове был немаловажным фактором.

— Ты помнишь, что я повернул луч и пропал? — спросил Павел, пока я примерялся, с какого бока есть рыбу. Хотя какой теперь это Павел — скорее Павел Семенович.

«Не только ты пропал, но и все остальные, даже следа не осталось» — я начал с левого бока.

— Так вот, друг мой Кешка, не удивляйся и не офигевай от услышанного! Я не смог попасть домой, а попал в этот же мир, но только на сто лет раньше. Вот с тех пор и ждал тебя, — старый человек с изуродованным лицом сел на лежащий неподалеку ствол поваленного дерева и устало свесил руки.

«А обратно ты не мог вернуться пораньше? И мне помнится, у тебя застыла тогда стальная маска. Ты все-таки смог от нее избавиться?» — спросил я, аппетитно причмокивая и урча.

— Когда я повернул луч, то оказался на этом же месте… и никого рядом. И на мне не было амулета. Зато я приобрел поистине уникальные возможности, могу читать любые мысли, быстро перемещаться, и в голове рождались разные заклинания. Научился понимать звездное небо, оно-то мне и подсказало, как я могу вернуться назад. Вернуться я мог только с тобой, но переместиться во времени я не мог — не получалось. Тогда-то я и решил повторить путь Корня, все равно заняться было нечем, пока ждал тебя. Маска на лице была, по другим параметрам я тоже подходил, а его самого не было и в помине. Долго искал, но никто не мог что-либо внятное сказать о нем, его просто не было. Была только война.

— Это Столетняя война? — я уплетал уже за обе щеки, войдя во вкус.

— Да, но я смог примирить тогда все племена, именно примирить, а не выдвинуть людей на первое место. Пришлось, конечно, создать Кирии, но после завершения войны сам же их и уничтожил. Учел и уже не совершал ошибок Корня, и всё потому, что я знал врагов в лицо и не приближал ни одного из них к себе. У меня даже получилось заманить всех троих в ловушку и усыпить зачарованным сном, как-нибудь расскажу об этом. Но не смог я их убить — рука не поднималась, — сообщил мне великовозрастный Павел.

«Ага, а Гариона кто недавно замочил? Причем так, что он растекся по земле!» — усмехнулся я.

— Тогда я взмахнул рукой от боли, моей целью было обезоружить его и заставить признать поражение. Наивно, но в тот момент я думал, что он отдаст мне лучи и уйдет своей дорогой. Не получилось, — Павел вздохнул. — Мои возможности и знания стали настолько велики, что пришлось снова создать

амулет и вложить в него часть силы, иначе я мог по неосторожности натворить кучу дел, как хороших, так и плохих. А эта безделушка сдерживала меня и напоминала, что ты где-то меня ждешь.

«Ты переделал реальность, а что стало с другими? Или они этого не знают?» — задал я давно уже щекочущий вопрос.

— У всех дела идут хорошо. Я видел и Зимора, и Крохма, и Кристана и остальных, но они меня не узнали — реальность и в самом деле изменилась. Кстати, Кристан здорово тогда придумал с превращением в Бегунка. Пока мы с ним летели по туннелям, он успел рассказать о своей задумке — только при прикосновении лбов коня и человека, они менялись телами. Рассказал, что Корень сначала удивился такому желанию, но как видишь — оно принесло свои плоды. Потому-то и не мог Гарион сломить Кристана, ведь он захватил в плен коня, а не человека.

«То-то мне иногда казалась странной реакция Бегунка!» — мысленно хихикнул я.

— Когда водники были нейтрализованы, война сама собой не закончилась, но я приложил все свои дипломатические усилия, да и амулет здорово помогал урегулировать конфликты. Теперь же люди, орки, эльфы и гномы живут на этой земле в мире и согласии — я сумел задавить в зародыше расовую неприязнь. И мы можем спокойно отправляться обратно. Я изготовил амулет для того, чтобы попасть к тебе, но время сильнее колдовства, дружище!

«Павел, получается ты и был Корнем? А до этого другой Павел, а может, до него еще были?» — от таких мыслей у меня слегка закружилась голова.

— Все может быть, Кешка. В этом мире колдовства и магии и не такое возможно. Маску я снял недавно, прежде чем отправиться за тобой. В этом мы с Корнем схожи, помнишь — он тоже незаметно пропал. — Павел улыбнулся, и под глазом у него лопнул гнойник, на изуродованную щеку выплеснулась порция желтого гноя.

«А как ты предстанешь в таком виде перед родителями? Ты же старше их в два раза!» — я подошел и потерся о Пашкину руку. Он в ответ погладил меня по голове, из груди невольно вырвалось урчание. Я только сейчас понял, кого только что не лишился…

— Кешка, я многому научился за это время — мы вернемся в то же место такими же, как были. Единственно, что я тогда потеряю многие свои способности, но это ничто по сравнению с возвращением домой. Если хочешь, я сотру твою память о происшедшем, чтобы приключения не снились по ночам, — Павел

почесал меня за ухом, и капелька слюны сама вырвалась из моей пасти.

«Да ни за какие котлеты!!! Даже не смей!!! Это самое яркое приключение за всю мою жизнь, а ты хочешь его удалить! Нет, я хочу все помнить, может, даже расскажу своим подружкам!» — я даже подпрыгнул от возмущения.

Павел рассмеялся на это, подхватил меня на руки и несколько раз подбросил. Не могу сказать, что это мне очень понравилось.

— Хорошо, тогда отправляемся! Не могу с собой взять амулет — он слишком опасен для обоих миров. Прыгай ко мне на плечо, и поплывем на середину реки, там я и поверну луч. Амулет распадется со временем, а до водолазов тут долго не додумаются. Не могу никому его доверить — очень большой соблазн поруководить. Поэтому поступим так! Прыгай и держись крепче! — Павел закинул меня на плечо, довольно оскалился и пошел в сторону воды. По реке струилась серебряная лунная дорожке в окружении глянцево-черной воды.

Вода приняла нас как родных, словно только и ждала нашего погружения. Мы поплыли по лунной дорожке, рассекая ее пополам и пуская лунные отблески в разные стороны. Мы начали повторять путь плота, и невольно подкралась мыслишка — не жахнет ли нас заклятье Гариона. Я крепко прижимался к Павлу, держал нос на поверхности и изредка отфыркивался, когда вода накрывала меня с головой.

Я оглянулся через плечо на удаляющийся берег, и что-то вроде грусти слегка коснулось моей души. Увижу ли я эту землю еще раз или нет — неизвестно, но память о ней навсегда останется со мной. Павел тоже оборачивался, и в его глазах я видел какую-то тягучую тоску. Оно и понятно — прожить столько времени здесь и не печалиться о расставании.

Мой друг перестал взмахивать руками и остановился, удерживаясь на волнах. Он еще раз посмотрел на темную полоску вдалеке и достал с груди амулет, вынув его из прорези балахона. Потом он повернул свое обезображенное лицо ко мне и ободряюще подмигнул, затем повернул луч на амулете.

Последнее, что я увидел — блеск луны на поверхности амулета. С него на меня смотрело мое собственное отражение, высеченное из камня. Павел действительно скучал по мне…

Глава 14

— Ну и где вас носит? Пошли в туалет и оба пропали. Павел, может ты курил? А ну, дыхни! — великолепный голос Маргариты Павловны я не спутаю ни с каким другим, хотя и прошла, казалось, целая вечность.

Я открыл глаза и обнаружил себя на Пашкиных руках. На руках молодого, полного сил и нерастраченной энергии Пашки!!! В новеньком джинсовом костюмчике, прилизанный и опрятный, он опустил меня на лавку к сумкам.

— Мама, там была очередь, вот и пришлось ждать. Да не курил я, не обнюхивай. Мы честно в туалет ходили, — Павел невинно улыбнулся Маргарите Павловне.

Поезд двигался и за окном мелькал зеленый лес, изредка перемежающийся просеками и каланчами телеграфных столбов. В купе не было Кана-Железера, не пахло лошадьми и степью, лишь витал запах нагретого дерматина, пластмассы и немного солидола. Моя семья спокойно ехала отдыхать, будто ничего и не было. Я даже спрыгнул на пол и выглянул в коридор — не шествует ли там дядька в желтом балахоне, и чуть не поплатился за это, Павел как раз закрывал дверь и едва не прищемил мне голову.

«Эй, Павел, смотреть же нужно, что делаешь!» — воскликнул я в ответ на его небрежное ко мне отношение.

А эта бесчувственная личность, даже не заметила моих движений, подошла к своей сумке и начала там копаться. Скоро в его руках оказалась ручная игровая приставка «Sony».

«Павел! Эй, ты чего? Прикалываешься, что ли? Давай заканчивай!!!» — я смотрел во все глаза на играющего Павла.

— Мам, а дай Кешке чего-нибудь поесть, а то он так жалостливо на меня смотрит, — оторвался «великий Корень» от своей игрушки.

— Да и я бы поесть не отказался, на кого мне жалостливо посмотреть? — Семен Алексеевич кокетливо подтолкнул жену в бочок.

— Ну что ж, Семен, достань тогда из сумки. Да не из этой, из зеленой, ага! Бегом мыть руки, а я пока накрою! — скомандовала Маргарита Павловна, и мужчины потопали по коридору в сторону уборной, а я остался смотреть за приготовлениями.

Когда же они вернулись, на столе лежали две упитанные курицы, вареные картошка и яйца, зелень и минералка — стандартный набор путешествующего поездом. Мне досталась куриная ножка с румяной корочкой и застывшими каплями жира.

С ним я и спрыгнул на пол, а когда оторвал кусок и почувствовал, как по всему телу разливается волна неги и удовольствия, то мой взгляд упал под Пашкину полку. Я чуть не подавился корочкой и закашлялся — у самой стенки лежал кинжал с рукояткой в виде змеи кусающей шар. Она наблюдала за мной полными ярости рубиновыми глазками, и ее взгляд не предвещал ничего хорошего.

Я зажмурился, и вновь открыл глаза — кинжала не было. Показалось, наверно. Мой взгляд перехватил Павел, улыбнулся и ободряюще подмигнул.

— Под такой обед неплохо бы и пропустить по маленькой? — закинул удочку Семен Алексеевич. — Что-о? Опять? Вот сейчас… — кулак вознесся над взъерошенной головой. — Мама, перестань! Насилие не метод воздействия, можно всегда договориться. Пап, побереги себя, алкоголь убивает мозг и разъедает печень, — спокойный Пашкин голос остановил взмах.

Родители застыли от удивления, даже у меня из пасти выпал кусок курицы.

— Паш, ты это серьезно? — спросила Маргарита Павловна, так и застыв с поднятым кулаком, — Матери указывать?

— Мам, я не указываю. Вы же любите друг друга, зачем же ссориться и ругаться? Папа, отдаю тебе выпавшую по дороге зажигалку. Сам клятвенно заверяю вас, что не буду никогда не пить и не курить. Однако прошу и вас тоже поклясться — никогда не ругаться, какие бы беды не навалились на нас! — Пашкины слова звучали в унисон стучащим колесам, впечатывая каждое слово в головы родителей.

Отец с матерью во все глаза смотрели на сына, который спокойно взял себе краюху хлеба. Таких слов они ожидали от него гораздо меньше, чем прилета танцующих «Цыганочку» инопланетян. Если бы я не прошел с ним такое долгое путешествие, то срочно бы вызвал «Скорую» и нескольких дюжих санитаров с немодной рубашкой.

— Ну, клянусь, — протянул Семен Алексеевич.

— И я клянусь, Пашенька! Никогда больше не повышу голос на вас, родные, — У Маргариты Павловны прокатилась слезинка.

Даже я поклялся, правда, меня никто не понял, но главное что внес свою лепту. Павел взял на руки и подсел к родителям на полку. Семен Алексеевич обнял его с одной стороны, а Маргарита Павловна с другой. Так мы и сидели, слушали стук колес и смотрели за проплывающие за окном пейзажи.

Эпилог

— С этим получилось, ты молодец! — В этот раз я старался, ох крепкий же орешек попался. — Хорошо, не расслабляйся, делаем так и дальше. — Ага, кто следующий? — Видишь, девчоночка кидает камни в собаку? — Девчонка? Думаешь, выдержит? — Главное правильно подвести, забираем обоих. — Хорошо! Итак — начали.

Один из старичков шаркающей походкой двинулся в сторону девочки.